

Призрачная любовь

Глава 1. Новая жизнь

Все совпадения с реальными учреждениями или людьми являются совершенно случайными.

Каждый день обрываются нити,

Стираются лица людей и детали событий.

Течет, изменяясь, земля,

Только небо над ней остается в зените.

"Небо в зените". Северо-Восток.

Она шла вперед с большим трудом. Дождь хлестал в лицо, так что было почти невозможно что-то различить перед собой. Она была уверена, что ей удалось избежать чего-то страшного. Но чего? Этот вопрос заставил ее остановиться. Сознание прояснялось, и место страха занимала мучительная пустота. "Чего?" — билось в висках.

Девушка оглянулась. По тротуару нещадно били капли. Вода падала на землю стеной. Сумерки. На улице было серо и пусто. Это было время, когда вечер еще полностью не перетек в ночь или же... наступало новое утро? Она снова сосредоточилась на мучительном чувстве пустоты, похожем на головную боль. Но ничего не отозвалось. Кто она, как сюда попала? Она сочла удивительным то, как тревожно оказалось остаться без памяти.

Девушка только обратила внимание на то, что на ее плече болталась промокшая сумка. Свободной рукой она ухватилась за молнию. Может быть? тут будет ответ?!

Неожиданно громко скрипнули тормоза. Она стояла на проезжей части — слишком поздно сообразила девушка, и она не успела бы убежать, нога была странно вывернута. Прежде чем она обернулась к тормозящему автомобилю, в ее голове неожиданно ярко вспыхнуло: "Ретроградная амнезия".

Удар был совсем безболезненным, по крайней мере, ей так показалось. Все произошло быстрее вспышки. Перед ней мелькнул красный бампер, затем небо и она осела на асфальт. Судя потому, что она так и осталась около машины, ее почти не зацепило. Не саднили даже ладони, которые она выставила назад, падая. Девушка подтянула их к себе. Грязные, но царапин не видно.

"Амнезия", — все еще крутилось в голове, словно заклинание. Откуда она знает это слово? — эта мысль показалась ей очень важной, словно она была ключом к чему-то большему. Позабывтым паролем, открывавшим дверь к потерянной жизни. Она ощутила почти физическую боль от этой мысли, прежде чем четко различила торопливые шаги.

Это водитель — поняла она, приподнимаясь. Прежде чем он опустил рядом с ней на колени, девушка уже успела ощупать свой живот и грудь. Ничего не болело.

— Эй! — раздалось над ухом куда громче, чем ей хотелось бы.

Он встряхнул ее за плечи, и тогда девушка подняла голову. Это был высокий темноволосый и кареглазый человек лет тридцати. На его лице была написана неподдельная тревога.

— Как ты? — добавил он, встретившись с ней взглядом.

— Нормально, — ответила девушка, аккуратно снимая руку водителя со своего плеча.

— Поднимайся, — произнес он, подставив руку. — Я помогу.

И, в самом деле, помог ей встать. Девушка поняла, что не может распрямить левую ступню, поэтому пришлось прыгать на правой ноге, опершись на попутчика, но было по-прежнему не больно.

— Моя нога... — пробормотала она, глядя на неестественно деформировавшийся сустав.

— Садись, — он указал на стоявшую к ним боком машину, водительская дверь которой была распахнута настежь.

Только сейчас девушка заметила жирные черные полосы, оставшиеся на асфальтированной дороге, и содрогнулась. Только это был не страх, а словно бы призрак страха. Из-за потери памяти она чувствовала себя бесплотной, неживой. Есть ли смысл бояться смерти, когда ты уже...

— Я посмотрю, — сказал водитель, после того как помог ей сесть на сиденье.

Девушка несколько минут глядела на то, как капли дождя стекают по его кожаной куртке, затекают под воротник, прилизывают непослушно топорщащуюся челку. Она протянула руку вперед и разместила свою сумку прямо у него над головой. Ей почему-то с первого взгляда понравился этот врач. Врач?

Эта мысль, казалось бы, прорвалась сквозь глухую стену амнезии. Она точно была из той, настоящей жизни. Ошеломленная своей догадкой, девушка жадно вгляделась в фигуру своего обидчика, но нет, весь его образ, в нем не было ничего знакомого. Беглянка выдохнула. Ну да, она просто догадалась о профессии, потому что его взгляд и движения пальцев, когда он ощупывал ногу, в них были уверенность и точность, присущие лишь профессионалу.

— Нужно в приемный покой, — долетело до нее. — Наверное, сломана лодыжка.

Врач поднял голову, и они снова встретились взглядами.

— При таких травмах обычно от боли воют, — выдохнул он.

Повисла неприятная пауза, во время которой девушка почувствовала себя неудобно. Она словно должна была извиняться за то, что с ней что-то не то. Поэтому ей показалось крайне важным выяснить хоть что-то о себе.

— Вы доктор? — озвучила она.

— Ага, — донеслось ответ. — Работаю тут, в больнице.

Он махнул себе за спину. Дождь чуть поредел, и беглянка сумела прочитать название очередной столичной ГКБ, выведенное коваными буквами над большими железными воротами, с грустью отметив, что оно показалось ей таким же незнакомым, как и все этим утром — рассвело, и теперь было ясно, что начинался новый день.

— Откуда ты только взялась тут в такое время? — озвучил врач, помогая беглянке обойти машину и забраться на пассажирское сидение. — У меня вся жизнь перед глазами пробежала...

— Извините, — она почувствовала, что обязана была повиниться.

Это из-за ее неосторожности они оба сегодня попали в неприятности. Врач внимательно посмотрел ей в глаза, и девушка отметила, что глаза у него были красивые и какие-то необычные.

— Как тебя зовут? — отчего-то вдруг поинтересовался он.

Девушка, уже забравшись на пассажирское сидение, уперлась взглядом в свою искалеченную ногу и на миг задумалась: "Почему она все еще не болит?". Вдруг из глубин памяти явился ответ: такое возможно в состоянии сильного аффекта. Так что же с ней этой ночью случилось?! Девушка еще раз взглянула на ворота больницы — она словно убежала от чего-то жуткого. Этот врач ей плохого не сделает. Не понятно как, но она знала это без слов.

Собеседнику пришлось повторить свой вопрос. Вот настырный! Ей совершенно не хотелось признаваться в своей проблеме.

— Это важно? — пробормотала она.

Врач захлопнул дверь.

— Ну хоть документы с собой? — продолжил он, уже заняв водительское сидение. — Иначе в приемном могут быть проблемы.

Девушка полезла в сумку, врач тем временем продолжал:

— Понадобятся полис и паспорт.

Девушка взглянула на собеседника. Вот так просто избавиться от нее? Он, что не испытывает раскаяния за то, что случилось, хоть это и произошло по общей вине? Не боится ответственности? Вдруг в голове пронеслось что-то отдаленно напоминающее воспоминание. В первый раз ей не показалось! Этот человек точно был связан с ее прошлым! Неправильно будет просто дать ему уйти.

Машину тем временем пропустили на территорию после того как водитель продемонстрировал охране пропуск. Следом автомобиль подкатил к одному из корпусов, который девушке сразу же показался отвратительным. Серое, построенное еще в советские времена здание без толкового ремонта состарилось и обветшало, и сейчас служило разве что грустным напоминанием о прошлом относительно благополучия советского народа, которое было знакомо родителям беглянки. Постсоветское здравоохранение переживало совсем не такие хорошие времена. Призвание и престиж заменили деньги, которых вечно не хватало.

"Откуда такие мысли?" — подумала она, когда врач подхватил ее под руку и помог по пандусу для каталок зайти в корпус.

— Здравствуйте! — бросил ему на входе охранник.

Доктор лишь кивнул и продолжил свой путь, проигнорировав корзину с бахилами у двери, которые были складированы в ней для посетителей.

— Идем, идем, — подбодрил девушку он.

Наконец показался приемный покой — это девушка прочтала на тускло светившейся надписи над входом. Приемник не изменял общему виду здания — он был таким же ветхим и ужасным. По сторонам были расставлены металлические лавки, некоторые из них заняты сонными и грустными больными, похожими на серые тени. У одной из стен стояла каталка, на которой лежал прикрытый белой простыней до шеи пациент, рядом с ним находился штатив для капельницы, по тонкой трубке, заканчивавшейся в вене у пожилого мужчины, из укрепленного на штативе мешка лениво сочилась жидкость. "Он же... не... мертв?" — мелькнуло в голове.

"Почему она только и думает о смерти с утра?" — удивилась девушка, занимая одно из неудобных сидений на эмалированной железной скамейке, к которой подвел ее врач. Она же дышит и чувствует себя хорошо. Очевидно, она жива. Ее взгляд почти против воли обратился к сломанной ноге. "Она-то, без сомнения, живет, но теперь как-то совсем иначе, чем еще вчера", — явилось откуда-то из глубин ее существа.

Тем временем отворилась дверь с выведенной облупившимися синими буквами надписью "Травматолог".

— А... Вить! — донеслось оттуда. — Какими судьбами?

Доктор лишь отмахнулся.

— Да вот, работу тебе нашел.

"Его зовут Виктор", — про себя произнесла беглянка.

Это имя, к ее огорчению, так же ничем не отозвалось в памяти. На взгляд девушки, ее обидчику куда больше подошло бы другое имя. Бывает так, что человек как будто бы не соответствует своему имени. Сейчас у девушки возникло очень отчетливое такое чувство. Причина, быть может, была еще и в том, что он выглядел армянином.

Она думала об этом, пока Виктор не встал перед ней и не вытянул руку.

— Что? — отвлеклась от своих мыслей она.

— Документы, — пояснил врач. — Я схожу, оформлю тебя.

— Ясно, — она уже давно нащупала в сумке что-то по форме напоминавшее паспорт.

Девушка немного помедлила, перед тем как достать документ. Ей было трудно решить, готова ли она вот тут прямо встретиться со своим прошлым. Это было слишком личное, чтобы делать так прямо в приемном покое перед этим малознакомым Виктором, пусть он и казался ей добрым и симпатичным. Взгляд врача был полон нетерпения и девушка, решив, что была виновата перед ним за утреннее происшествие, протянула документы. Кто знает, если б не она, он уже был бы в операционной? Операционной?

Додумывая неожиданную мысль, девушка рассматривала Виктора, уже повернувшегося к ней спиной. Хирург вдруг замешкался. На пол упал вчетверо сложенный лист. Он сел на корточки, поднял и развернул бумагу. Беглянка, не отрываясь, смотрела на хирурга, понимая, что он только что приоткрыл для себя ее прошлое. Девушка сглотнула предательский ком. Что в этом листе? Повестка в суд? Письмо от одинокой брошенной старушки-матери? Положительный анализ на ВИЧ? Беглянка не могла отделаться от становившегося все более тягостным чувства, что в ее прошлом была какая-то чудовищная ошибка, от которой она и бежала сломя голову сегодня утром, невзирая на дождь.

"Свидетельство о смерти", — влетело в голову, когда хирург обернулся к ней. На его лице было написано даже не удивление, он был... ошеломлен. Девушка встала ему навстречу, когда врач двинулся к ней. Шаг, другой, и внутреннее потрясение на его лице сменилось благодушным вниманием. Он ведь, наверное, не раз сообщал больным и их родственникам неприятные новости.

Она совершенно точно знала, что произнесет ее новый знакомый, пока он не начал говорить. "Ты умерла", — этого так и не было озвучено.

— Ты наш новый ординатор! — вот, что она услышала.

Девушка молча опустилась на скамейку, ощущая себя так, словно в последний момент упустила из рук правду, которая была невыразимо близко. Ей просто не хватило ловкости на то, чтобы схватить эту лисицу за хвост!

Постепенно в сознание начали пробиваться другие мысли. Она тоже врач. Поэтому и вспомнила первым делом слова "ретроградная амнезия", поэтому Виктор показался ей знакомым. Она наверняка видела его, когда приносила документы в ординатуру. Видела и приемный покой, и он вызвал в ней знакомые неприятные чувства.

Медленно все становилось на свои места. Мир, будто бы после карусели, бешено вращавшийся вокруг нее, начал останавливаться. Очертания прояснились, а с ясностью пришла небольшая доля спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

С ней точно случились неприятности. Упала, ударили по голове... В будущем нужно будет во всем разобраться. Из-за травмы у нее ретроградная амнезия. Отсюда эти странные предчувствия смерти и отсутствие боли. Мозг все еще не может прийти в себя. Возможно, у нее субдуральное кровоизлияние и это всего лишь светлый промежуток, перед тем как развившееся в черепной коробке кровотечение увлечет ее в кому. Она почувствовала, как холодеют руки.

Виктор этим временем опустился рядом и протянул ей листок.

— Все хорошо? — спросил он.

Похоже, она, в самом деле, как-то с ним связана. Тогда настала пора признаться.

— По правде, я ничего о себе не помню с этого утра, — сказала девушка.

Виктор шумно вдохнул.

— Скажите, как меня зовут? — продолжила она, глядя на серую с белой крошкой плитку пола.

Хирург открыл паспорт и зачитал:

— Вознесенская Вера Павловна.

Она кивнула. Значит, она Вера. Опять противным комом в груди встало знакомое чувство, что имя ей не идет. Но имена не выбирают.

— Похоже, кто-то огрел меня по голове, — призналась спутнику Вера, пытаясь заглушить в себе эти появившиеся из ниоткуда откровения. — Я думаю, мне, наверное, стоит пройти КТ. Мало ли там... кровоизлияние. Ну а потом к психиатру, если ничего не изменится.

Виктор молча посмотрел на ее ногу.

— И наложить гипс, — продолжила Вера. — Если там, и правда, как вы думаете перелом.

Хирург встал и на какое-то время задержал руку на ее плече.

— Обследуйся, а я пойду расскажу... про тебя твоему куратору.

Вера посмотрела доктору в глаза.

— Я думаю, мне дадут больничный, — возразила она. — У меня ретроградная амнезия. Зачем кому-либо такой ординатор?

— Судя по тому, что ты говоришь о своих диагнозах, медицину ты помнишь.

Вера пожала плечами.

— Я должна лечиться от потери памяти...

Виктор усмехнулся.

— Хочешь в психушку? — с этими словами он пролистал ее паспорт. — Ты не из Москвы. Отправишься туда и потеряешь общежитие. И что? Потом обратно в твой Тобольск?

Вера почувствовала себя загнанной в ловушку. Может, именно от Тобольска она сегодня утром пыталась сбежать, летела в свой первый день ординатуры в больницу и просто поскользнулась в луже? Это выглядело хорошим объяснением. Успокаивающе-правильным. И все же, оно им не было. Но Вера очень хотела сделать его правдой, не докапываясь до неприятной сути.

— А... что у меня за ординатура? — подала слабый голос она, глядя на хирурга.

Тот развернул бумагу.

— АиР, — долетело до нее.

— А?

— Анестезиология и реаниматология.

Вера на миг замолчала. Она точно знала, что в больнице больше всего не любила реанимацию, откуда как ей всегда казалось, тянуло удушливым запахом смерти. Не жаловала она и анестезиологов, холодной бледной тенью стоявших у изголовья операционного стола. Вера уважала хирургов и любила эстетическую медицину. Знания о профессии появлялись в голове как по волшебству.

Теперь Вера была уверена в том, что, такая как она, не подала бы документы на АиР ни

при каких условиях, если конечно, в тот момент она была в себе.

— Нет, — заявила она. — Лучше в психушку.

Перепоступит на следующий год.

Виктор встал перед ней.

— Мне нужен анестезиолог. Ты никуда не пойдешь, — прозвучало до того ультимативно, что Вера даже вздрогнула.

Он не угрожал, но словно был уверен в том, что она не сможет уйти. Вера почувствовала, как по спине тонкой змейкой вновь ползет предчувствие беды. С ними обоими что-то не так, или наоборот, сегодня с утра из-за этой их встречи что-то сломанное в этой больнице снова прочно встало на место.

Виктор попробовал улыбнуться, смягчая свою реплику.

— Могу понять, как ты сбита с толку, — сказал он. — Но знай, ты нас обоих выручишь, если согласишься.

С этими словами он опустил на колени и взял ее ладони в свои, успокаивая словно ребенка этим жестом.

Вера не хотела сдаваться чувству неизбежности. Не хотела верить, что сегодня с утра попала в переделку и крупно.

— Если уйдешь, — продолжил хирург, отводя взгляд. — Пожалеешь. Я знаю точно. Поверь, иногда... жизнь подсовывает нам очень странные вещи. Но это только потому, что они, в самом деле, нужны нам. Соглашайся. Я без анестезиолога с июня. Дольше так продолжаться не может. Тебя не случайно прислали сюда. Ты можешь отказаться, но... лучше останься с нами.

Вера крепко сжала его руки, чувствуя, как часто забилося ее сердце. "Он точно не врач!" — кровью стучало в сознании. "Не врач в привычном понимании". Ни один хирург не скажет такого малознакомому ординатору. Вера сглотнула комок, не решившись озвучить вопрос о смерти, с утра вертевшийся в голове. Вместо этого она посмотрела на кисти хирурга и в этот миг они показались ей очень красивыми, с тонкими изящными пальцами. Вера представила, как он вяжет ими узлы и в этот миг в ее голове ярко вспыхнуло воспоминание. Студенческий класс и она сама. Акушерский узел. Она хотела стать хирургом! Когда-то очень давно. Грезилась дежурствами. Она видела такие же точно руки, восхищалась точностью движений и остротой ума.

И неожиданно слова Виктора показались ей, в самом деле, важными. Жизнь подсунила ей это, может быть потому, что она отказалась от своей мечты. Вера помнила, что с хирургией у нее было связано какое-то очень серьезное разочарование. Может быть, если она будет рядом с этим хирургом он, наконец, научит ее тому, к чему она сама не осмелилась приблизиться? "Хирургия не для женщин", — звучал в памяти едва различимый хор голосов.

— Хорошо, — согласилась Вера, еще толком не обдумав ничего. — Я буду вашим анестезиологом.

Виктор опустил голову, пытаясь скрыть по-детски счастливую улыбку. "Все-таки он, и вправду, хороший", — подумала Вера, глядя на хирурга. Следом она посмотрела на двери приемного покоя. Еще по-летнему яркое солнце уже взошло, пока они беседовали и теперь, разогнав тучи, нещадно светило снаружи, так что вход, через который скорая доставляла больных, теперь выглядел словно конец темного тоннеля. Вере показалось, что на нее оттуда дохнуло холодом, и она запахла в мокрую кофту. Тот мир, снаружи, был полон ошибок и потому ужасен. Больница вдруг стала островком спокойствия, где она смогла бы, наконец, отдохнуть. Ее накрыло безмятежностью. Вера знала точно: это нужное ей место, которое она долго искала и, наконец, нашла. Она аккуратно забрала свой паспорт у хирурга и спрятала в сумку. Вера не хотела вспоминать.

— Точно не уйдешь? — все еще улыбаясь, встал на ноги Виктор.

Вера отрицательно помотала головой.

— Тогда дай мне пару мгновений. Скоро вернусь, — с этими словами хирург исчез в темном коридоре, в котором уныло мерцала неисправная лампа.

Вера откинулась на железную спинку сидения. Теперь ей некуда было спешить. Все решения были приняты, оставалось ждать последствий. В этот миг дверь кабинета травматолога открылась, и из-за нее показался дородный мужчина. Потертый бейдж, приколотый к застиранной форме, извещал пациентов о том, что по специальности он числился врачом-травматологом ГКБ N.

— Где эта... — обратился врач к залу, озираясь по сторонам.

Вера развела руками, так как не понимала, о ком идет речь.

— Я не вам, доктор, — рассерженно буркнул травматолог. — Была тут какая-то дама со сломанной ногой. Ушла. Странная.

С этими словами травматолог захлопнул дверь.

— У них там в реанимации совсем заняться нечем, похоже, — донеслось из-за двери.

Травматолог, видимо, сообщал это своей медсестре.

— Сидит у меня тут под кабинетом одна. А вот как я зайду в ОРИТ, все им некогда, говорить некогда, ничего некогда! Имитаторы деятельности!

Вера вздохнула. С чего этот мужик взял, что она из реанимации? Ничего не указывало даже на саму ее принадлежность к медицине: ни халата, ни фонендоскопа, ни даже бейджа. Додумать эту мысль она не успела. В коридоре показался Виктор. Хирург катил издававшее виды кресло для перевозки больных. Вскоре он остановил его около Веры, та поднялась и с трудом села.

— Поехали! — заявил Виктор, когда пациентка поставила ноги на подставку.

Хирург вывез ее на улицу, и девушка впервые с утра ощутила себя снова живой. Солнце пригревало. Оно нежно лизало озябшую кожу, и Вера чувствовала себя отлично. Неожиданно стала ныть нога. Вера поморщилась.

— Болит? — угадал ее мысли Виктор.

— Ага, — созналась Вера.

— Это хороший знак, — похвалил хирург, толкая кресло вперед. — Значит, точно остаешься с нами.

Вера подумала, что новый знакомый имел в виду ее психологическое состояние. Видимо, она выходит из аффекта, но глубоко внутри билась мысль о том, что его слова могли иметь и другой смысл.

Когда хирург подкатил кресло к патолого-анатомическому корпусу, у Веры на то, чтобы удивляться не осталось ни возможности, ни сил. Нога болела до зуда в зубах, саднила шея, ныла голова. Лодыжка покраснела и опухла. У нее, черт его подери, точно не одна травма! Едва живая от боли, Вера при помощи врача слезла с кресла, которое хирург установил перед распахнутыми дверями корпуса и пробралась внутрь. Пахнуло формалином, и Вера сощурилась. Знакомый по студенчеству запах теперь вызывал едва ли не рвотные спазмы.

Виктор постучал в одну из дверей и громко крикнул:

— Михаил Петрович, выходите! Срочная работа!

С той стороны послышалась возня.

— Я же говорил, печальна участь того, кто разбудит меня до полудня после дежурства. Ну что ты, Вить? Что такого случилось?

После этого распахнулась дверь. На пороге стоял дородный мужчина, на вид ему можно было дать лет пятьдесят. Накрахмаленный халат обтягивал его округлое брюшко. "Михаил Петрович Пособничий, патологоанатом, д.м.н." — прочитала Вера на его бейдже и удивленно уставилась на врача. Тот ответил внимательным взглядом.

— А-а-а, — наконец протянул он. — Пополнение. Вера, проходи.

Та сглотнула. Откуда он узнал, как ее зовут? С самого начала этот день был похож на сплошную головоломку. Патологоанатом тем временем подхватил Веру под локоток, пользуясь ее замешательством, и вскоре уже усадил в уютное кожаное кресло. Комната, оборудованная за дверью, скорее походила на гостиную, чем на кабинет. "Наверное, какой-нибудь чудаковатый сотрудник кафедры", — попробовала объяснить себе это Вера: "Мы за советом, похоже, к нему. Но патологоанатом? Он же не вскрывать ее будет". Холодок снова пробежал по спине.

— Она пострадала, — объяснил Виктор, закрывая дверь. — Подлечить ее сможешь только ты. А потом, ты знаешь, нам надо в операционную.

Михаил Петрович кивнул и, достав из-под стола низенькую табуретку, поставил ее прямо напротив Веры. Та, услышав последнюю фразу хирурга, выпрямилась так, словно проглотила кол. Тем временем патологоанатом занял табурет. Хирург подпер спиной дверь, и Вера всерьез подумала, что они будут ее прямо тут резать.

— Ну чего ты, — неожиданно улыбнулся Михаил Петрович. — Сбита с толку, да?

Вера кивнула. Было бы глупо это отрицать.

— Я тоже в твои годы такой был. Просто расслабься и наслаждайся новейшими методами лечения, — с этими словами Михаил Петрович схватил своими огромными лапами ее ногу, и Вера не успела заметить, как он уже рассматривал ее ступню, освободив от обуви. — Перелом латеральной лодыжки и вывих ступни, ЗЧМТ и еще кое-что по мелочи. Ну, Вить, ничего себе, где ты ее нашел?

Вера с удивлением чувствовала, как боль в теле утихает. Эти руки. Прикосновения этого врача просто... вымыли ее. Отек лодыжки уменьшался на глазах.

— По правде, она меня порядком напугала, — послышался напряженный голос хирурга. — Подумал, что...

На этом врачи встретились взглядами и, дружно посмотрев на Веру, промолчали.

— Нет, — наконец заявил Михаил Петрович. — Твои опасения, похоже, напрасны. Видишь, вот я ее и исцелил.

Виктор улыбнулся Вере.

— Не важно, — сказал ей он. — Теперь у нас есть анестезиолог. Такое облегчение!

— Кто вы такие? — наконец, решилась озвучить она.

Михаил Петрович пожал плечами, обувая уже совершенно здоровую ногу Веры в ботинок.

— Узнаешь, когда придет время для этого. А пока... просто делай свою работу. Ты же врач?

Вера вздрогнула под пронзительным взглядом голубых глаз и кивнула.

— И, готов поклясться, в медицину ты пришла, чтобы жизни спасать, помогать другим, так?

Вера снова кивнула, хотя и не была уверена.

— Мы все такие, — сказал ей Михаил Петрович. — Сейчас тебе жизнь дала именно то, чего ты хотела, когда становилась на путь служения человеку и человечеству. Это благословение, хоть так сразу и не покажется. Некоторые вот до сих пор не поняли. А теперь иди! Больные не ждут, а наш хирург уже намучился с наркозным аппаратом.

Вечером приходите. Познакомлю тебя с другими.

Вера молча встала и пошла, ничего больше не болело. Виктор услужливо открыл перед ней дверь. И только оказавшись на ступенях патологоанатомического корпуса, снова почувствовав прикосновения солнца к коже и ощутив себя живой, Вера осмелилась задать вопрос, крутившийся в голове:

— Что это было?

Виктор, уже схвативший кресло, энергично толкал его обратно к приемному отделению.

— Что именно? — хирург обернулся к ней через плечо.

— Моя нога, — абсурдность ситуации душила Веру.

— Это единственная странность, по-твоему? — донеслось из-за спины Виктора.

— Нет, — призналась Вера.

— Ты хочешь узнать объяснение прямо сейчас? — Виктор заглянул ей в глаза.

Вера посмотрела на корпус, где вскрывали трупы, и пришла к однозначному мнению:

— Нет.

Они снова зашли в приемное и поднялись на третий этаж на лифте. Там была расположена дежурка, как Виктор объяснил Вере.

Дежурка оказалась небольшим помещением, полным старой разваливающейся мебели. Вера без энтузиазма взглянула на разложенный диван. Она знала, для чего была нужна дежурка — для хирургической бригады, остававшейся на ночь. Тут можно было на часок-другой прикорнуть. Сколько немытых, потных тел падали на эту грязную обивку, чтобы ненадолго сомкнуть глаза до следующего экстренного случая. Вера побрезговала бы здесь спать даже после суточной смены.

Виктор рылся в шкафу.

— Должно быть тут, — донесся из-за деревянной створки голос.

Следом на диван шлепнулся комок серой ткани.

— Что это? — подняла брови Вера.

— Форма, — пояснил ей хирург. — Твоя.

— Я это не надену!

Взгляд Виктора давал понять, что он не потерпит возражений.

Вера двумя пальцами ухватила ткань и брезгливо приподняла. Однако костюм оказался чистым, только что выстиранным, от него приятно тянуло кондиционером для белья.

— Переодевайся, — сказал ей Виктор. — Жду наверху. Ее должны были уже поднять.

— Кого? — не поняла Вера.

— Твоего первого пациента, — объяснил ей хирург, роясь в тумбочке. — Точнее пациентку. Вот!

В Веру полетел фонендоскоп. Она чудом успела поймать в воздухе эластичную резиновую трубку, иначе раструб грозил бы ударить ей прямо в лоб.

— Пригодится, чтобы понять, правильно ли интубировала, — пояснил хирург. — И найди где-нибудь ручку.

Вера вздрогнула при слове "интубировала", однако Виктор уже успел выскочить в коридор, громко хлопнув дверью дежурки. Пререкалась было не с кем. Вздохнув, Вера посмотрела на свое орудие. "Литман" — прочитала она на головке. Ну, хоть на

приличную вещь они не поскупились. Трудно было ожидать щедрости от подобной больницы. Вдруг ее взгляд упал на бирку. "Вера" — было выведено аккуратным почерком.

Не задумываясь над этим, она развернула форму и, с радостью стянув мокрую одежду, облачилась в хирургический костюм. Форма была хоть и не новая, но чистая и глаженная, хранившая тонкий запах чьего-то тела. Вера обычно не любила носить чужие вещи, но в этот раз почему-то не расстроилась. На груди был приколот железный бейдж.

"Вознесенская Вера Павловна. Врач анестезиолог-реаниматолог" — она почти не удивилась, прочитав это.

Вера выпрямилась перед висевшим у двери зеркалом и, завязав резинкой, что нашла в кармане формы свои уже успевшие просохнуть волосы, осталась довольна результатом. Русая, синеглазая, с крупными блестящими локонами и правильными чертами лица, Вера была красива. Она всегда умела этим пользоваться. И сейчас смутно вспоминала, что кокетство не довело ее до добра. В этот раз все будет не так, — пообещала себе Вера, засовывая ноги в белые медицинские сабо, которые стояли у входа. Они идеально сели на ее маленькую ногу. Безусловно, эту обувь тут оставили именно для нее.

Вера дождалась лифта и поехала на нем вверх. Еще во время своего путешествия в дежурку на панели управления она прочитала, что оперблок на последнем, пятом этаже корпуса.

Распахнулись двери лифта, и Вера почувствовала неприятный холодок. До этого момента ее согревало чувство, твердившее, что все правильно, но оно все равно ничего не могло поделать с проблемами, которые возвращались в сознание даже сквозь пелену амнезии.

Вера долго стояла на пороге предоперационной, потому что трусила. В голове билась мысль "Я не справлюсь". И если бы ее в этом состоянии не застал Виктор, она, быть может, и вовсе бы ушла. Хирург появился вовремя и, оценив ее взглядом, кивнул. Он улыбнулся. Вера это почувствовала, хоть и не смогла увидеть — лицо напарника было скрыто маской. Виктор уже надел стерильный халат.

— Завяжи, — попросил он, повернувшись к Вере спиной, и та протянула к нему руки, чтобы затянуть несколько завязок на спине.

Когда дело было сделано, хирург отправился к умывальнику, а Вера заглянула в операционную. Там лежала накрытая простыней пациентка и... больше никого. Вера знала, что если хирурги оперируют в одиночку то это малые вмешательства, вроде вскрытия подкожного гнойника и в таких случаях в анестезиологе нет надобности, потому, что они способны сами обойтись вколом обезболивающего.

Операционная бригада обычно состоит из хирурга и пары его ассистентов, операционного медбрата или сестры. Место у головы больного занимают анестезиолог и анестезистка.

— Ну чего стоишь? Пошли! — отвлек ее голос Виктора.

Вера неуверенно прошагала в операционную за хирургом.

— Больше не будет никого? — спросила она, оглядываясь.

— Нас двоих достаточно, — кивнул ей хирург.

— Правда?

— Маска, — подсказал ей Виктор, покосившись на лоток с медицинскими принадлежностями. — И бахилы.

Вера последовала его указаниям, не закончив, впрочем, удивляться:

— А кто будет подавать инструменты, раздвигать края раны?

— Ты, если понадобится, — сказал Виктор. — Ну, или я сам. В любом случае, здесь стерильность не так уж и важна.

— Серьезно?

Какой-то бред, а не медицина!

— Скоро ты сама все поймешь, — вздохнул хирург. — Давай я расскажу, как дают наркоз. Готов поспорить, ты мало что в этом понимаешь.

Вера взглянула на пациентку. Не хотела бы она услышать что-то подобное от своей бригады перед операцией. Но та лежала смирно, накрытая простыней.

Виктор прошагал к наркозному аппарату и щелкнул тумблером, расположенным на подножке.

— Вот так, запоминай.

Машина ожила. Вера с ужасом покосилась на эту тумбочку, зашумевшую своими внутренними моторами. Только в страшном сне она могла представить себе, что станет анестезиологом. Виктор внимательно взглянул на нее, и Вера поняла, что уже довольно долго бессмысленно пялится в голубой монитор, на котором развернулось диалоговое окно.

— Знаешь, это довольно важная профессия, хоть никто ее, по сути, и не ценит, — вдруг произнес хирург. — Ты... забираешь боль. Даешь силы пережить то, что иначе вытерпеть невозможно. Я ничего не смог бы сделать без анестезиолога, какими бы искусными ни были бы мои руки.

Вера против воли улыбнулась и аккуратно тронула аппарат, словно заключая с ним своеобразный договор не вредить друг другу.

— Если захочешь, то сделаешься тут доброй феей, как прошлая Вера Павловна.

Вера рывком подняла голову и тут пациентка распахнула глаза. Виктор заметил это и погладил больную по плечу.

— Все будет хорошо, — сказал он и взглянул на Веру. — Делай все так, как я говорю и справимся быстро.

Следом хирург указал на стерильную простынку, расстеленную на железном столике для инструментов, стоявшем около пациентки. Вера разглядела несколько шприцов, ларингоскоп, интубационную трубку и тяжело вздохнула.

— Сначала индукция, — продолжил инструктировать Виктор, а девушка поймала себя на мысли, что это было чертовски странно, что хирург учит ее давать наркоз.

— Но раз я ординатор, — перебила она. — Разве тут не должно быть другого анестезиолога? Более опытного...

Виктор тяжело вздохнул, и устало прикрыл глаза, затем он заговорил, спокойно, медленно, так, словно объяснял ребенку.

— Другого нет.

— Но там же внизу целая реанимация! — не выдержала Вера. — Кто угодно из них куда чаще меня давал наркоз!

Страх ответственности накалил ее нервы до предела. Сейчас бы она с огромным удовольствием спряталась бы за чью-нибудь широкую спину.

Виктор смотрел с сочувствием, и Вера остановилась.

— Такого как нужно мне. Там. Нет, — еще медленнее произнес он. — Принимайся за дело, а то, в самом деле, допросишься, и мне придется искать кого-то другого.

В словах Виктора была угроза, которая напугала Веру. Девушка безотчетно схватилась за шприцы. Тот, что побольше, содержал белое вещество.

— Пропофол, — взглянув на него, сказал хирург.

— Снотворное, — озвучила Вера мелькнувшую в голове мысль.

Виктор кивнул.

— После фентанила, — взглядом он указал на другой шприц. — Дозы рассчитаны. Сегодня это сделал я. Завтра сама, ладно?

— Да, — ответила Вера, чувствуя себя неумехой.

Затем она посмотрела на периферический внутривенный катетер, торчавший у пациентки из руки, и тяжело вздохнула. То, что ей предстояло сделать, было куда хуже этого чувства. Она бы никогда раньше за такое не взялась! Вера почувствовала, что отступила где-то там, в оставленной за дверями больницы жизни. И вот теперь судьба притащила ее в операционную для того, чтобы она сумела преодолеть разъедавший ее страх неудачи.

— Давай, — едва слышно произнес Виктор.

Тогда Вера ввела фентанил, отстраненно задумавшись о том, что эта наркота сгубила, должно быть, не одну жизнь. Но сейчас она творила добро, отключая в мозгу ноцицептивные пути — пути боли. Вера взяла в руки пропофол. "Ведь если я ошибусь, никто не простит меня", — мелькнуло в голове. Белая тягучая жидкость скользнула в катетер. Вера знала, что именно в это время пациенты обычно начинают считать. Она просто смотрела в глаза девушке. В самом деле, она не сумела бы добраться до пяти, как пациентку унесло в сон.

Виктор подошел сзади и протянул Вере маску. Хирург уже успел запустить наркозный аппарат. Теперь он подавал в дыхательный контур смесь, богатую кислородом. В прозрачной колбе раздувался мех, из маски едва слышно доносился звук вытекающего газа.

— Плотно прижми к лицу, — с этими словами хирург продемонстрировал необходимое движение.

Вера послушалась. Промелькнуло воспоминание о занятиях по реанимации. Нужно большим пальцем прижать маску у носа, указательным надавить у подбородка, а тремя оставшимися крепко обхватить нижнюю челюсть. Словно английская буква "С". Виктор тем временем уже оказался у простертой руки пациентки и добавил еще одну дозу в катетер.

— Рокуроний, — Вера и без этих слов знала, что последним пойдет миорелаксант.

"Яд кураре", — всплыла в памяти непрошенная ассоциация. Вера плотнее прижала маску. Нужно как следует насытить кровь кислородом перед тем как мышцы девушки полностью выключатся и она перестанет дышать самостоятельно. Вера неохотно повернула голову к монитору наркозного аппарата, где на экран были выведены параметры сердечно-легочной деятельности пациентки. Белыми цифрами мелькала сатурация. 98 — пока еще норма. Сбоку аппарат демонстрировал глубину вдоха, рисуя ее в виде тонкой синусоиды. Как только сатурация начнет снижаться, а размах кривой станет меньше, Вере не останется ничего другого как действовать. Она неуверенно посмотрела на ларингоскоп и поняла, что страх ее парализовал не хуже рокурония, который только что влил в кровь пациентки Виктор.

— Интубируй! — вернул ее в реальность голос хирурга.

— Я не смогу, — отпрянула от стола Вера.

Дыхательная маска, больше не удерживаемая руками анестезиолога, скользнула на пол.

— Вера! — в этом возгласе звенели разом и напряжение, и горечь разочарования. — Не ошибается только тот, кто ничего не делает! Если я примусь за твою работу, придется тебе идти обратно! Поверь мне, мы оба этого не хотим!

Пересилив себя, Вера схватилась за железную ручку и зажгла лампочку над основанием клинка. Вот теперь эта штука готова к работе. Вера неуверенно приоткрыла пациентке рот и вывела нижнюю челюсть, как ее когда-то учили на первой помощи. Виктор

оказался рядом и прижал щитовидный хрящ. Взглядом он указал на ларингоскоп, и Вера засунула его пациентке в рот наудачу.

— Кистью не вращай, — вовремя предупредил хирург. — Просто тяни вверх.

Вера поняла, что подцепила клинком нижнюю челюсть. Приподнять язык и прилежащие ткани на деле было труднее, чем могло показаться, но вот свет лампы, укрепленной на клике, осветил голосовые связки. "Как в учебнике анатомии", — поразила Вера, на миг позабыв о своих переживаниях. В этот миг хирург уже всунул в ее свободную руку интубационную трубку, и Вера пихнула ее девушке в горло, продолжая крепко держаться за ручку ларингоскопа.

Следом он поднял с пола маску и отсоединил ее от дыхательного контура. Вскоре гофрированные полупрозрачные трубки оказались у Веры в руке. Осталось только присоединить их к ингаляционной трубке, установленной в горле у пациентки, что Вера и сделала.

— Севофлюран, — хирург указал ей, где регулировать поток ингаляционного анестетика. — Параметры ИВЛ я установил.

Вера неуверенно тронула кольцо и установила его на нужное значение.

— Поздравляю, — похвалил хирург. — Твоя первая интубация.

Вера почувствовала, как пот струится по спине.

— Тебе еще многому предстоит научиться, но самое главное ты должна уже сегодня понять, — добавил Виктор. — А сейчас фиксируй трубку и следи за состоянием пациентки.

Вера послушалась. Она была слишком вымотана недавним испытанием, что не хотела ни расспрашивать, ни спорить. Вера разыскала операционное белье и накинула его на горизонтально расположенный стержень, нависавший над пациенткой, отгородив, таким образом, ее голову от операционного поля. Затем Вера шлепнулась на стул и стала смотреть на аппарат. Мех качал, пульс ровно бился на мониторе, механические легкие вдували в обездвиженное тело воздух. Что угодно могло пойти не так, потому что Вера ничего в анестезиологии не понимала. Помнила только выдержки из студенческого курса. Но в институте не учат на анестезиолога. Для этого поступают в ординатуру, где долго в течение двух лет готовят будущие кадры для операционных.

Виктор что-то размеренно делал за ширмой. Не было слышно почти ничего и, в конце концов, Вера уже полностью пережив свое первое потрясение, заинтересовалась тем, что было за этой тряпичной стеной. В конечном счете, она ведь согласилась на это безумное предприятие потому, что любила хирургию. Она уже готова была оставить свой пост, как вдруг аппарат издал сигнал тревоги, и Вера поняла, что пациентка стремительно заваливает давление. С нормальных ста двадцати систолических миллиметров ртутного столба оно докатилось уже до восьмидесяти. Кровотечение? Пульс частил — сердце в последней попытке обеспечить организм кровотоком загоняет себя до смерти. Вера вскочила и в ужасе огляделась по сторонам. Лить растворы? А если нужна кровь? Как это сделать? Где ее достать?

Смерть уже стояла у Веры за плечом, она дышала ей в ухо. Неожиданно девушка почувствовала ярость. Только не в ее смену! Неожиданно тяжелая рука хирурга легла Вере на плечо.

— Оставь, — над ухом произнес Виктор, и Вера резко обернулась.

Ей казалось, что еще мгновение назад за ее плечом стояло нечто жуткое, потустороннее.

— Что?! — воскликнула она, обернувшись. — Что ты такое говоришь...

Окровавленная рука хирурга слетела с ее плеча, когда Вера развернулась к Виктору.

— Так всегда бывает, когда мы с тобой заканчиваем, — заговорил хирург мирным тоном.

Но Веру уже было не остановить. Воображение нарисовало ей мясника, убивающего

пациентов ради собственной потехи. Весь этот день был полон безумия и абсурда, почему бы этому еще не случиться? Вера не заметила, как в ее руке оказался ларингоскоп. Ну, по крайней мере, этим тяжелым клинком можно было у кого угодно сделать в голове дырку.

— Ты, в самом деле, собираешься на меня напасть?! — это прозвучало скорее удивленно, чем рассержено. — Ты что, так и не почувствовала в чем твое предназначение?!

— Хоп! — раздалось позади, и Вера осознала, что кто-то ухватил ее сзади за руки.

Она попыталась вырваться, но держали уж слишком крепко. Вера зашипела:

— Пусти!

Однако невидимый обидчик ее проигнорировал. Вместо этого он обратился к Виктору:

— Я понял, что с ней будут проблемы, когда встретил Михаила Петровича сегодня, — прозвучало достаточно спокойно и уверенно для того, чтобы Вера еще больше испугалась.

Хирург сорвал маску с лица.

— Иннокентий! — произнес Виктор, выставив вперед окровавленную руку и будто бы стараясь этим жестом остановить противника Веры. — Давай без твоих методов! Я все объясню.

Тон хирурга не предвещал ничего хорошего. Поэтому Вера собрала силы и со всей возможной прытью толкнула локтем назад и вверх. Удар оказался точным. Противник ее выпустил, и Вера смогла обернуться. Позади согнулся невысокий мужчина, как палка худой и очень молодой с виду. Кровь алыми каплями капала на пол. Вера разбила в очках одно из стекол, его осколки сейчас тоже лежали на кафеле. Человек был в белом халате, из-под которого выглядывали черные штанины брюк. Он не хирург, в операционную этот врач явился в уличных туфлях, явно демонстрируя презрение к стерильности.

— Это ты зря, — прозвучал одновременно растерянный и расстроенный голос Виктора.

Незнакомец распрямылся, и Вера не поняла, как лишилась сознания. Это было похоже на удар током, когда они с этим врачом встретились взглядами. Свет вдруг погасили, и Вера даже не успела подумать, что это все. Страх она ощутила уже когда начала потихоньку приходить в себя. Появились звуки и цвета, а потом она почувствовала запах нашатыря и отпрянула. Над ней склонился Виктор, а сама она лежала на кафельном полу операционной. Хирург помог ей подняться и прислонил спиной к стене.

Когда Вера села и выпрямилась, то вновь разглядела странного доктора, из-за которого упала в обморок. Он занял ее стул, расположенный около наркозного аппарата. Теперь его рассеченная бровь была заклеена пластырем, который уже успел пропитаться кровью, а то место, где в очках стояло разбитое стекло, было замотано бинтом. Выглядел он сердито и строго. Черные как смоль волосы растрепаны. Он напомнил Вере большого грозного ворона, возможно, из-за черных строгих брюк и туфель, выглядывавших из-под медицинской формы.

— Это наш психиатр, — пояснил со вздохом Виктор, проследив взгляд Веры. — Лучше бы вы познакомились вечером, а не так.

— Я никогда не одобрял вашу с Михаилом Петровичем толерантность, — вступил тот, о ком шла речь. — Попытки обходить острые углы приводят к еще большим проблемам, разве не так?

Виктор вздохнул и поморщился.

— Иннокентий... — начал хирург, но психиатр был не настроен слушать.

Он резко встал и зашагал к выходу.

— Все ждали этого анестезиолога, как чуда господня, — произнес обидчик Веры на

ходу. — Слухи про то, что больницу закроют, убивают в вас здравый смысл. Пусть сегодня ты и оказался прав, но в перспективе увидишь свою ошибку.

— Мы еще с ней вдоволь намучаемся! — донеслось уже из-за двери.

Психиатр скрылся в коридоре. Виктор встал на ноги и долго смотрел коллеге вслед, пока Вера, наконец, не нашла в себе силы подняться. Схватившись за косяк, она тоже посмотрела в коридор, но там было пусто.

— Как он это сделал со мной? — слабым голосом произнесла Вера и, кажется, только тогда ее заметил хирург.

Виктор обернулся к ней и посмотрел с сожалением.

— Это... — после первого слова он шумно набрал воздуха в грудь. — Дар, который есть у каждого из нас. Никогда больше не смотри Иннокентию в глаза, если он без очков. Я не лез в эти его психиатрские штучки, просто запомни, это может быть небезопасно.

— Что? — скривилась Вера.

Виктор посмотрел на нее.

— У тебя есть причины сомневаться в моих словах после того, что случилось?

Вера вздрогнула и зябко обняла себя за плечи. Ей было ясно, что она избежала неприятной участи.

— Почему? — с трудом выдавила она.

Виктор еще раз глубоко вдохнул.

— Однажды ты узнаешь, что среди нас есть те, кто допускает разрушение собственных душ и то, что получается из таких людей... страшно. У Иннокентия на это нюх. Обычные сумасшедшие меняются после встречи с ним. А такие как мы, — Виктор посмотрел вперед. — Могут исчезнуть без следа.

Вера снова почувствовала, как хирург положил свою тяжелую руку ей на плечо.

— Но раз он оставил тебя в покое, это значит, что он пришел к тому же выводу, что и мы с Михаилом Петровичем.

— Какому? — Вера обернулась к хирургу.

— Ты наш новый анестезиолог, — улыбнулся он. — И ты первая за много лет, кто утер Иннокентию нос! Из-за своего опыта он считает себя непогрешимым.

С этими словами Виктор повернулся и шагнул обратно в операционную, но Вера понимала, что мир вокруг нее набрал уже достаточный градус безумия. Пора было распутать в этом клубке противоречий хотя бы пару узлов.

— Кто это "мы"? — заговорила она.

Хирург остановился. Его плечи на миг поднялись и плавно опустились. Похоже, он снова вздыхал. Наконец, Виктор обернулся. Его лицо выглядело таким же безмятежным, как и в тот миг, когда он объявил Вере, что она новый ординатор.

— Хранители, — произнес он.

— Чего? — Вера почувствовала, как недоуменно изогнула бровь.

— Все мы когда-то стали врачами, — пояснил хирург. — И... продолжаем ими оставаться, но в несколько ином качестве. Вера... при любой старой больнице неизбежно поселяются такие доктора, когда в ней накапливается достаточно страданий и человеческих страстей. Это происходит естественно. Сама вселенная приводит нас сюда, когда мы и сами, и место одинаково нуждаемся в этом.

— Что же мы делаем? — немеющими губами спросила Вера.

Тогда Виктор подвел ее к девушке, накрытой простыней, и указал на нее.

— Мы с тобой помогаем уйти тем, кому это слишком больно сделать самостоятельно. Это... криминальный аборт. Ей было семнадцать. Побоялась сказать родителям. Она доехала домой с кровотечением и легла спать. Ее обнаружили родители, когда она едва дышала. Бригаду вызвали слишком поздно, тридцать минут реанимации в машине. Истекла кровью и ее признали мертвой на пороге больницы. Я вернул ей то, без чего она не хотела уходить, а ты помогла заглушить боль от потери...

Вера вздрогнула и отпрянула.

— Если такие как мы перестанут работать, в этом месте накопится слишком много дурной энергии. Больные начнут хиреть, у докторов все станет валиться из рук, сотрудников и посетителей будут преследовать несчастья. Те места, где страдают люди без хранителей становятся проклятыми. Михаил Петрович все верно тебе сказал, мы оба сейчас здесь делаем именно то зачем когда-то пришли в медицину — мы помогаем и смягчаем боль!

Вера сделала еще один шаг назад.

— Я не собираюсь отправлять людей на тот свет!

— Да, это выглядит странно, но, Вера, смерть это часть жизни! Ты как врач должна лучше других это понимать!

Хирург протянул к ней руку.

— Я был как ты, когда меня взяли на работу. Поэтому я не решился сразу же сказать тебе правду. Я помню свои переживания. Со временем я осознал важность нашей работы, и ты ее вскоре поймешь.

Вера почувствовала, что ее губы дрожат. Она развернулась и вышла.

Хирург не стал ее преследовать.

— Хорошо! Отдохни и как следует выпись! Завтра поговорим! — донеслось в спину.

Глава 2...Или смерть

Вера спустилась на первый этаж и, выйдя из дверей лифта, остановилась. Ее трясло. И было совершенно неясно, что делать дальше. Она могла просто уйти, но странное чувство говорило ей, что это будет ошибка. По крайней мере, хранители предостерегали ее от этого решения. Вера мучительно посмотрела в сторону приемного отделения. Там были двери наружу.

Навстречу двигалась фигура. Девушка шла довольно странной походкой, создавалось впечатление, будто она кривляется. Доктор была в тошнотворной розовой хирургичке, на шею был закинут ярко-алый фонендоскоп. Шестым чувством Вера поняла, что это она, еще одна хранительница.

"Любовь Ивановна Мирская, врач-кардиолог". Вера уставилась на бейдж, гадая, что ей сулит встреча с еще одной необычной обитательницей больницы.

— Привет! — поздоровалась та.

Любовь была рыжая, полноватая, вся в веснушках, и Вере она не нравилась. Была в глазах кардиолога какая-то степень безумия, которая заставляла быть с ней настороже. То ли это впечатление создавала расслабленная полуулыбка, то ли блуждающий взгляд.

— В мертвяцкой команде наконец-то прибыло, — шире улыбнулась она. — Теперь Витя передохнет. Ему трудно давалась работа на две ставки. Что ни говори, анестезиолог из него никудышный. А вот хирург замечательный. Мы тебя заждались, Вера!

— Я еще не уверена, что остаюсь, — буркнула Вера.

Любовь нахмурилась.

— Отчего?

— Ваша больница выглядит ужасно и работа в ней неприятная, — выдохнула она.

Кардиолог нахмурилась.

— Наша больница одна из старейших в Москве, именно поэтому здесь так много хранителей. Для тебя этого недостаточно?

Вера выдохнула.

— По-моему я не подхожу вам.

Любовь пожала плечами.

— Об этом не нам с тобой судить. Если захочешь отказаться, устроишь неприятности и нам, и себе.

Вера сосредоточилась на ключах, которые Любовь за кольцо вращала у себя на пальце.

— До завтра подожду. Утро вечера мудренее, — решила Вера.

Кардиолог кивнула ей.

— Хорошо. Я здесь именно поэтому. Витя предупредил, что ты захочешь отдохнуть.

С этими словами Любовь повернулась к Вере спиной и указала вперед.

— Я провожу, — следующим делом кардиолог вынула из кармана смартфон и двумя быстрыми движениями активировала экран.

Вскоре она уже болтала с хирургом.

— Да. Встретила твою, — долетело до Веры. — Идем к флигелю... Пусть поживет там же... Иннокентию трудно помешать... А это ей уже не страшно!

Вера расслабилась, услышав эти слова. Если бы еще выяснилось, что хранители владеют

телепатией, это было бы слишком. Этот день уже и так вышел невероятно далеко за рамки привычного и разумного.

Любовь подвела ее к небольшому выкрашенному желтой краской зданию, выглядевшему так, словно его построили в прошлом веке, которое кардиолог называла флигелем. После этого она отперла ключами железную, покрытую серой, кое-где облупившейся краской дверь. Вера без энтузиазма посмотрела на ступени крыльца, вросшие в асфальт.

— Оно старое, — заметив этот взгляд, пояснила кардиолог. — Первоначально служило жилищем для врачей, потом какое-то время тут был терапевтический корпус, теперь первый этаж отдан под хозяйственные нужды. Второй наш. Он считается кафедральным. Мы все сотрудники института кроме прочих должностей.

С этими словами Любовь вошла, пропустила Веру, и захлопнула за ними тяжелую дверь.

В коридоре было темно. Над широкой лестницей, уходившей наверх, тускло светила лампа.

— Разувайся, — Любовь указала на стоящую у входа банкетку, из-под которой выглядывали несколько пар мужской обуви, аккуратно выставленные в ряд.

Вера скинула свои сабо, мельком подумав о том, что ее настоящая одежда осталась в дежурке хирургического корпуса, скомканная и грязная. Кардиолог указала в темный проход, уходивший направо.

— Там какой-то богом забытый архив. Так что на счет непрошенных гостей можешь не беспокоиться. Это отличное место. Психиатр не просто так здесь устроился, он понимает в таких вещах.

Любовь, избавившись от собственной обуви, надела женские тапочки, сиротливо стоявшие у стены, и зашагала к лестнице. Вере пришлось шлепать босыми ногами. Прихожая выглядела прибранной, так что она не стала брезговать.

Наверху оказался такой же коридор, и несколько расположенных по разные стороны от прохода комнат, но уже куда более светлый. Большого занавешенного тюлем окна вполне хватало, чтобы придать помещению вид обжитого. По сторонам висели картины, довольно странные на Верин вкус, но все-таки такой декор казался ей лучше обшарпанных стен.

Любовь довела ее до конца коридора и толкнула большие выкрашенные в белый цвет деревянные двери, расположенные слева перед окном.

— Замка тут нет, — пояснила кардиолог. — Иннокентий собирался устроить здесь кабинет для консультаций и жить в одиночестве. Но Петрович продолжает настаивать на том, что ему нужно общество, которое он, кстати, на редкость не любит, — на этих словах Любовь фыркнула. — Я же просто считаю, что прибрать себе целый этаж слишком жирно. Мы же не в дореволюционной России живем! Так что комната будет твоей, если надумаешь остаться. Внутри есть щеколда.

Вера зашла. Внутри помещение было полным старой мебели. Обстановка что-то смутно напоминала. Так, наверное, выглядели жилые комнаты до Великой Отечественной войны. Даже на круглый, стоявший посередине стол, для полного сходства была накинута вязаная крючком скатерть.

Любовь вроде бы собралась идти, но Веру смущало ощущение невидимого присутствия.

— Это все чье-то? — заговорила она, жестом указав на обстановку.

Кардиолог кивнула.

— И ничего если я буду жить тут?

Любовь вздохнула так, словно давать пояснения для нее было настоящей мукой.

— Не бойся, ей это уже не пригодится.

— А кто была эта она? — настаивала Вера.

Ее начинала раздражать манера хранителей говорить только то, что они считали нужным. Любовь закатила глаза, ухватившись за дверь.

— Прошлая Вара Павловна, — произнесла она скороговоркой. — Витя сказал не очень усердствовать с объяснениями. Но тебе, в самом деле, стоит знать. Мы получаем свои должности... по наследству вместе с именем и фамилией.

— То есть, ты на самом деле не Любовь?

— Да, — кивнула кардиолог. — И тебя, и меня звали по-другому. Но все устроено так, что ты узнаешь свое настоящее имя, только когда придет время уволиться.

Вера глубоко вдохнула, чувствуя, что ей по-прежнему на редкость не по себе. Кардиолог кивнула и продолжила.

— Эту больницу с древних времен хранили Вера, Надежда и Любовь. Первой из нас была Вера, она забирала боль.

— Она тоже была анестезиологом?

— Нет, — рассмеявшись, махнула рукой Любовь. — Делала это как-то иначе. Анестезиология довольно молодая наука, в сравнении с этой больницей, разумеется. Но меняется время, меняемся и мы. Любовь открывает двери в этот мир, я... можно сказать, по сути своей акушер. Есть еще Надя, она, как ты сама, наверное, догадалась для тех, у кого нет шансов. Они с Михаилом Петровичем вроде вас с Витей, только наоборот. Команда жизни.

— А мы... — вырвалось у Веры. — Команда смерти?

Любовь кивнула.

— Но Верой быть почетно. Она была старшая и первая из нас, по крайней мере, прошлая. Вокруг нее вращалась жизнь нашего маленького коллектива, пока в один миг в июне мы не обнаружили, что ее нигде нет. Все порядком переполошились, потому что не знали, что это значит. Ведь обычно перед тем, как уйдет старый хранитель, ему на смену всегда приходит другой, чтобы принять дела. Но новой Веры два месяца не было.

Любовь тяжело вздохнула.

— Мы думали, больнице пришел конец. Это бы для нас всех означало крупные неприятности. Таким как мы непросто поменять место работы. И вот, — раскосые глаза Любви остановились на Верином лице. — Появляешься ты. Мы все состоявшиеся врачи, то есть, умеем без подсказок делать то, зачем попали сюда. У нас еще никогда раньше не было ординатора. Иннокентий и Виктор сегодня поспорили, когда хирург ему о тебе сообщил. Психиатр сказал, что ты выродок, но, похоже, это не так, раз он тебя в покое оставил. А мог бы сжечь тебе мозги. Он иногда нас защищает от всякой гадости.

Любовь еще раз схватилась за ручку двери.

— Так что оставайся, если не хочешь проблем, — как-то очень искренне сказала она. — Ты нам всем нужна не меньше, чем мы тебе. То, что ты вернулась означает, что слухи врут и долбанная оптимизация нас не коснется... В общем, не закроют нас. А то, ты знаешь, земля в центре города дорогая, она много кому нужна и плевать... Плевать на всех нас!

С этими словами Любовь вышла, а Вера осталась стоять посреди прибранной комнаты, босая, в пропахшей потом хирургичке. "Сплошное безумие", — сказала себе она и, не придумав ничего лучше, уселась на диван. В комнате ничего не было, что могло бы помочь Вере отвлечься от душивших ее мыслей: ни телевизора, ни компьютера. Только книги. Огромный, старинный с виду стеллаж был доверху забит учебниками по анестезиологии, реаниматологии и прочим медицинским дисциплинам. Там как темнели совсем старые корешки, так и пестрели только что изданные обложки.

Предшественница тут времени даром не теряла. Значит, теперь это все ее.

Взгляд Веры упал на плед, накинутый на спинку стула. Она поднялась, схватила приятно пахнувший уже знакомым запахом кусок шерстяной материи и, плотно укутавшись в него, легла на диван. Интересно, как выглядела прошлая хозяйка? Прикрыв глаза, Вера почему-то представила себе крепкую женщину в накрахмаленном белом халате и колпаке, не старую еще и уже не молодую, сильную, с уверенным открытым взглядом, эдакий образ хирурга из советских времен. Сама Вера, конечно же, была не такая. Что она даст этой больнице? И когда девушке уже начало казаться, что в свои теплые лапы ее заключил сон, в дверь постучали.

Вера подпрыгнула, соображая, где она. Все вспомнилось вмиг: утреннее происшествие, операция, больница.

— Это я, — раздался с той стороны голос Виктора.

— Да-да, входи, — с этими словами Вера села, откинув в сторону плед.

Сейчас она чувствовала себя виноватой перед хирургом. Она чуть было не сорвала ему операцию, а потом собралась оглушить. Виктор нес белую картонную коробку. Ногой он захлопнул дверь и прошагал к столу. Хирург все еще был в форме, лишь накинул белый халат поверх хирургички.

— Вот, — с этими словами он поставил коробку на стол.

— Что это?

— Торт, — улыбнулся Виктор. — Захватил из ординаторской для тебя. Сегодня был твой первый день и как бы дурно он ни прошел, надо это отпраздновать...

— А нормальные врачи знают о том, что вы подворовываете их продукты? — спросила Вера, облакачиваясь руками о стол.

— Нормальные врачи? — хирург изогнул бровь. — А! Вот ты, наверное, о чем! Я тоже врач отделения и, надо сказать, хороший. Торт я получил за успешную холецистэктомию.

Виктор рассмеялся и сел за стол.

— Я оперирую как обычный врач, пока мне не нужно выполнять основную работу. Иначе бы я забыл все, чему меня учили, не находишь?

— Так вот почему они с тобой здоровались? — сообразила Вера.

— Да, — улыбнулся Виктор. — Мы, конечно, для них нечто особенное. Когда меняются хранители, никто этого не замечает в больнице. Ты будешь все та же старая Вера Павловна, когда вернешься в реанимацию. Будь к этому готова. Они, наверное, решат, что ты была в отпуске или что-то такое. Но, как бы то ни было, они чувствуют, кто мы такие. Нас всех считают талисманами. Ты еще увидишь.

— И они разве не понимают, что вы проводник смерти?

Вера взгляделась в его бейдж, блестящий на груди. "Виктор Юрьевич Успенский, врач-хирург, к.м.н.". Фамилия очень подходила к его роду деятельности.

— Нет, — покачал головой Виктор. — Только некоторые больные. Ладно! Будешь чай?

Вера неуверенно кивнула.

Тогда хирург поднялся и прошагал к подоконнику. Вера только заметила там чайник. В тумбочке внизу обнаружили чашки и прочая посуда. Следом Виктор прошагал к стене, чтобы налить из-под крана воду. "Он не раз бывал тут", — мелькнуло у Веры в голове.

Вскоре чай уже был заварен и разлит по чашкам. Виктор отрезал Вере пышный кусок, девушка покосилась на него и поняла, что не голодна.

— А хранители? — она запнулась.

Что-то в глубине души подсказывало Вере, что хранители неживые, или живые не в привычном смысле. Свидетельством тому было ее отсутствие аппетита. Виктор поднял голову, отломав от торта ложкой внушительный кусок.

— Хранители едят? — озвучила Вера.

— Почему нет? — ответил хирург, отправляя в себе рот нежный бисквит, обильно сдобренный кремом.

— Я имею в виду, у нас все те же чувства, что и у обычных людей?

Виктор потупился.

— Если ты об этом, то мы не так сильно нуждаемся в отдыхе и еде, как другие. Наша природа делает нас... немного выносливей. Это, наверное, для того, чтобы мы могли лучше делать свою работу. Ты можешь не очень хотеть есть, потому что теперь это не так уж и важно для выживания. Но сладости от этого не становятся менее вкусными, — с этими словами хирург положил в рот вторую ложку.

Вера тоже попробовала. Торт, в самом деле, был отличный. Голода она, и впрямь, больше не испытывала, но и не чувствовала дискомфорта от приема пищи.

— Я, кстати, здесь не только за этим, — произнес Виктор.

С этими словами он запустил руку в карман и вскоре выставил на стол белую пластиковую банку. В таких иногда хранят лекарства. Этикетка содрана.

— Я собирался оставить тебя до завтра в покое, как обещал, но ко мне зашел Иннокентий. Он настаивает, чтобы я дал тебе это.

Врачи одновременно посмотрели на банку.

— Что там? — спросила Вера, чувствуя, что неприятным сюрпризам сегодня так и не будет положен конец.

Виктор открутил крышку и продемонстрировал ей округлые таблетки коричневого цвета.

— Лекарства. Трижды в день по одной.

Вера фыркнула.

— Не буду!

Вот еще! Пить психотропные. В том, какого рода таблетки может дать психиатр, Вера не сомневалась. Виктор нахмурился, и ей вспомнилось, как Иннокентий говорил хирургу, что от новой хранильницы будут неприятности. Она попробовала защититься:

— Он думает, я не в себе?

Виктор отвел взгляд.

— Он кое-что увидел в твоих глазах, что позволило ему предположить, что первое время у тебя будут трудности с адаптацией. Юные хранители часто по ночам видят тревожные образы из прошлого. Иннокентий называет это переходным периодом. За свою долгую службу он много кого наблюдал и разработал схемы лечения. Не смотря на его юный вид, он старший из нынешних психиатров Москвы. Так что поверь, он разбирается в своем деле, и раз он дал тебе это, то лучше будет его послушаться.

Виктор еще раз заглянул в баночку.

— Ведь это не такое-то колдовское зелье, — добавил он, посмотрев на Веру. — Насколько я понимаю, всего лишь обычный хлорпротиксен.

Вера неуверенно приняла лекарство из рук хирурга. В это время у гостя зазвонил сотовый. Врач принял звонок и, выслушав собеседника, сообщил Вере:

— Это из приемного. Нужно идти осмотреть больного.

— Мертвого? — буркнула Вера.

— Нет, — уголками губ улыбнулся Виктор. — Обычного. Подозрение на перфорацию язвы желудка. Если подтвердится, будем оперировать. Так что мои слова в силе. Отдыхай. Завтра все решим, как договаривались.

Хирург поднялся и прошагал к двери, оставив торт на столе.

— И не забудь принять лекарство. Трижды в день по одной, — сказал он выходя.

Вера осталась одна. Какое-то время она смотрела на банку с хлорпротиксеном. Психиатр выписал ей нейролептик — средство от галлюцинаций и бреда, очень мило. Потом она встряхнула емкость, прислушиваясь к тому, как о пластмассовые стенки банки застучали таблетки, и тут же ясно поняла, что не станет это пить. Она не сумасшедшая. И вообще, какого черта? Этот Иннокентий ее едва не уничтожил, отзывался о ней как о проблеме. Едва ли он желает ей добра.

Следом Вера убрала торт в невысокий холодильник — внутри было пусто и подарок Виктора сделался единственными запасами еды. Прошлая хозяйка комнаты или точно знала, что съедет или кто-то здесь все после нее убрал. Захлопнув дверцу, Вера выпрямилась и задумалась, как быть дальше. Еще никогда раньше она не попадала в ситуацию такой неопределенности. Вина за это частично лежала на потере памяти. Если бы Вера хотя бы немного лучше представляла, кто она и что с ней произошло, ей легче было бы решить, как быть дальше. Наконец, ей стало очевидно, что необходимо отвлечься. Мысли о прошлом и будущем сводили с ума.

Вера схватила с полки одну из книжек по анестезиологии, перевод труда коллектива американских авторов и, устроившись на диване, углубилась в чтение. Ей удалось закончить главу по истории профессии, когда Веру сморил сон.

Он был похож на бесформенное забытье, пока в ночную дрему не начали пробираться странные ассоциации. Вере казалось, будто кто-то ее душил. Боль, обида и безысходность заполнили сознание. Она словно переживала одну бесконечно длящуюся агонию, в глазах было темно. Вера сучила руками, пытаясь избавиться мучителя и вернуться к жизни. Теперь она точно понимала, что хочет, очень хочет жить. Мечтала вернуться в больницу, откуда ее уволок в это подобие ада. Похоже, это и была альтернатива работе анестезиолога. Вера натворила в своей жизни нечто такое, за что обречена была теперь расплачиваться. Или это с ней сделали? Она уже понимала, что совершила фатальную ошибку, не послушавшись Виктора, чувствуя, как проваливается сквозь диван. Ее засасывало в себя ничто. Если бы только она могла выбраться!

В лицо плеснули холодной водой, и Вера вскочила, ощупывая голову и грудь. Внутри все пылало. Она сидела на диване в той же комнате, где и уснула. Перед ней на коленях стоял Иннокентий. В бледном свете луны его черты казались еще более резкими и оттого страшными. Блестели стекла очков. Вспомнились слова Виктора о том, что этому хранителю ни в коем случае нельзя было смотреть в глаза, чтобы не исчезнуть. Вера сосредоточилась на пуговицах его белой рубашки.

— Очнулась? — бросил психиатр, осознав, что Вера его видит. — Почему не приняла лекарство?

Следом Иннокентий встал и развернулся к девушке спиной. Вера поняла, что он возится с какими-то приборами на столе.

— Ты уже исчезла бы, если б я не услышал твоих криков из соседней комнаты, — с этими словами психиатр снова обернулся к пациентке. — Испугалась уходить?

Вера кивнула. Не было смысла врать.

— Давай руку.

Психиатр держал жгут, которым обычно перетягивают предплечье, чтобы набрать из вены кровь. Вера послушалась и даже поработала кулаком, как просят медсестры. Иннокентий взглянул на нее без энтузиазма и протер кожу холодной ватой, прежде чем

поднести шприц.

— Что в нем? — спросила Вера, морщась от укола.

— Какая разница? — строго ответил психиатр, вводя лекарство. — Благодаря этому до утра дотянешь без приключений.

Веки Веры, в самом деле, вскоре потяжелели, и ей стало легко. Время пролетело незаметно. Когда она распахнула глаза, за окном стоял по-осеннему серый день. Вера пошевелилась и приподнялась. Тело ломило так, будто ее вчера ночью кто-то, в самом деле, избивал. Сразу вспомнился кошмар и визит психиатра. Вера растерла веки ладонями. Это все было... странно и плохо, но у нее оставалось отчетливое чувство, что та жизнь, из которой она убежала во много раз по безумию и кошмару превосходила эту.

Вера сбросила ноги на пол. Под диваном валялся скомканный плед, которым она вчера вечером укрылась. Психиатр даже не потрудился ее прикрыть. Или же Вера, ворочаясь, сама сбросила одеяло и проспала до утра, не чувствуя холода? Виктор ведь сказал ей, что хранители выносливей обычных людей. Посмотрев перед собой, Вера с удивлением поняла, что, похоже, смирилась с тем, чем она стала.

Наконец ее взгляд упал на стол. Там Иннокентий оставил шприц и ампулу. Вера поднялась и прочитала выведенное на стекле "аминазин". Еще один нейролептик. Рядом лежала записка: "Больше не стану тебя спасать, если не сделаешься умней". На клочке бумаги стояла открытая вчерашняя банка с таблетками. Вера взяла ее в руку и скомкала листок бумаги в кулаке. Недолго думая, она вынула из тумбочки чашку, наполнила ее водой из-под крана и запила круглую коричневую таблетку. Сегодня утром Вера точно решила, что остается на этой должности и в этой жизни.

Вера хотела вымыться и привести себя в порядок, прежде чем отправляться на встречу с коллегами. Поэтому она стала обыскивать свое новое жилище в поисках банных принадлежностей и сменной формы. Ее хирургичка после вчерашней операции и ночного приключения сильно измялась и пропиталась потом.

Шкаф ей найти удалось почти сразу же, но там было пусто, словно прошлая Вера Павловна отправилась в путешествие с гардеробом. Тогда новая обитательница комнаты решила поискать в другом месте. Наконец, девушка неожиданно обнаружила сотовый, неизвестно сколько уже простоявший на зарядке на окне. У стены была небольшая дамская сумочка. В ней Вера нашла кошелек и банковскую карту. Все личные вещи прошлой хозяйки, теперь, похоже, перешли по наследству новой обитательнице комнаты.

С удивлением Вера разблокировала экран. Сорок пропущенных за второе, третье и четверное июня. Два за десятое. Вера посмотрела историю звонков. Это хранители разыскивали своего анестезиолога. Похоже, прошлая Вера ничего не сказала им о своих планах, прежде чем исчезнуть. Затем девушка залезла в смс-уведомления. Это были сообщения от банка. На счету Веры Павловны было около двухсот тысяч рублей. Часть этих денег нерастраченная зарплата, часть вчера начисленные отпускные и... стипендия? — с удивлением поняла преемница. Теперь это все, очевидно, принадлежало новой Вере.

Было десять утра. Рабочий день в больнице уже в полном разгаре. Вера поняла, что опоздала, но Иннокентий, наверное, уже рассказал о том, что случилось ночью и хранители, скорее всего, дожидаются, пока она выспится. Это было ей на руку. Вера привыкла выглядеть хорошо и не собиралась появляться в стационаре в своем нынешнем виде. Убедившись в том, что данные карты сохранены в телефоне и можно будет расплатиться не используя пин, она открыла WhatsApp и набрала сообщение Виктору:

"Со мной все в порядке, я решила, что остаюсь. Мне только нужно немного собраться с мыслями. Если будет что-то срочное, звони, приду".

Через пару минут прилетел ответ:

"Ок".

Вера выдохнула. Ну, вот и все. Теперь у нее было время сходить за формой.

Первым делом новая хранительница отправилась в дежурку за своей одеждой, но к ее удивлению вещи исчезли бесследно, включая обувь и сумку. "Стоило зайти сюда вчера, прежде чем лечь спать", — с досадой подумала Вера. Оставался небольшой шанс, что кто-то занес ее имущество в реанимацию, раз уж новая врач числилась там. Вера спустилась вниз и постояла перед дверями отделения, разглядывая кодовый замок. Верной комбинации цифр она не знала. Вера попробовала угадать, но провалилась. Можно было дожидаться, пока кто-нибудь не выйдет или позвонить в сделанный для посетителей звонок. Но тут Вера с неожиданной ясностью поняла, что не хочет видеть свое отделение. Только не сейчас! Она мечтала оттянуть встречу с новым местом работы как можно дольше.

Вера развернулась и скорым шагом пошла прочь к выходу из корпуса, так, словно из реанимации мог выскочить какой-нибудь ее сотрудник и утянуть девушку туда, где ей совершенно не хотелось быть.

Так Вера и выбралась из больницы, в чем была — в рабочей форме врача с черной сумкой прошлого анестезиолога в руках. Стараясь не обращать внимания на удивленные взгляды прохожих, она загулила ближайший торговый центр, благо старая Вера Павловна подключила автооплату тарифа, и мобильный интернет работал даже спустя три месяца после исчезновения хозяйки.

Ходьбы до магазина одежды было не больше пяти минут, и Вера радостно отправилась навстречу покупкам, расценив, что раз она остается, понадобится хоть какой-то комфорт. Девушка не мыслила себя без хорошей одежды, косметики и вещей первой необходимости вроде шампуня, дезодоранта, зубной пасты.

Торговый центр, выстроенный у одной из станций метро, надолго поглотил Веру. За время прогулки она уполовинила сбережения предшественницы и закупила так, что едва могла унести пакеты в руках. Зато теперь у нее было все необходимое, начиная от нижнего белья, заканчивая домашней обувью. Оказавшись в ресторанном дворике на последнем этаже, Вера с сожалением разглядывала смс-сообщение от банка, на котором отражался баланс по карте. Рядом стоял недопитый кофе. Вера выдохнула, понимая, что в прошлом была равнодушна к роскоши. Это отдавалось неприятным вкусом во рту.

Вера сделала новый глоток, и вдруг в ее голове промелькнуло что-то похожее на воспоминание. Как давно она не была... так свободна в своих желаниях. Вера неожиданно поняла, что вся ее прошлая жизнь напоминала золотую клетку. Она долго не могла вот так вот сесть и позволить себе простую чашку кофе. Вера сжала пластиковый стакан в руках и с наслаждением вдохнула запах, понимая, что сейчас, именно в этот короткий миг счастлива.

Следом она взглянула на экран телефона. Из больницы по-прежнему не было новостей. Вера поднялась и решила прогуляться за формой. Она уже проверила, ближайший магазин медицинской одежды был в двадцати минутах ходьбы. Вера сначала думала занести сумки в свою комнату, но побоялась, что в больнице ее кто-нибудь отвлечет, а с покупками дело еще было не закончено.

Вера без проблем добралась до нужного места. За день распогодилось, девушка переделалась в новую и красивую одежду, а после нахлынувшего из памяти откровения настроение у нее было замечательным. Вера бодро шагала вперед, улыбаясь симпатичным прохожим.

Вскоре она уже расплатилась за несколько комплектов новой медицинской одежды. Ручки сумок едва влезли в ладонь. И тут зазвонил телефон. Это был патологоанатом. Стоя у кассы и, пытаясь не выронить пакеты, Вера с удивлением приняла звонок.

— Верочка, вы где? — долетел до нее взволнованный голос Михаила Петровича. — Я зашел вас проведать, и не могу нигде обнаружить. Вы ведь не выходили из больницы?

— Я... — Вера по тону коллеги поняла, что происходило что-то очень нехорошее. — Я тут недалеко.

— За оградой? — прозвучало еще более обеспокоенно.

— Тут минут двадцать ходьбы, — попробовала оправдаться Вера.

— Немедленно идите обратно! Вера, слышите, немедленно! В каком направлении вы ушли?

— Э... — Вера замялась. — К центру.

Следом Вера назвала собеседнику дом, в котором находился магазин.

— Хорошо, я вас встречу, только выходите прямо сейчас же!

Вера проглотила предательский ком, и, взглянув на заинтересованную продавщицу, подхватила сумки и вышла вон.

На обратном пути Вера спешила изо всех сил. Всплыли в памяти все нехорошие предчувствия из прошлого дня. Если она задержится снаружи ограды больницы, то что? Значило ли это, что теперь вся ее жизнь будет проходить в стенах стационара? Как бы то ни было, после пережитого ночью Вера не собиралась исчезать.

Наконец, на одном из перекрестков впереди показалась плотная фигура Михаила Петровича. Патологоанатом накинул поверх своего халата легкое черное пальто и, видимо, так и отправился на ее поиски. Не дождавшись зеленого света, он перешел улицу и ухватил Веру за руку, едва оказавшись подле юного доктора.

— Бейдж при вас? — напряженно произнес он, глядя девушке в глаза.

Вера проверила один из пакетов, куда, переодевшись в туалете, сунула свою форму и вынула скомканную блузу, к которой все еще был приколот железный значок. Патологоанатом выдохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Никогда, Вера, не оставляйте его, пока работаете у нас, поняли? Иначе вас сочтут...

Михаил Петрович прервался. Светофор для пешеходов как раз загорелся зеленым. После этого он подтолкнул девушку на проезжую часть.

— Идемте! Нам нужно вернуться как можно скорее!

Вера послушалась и зашагала так быстро как могла.

— Почему это так важно? — отважилась спросить она, когда впереди уже показалась облупившаяся ограда больницы.

Михаил Петрович грозно взглянул на нее и прибавил шаг. Теперь в руках у него была большая часть Вериных пакетов.

— Вам очень повезло, что бейдж остался при вас и вами никто не заинтересовался, — выдохнул коллега, когда они оба оказались за оградой. — Это, — он похлопал по створке ворот, — нас защищает.

— От кого? — уточнила Вера, после долгой напряженной ходьбы сбиваясь с дыхания.

Михаил Петрович с сомнением взглянул на нее.

— Не тревожьтесь, вы сможете выходить наружу, — добавил он другим тоном. — Но позже, когда обживетесь здесь. Пока вам нельзя покидать территорию больницы без веской причины, запомните, Вера. Бейдж всегда должен оставаться с вами. Это вроде документов в нашем мире, он привязывает вас к месту работы.

С этими словами патологоанатом зашагал вперед. Вера последовала.

— Как вы, наверное, уже поняли, таким как мы не положено ходить по земле просто так, — обернулся через плечо Михаил Петрович на ходу. — Оправданием может быть только миссия, которую мы несем. Ваш бейдж свидетельство того, что высшие силы наняли вас на службу. Но станете гулять по улице просто так, пропуская работу, вам этого не спустят.

Вера опустила голову, задумавшись о неприятной участи, которую снова чудом миновала.

— Ну, теперь уж все в порядке, — патологоанатом попробовал подбодрить ее улыбкой. — Пойдемте ко мне, я угощу вас кофе. А то я чувствую, что порядком вас напугал. Поверьте, все не так плохо как вам сейчас, должно быть, кажется.

Вскоре Вера и Михаил Петрович добрались до морга. Девушка с неприятным чувством переступила порог корпуса, и патологоанатом увлек ее в свой кабинет. Там он усадил Веру в удобное кресло за заваленным бумагами столом, а сам удалился в соседнюю комнату. Вскоре девушка услышала звук миксера, но не стала задумываться, зачем Михаилу Петровичу потребовалось что-либо взбивать. Вместо этого она рассматривала стены, украшенные живописью. В прошлый раз она на это внимания не обратила. Над рабочим столом висела табличка, где было выведено "Спешите творить добро", чуть ниже значилось имя автора цитаты.

— Федор Петрович Гааз, — произнесла слух Вера, она слышала эти слова и знала это имя раньше.

Очередное воспоминание приятно согрело.

— Главный врач московских тюрем, — донеслось сзади. — Я счел, что его словам будет самое место в моем кабинете.

Вера обернулась, и в этот миг Михаил Петрович поставил на круглый стол, стоявший посередине комнаты две чашки, сдвинув при этом в сторону журналы. Приятно потянуло кофе и чем-то еще. Сверху посуда была заполнена молочной пенкой, но цвет кофе был слишком темным, это не капучино и не латте.

— Ирландский кофе, — пояснил коллега.

— С настоящим виски? — приподняла бровь Вера.

— С ирландским, — улыбнулся ей патологоанатом.

— А нам можно на работе?

Михаил Петрович откинулся на спинку стула и хитро прищурился.

— Наше положение дает нам некоторые преимущества, но в то же время забирает кое-что человеческое. Вы не потеряете голову, по крайней мере, от такого количества. Если захотите проверить, то вскоре поймете, что мы довольно устойчивы к тому, что принято относить к порокам людей, — с этими словами патологоанатом прихлебнул из чашки. — Для того, чтобы добиться опьянения понадобятся большие дозы и настойчивость. Но... кое-кому это удастся. Впрочем, я не считаю это достойным занятием. Надеюсь, вы не станете такого делать с собой.

Вера кивнула. У нее не было желания напиваться, по крайней мере, сегодня.

— Спрашивайте, — снова заговорил коллега. — Я рассказал много такого, после чего у вас неизбежно должны были возникнуть вопросы.

Вера посмотрела в свою чашку.

— Что случится, если я выйду наружу без бейджа? — ей необходимо было знать.

— Вас схватят и отправят туда, куда вы неизбежно должны были бы пойти, если бы не нанялись сюда.

Вера взглянула на патологоанатома. Михаил Петрович вздохнул.

— Думаете, в мире мало душ, которым жалко расставаться со своим прошлым? Земля была бы заполнена горем и стенаниями этих несчастных, если бы никто не следил за тем, чтобы все шло своим чередом.

— Так мы все умерли?! — вырвалось у Веры.

— Я сказал бы, перешли в иную форму существования. Мы работаем тут на благо себя и человечества, быть может, куда лучше, чем при жизни. Вскоре вы поймете, что вы особенная и то, что вы делаете очень важно для других. Вы — оплот того света, на

который вы, быть может, молились, когда сдавали, не подготовившись толком экзамен, когда опаздывали на важную встречу. Признайтесь, вы наверняка просили судьбу о том, чтобы у вашего преподавателя было хорошее настроение, чтобы вам попался удачный билет, а ваш визави тоже немного задержался? Мы те, кто помогает чужим жизням складываться правильно, если люди заслуживают этого. Безусловно, существует и другая, темная сторона. Именно те, с кем я так боялся, что вы столкнетесь сегодня, оберегают нас от нее. Но это... совершенно другие люди. Вы уже знаете про дар Иннокентия. Он сродни их способностям, хоть и призван в большей степени созидать.

Вера вздрогнула, в красках вспомнив тот момент, когда по неосторожности разбила психиатру очки. Если бы они сразу вот так ей все объяснили!

— Вы злитесь оттого, что при первой встрече я не сказал вам правду? — угадал ее мысли патологоанатом.

Вера кивнула.

— Ну что ж. Вчера вы готовы были бы ее принять? — прямой взгляд голубых глаз был устремлен на нее, и Вера поняла, что медленно водит головой из стороны в сторону.

— Поверьте, — вздохнул Михаил Петрович. — Всем новым хранителям приходится трудно. Но я не видел еще никого, кто бы по собственной воле оставил эту должность. Вас выбрали не просто так, вы заслужили свое место необычной жизнью.

Вера вздохнула.

— Едва ли моя жизнь была полна праведных трудов.

— Она была полна страданий, — долетело до нее, — Или ваша смерть.

Вера вздернула голову, посмотрев в глаза патологоанатому, но тот не смутился.

— Вы хотели правды, вот она. То, что даровано вам — искупление. Если бы вы ушли сразу же, то утонули бы в водовороте собственных страстей, порожденных горьким опытом. Но кто-то или что-то решило изменить вашу судьбу так же, как мы вступаем за наших подопечных. Вы обретете здесь то, что сделает вас лучше и откроет дорогу к спасению. Вера, это такой редкий дар видеть, как идет время и не стареть, заботиться и защищать. Вы его оцените.

С этими словами патологоанатом приподнялся, и положил Вере на плечо руку, и только тогда девушка решила прихлебнуть кофе. Ее взгляд упал на оставленные у порога сумки и ее сегодняшние дела показались девушке в этот миг такими мелочными. Михаил Петрович проследил ее взгляд.

— Вы имеете право на человеческие слабости, — произнес он. — Не пытайтесь сделаться совершенством. Подобное приходит по наитию, те, кто хотят добиться этого сознательно, как правило, сильно заблуждаются и делают несчастными других. Вы практически живы. Это то, о чем человечество мечтало столетиями — бессмертие. И вы не одни.

В этот миг распахнулась входная дверь. На пороге замерла девушка в белом халате, до того по-девичьи миниатюрная и стройная, что напомнила Вере пионервожатую из старых советских фильмов. Светлые волосы были забраны в две аккуратные косички, перетянутые серой лентой. Так уже, кажется, никто лет пятнадцать не причесывался. На ногах у нее были старомодные туфли. Серая юбка воланом, какого-то бабушкиного кроя выбивалась из-под медицинской формы. Шестым чувством Вера поняла, что перед ней еще одна хранительница. Это, должно быть, и была Надежда.

Казалось, вместе с гостьей в комнату влетел луч солнца или свежий ветерок. На лице девушки было написано нетерпение, только отчего она ничего не говорила?

— Наденька, здравствуй! — обратился к ней Михаил Петрович. — А это Вера.

— Я говорил ей о тебе, — обратился к анестезиологу он.

Вера удивленно взглянула на патологоанатома. Надежда тем временем прошагала в комнату и, притворив за собой, дверь кивнула новой хранительнице.

— Не спрашивайте ее, — продолжил Михаил Петрович, увидев, что Вера открыла было рот. — Наденька не говорит.

И Вера осеклась. Надежда после этого подбежала к патологоанатому и вложила свои руки в его ладони, совершенно игнорируя сбитую с толку коллегу.

— Что там случилось? — улыбнулся Михаил Петрович. — А! Теперь вижу. Хорошо, что ты меня позвала.

После этого он обернулся к Вере.

— Пойдем! Посмотришь на нашу работу.

Надежда выскочила за дверь, Вера успела только разглядеть на сверкнувшем на ее груди бейдже должность. Лаборант. Разве не все хранители врачи? Впрочем, спрашивать она не решилась. Вся компания поднялась на второй этаж, где как поняла Вера, была расположена лаборатория.

Надежда, как выяснилось, была устроена лаборанткой при морге. Она готовила биопсийный материал — изъятые у пациентов кусочки ткани к тому, чтобы их посмотрели врачи. Без слов хранительница указала на микроскоп, стоявший у окна. За ним сидел молодой мужчина и с выражением муки на лице рассматривал препарат.

— Проблемы, Юрий? — обратился к нему Михаил Петрович.

— А! Профессор! — тот вскочил, вытирая о халат вспотевшие руки. — Я, конечно, не уверен, но, по-моему, рак молочной железы. Смотрю, не могу разобраться. Я сказал, пусть кто-нибудь еще из докторов глянет, но Надя решила, что надо знать наверняка. Все-таки неприятный диагноз.

Вера заметила, что на бейдже Юрия было написано "ординатор" и усмехнулась. Понятно было, отчего он прямо-таки трепетал перед Михаилом Петровичем. Профессор по сравнению с врачом-стажером несоизмеримая величина. Ординатор отпрыгнул, уступая хранителю свое место.

Грузный патологоанатом сел за стул и легким движением навел резкость.

— Нет, голубчик, вы все-таки неправы, — через какое-то время дал заключение профессор. — Я настроил вам препарат. Сами еще раз гляньте. Это обычная фиброма.

Ординатор побледнел и сел за микроскоп.

— Да, теперь вижу, — опустившимся тоном произнес он.

— Ну, вот и хорошо. Испугали бы бедную женщину, — с этими словами Михаил Петрович вышел.

Вера последовала за ним, ожидая объяснений. Надя же вернулась к работе.

Патологоанатом спустился на первый этаж и заговорил только там.

— Она моя помощница. Видит и слышит все, что творится в больнице. Она чувствует хороших людей и приносит мне в руках их добрые поступки. Это то, что я могу превратить для них в чудо.

— Вы ее исцелили, эту женщину? Она болела раком груди?

Михаил Петрович кивнул.

— Но не подозревала об этом. Эта была третья стадия, которую случайно обнаружили на профилактическом осмотре. Даже с современным протоколом химиотерапии у нее было бы не так много шансов. У нее трое детей и она хорошая мать-одиночка. Все они сейчас порядком напуганы. Сегодня им скажут, что страшный диагноз всего лишь заблуждение рентгенолога и терапевта. Врачи неверно истолковали данные, а обследование в больнице это подтвердит. Она будет жить дальше.

Вера почувствовала волнение. Она была очарована торжеством жизни, так же, как и

когда впервые ступила под своды мединститута. Это воспоминание на мгновение вырвало Веру из реальности, но когда она пришла в себя, то уже знала, что после своей смерти оказалась в больнице не случайно. Она любила медицину и выбрала ее сердцем, сама. Что как не любимая профессия могло теперь ее спасти от пропасти саморазрушения, в самом деле?

Вера не могла отвести взгляда от рук патологоанатома, все еще мысленно переживая недавнее чудо. Михаил Петрович улыбнулся и спрятал большие ладони в карманы.

— Твой дар не менее важен, Вера, — заговорил он. — Он дан тебе именно потому, что ты лучше всех нас можешь забирать боль. Ты вскоре осознаешь, как это чудесно.

В этот миг в кармане у Веры завибрировал телефон, и она вспомнила про Виктора. Но против ее ожиданий это был не звонок, а сообщение от Любви.

"Твой хирург всю операцию, а ты сутра шляешься где-то и никто не может тебя найти".

Вере стало не по себе. Бросив короткий взгляд на Михаила Петровича, она призналась:

— Виктор в операционной, я должна...

— Конечно, беги, Вера, — сказал тот. — Переоденешься у меня в кабинете, вещи я тебе занесу.

— Спасибо!

Кляня себя за нерасторопность, Вера скинула уличные вещи и натянула новую форму. Она едва не выскочила за дверь, прежде чем вспомнила про бейдж. Наконец, он был приколот, и Вера бросилась на выручку хирургу.

Теперь ей стало по-настоящему стыдно. Весь вчерашний и сегодняшний день она вела себя как эгоистичная истеричка. Вера помнила, что что-то под конец прошлой жизни сделало ее такой. Но она не хотела такой оставаться, ведь когда-то и у нее была светлая сторона, которая теперь оживала от воспоминаний о любимой профессии. Давным-давно Вера хотела посвятить себя служению жизни и человечеству, потому что чувствовала, что в ней достаточно сил, чтобы сделать это. Но потом она почему-то в себе разуверилась. Сейчас хранительница снова хотела в это верить, поэтому бежала изо всех сил. Еще она собиралась извиниться перед Виктором.

На пятом этаже Вера набросилась на сестер оперблока, коротавших время между операциями в подсобке с вопросом, где оперирует Успенский. Молоденькие девочки тут же сдали от такого напора и махнули в сторону двери под номером 3.

Раскрасневшаяся Вера влетела туда, забыв, конечно же, о бахилах и маске, и обомлела. В комнате было полно народа. Бригада хирургов из трех человек стояла вокруг обложенного стерильным бельем операционного поля. До того, как Вера явилась, хирурги сосредоточенно смотрели на висевший над пациентом монитор, изредка меняя положение тонких черных стержней, погруженных в раздутый обработанный йодом живот пациента. Их лица были скрыты масками. Шла лапароскопическая операция. У головы пациента расположилась анестезиологическая бригада. Врач что-то сосредоточенно строчил на листке, анестезистка набирала лекарство в шприц. У кафельной стены шумной стайкой сгрудились студенты.

И вся эта компания обернулась к Вере, когда та оказалась на пороге.

— Вер Павловна, что-то случилось? — обратился к ней анестезиолог. — Игорь Михалыч зовет?

— Нет, — едва слышно выдохнула Вера, и тут Виктор взглянул на нее, оторвавшись от экрана.

— Это она ко мне, Дим, не волнуйся, — заговорил он. — Что-то на счет занятий?

Вера растерянно посмотрела на студентов.

— Передай зав. кафедрой, что ведомости я положил ему на стол и можешь возвращаться в реанимацию. Правда совестно, что дергают из-за этого тебя.

Вера развернулась, чувствуя, что ее неудобное появление удалось замаять. Никто ничего и не заметил.

— Я рад, что на этот год ты с нами! — долетело в спину, и Вера оглянулась.

Она еще долго стояла в дверях не в силах оторвать взгляда от Виктора, который объяснял студентам как делается гастродупликация по Ниссену. Наконец Вера сделала шаг вперед и неожиданно ярко вспомнила, что тоже бывала здесь, когда училась на врача. В памяти звучал голос Виктора. Вот почему при первой встрече хирург показался ей знакомым! Виктор ей преподавал! Он уже тогда был хранителем, но выглядел совершенно иначе — Вера не могла вспомнить как. Раз сотрудники больницы не удивляются смене хранителей, значит, с внешностью у них примерно то же, что и с именем — она одинаковая и переходит от одного к другому вместе с должностью. Вера усмехнулась, подумав, что, должно быть, в отличие от живых людей видела настоящее лицо Виктора.

Наконец она спустилась в реанимацию, и, глубоко вдохнув, позвонила в звонок.

Вскоре дверь распахнулась.

— О, Вер Павловна! — сообщила ей открывшая медсестра. — Как отдохнули?

Вера пожала плечами, проходя внутрь и разглядывая незнакомое отделение. Пахло дезинфицирующими растворами. Вера поморщилась. Запах показался ей удушливым и слишком знакомым.

— Я так и знала, что вы попроситесь остаться у нас подольше! — в спину сказала медсестра. — Ведь с этого года вас должны были перевести в другую больницу, так? Но вы такая умница, так в прошлом году старались! Точно работать сюда придете, похоже.

Вера пожала плечами и зашагала вперед, пытаясь не выдавать того, насколько была сбита с толку. Наконец, перед ней мелькнула дверь с табличкой "ординаторская", на это хранильница и рассчитывала. Вера решительно дернула за ручку и распахнула дверь.

— О, Вера! Верочка! — повскакивали со своих мест врачи.

— Осталась у нас все-таки, а? — с этими словами к ней подскочил высокий мужчина.

— Уже неделя прошла от начала сентября, Михалыч начал волноваться, — заговорила женщина, сидевшая у окна. — Славно вы с ним реанимировали, он влюбился. Ты к нам надолго?

Вера в душе пожелала себе провалиться под землю.

— Ты у нас теперь большая девочка, — продолжил широкоплечий немолодой мужчина, по всей видимости, Михалыч. — Ординатор второго года, да? Без пяти минут врач!

Вера согласилась. Ничего другого ей теперь и не оставалось делать, как со всем соглашаться.

— Но ты же не в гости зашла, не расстраивай меня, Верка! — гундосил Михалыч, пытаясь прижать к себе ординатора.

— Нет, — обреченно выдохнула Вера, падая на диван и тем самым избегая объятий реаниматолога. — Я теперь с вами надолго, если не навсегда.

— Эх, дело говоришь, женщина! — хлопнул в ладоши Михалыч.

День в реанимации представлял собой Верин кошмар. Она наизусть не знала ни одного протокола, не помнила дозы лекарств и очень боялась ошибиться. За каждым малым назначением ей приходилось лезть в интернет и пролистывать кучу избыликованных неактуальной информацией сайтов. Вера чувствовала себя идиоткой. Реаниматологи

делали вид, что ничего не замечают, но девушке казалось, что они смотрят на нее с сочувствием. Пациентов она побаивалась и если выходила в коридор, то старалась как можно быстрее пробежать мимо палат, опасаясь того, что кому-нибудь понадобится помощь такого неумелого врача как она.

За день Вера совсем позабыла, что у нее на самом деле была за работа в больнице. Об этом напомнил ей Виктор, в девять вечера спустившись в реанимацию.

— О! А ты тут чего еще торчишь? — обратился к Вере он. — Насколько я помню, ты говорила, что дежуришь послезавтра, а так рабочий день заканчивается в пять.

Вера с готовностью вскочила со стула, с благодарностью подумав, что Виктор снова ее спас. Впрочем, выяснилось, что хирург спустился на перевязку. Вместе с Верой они поменяли повязки сухому пожелтевшему старику, оперированному по поводу рака желудка, и хранительница впервые почувствовала себя спокойно рядом с этим опытным и добрым врачом.

— Закончен день в реанимации, — сказал Вере хирург на выходе из отделения. — Но не твой рабочий. Пьешь лекарство?

Вера вспомнила, что баночка с хлорпротиксеном осталась в ее комнате. Виктор достал из кармана нечто завернутое в клочок бумаги и протянул ей. Вера развернула. Внутри была знакомая коричневая таблетка.

— Иногда мне начинает казаться, что Иннокентий провидец, — улыбнулся он. — Натренировался читать в человеческих душах, пока сотню лет вправлял мозги разного рода безумцам. Он знал, что ты забудешь и сказал, что так даже лучше. Нейролептик вводят постепенно.

Вера зажала таблетку в кулаке и вернулась на пост, чтобы запить ее водой.

Когда девушка пришла обратно, хирург по-прежнему стоял у двери.

— А теперь пошли учиться давать наркоз.

— У нас пациент? — обреченно выдохнула Вера.

— Пока нет, — улыбнулся Виктор. — Но это не значит, что он не может в любой момент появиться. Просто закрепим пройденное, ладно?

Вера кивнула и с легким сердцем пошла за хирургом.

Глава 3. Коллеги

Оказавшись на пятом этаже, девушка отметила, что сейчас там было пусто. Горел свет в четвертой операционной, но там мыли. Хирург шел прямо к стене. Вера вспомнила, что днем около нее были свалены коробки, но теперь в стене четко белела дверь.

— Люди ее не видят, — произнес хирург, хватаясь за ручку.

После этого он распахнул дверь в светлую комнату, выложенную синим кафелем.

— Это место оборудовала твоя предшественница.

Вера прошла внутрь, заметив мимоходом, что у входа вместо номера значилось N.

Виктор и Вера до двенадцати повторяли на манекене необходимые манипуляции. Хирург признался, что принес куклу, имитировавшую пациента из студенческой аудитории. Вера узнала о времени лишь когда ее напарник тяжело вздохнул, взглянув на часы, висевшие над входом. Он, и правда, часто вздыхал. Вере вдруг вспомнились слова патологоанатома о том, что жизнь хранителей была полна страданий. Что плохого могло приключиться с таким милым парнем как этот хирург?

Вера замешкалась, обдумывая эту мысль, так что Виктор перехватил ее встревоженный взгляд. Чтобы не выдавать себя, она спросила первое, что пришло в голову:

— А как у хранителя появляется дар? Кто выбирает его?

Виктор пожал плечами.

— Я думаю, он связан с прожитой жизнью. Я был хирургом до того как это случилось.

Вера отложила в сторону ларингоскоп. Ей очень хотелось послушать историю Виктора, ведь после дня, проведенного среди живых, ей снова совершенно не верилось в то, что все хранители когда-то умерли. Но она не смела просить о таком.

— Я работал в Бурденко, — продолжил Виктор.

— Нейрохирург? — с придыханием произнесла Вера, понимая, какого труда ему, должно быть стоило выучиться на эту профессию.

— Да. Я был и остаюсь отличником даже здесь, — он улыбнулся. — Может, слышала, что ко мне стоит очередь?

Вера покачала головой.

— Но ты ведь не это хотела спросить.

— Да ладно...

— Я попал в аварию, — признался Виктор. — По моей вине погибли жена и дочь.

Его лицо побледнело, а голос дрогнул.

— Я до сих пор не могу... — он отвернулся. — Их забыть.

Вера чувствовала, что обязана была что-то сделать, унять боль, но не знала как. Она так и осталась стоять, не решаясь тронуть своего товарища.

— Я разбился тут, на соседней улице, — продолжил Виктор уже спокойным тоном. — Поэтому каждый раз как я засыпаю в больнице, если, конечно, не дежурю, прихожу в себя там, на месте аварии в машине. Только их рядом нет. Они сразу же ушли — это я потом только понял, я же когда очнулся, завел машину и поехал в ближайшую больницу. Думал, они еще со мной, торопился очень. Я бросился в приемное, на помощь звать и понять не мог, почему меня никто не замечает, пока навстречу не вышла Вера.

Виктор перевел дыхание.

— Она привела меня в чувства. Но... просыпаться каждый день на месте трагедии невыносимо. Знаешь, почему ты меня так напугала? Я разбился потому, что мне под колеса бросилась девушка. Я позвонил Иннокентию и спросил у него совета как быть, пока ты ждала меня в приемном. С одной стороны тебя звали как прошлую Веру, а с другой... темные души пользуются тем, что нас больше всего задевает в нашем прошлом, чтобы уничтожить. Психиатр приказал его дожидаться, сказал, это не к добру — Иннокентий часто консультирует в других больницах. Но я вдруг так сильно испугался, что ты уйдешь... и вся больница упустит свой шанс. Мнению психиатра принято верить безоговорочно. Он все бросил и примчался, чтобы защитить нас. Но, — Виктор улыбнулся. — Убедился, что допустил ошибку впервые за долгие годы. Именно мне ты обязана нерадушным приемом, а так психиатр... ты удивишься, многие считают его милым. Он умеет производить впечатление, читает в душах... кхм. Впрочем, он хороший парень. Не злись на него, хорошо? У нас и так тут в последнее время слишком много скандалов.

Вера выдохнула.

— А он... что с ним не так?

— Он не обрадуется, если ты услышишь это от меня.

— Но ведь все об этом знают, — произнесла Вера, продолжать ее подмывало понимание того, что на человека, испытывавшего вину, легко можно было надавить.

Кажется, оно было из ее прошлой жизни. Вера толком не понимала, зачем ей история психиатра. Быть может, потому что это был самый опасный из хранителей и, зная его слабости, она могла бы его не бояться. Вере было противно признаваться себе в низменных мотивах, поэтому она выбросила эту мысль из головы.

Виктор отвел взгляд и странно поморщился, и тут девушке в голову пришла догадка:

— Он сумасшедший, — произнесла Вера и вскоре поняла, что ее фраза прозвучала слишком уверенно.

Хирург в упор посмотрел на нее.

— Люба сказала?

Вера хотела было отрицательно покачать головой, но тут хирург и сам догадался, что сболтнул лишнего.

— Не совсем так, — выдохнул он, отводя взгляд. — Иннокентий, в самом деле, пришел сюда из сумасшедшего дома. Но он не то, что ты думаешь.

Вера сглотнула, понимая, что в действительности не хотела этого слышать, но Виктор продолжил:

— Говорят, он был хорошим доктором, добрым и честным человеком, но женился на легкомысленной красавице, по большей, как он сам думал, любви. Она была то ли певица, то ли актриса, Иннокентий в ней души не чаял. Эта особа завела роман с опасным человеком, и подставила мужа, лишив честного имени и практики лишь бы выкрутиться самой. Друзья твердили доктору, кто во всем виноват, но Иннокентий не желал верить. Тогда супруга и ее любовник посадили парня на морфий и выставили сумасшедшим. Он закончил в лечебнице. Вскрыл вены, когда, наконец, решил посмотреть правде в глаза. Таких, как он, называют простаками, но я думаю, у него была добрая душа, которую эта девица пережевала и выплюнула.

— Черт, — вырвалось у Веры.

Хирург посмотрел ей в глаза.

— Ходит тут одна легенда, — продолжил Виктор. — Старше психиатра была только прошлая Вера. Она-то его и встретила у ворот больницы году так, в тысяча девятьсот девятом. Иннокентий был... очень опасен. До него психиатров в больнице не существовало, и Вера решила, что будут. Она его стражам не отдала, продемонстрировав исцеление от безумия. Она что-то в нем заморозила. Его очки тоже ее изобретение. В

них Иннокентий видит мир как обычные люди, а без них чувствует себя чудовищем... Разбить стекло в очках...

Виктор отвел взгляд.

— Единственной, кого он слушался, была твоя предшественница. Так я понял, что ты на свое место пришла. Нет лучшего способа доказать ему, что ты ровня, чем продемонстрировать, что он тоже уязвим.

Виктор перевел дыхание.

— Все хранители приходят в больницу за своим чудом и уходят, как только будут готовы принять его. Вера пообещала, что сделает его тем же человеком, каким он был до предательства жены. Но Иннокентий от этой идеи был не в восторге. Он тут прижился. Он блестящий психиатр и едва ли не самый известный из московских хранителей. В людях и диагнозах не ошибается. Если больницу закроют, все московские стационары передерутся за то, чтобы иметь честь принять его у себя. Он уникален: не только хранитель, но еще и могущественный страж.

Виктор вздохнул.

— И в этом случае сомневаюсь, что на новом месте он вспомнит о нас. Отхватит себе кабинет побольше, завесит своими картинами и продолжит существовать дальше.

— Ему, в самом деле, все равно? — подала голос Вера.

Виктор задумался.

— Я не знаю. Вот что ты должна понимать: он терпеть не может, когда к нему лезут, но он постарается вести себя мило, тебе даже начнет казаться, что он очаровательный, пока не подойдешь достаточно близко. — Виктор вздохнул. — За годы практики он научился видеть людей насквозь. Идеальный психотерапевт.

— Я бы так не сказала, — хмыкнула Вера.

— Вы встретились не в тех условиях, — прищурился хирург. — Иногда я думаю, он мнит себя эдаким кукловодом. Я обрадовался, когда ты щелкнула его по носу. Впервые увидел растерянным, аж умилился. Но я могу и его понять. Когда кто-то вот так же сожрет твое сердце, вряд ли ты захочешь снова верить людям. Несмотря на это он всем нам помогал, и мы его уважали, пока Люба не вбила себе в голову, что от него искренности добьется. В ответ психиатр заперся в своем бастиионе, и теперь, когда мы собираемся вместе, она обязательно его разозлит. Поэтому я и подумал, что это она гадостей тебе про него наговорила. Она ведь назло ему сунулась в его жилище. Я просил тебя там не селить. У Иннокентия специфичный образ жизни, но он вроде бы не огорчен. Говорит, тебе нужно наблюдение.

Вера вспомнила картины на стенах во флигеле. Так это, видимо, было творчество ее соседа. Интересно, что еще входило в понятие "специфичный образ жизни" кроме того, что он, очевидно, изображал свои психоделические путешествия в головы пациентов?

— Почему она себя так ведет?

Виктор вздохнул.

— В этом виновата Вера. Она пыталась любой ценой сделать для него то, что обещала. Вера решила, что Люба и есть та самая девушка, которая вернет ему веру в любовь, только психиатру нужно немного смелости. Я описать тебе не могу, как сильно Иннокентий тогда разозлился. Они, по-моему, так и не поговорили ни разу нормально с тех пор. Думаю, Вера наступила Иннокентию на больное, — хирург хмыкнул. — Зато Любу она вдохновила так, что мы пожинаем плоды уже не один год. Он демонстрирует ей пренебрежение. Люба злится и мстит, как может.

Вера вздохнула.

— А остальные?

— С остальными проще, — ответил Виктор. — Михаил Петрович, он репрессированный профессор, многое сделал для медицины, был ученым, главой кафедры, прекрасным врачом. Единственное, чего он больше не может это стоять у постели больного, но у него по-прежнему золотые руки. Он по-настоящему оживает только тогда, когда читает лекции студентам. В шкуре патологоанатома ему тесно, так что лучше никогда не обсуждай с ним практическую медицину, не расстраивай старика. Напоминание об оставленной практике нагоняет тоску.

Виктор перевел дух.

— Надя — сестричка из мед. сан. бата времен второй мировой, контуженная. Из-за этого о ней мало что известно. Михаил Петрович говорит не успела она толком пожить, ушла на войну в сорок первом, прямо со второго курса мед. института, отказавшись ехать в эвакуацию. Говорят, через год оказалась в немецком плену, попала в лагерь и там лечила, как умела. Что-то очень страшное она там увидела, но об этом мы только догадываемся. Надя пришла сюда в сорок третьем прямо в военной форме, с перевязанной головой. Простый патанатом не сумел ей помочь, так она и осталась немой. Михаил Петрович говорит, это не следствие органического дефекта. Иннокентий с ним согласен, он практикует тут психологическое консультирование. Увлёкся этим в тридцатые, чтобы доказать Вере, что с чувствами у него все в порядке. Ты удивишься, узнав, сколько он зарабатывает консультациями, я имею в виду обычными, не по хранительским делам. Ему твоя комната была нужна, чтобы превратить ее в консультационный кабинет. Но Люба предпочла доставить ему неприятности, Иннокентий до сих пор встречает клиентов в подсобке за ординаторской. Мы все можем работать за деньги только на территории больницы. С Надей они до ужаса похожи в нежелании избавляться от собственных проблем. Она его клиентка с сороковых годов и пока никакого прогресса, хотя Иннокентий уверяет, что это не так.

— А Любовь? — заговорила Вера.

— Ничего особенного тебе про Любу сказать не могу, кроме того, что она увлеклась Иннокентием к общему прискорбию. Она сама нам не рассказывает. Вера ей зачем-то в голову вбила, что у нее особая миссия, а мы теперь плоды пожинаем, — пожал плечами Виктор. — Люба здесь не многим дольше тебя. Лет десять.

Вера передернула плечами, удивившись тому, что десять лет для хирурга был срок недолгий.

Виктор еще раз взглянул на часы.

— Заболтались мы с тобой. Вот теперь точно пора, пойдем!

— Куда? — удивилась Вера.

— Михаил Петрович обещал собрать хранителей сегодня, чтобы познакомиться, — приподнял брови Виктор.

— Но я вроде всех видела, — вздохнула Вера.

— Нет, — взглянул на нее хирург. — Ты еще не знаешь Иваныча.

Вера непроизвольно поежилась. Кто мог предположить, кем окажется очередной хранитель? В том, что у каждого из них были неприятные тайны, новый анестезиолог уже не сомневалась.

— Нам можно вот так всем вместе собираться, — по дороге объяснял хирург. — Только в чрезвычайных ситуациях или после полуночи, когда больница уже почти отошла ко сну и наша помощь не так уж и нужна ее обитателям.

Вера шумно вдохнула и зябко обхватила себя за плечи, когда они вышли на улицу. Холодная осенняя ночь дышала в лицо, и девушка вновь с полной силой опустошающего разочарования ощутила, что стала призраком, навечно связанным с этими старыми и обшарпанными корпусами, где болели и умирали люди.

— Мы ведь все духи, — неожиданно подтвердил ее мысли Виктор. — Добрые, правда. А Иваныч... он жил на этой земле еще до того, как тут построили больницу.

— Что? Но разве не Вера была самая старшая?

Виктор покачал головой и обернулся к спутнице.

— Он, как бы тебе сказать, все знают, что он человек не до конца. А точнее, никогда им не был. Он это то, что высшие инстанции присылают на землю, когда решают, что у конкретного места будет особая миссия. Это привратник.

Вера удивленно взглянула на спутника.

— Ты верно поняла, — кивнул ей Виктор. — Он отвечает за двери в загробный мир. Это в морге, а он вроде таможенника, который проверяет документы. То, как происходит переход для многих из нас тайна, но я думаю, что если в твоих проездных документах много хороших отметок, ты получаешь добрую участь, если нет — злую. Хранители в больнице помогают людям подправить то, что еще можно. Каждого из нас он когда-то задержал на пороге и выдал нынешние удостоверения. Но мы этого не помним. Его дело дверь, люди отправляются на тот свет довольно часто, и ему нельзя надолго оставлять ее без присмотра, иначе скопится очередь и кто-нибудь из духов попытается сбежать, а от этого жди беды. По той же причине он никак не влияет на жизнь хранителей, пока в больнице все идет своим чередом. Я знаю, что Иваныч сказал свое слово лишь пару раз, но оно было окончательным. Сегодня он тоже придет.

— Он вообще разговаривает? — спросила Вера, ощущая себя еще более некомфортно, чем с утра во время разговора с патологоанатомом.

Виктор задумался.

— И нет, и да. В основном он отвечает на вопросы. Односложно. Хранители постарше меня о нем разного мнения, Михаил Петрович считает его чуть ли не аватаром высшей мудрости, ну а Иннокентий чем-то вроде бездушной куклы, от Нади на этот счет ничего не добьешься. Сам я толком не разобрался. Иваныч очень странное существо.

Наконец, Виктор к удивлению Веры остановился перед тем корпусом, где поселилась юная хранительница, и пропустил девушку в железную дверь. Поднимаясь наверх, она подумала, что собрание, должно быть, у Иннокентия, но шагнув в коридор, поняла, что хранители в ее комнате. Оттуда исходил приглушенный свет и долетали голоса. Вера ступала осторожно, готовая встретить в комнате полупрозрачные тени. После всего, что она сегодня услышала и узнала, было бы справедливо увидеть коллег в их истинном облики.

Виктор распахнул дверь, и Вера вошла. В комнате было светло, тепло и... накурено? Вера не любила запах табака. К счастью, психиатр догадался открыть окно. Именно он сейчас с наслаждением затягивался сигаретой, сидя на широком подоконнике. До ее появления хранители вели неспешный разговор, но как только Вера вошла, все молча обернулись к новой коллеге, гомон утих.

— Что-то вы задержались, — произнес Михаил Петрович. — Я уже начал волноваться, что у тебя, Вера, снова возникли сомнения...

Девушка поняла, что должна была что-то ответить на это, но не могла открыть рта. Она разглядывала лица хранителей, и в этот миг ей казалось, будто она видит их настоящими людьми с тяжелой судьбой, которую они молча оставили за плечами, чтобы помогать другим, тем кому, возможно, никогда не бывало так же плохо как им самим когда-то. Вера ощутила что-то похожее на священный трепет. Не может быть, чтобы она могла оказаться такой же самоотверженной. Кто-то наверху, должно быть, переоценил душевные качества Веры.

Она посмотрела в глаза патологоанатому. Что-то вроде эха воспоминания билось в висках. Она знала историю этого человека, слышала ее от одного из преподавателей когда-то. Возможно, она смогла бы вспомнить его настоящее имя, но не посмела бы произнести вслух. Вера словно против воли перевела взгляд на Иваныча и поняла, что он не простил бы ей непослушания. Это было одно из нерушимых правил жизни при больнице. Каждый из хранителей узнает подробности своего прошлого только когда для этого приходит срок.

Она, в самом деле, без труда узнала привратника, хоть и выглядел он так, как Вера совсем не ожидала. Она рассчитывала встретить тут эдакую тень смерти, бездушного и почти бесплотного Харона в черном саване. Иваныч был одет санитаром морга и выглядел ему под стать — полноватый и с виду пропитый небритый мужчина неопределимого возраста. Такие в свободное время играют где-нибудь в подсобке с дворниками в шашки, а вечером по дороге домой заливают в себя дежурную бутылку водки. Создавалось впечатление, что Иваныч уже так долго обитал при больнице и в этой стране, что научился блестяще копировать нравы ее обитателей. Тяжелый взгляд был единственным, что выдавало в нем принадлежность к потустороннему миру.

— Здравствуй, Вера, — поприветствовал ее Иваныч.

И девушка сделала неуверенный шаг в комнату.

— Что-то случилось? — участливо спросил патологоанатом.

Он не мог пропустить ее потрясенного взгляда.

— Не тревожьтесь попусту, профессор, — заговорил психиатр и посмотрел девушке за спину.

Вера снова вздрогнула, понимая, что едва опять не встретилась с Иннокентием взглядом. Воспоминания о прошлом разе слишком ясно ожили в памяти. Сейчас она видела лишь, как ярко блестели стекла его очков, и Вера вдруг подумала — а можно ли вообще через них было разглядеть его глаза? Психиатр затушил сигарету о блюдечко, которое предусмотрительно держал в руках для того, чтобы собирать пепел, и выдохнул струйку дыма.

— Витя трепло, — с этими словами психиатр оттолкнулся от подоконника и прошагал к незанятому стулу рядом с Любовью. — Напрасно вы переживали, Михаил Петрович, о том, как вам с Верой разговаривать. Она уже все знает и о вас, и обо мне.

После этого Иннокентий сложил на столе руки замком и поднял голову. В его позе, жестах и голосе было столько уверенности в собственной непогрешимости, что Вера ощутила неприятное, смешанное с завистью чувство, отголоски которого она слышала в тоне хирурга, когда тот характеризовал коллегу. "Не можешь ты постоянно быть прав", — с досадой подумала она: — "Ведь ты всего лишь человек, какой же, как и мы все. Пускай и довольно талантливый".

— Гусь, — едва слышно раздалось позади.

После этого Виктор вышел из-за ее спины и прошагал к столу. Прежде чем сесть самому, хирург отодвинул стул для Веры. Выглядело это недвусмысленно, так, что Вере так же пришлось приблизиться к прочим хранителям. Коллеги молчали, обдумывая, видимо то, что их тайны без разрешения попали к чужачке. Вера почувствовала себя виноватой. Ей стоило быть менее настойчивой! И ведь ей теперь совершенно нечем было им отплатить — она ничего не знала про себя, как, видимо, и другие. Хотя... психиатр ведь сказал, что видел что-то о ней. Вера подняла голову и вздрогнула от того, что в этот самый миг Иннокентий смотрел на нее. Девушке тут же сделалось здорово не по себе.

Вера аккуратно перевела дыхание. Это было похоже на то, когда смотришь в глаза голодному хищнику, ни в коем случае нельзя отводить взгляда, иначе он нападет. И Вера, кажется, выдержала. Не смотря на свой страх неудач в медицине, в жизни она всегда была неробкого десятка. Психиатр скрестил на груди руки и немного откинулся на спинку стула. В последний раз ослепительно блеснули стекла очков, и Вера неожиданно разглядела его глаза. Голубые. Это сочетание вдруг показалось ей завораживающе красивым. Иннокентий был белокожий брюнет. Разве у темноволосых людей бывают такие глаза?

Лицо психиатра было по-прежнему равнодушно-спокойным, словно они тут не в гляделки играли с ним. Вера открыла для себя истинные мотивы соперника. Конечно же! Он злится потому, что его история больше не была для нее тайной. Не такой уж он и безразличный, как демонстрирует! Вера ощутила торжество. Вдруг ей отчаянно захотелось снять с него очки, чтобы еще раз взглянуть на то, чего все так боятся. Ей неожиданно стало ясно, что оно неопасное, по крайней мере, не для нее. Ведь прошлая

Вера сумела как-то совладать с этим, справилась бы и она... Додумать эту мысль она не успела.

— Так и будете глазеть друг на друга? — вмешалась Любовь. — Ты же не собираешься мстить ей за сломанные очки?

Психиатр фыркнул и иронично взглянул на Любовь так, что без слов становилось ясно, что он предпочел бы, чтобы дама, сидевшая от него по правую руку, вообще никогда не открывала рта. Кардиолог смутилась. Вера, посмотрев на них, почувствовала себя неудобно. Эти двое были словно пара, женатая по расчету. Не чувствовавшие друг к другу ни уважения, ни любви, но обреченные жить вместе и из последних сил терпеть друг друга. Остальные хранители, судя по их скучающим взглядам, видимо, не рассчитывали это как-то исправлять. И тут Вера заговорила:

— Это некрасиво, — адресовала она психиатру. — Если не любишь кого-то, то лучше прямо сказать об этом, чем изводить презрением и холодностью. Мучить кого-то так же, как кто-то однажды тебя — нет ничего, что бы лучше доказывало то, как сильно изуродовала твою душу старая драма. Странно, что психиатр такого не понимает.

Закончив, Вера тут же получила доказательство тому, что Иннокентий умеет удивляться. Лицо его вытянулось.

— Ого! — выдохнул, сидевший слева от Веры хирург. — С чего ты вдруг так взъелась на психиатра?

Иннокентий в этот миг вскочил. Вера почувствовала, как в животе порхают бабочки, когда увидела, как побелели кончики пальцев, которыми психиатр впился в крышку стола.

— Я ведь спас тебя от самой неприятной участи! Ты чуть не угодила туда из-за своих ошибок! — голос Иннокентия дрожал от с трудом сдерживаемого напряжения. — И я не позволяю себе распространяться о них! А ты еще смеешь меня отчитывать?!

С этими словами психиатр поднялся и скорым шагом покинул комнату. Надя вскочила со своего места и бросилась следом. Какое-то время она еще стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу и глядя вслед психиатру. Наконец, она вернулась к столу и села, шумно вздохнув.

Вера с трудом заставила себя обернуться и посмотреть в глаза оставшимся. Михаил Петрович молча качал головой, разглядывая свои сложенные на столе руки. Любовь была бледна так, словно отчитали разом и ее. Один Иваныч с видом недоступного смертным блаженства смотрел перед собой. Похоже, ему одному пришлось по вкусу то, что Вера щелкнула зазнавшегося психиатра по носу.

— Клянусь, я впервые вижу его таким, — негромко заговорил Виктор, накрыв руку анестезиолога своей. — Вер, ты, и правда, особенная. Здесь тема его смерти запретная.

Патологоанатом повел в воздухе рукой.

— Не надо об этом, — выдохнул Михаил Петрович.

Хирург послушался.

— Вот что, — произнес, сделав небольшую паузу, патологоанатом. — Нам надо закончить то, зачем я собрал вас, даже не смотря на... отсутствие Иннокентия. Вера!

С этими словами Михаил Петрович посмотрел на нее.

— Ты должна знать, что среди нас ты главная, эта привилегия перешла тебе по наследству. Пока тебя не было, я собирал хранителей у себя, но теперь, когда ты вернулась, мы будем встречаться здесь по важным вопросам. И еще кое-что: ты имеешь право приказывать каждому из нас, но... — холодно блеснули голубые глаза. — Я взываю к твоему разуму. Будь, пожалуйста, осторожной! То, что ты сегодня сказала, может привести к тому, что мы потеряем нашего психиатра. Ты ведь знаешь о его талантах?

Вера кивнула.

— Он выдающийся хранитель и частенько защищает нас, — продолжил Михаил Петрович. — Не говоря уже о том, что тебе, Вера, без его лечения было бы очень трудно оставаться тут.

С этими словами профессор встал из-за стола.

— Я разыщу его, — сказал он, на ходу накидывая пальто, которое снял с вешалки при входе. — И поговорю с ним.

Вскоре патологоанатом вышел. За ним бесшумно оделась и покинула комнату Надя. Любовь собиралась куда дольше и более шумно, чем того хотелось бы Вере. У кардиолога постоянно что-то валилось из рук, но, наконец, и ее тяжелые шаги стихли в коридоре. Безмятежный Иваныч откланялся, успев сказать на прощание "Добро пожаловать, Вера" прежде чем словно дым растаять в дверях. Казалось бы, состоявшаяся ссора его ничуть не расстроила. В конце концов, его работа никак не зависела от того как и в каком составе хранители будут трудиться в больнице.

Моргнула лампа и Вера поняла, что Виктор все еще сидит с ней рядом.

— А ты? — негромко спросила она.

Хирург пожал плечами.

— Мне некуда идти.

— То есть... — заговорила Вера и осеклась, вспомнив то, что он ей о себе рассказывал.

Как только он заснет, то тут же очнется на месте аварии — поняла девушка и шестым чувством осознала, что Виктор тянет время до ночлега. Он остался потому, что они оба чувствовали себя на редкость паршиво.

— Иннокентий ведь снова оказался прав, чтоб его! — с этими словами хирург со всей силы стукнул кулаком о стол. — Я трепло!

Вера посмотрела на коллегу и спросила:

— Михаил Петрович сказал, что хранители не могут выпить, но что вы делаете, когда плохо идут дела?

Виктор взглянул на нее исподлобья.

— Почему же не могут? Я пробовал пару раз, — и вышел.

Вскоре Виктор вернулся с несколькими бутылками коньяка и, выставив их рядом на стол, разлил содержимое первой по стаканам. Вера подумала, что хирург принес алкоголь из ординаторской. По крайней мере, коньяк часто дарили благодарные пациенты лечащим врачам.

Содержания беседы Вера не запомнила. Только свой последний вопрос.

— Думаешь, он вернется?

— А не хрен бы с ним? — отозвался хирург. — Все тут носятся с этим психиатром как с писаной торбой. Поэтому он слишком много о себе думает. Больница разваливается не потому, что он может перестать тут консультировать и с ним уйдет столетняя история. Ее разрушает время, в котором мы живем и оно сильнее всяких там Вер и психиатров. Когда-нибудь я приоткрою для себя его законы...

Кажется, после этих слов хирург уснул. Вера тоже вырубилась, в одиночестве прикончив еще одну бутылку.

К ее облегчению, кошмаров ночью не было. Вера проснулась от будильника, который предусмотрительно завела вчера, когда проспала до десяти. Девушка с трудом разлепила глаза. На часах было семь. Было уже светло. Тело затекло от пребывания в одной позе — Вера уснула за столом. Она поднялась и огляделась. Хирурга нигде не было, только стоял недопитый им стакан.

Вера погляделась в зеркальную дверцу шкафа — выглядела она еще хуже, чем прошлым утром, да и сегодня от нее, наверное, еще и пахло. Выпив таблетку, девушка разыскала вчерашние покупки и, достав из сумок полотенце, шампунь и гель для душа отправилась в ванную. Дверь плохо подавалась и лишь когда с той стороны отодвинули задвижку, Вера поняла, что она была заперта.

Из клубов пара навстречу ей вышел психиатр. Он был в строгом, но явно дорогом черном костюме — похоже, он всегда носил черное. Стекла очков немного запотели, и мимоходом Вера подумала, как это, наверное, было неудобно всю жизнь быть обреченным носить очки. Интересно, хотя бы в душе он их снимал?

К груди был приколот бейдж, на котором было выгравировано: "Иннокентий Вольфович Курцер, врач-психиатр высшей категории, к.м.н.". Так вот как официально называлась его должность! Вера поняла, что сосед, должно быть, отправлялся консультировать в какой-то из соседних стационаров, и позавидовала ему. Хотела бы она так же свободно перемещаться! Но вдруг девушка испугалась. А если он идет договариваться о новом месте работы?

Психиатр молча прошагал мимо, не удостоив Веру взглядом, девушка зашла в ванную комнату и не глядя, бросила полотенце на стул у двери. Затем она осмотрелась. В ванной было просторно и красиво. После картин психиатра и его манеры вести себя, Вере казалось, что в его жилище должен был твориться кавардак.

— Похмелье? — долетело в спину, и Вера выдохнула.

Ей почему-то казалось, что сосед с ней больше не заговорит. Хотя, что она ему такого сказала? — думая об этом, Вера обернулась. Почему она должна была чувствовать себя виноватой за единственное довольно справедливое замечание? Ах да, встретившись взглядом с психиатром, поняла она — Вера не имела никакого права совать нос в прошлое Иннокентия без его разрешения. Так что она снова смутилась и тут же поняла, что психиатру, должно быть, большое удовольствие доставляет видеть ее раскаяние, как, впрочем, и то, что вчера вечером она из-за него напилась. Вот же, а!

— Виктор снова опустошил мой погреб, — сообщил Иннокентий, уже двигаясь к лестнице. — Когда увидишься с ним сегодня, передай, что третья такая выходка за месяц, это уже слишком для квартиранта, с которого я даже ничего не прошу за постой!

После этого сосед сбежал вниз по ступеням. Вера осталась в недоумении стоять на пороге ванной комнаты. Следом она вернулась к себе и набрала сообщение Михаилу Петровичу: "Иннокентий остается?". Вскоре пришел ответ: "Не переживайте, Вера, я все с ним уладил".

Девушка довольно долго приводила себя в порядок. Теплая вода произвела на нее ошеломительное впечатление. Вера ощущала себя живой, переживая то, как струи обнимали ее тело. Это было такое долгожданное столкновение с чистотой, так что девушка провозилась в ванной куда дальше положенного. Когда она вышла наружу, то поняла, что опаздывает на пятиминутку. Швырнув вчерашнюю форму в грязное белье, Вера примерила новый костюм, причесалась, накрасилась и осталась довольна своим внешним видом — этих необходимых частей своего утра она никак не могла пропустить, даже рискуя работой.

Потом Вера выскочила наружу, захватив с собой все необходимые медицинские принадлежности. Пели птицы и светило солнце. Вера на мгновение задумалась о том, как же хорошо все-таки было оставаться живой, хоть она сама и не была жива в привычном смысле, двигаться, дышать, творить добро — это была хорошая участь.

По пути ей встретился Виктор. Выглядел хирург помятым. Он только что припарковал машину у хирургического корпуса, и Вера еще раз с удивлением рассмотрела ее. Это была сравнительно новая иномарка, пронзительно-красного цвета. На заднем стекле была наклеена туфелька. Машина его жены? Но почему такая новая? Виктор без сожаления швырнул ключи в мусорный бак, Вера проводила это движение недоуменным взглядом. И тут хирург ее заметил.

— О! — проговорил он. — Опаздываешь. Я-то не торопился потому, что у меня сегодня отгул. Но Иваныч уведомил меня, что у нас с тобой работа. Теперь уж придется отстоять

день. Через пятнадцать минут наверху. Ладно?

Вера кивнула и с замиранием сердца пошла готовиться к операции.

Глава 4. Путь хранителя

Когда Вера поднялась наверх, хирург уже успел надеть стерильный халат, бахилы, шапку и маску. Это зрелище грело ее душу, и девушка улыбнулась.

— Помочь с перчатками? — спросила она, посмотрев в сторону сложенных стопкой белых пачек, в которые паковали хирургические латексные печатки.

Самому это не так просто натянуть.

Виктор неожиданно ответил тяжелым взглядом исподлобья. Вере вдруг вспомнился вчерашний вечер. Хирург, должно быть, переживал по поводу того, что без спроса выболтал чужие тайны. Или же настроение ему подпортило похмелье.

Виктор вздохнул и покосился на стопку листов, что оставил на тумбочке при входе.

— Вер, пока не забыл, — пояснил он. — Там твой график дежурств и документы от кафедры. Закончим, заберешь.

— Что за дежурства? — спросила Вера.

— Каждую ночь по стационару остается ответственным кто-то из нас. Это на случай неприятностей. Но, в сущности, обычно мы просто делаем свою врачебную работу. Ничего страшного. Пока не вышла ты, у каждого было по пять ночей в месяц. Теперь должно стать по четыре.

Виктор посмотрел на лист.

— А нет, — усмехнулся он. — У меня по-прежнему пять. Иваныч решил, что в первый месяц тебе понадобится помощь, будешь выходить не одна. Справедливо.

— Он составляет график? — обомлела Вера.

— Ага, — отозвался хирург. — Он проявление организующей силы в этой больнице. Вроде Минздрава. С ним не спорят.

— А Вера?

— Вера вроде главного врача. Она занимается тем, чтобы все в больнице шло правильно и не вызывало вопросов у высших инстанций. Но работа и распределение поступает от Иваныча. В конце концов, обычно именно он решает, кому становится хранителем. Когда так сделала Вера, у нас появился психиатр и больше не пробовали.

С этими словами Виктор ухватил бумагу, лежавшую под графиком.

— Это путевка, — пояснил хирург. — Иваныч печатает их, если считает, что пора задействовать мертвяцкую бригаду. Это когда находится душа, которая ну вот прямо совсем не хочет во Врата. Мы должны ее убедить.

Вера приняла лист из его руки и взгляделась в строчки.

— Анамнез вите? — удивленно переспросила она.

— Что тебя удивляет? — спросил хирург.

Вера покачала головой. Ей было странно, что санитар морга знал такие слова.

— По сути это та же история болезни, — хирург со вздохом забрал бумагу из рук помощницы. — Сделано так, чтобы нам с тобой было понятней. Так, так, — причитал он, пробегаась взглядом по строчкам. — Ясно. Ну... на сей раз не сложнее аппендектомии. Это одинокая старушка. Всю жизнь прожила со своими кошками и так и не решилась сблизиться с кем-нибудь. Ее горе могло бы сделать с ней что-нибудь жуткое. Но, к счастью, есть мы. Наша задача дать ей уверенность в том, что в этой жизни она была любима, поэтому сможет быть смелее в следующей. Пойдем!

— Следующей? — одними губами прошептала Вера.

— Ага.

После этого Виктор всунул ей в руки листок, в котором девушка прочитала: "Вова, сосед, подарил в детстве котенка"... Через пару строк "Евгений в институте звал в кино... Был беспартийным, боялась осуждения одноклассников и родителей".

Вера проглотила комок. Ей было трудно читать дальше. Виктор уже зашел в операционную, и анестезиолог поспешила за ним. На операционном столе лежала сухонькая старушка и явно очень нервничала.

— Не волнуйтесь, Маруся, — кивнул ей Виктор. — Тут делов на полчаса, мы попотеем, а вы пока славно поспите.

Слова хирурга женщину ничуть не успокоили. Тогда к ней приблизилась Вера и, погладив сухую руку, сказала как можно мягче:

— Все будет хорошо.

И тут по ее пальцам пробежало нечто вроде электрической искры. Старушка вдруг заерзала на столе, так, словно устраивалась в кресле перед телевизором, чтобы вздремнуть.

— Ну что ж, тогда начинайте, — прикрыв веки, разрешила она.

Вера в этот миг поймала напряженный взгляд Виктора и невольно отпрянула. Это было оно. Сработал ее дар. До этого Вера и представить себе не могла, что в ней действительно дремал талант хранителя.

— Приступай, — едва слышно произнес Виктор, так словно боялся пациентку разбудить.

И Вера стала действовать по схеме, которую они с хирургом вчера тренировали допоздна. Индукция и интубация прошли как по маслу. Анестезиолог присоединила дыхательный контур и дала газ. После этого обессиленная Вера опустила на стул и посмотрела на свои руки. Во второй раз уже не так и страшно.

Мерно бились показатели жизнедеятельности на мониторе. Хирург что-то сосредоточенно делал за простыней.

— Давно у меня в операционной не было так тихо и спокойно, — донеслось до анестезиолога. — Спасибо тебе за работу, Вера.

Вера приподнялась и обогнула капельницу, загораживавшую ей обзор. В первый миг девушка обомлела. Хирург оперировал на открытом сердце.

— О боже, — вырвалось у Веры, и Виктор взглянул на нее.

— А где, по-твоему, расположена храбрость? — прищурился хирург, не отрываясь от дела. — Подсажу ее, и в следующей жизни дела у старушки пойдут бодрей.

— Ты сам этому научился? — выдохнула Вера.

— Чему-то сам, что-то подсказали коллеги и твоя предшественница.

Угрожающе пискнул монитор, и Вера поспешила проверить состояние пациентки.

— Знаешь, — заговорила девушка. — Таланты Иннокентия явно переоценены. То, что делаешь ты удивительно.

Хирург поднял голову и на миг оторвался от операции.

— Возможно, ты поменяешь свое мнение, когда увидишь его в деле, — хмыкнул Виктор и снова сосредоточился на ране.

Вера оперлась о наркозный аппарат. Первый шок прошел, она убедилась в том, что все шло нормально и теперь ей хотелось поговорить.

— А ты, правда, живешь у психиатра?

— А что?

— Да так... слышала просто.

— Я у него не живу, — донеслось в ответ. — Мне просто нужно где-то засыпать. И он любезно предоставляет для этого свой диван в гостиной. Это со мной еще с тех пор как я попал сюда. Бессонница. И я тоже, как ты, сначала отказывался от помощи. А потом проходил как зомби один раз четыре дня к ряду и чуть не обратился духом. После этого я ничего против лечения не имею. Иннокентий время от времени пичкает меня таблетками, но настаивает, чтобы я только при нем их принимал. А вчера, когда он изображал истеричную барышню, мне пришлось обезболиться другим способом.

Вера перевела дыхание, когда хирург произнес "обезболиться" и совершенно ясно поняла, что с ним произошло что-то похуже аварии. Будь в его жизни одна она, его бы просто прооперировал местный хирург и отправил бы в портал Ивана.

В это время пульс на мониторе снова зачастил, о чем Веру предупредил датчик, и она поспешила к пациентке. Шестое чувство подсказало юной хранительнице, что женщине больно. И вместо того, чтобы добавить фентанила, она, повинувшись внутреннему порыву, положила свои руки пациентке на виски. Вдруг совершенно ясно перед ней вспыхнула картина: чистый светлый холл, полный студентов и симпатичный кудрявый юноша в вязаном свитере.

— Марусь, пойдем со мной в кино, — сказал он. — Я билеты достал. Ничего что не позурибришь часок, все же знают, что ты отличница.

Это был тот самый Евгений из записки.

— Скажи, что ты сожалеешь, что отказалась, — прошептала Вера.

— Я... — услышала она.

И в этот миг Веру выкинуло из сна. Вовсю орали датчики. Монитор рисовал прямую там, где должна была быть кривая дыхания и сердцебиения.

— Я что-то... видела, — пробормотала Вера, прижимая руку ко лбу.

Голова разрывалась от боли и горела.

— Ты начинаешь понимать, как работает дар, — произнес оказавшийся рядом хирург. — Это хорошо. Старушка ушла, а мы свое дело сделали. Вер, тебе надо отдохнуть. Я схожу за лекарством.

Вера опустила на банкетку в перодперационной и согнулась пополам. Ей было плохо.

За дверями как назойливые мухи жужжали медсестры и их девичьи голоса, которые не вызвали бы у Веры раздражения, будь она в другом состоянии казались анестезиологу теперь ужасно громкими.

— Рассказывают тут реаниматологи, — долетало до Веры. — Как будто в больнице по ночам ходят мертвые хирург и анестезиолог.

— Правда? — заговорила другая.

— Ага, стучатся в отделение, когда кому-нибудь время скончаться. Не звонят, а именно стучатся. Вот ты идешь открывать, а на пороге никого. Только скользнет в щелку ветер. А потом смотришь, больной, который еще недавно совсем без сил лежал с кем-то разговаривает. Диву даешься. Но если свет горит так, что можно разглядеть отражение в стекле окна, то обязательно увидишь рядом с постелью будущего мертвеца две серые тени. Она с чемоданчиком для лекарств, а он в стерильном костюме. Такие больные всегда умирают тихо, когда меньше всего ждешь. Хирург и анестезиолог их наверх отправляют, тех, кто заслужил это своей доброй жизнью.

— Ого, — выдохнула другая медсестра.

Вера согнулась и, спрятав лицо в руках, не смогла совладать со смехом.

— Чего вы тут байки травите, девочки? Давайте лучше за работу. В операционной заждались! — это был голос Виктора.

Следом хирург показался в комнате.

— Ты чего, Вера? — произнес он, присаживаясь на колени подле нее.

Анестезиолог убрала от лица руки и поняла, что они были мокрые. Вера одновременно смеялась и плакала.

— Мы все когда-нибудь сможем выбраться отсюда? — спросила она.

Вместо ответа Виктор ее обнял.

— Все хорошо, — говорил хирург, гладя девушку по спине. — Вера, мы здесь затем, чтобы помочь не только другим, но и себе. Как только ты избавишься от того, что тебя мучает, то сможешь отправиться дальше с чистой душой, а на твое место придет новый доктор.

Вера отпрянула.

— Спасибо, — дрогнувшим голосом произнесла она.

— Это еще не все, — улыбнулся Виктор, показав ей шприц. — Тут кетонал, кофеин и но-шпа. У прошлой Веры после операций тоже всегда болела голова. Ей становилось легче от этого. Я думаю, тебе пока не стоит спускаться в отделение. Тем более, у тебя в два студента.

Хирург взглянул на наручные часы.

— Сейчас без десяти двенадцать.

Вера мучительно вспомнила, что, по словам Любви, тоже должна была числиться сотрудником кафедры.

— Но я ведь ничего не знаю!

— Если поторопишься, еще успеешь посмотреть, как читает профессор. Лекция по сердечно-сосудистой системе, конечно, далека от асептики и антисептики, — хирург вздохнул. — Но на Михаила Петровича стоит взглянуть хотя бы раз.

После этого хирург сделал Вере укол в плечо и напутствовал:

— Он в соседнем корпусе в конференц-зале. И забери журнал.

— Хорошо, — согласилась Вера, принимая в руки очередную документацию.

Вера без труда обнаружила место сбора студентов. У конференц-зала было шумно, стайки молодых людей в накинутых поверх уличной одежды белых халатах что-то живо обсуждали, сгрудившись у дверей. Часть учеников уже разместилась в зале. От шума у Веры с новой силой загудела голова и она подумала, что ненавидит студентов всей душой.

Это был терапевтический корпус, проходивший мимо медперсонал удивленно поглядывал на шлявшегося без работы реаниматолога, о чем извещал их Верин бейдж. Девушка не стала снимать с лица маску, опасаясь, как бы не дохнуть ни на кого перегаром. Из кармана торчал ларингоскоп, который Вера безотчетно туда сунула, закончив с интубацией. Словом, выглядела она так, будто только что убежала с операции и ночь не спала.

Вера подперла спиной выложенную мрамором стену, стараясь игнорировать всеобщее удивление.

— Верочка? — прозвучало над ухом.

Это был Михаил Петрович. Профессор был в наглаженном халате. В руках он нес сумку для ноутбука, под мышкой какие-то схемы.

— Ищете меня? — удивился он. — Надеюсь, ничего не случилось, Вера?

— Нет, — призналась Вера. — Виктор посоветовал сходить на лекцию. Сегодня после нее у меня первая группа, а я ведь... никогда не преподавала.

— А, — отозвался профессор. — Но, Верочка, мы с вами с разных кафедр и ведем разные дисциплины.

— Да?

— Я читаю лекции по пропедевтике, а вы преподаете хирургию, — патологоанатом поудобнее перехватил схемы, чтобы они не вывалились у него из рук.

— Так здесь много кафедр? — обомлела Вера.

— Несколько. Больница сотрудничает со многими ВУЗами.

— Ясно. Но... вы же патологоанатом.

— Совершенно верно, — кивнул профессор, и на его лице промелькнула тень, видимо, давно и тщательно скрываемого разочарования. — Вы не представляете, чего стоило уговорить их позволить мне читать эту дисциплину. Но мои лекции с тех пор самые посещаемые, что косвенно говорит о том, что я старался не зря.

С этими словами Михаил Петрович прошагал в зал, продолжая на ходу. Вера за ним последовала, потому что невежливо было сейчас уйти.

— До этого я, конечно же, читал патологию. Продолжаю и по сей день на другой кафедре. Но моя истинная страсть кардиология. Это хорошо, Верочка, что вы пришли. Будете переключать слайды. У меня сломался от проектора пульт, а я не люблю, когда меня что-нибудь отвлекает. Так что следите за контекстом и своевременно демонстрируйте студентам материал. Я вам помогу.

Вера вздохнула. Ну и занятие профессор ей нашел!

Студенты затихли, когда Михаил Петрович стал подключать ноутбук. Кто-то на первых рядах указал товарищам на них с Верой. "Подсобничий", — долетело до нее. Похоже, профессор был известен в широких студенческих кругах. Интересно, что конкретно сделало ему имя? Строгость? Чудаковатость? Или все-таки хорошее изложение материала?

Наконец профессор раскрыл ноутбук и выпрямился. Вера взглянула на презентацию на экране и тяжело вздохнула. "ЭКГ-диагностика пороков сердца" на сто слайдов. Это будут долгие полтора часа. Не испытывая энтузиазма, она заняла свое место около ноутбука, стараясь выглядеть внимательной. Не расстраивать же, в самом деле, старика.

Первым делом профессор поздоровался с аудиторией и объявил, сколько в этом семестре у него было тем. Вера помнила, что на кафедре пропедевтики лекции читали разные специалисты. Теперь-то она уже совсем не сомневалась, что студенткой не раз бывала в этой больнице. Однако Михаил Петрович Пособничий был совсем незнакомым ей явлением. Вера задумалась. Наверное, она его лекции прогуляла. Она, похоже, не была прилежной студенткой. Однако, судя по энтузиазму, который испытывала аудитория, они пришли сюда чуть ли не как на захватывающий аттракцион.

Лекция началась, и постепенно Веру увлекло то, о чем говорил профессор. Он не использовал сложных фраз и не старался выглядеть умней. Каждый пример он подкреплял случаем из практики, объяснял, почему так важен тот или иной пик на ЭКГ. Где-то на середине Вера поняла, что понимает проводящую систему сердца. К концу эта тема уже не казалась ей настолько запутанно-пугающей.

— Ну что ж, птенцы, — обратился в аудитории профессор. — Встретимся с вами через неделю. Всю кардиологию буду читать вам я.

Аудитория отреагировала довольным гулом.

— Спасибо! — донеслось из зала.

— А те, кого моя тема заинтересовала, могут подойти и записаться ко мне в кружок.

Несколько студентов тут же вскочили со своих мест. Вскоре профессора окружила стайка молодых людей. Вера поднялась со стула. Ее переполняло странное чувство. "Я абсолютно точно знаю, кто вы такой!" — стучало в висках.

Михаил Петрович взглянул на нее, и Вера вышла, опасаясь того, как бы непрошенное откровение не сорвалось с ее языка. В дверях ее встретил Виктор и девушка, до того считавшая плитки пола под ногами от неожиданности отпрыгнула.

— Ну как? — улыбаясь, спросил хирург.

— Мне кажется, я знаю его имя, — выдохнула Вера. — И это преследует меня.

Виктор улыбнулся.

— Не бойся, скоро перестанет, — с этими словами он похлопал по стене, на которой была укреплена мемориальная табличка. — Мы все давно догадались. Оно тут повсюду, потому что это заметный деятель кафедры. Странно, что он сам этого не замечает. Он с самого начала отличался непреодолимой тягой к дисциплине, которую сейчас преподает. Не представляешь, как грустно было наблюдать за тем, как он обивал пороги, пытаясь попасть обратно на кафедру. Но, посмотри... — Виктор указал внутрь.

Девушка заглянула в зал. Михаил Петрович увлеченно беседовал со студентами, и от этой сцены веяло таким ощущением правильности, что Вере на мгновение стало тепло.

— Это его отдушина, — пояснил Виктор. — Он собирает свой кружок каждую пятницу или в день, когда дежурит и отправляется с ними в обход по самым интересным пациентам. Врачи специально оставляют сложные истории в ординаторских на условленных местах и ждут, как когда с утра в них появится рецензия профессора, сделанная от руки. За пятнадцать лет он вырастил для больницы уже не одного хорошего специалиста. Лекции по пропедевтике он читает года четыре и за это время многократно увеличил аудиторию своего кружка. У него теперь три помощника, из бывших учеников, которые занимаются тем же самым.

— Думаешь, я хотел, чтобы ты подтянула ЭКГ, Вера? — произнес после небольшой паузы хирург.

Тогда девушка обернулась.

— Нет, — покачал головой Виктор. — Я хотел, чтобы ты увидела, что если не придаваться унынию, все вещи вокруг тебя, даже в этой больнице начинают выстраиваться правильно, и ты начинаешь творить добро для себя и окружающих. Так что смотри, Вера и запоминай! — с этими словами хирург пошел в обратном направлении. — Своих студентов найдешь на третьем этаже в комнате номер три.

В это время мимо Веры пробежали две девицы в халатах.

— Что у нас там дальше? Хирургия? — сказала одна другой.

Вера пошла следом. В конце концов, ей тоже надо было к выходу.

— Ага, — ответила другая студентка, на ходу закидывая на спину рюкзак. — Успеем перекусить?

— Давай! Пожалуй, я голодная.

Вера тяжело вздохнула, слушая эти речи. Сама она есть совсем не хотела. Единственное, что ей теперь было жизненно необходимо, так это вовремя принять таблетку. Девушки впереди прибавили шаг.

Вера поспешила в аудиторию, которую назвал ей Виктор, и сосредоточилась над методичкой по асептике и антисептике, оставленной предусмотрительно хирургом. Вера ненавидела в себе разочаровываться и снова разочаровалась. Она отодвинула в сторону учебное пособие, когда в комнату завалились первые студенты.

— А мы пойдем смотреть операцию? — первым делом спросил тощий парень.

Вера ухватилась за эту мысль. Стоять на операциях было частью обучения, когда она сама была студенткой. Схватив со стола сотовый, Вера вышла и набрала Виктору.

— Привет! Будешь в ближайшее время оперировать? — просила она.

— Да, — ответил хирург. — Минут через тридцать. Грыжу. А что?

— Приведу студентов, — объяснила Вера и вернулась в аудиторию.

Теперь ей было чем их занять. Так что пара оказалась не такой уж и катастрофой, как Вере представилось вначале. Девушка пробежалась по присутствующим и оглавлению новой темы.

— А теперь операция, — объявила она. — Переодевайтесь в форму, надевайте шапки и маски, и за мной на пятый этаж.

Виктор уже был в нужном месте с бригадой хирургов и анестезиологов. Вера разместила у дальней стены студентов, а сама встала посмотреть, как дают нормальный наркоз, после которого никто не уходит в мир иной. Ей было совестно за то, что она такая неумеха.

Наконец операция закончилась, как и пара. Вера считала минуты до конца семинара и очень обрадовалась, когда поняла, что от нее больше не требуется преподавать сегодня. Однако на выходе из операционной ее поймала студентка по имени Аня.

— Я... — было видно, что девушке неудобно озвучить свою просьбу. — А можно с вами подежурить? В будущем я собираюсь быть анестезиологом.

Вера не могла ответить ни "нет", ни "да". Она вспоминала себя. Тут, именно в этой больнице нечто такое произошло, после чего Вера отказалась от своей мечты быть хирургом. Ломать чьи-то планы, пусть даже отдаленно не так жестоко, как поступили с ней самой — хранительница не могла решиться на это. Спас ее Виктор, уже в который раз.

— Вера Павловна недавно у нас и пока не дежурит, — сказал он, положив напарнице руку на плечо. — Но можешь пару раз выйти со мной. Познакомлю тебя с другими анестезиологами.

Когда студентка и хирург обо всем договорились, Виктор отвел Веру в сторону.

— Я, конечно же, соврал, — прищурился он. — Ты выходишь в среду, то есть уже завтра.

Вера явилась в реанимацию. К счастью, отработать там оставалось всего полтора часа, которые прошли совершенно обычно, и ровно в пять девушка выскочила за двери отделения.

После этого Вера поднялась в хирургию для того, чтобы забрать у Виктора методички, которые он ей обещал. В свободное время она планировала как следует подготовиться к следующему семинару. На столе Виктора стояли несколько подарочных пакетов. В таких дарят бутылки. Видимо, благодарность за удачные операции. Вера приблизилась, и ей показалось, что хорошей идеей будет перенести спиртное Иннокентию.

Вера схватила пакеты и взяла с собой.

Добравшись до своей комнаты, она замерла перед дверью психиатра. Оставить в коридоре? Вера тронула ручку двери, собираясь оставить подарки за ней. Но открывшаяся картина ее заворожила. В комнатах было полно старинной мебели. Так, словно хранительница попала в начало двадцатого столетия. За прихожей начиналась гостиная. Гости в комнате бегло насчитала трое дверей. Да он тут живет как настоящий дореволюционный врач, не отказывая себе в роскоши! Вера вспомнила о платных психологических консультациях, про которые упоминал Виктор.

Вера покосилась на шикарную кушетку, обтянутую явно дорогим расшитым бархатом. Сколько нужно зарабатывать, чтобы такое себе позволить? Вещи не выглядели так,

словно были куплены в современных магазинах. От них шел специфический запах старья, и становилось очевидно, что Иннокентий собирал свой интерьер по антикварам.

В целом жилище психиатра производило очень приятное впечатление. Здесь было уютно, чисто, опрятно и роскошно. Вера поняла, что ей пора было заканчивать со своей миссией. Она поставила пакеты на кушетку и с удивлением заметила, что из-под мебели выглядывала электрогитара. Вот что совсем в ее представлении не вязалось с обликом психиатра. Вера отступила. И тут ей неожиданно пришло в голову, что это вещи Виктора. Рядом с кушеткой на стуле аккуратной стопкой были сложены выстиранные хирургические костюмы. Ах, это тот самый диван, о котором говорил хирург! Сложно, было, наверное, разместиться с комфортом на этой штуке.

Вера обернулась в поисках клочка бумаги. У одной из стен стоял комод, и девушка наудачу полезла туда. Однако в первом же ящике обнаружились шприцы, жгут, вата и немного хлоргексидинового спирта. Вера удивленно поглядела туда. Дернув второй ящик, девушка поняла, что он заперт. Внутри гулко стукнулось стекло. Ампулы? Чтобы не обдумывать эту мысль, Вера дернула за ручку третьего, последнего ящика, и ей повезло. Там были принадлежности для рисования — набор наточенных грифельных карандашей и блокнот.

Вера вытащила его и открыла на середине. Несколько мгновений она была поглощена рисунками психиатра. Оказывается, он изображал не только то, что ему удалось увидеть в голове сумасшедших. Те картины, которые Иннокентий вывесил в коридоре, скорее выглядели предупреждением о том, что нечего соваться в логово психиатра, если жизнь дорога. Сам же он в действительности не был таким, каким желал показаться. В его личном блокноте были наброски. Он рисовал человеческие лица, должно быть, по памяти изображал клиентов, детали их позы, одежды. В этом всем чувствовалось внимание к человеческой природе и восхищение ее хрупкостью. Вера засмотрелась. На последних листах была изображена девушка в балетной пачке и пуантах. Жена? Лица ее было не видно, но грация, с которой она танцевала, завораживала. Вере на миг захотелось стать ей, этой легкой немного грустной нимфой, поглощенной танцем. Чуть выше были крупным эскизом выведены ее руки.

Вера положила блокнот обратно. Если она возьмет листок отсюда, психиатр тут же догадается о том, что она видела его тщательно скрываемую от других сторону. Вера еще раз взглянула на изображение танцовщицы. Как же красиво было сделано! Что заставило этого человека так глубоко запрятать настоящего себя? Вера выдохнула. Если, конечно, это была единственная его скрытая сторона. Кто знает, во что обратилось его безумие?

Наконец, Вера приняла решение и захлопнула ящик. Следом хранительница нарисовала ручкой прямо на подарочной упаковке смайлик и отпрянула. Похоже, Иннокентий упорно игнорировал то, что из начала двадцатого века он уже давно переселился в двадцать первый. Интересно, что он на это скажет?

Психиатр разозлится — уже точно знала Вера, хлопывая за собой дверь его жилища. Такой как он просто не мог подпустить постороннего человека к исповеди о своей сущности с радостью. Но Вера не могла не сказать ему о том, что узнала. Это было почти такое же назойливое чувство, как и в тот раз, когда ей захотелось снять с него очки во время вчерашнего собрания. Вера помнила, что умела добиваться тех, кто ей нравился. Она научилась кружить головы ради собственной выгоды. Но в этот раз чувство было болезненно-иным. Вера совсем не хотела получить психиатра, более того, она даже боялась того, что может выйти из этого. Но ей как воздух была нужна скрытая в его глазах правда. Он словно сосредоточил в себе все ответы на вопрос, что с ней было не так.

Допоздна Вера штудировала методичку и часов в десять решила, что пора бы отойти ко сну. Назавтра нужно было дежурить в ночь. Так что Вера рассчитывала выспаться впрок. Однако из нахлынувшего как волна сна ее вырвали звуки электрогитары. Кто-то безбожно громко играл музыку из семидесятых. Вера поворочалась, но вскоре поняла, что ее попытки уснуть, не смотря на шум, обречены.

Девушка подскочила и выглянула на улицу. Отчего-то она забыла, что жила теперь при больнице. Снаружи, конечно же, было холодно и темно, и не видно было обезумевшей рок-группы. "Ах, так это от психиатра!" — сообразила Вера. Месть?

Накинув поверх пижамы осеннее пальто, Вера постучала в дверь соседа. Открыли почти сразу же. Иннокентий был в белой рубашке и черных штанах от сегодняшнего костюма. Под горлом у него была повязана бабочка. Как со светского раута. В гостиной за его спиной ярко горел свет. Поскольку, звуки гитары так и не утихли, становилось очевидно, что производил их вовсе не психиатр.

— Что случилось, Вера? — заговорил Иннокентий.

Ярко сверкнули стекла очков. Да чем он их обрабатывает?

— Это... откуда это? — пробормотала еще толком не проснувшаяся девушка, щурясь от света.

— А! — Иннокентий обернулся через плечо. — Это мой гость. Иногда приходится потакать его вкусам. Хорошо, что нашелся еще один противник этой музыки. Проходи, сама скажешь Виктору об этом. Мои слова для него пустой звук.

Иннокентий развернулся, на ходу распутывая бабочку свободной рукой. В другой у него был стакан, судя по запаху, с виски. В янтарной жидкости плескались кубики льда. Вера вошла, не понимая еще, что означает это перемирие с психиатром. Он ведь не мог быть так прост!

В комнате у дивана, в самом деле, расположился Виктор. Он с чувством ударил по струнам, когда девушка вошла.

— О! Вера! — с этими словами хирург прервался на мгновение.

Иннокентий поставил свой стакан на комод и улыбнулся краешками губ. "Так он умеет улыбаться", — неожиданно для себя отметила Вера.

— Она пришла потому, что ей тоже не нравится громкая музыка, — пояснил своему гостю психиатр.

Виктор опустил на кушетку и удивленно взглянул на анестезиолога.

— Что значит тоже? — обратился он к Иннокентию.

— По мне так, она напоминает вопли гибнущих котов, — на сей раз психиатр уже улыбался во всю ширину рта.

Вера с удивлением смотрела на него, пока ее не отвлек хирург.

— Иннокентий совершенно непошибаем, я уже десять лет пытаюсь приучить его к современности, но хоть ты будь на моей стороне, Вера!

— С тех пор как купил гитару, — закатил глаза психиатр. — Спаси меня от него!

Вера хихикнула, эта сцена вызвала в ней такую теплоту, какой она давно не испытывала. Ей вдруг стало ясно, что Виктор и Иннокентий хорошие приятели. Накануне они повздорили из-за нее. Но вот теперь, когда все разрешилось, психиатр пригласил Веру к себе домой, признав тем самым правоту своего жильца. Он не мог не знать, что музыка разбудит соседку, но и не подумал урезонить разошедшегося коллегу. Вера нашла подтверждение этому в том, что психиатр быстро наполнил еще один бокал спиртным и протянул его гостье. Это разом был и ответ на ее вчерашние нападки. Демонстрация Вериней неправоты.

Девушка села. Наверное, когда живешь после смерти еще сто лет, в отношениях становишься куда искусней простых смертных. Он мог бы объявить ей холодную войну, но предпочел убедить Веру в собственном дружелюбии, заключить своеобразное перемирие. Он, видимо, поступал так со всеми в этой больнице. Помощь психотерапевта в обмен на то, что она раз и навсегда отстанет с попытками докопаться до его души.

Зачем он изводил Любу, девушку, которая в него влюбилась, раз отлично разбирался в людях? — кольнуло под ребром. Он не мог не понимать, как сильно жжет неразделенная любовь. Вера отчетливо поняла, что за идеальным фасадом у этого человека была скрыта такая большая рана, что любое прикосновение к ней заставляло его защищаться.

Иннокентий боялся женщин, после того как любовь всей его жизни свела его в могилу. И ей стало жаль его.

Несмотря на свои открытия, Вера отлично провела время. Они с Виктором дуэтом проорали хиты восьмидесятых, эти песни часто крутили по радио, и потому девушка хорошо знала их. Психиатр сидел в кресле и щурился как сытой кот. Быть может, ему, в самом деле, такая музыка не нравилась, но он не демонстрировал этого. Временами Иннокентий критиковал лирику, но это было остроумно и смешно, а Виктор в шутку защищался, так что Вера залиvisto хохотала, слушая их. Иннокентий в самом деле был очень приятным. Вера не все меньше и меньше вспоминала о своих первоначальных открытиях, о том, что поначалу сказал ей Виктор: психиатр ловкий кукловод. Если не хочешь больше попасть ни в чьи сети — научись сам расставлять их. Он дает людям то, что им нужно, и другие, расслабившись, становятся беззащитны перед ним. Он может принимать чужие симпатии на своих условиях, и только так чувствует себя в безопасности.

Вскоре девушке стала очевидна причина того обиженного тона, с которым хирург разговаривал о своем приятеле. Он был очарован психиатром не меньше Веры и других обитателей больницы, однако понимал, что его искренние дружеские чувства принимались со снисхождением и только. Иннокентий никого не подпускал близко. Было так же трудно понять, что какой он на самом деле, как и разглядеть цвет глаз за стеклами очков.

Вера ясно почувствовала это уже в ночи. Где-то в четвертом часу хирург задремал в кресле. Тогда Иннокентий скрылся за одной из дверей и вынес оттуда плед. Им он укрыл гостя и обернулся к Вере:

— Его лучше не будить. Тебе пора, — это прозвучало мягко, но в то же время достаточно настойчиво.

Вера кивнула и пошла.

— Спасибо за вечеринку, — сказала она в прихожей. — Я и представить себе не могла, что мертвяки вроде нас еще могут получать радость как нормальные люди.

Если б Вера ограничилась только первой фразой, они продолжили бы общаться как те, кто притворяется добрыми друзьями. Но вторая часть была слишком личной. Холодно сверкнули стекла в очках.

— Не за что, — ответил психиатр, взявшись за ручку двери.

И Вера поняла, что он разыграл прекрасное представление. Он был куда ловчее ее. Иннокентий ее зацепил, хоть она прекрасно понимала, что психиатр играл на ее чувствах. Долгие годы Вера сама пробыла той еще вертихвосткой. И она понимала, так нельзя. Нужно сказать ему об этом. Вере казалось, сегодня она увидела малый кусочек его души — ведь абсолютно всего о себе не скроешь это девушка знала по своему прошлому. И тут ей ужасно захотелось посмотреть на психиатра без очков, заглянуть ему в душу. Этот порыв отдавал безумием, и Вера решила не мелочиться. Она всегда такая была. В прошлой ее жизни было слишком много притворства, и Вера чувствовала свое превосходство, когда произнесла:

— У тебя очень красивые глаза, — это было искренне, девушка положила свои пальцы поверх его ладони, которой он придерживал ручку двери.

Иннокентий убрал руку с таким видом, словно его оскорбило прикосновение. Это выдавало глубину травмы и степень неискренности. Вере разом стало и весело, и грустно. Как же быстро она разгадала суть самого опасного хранителя больницы, так что могла бы его больше не бояться!

Иннокентий захлопнул дверь прямо перед ее носом, и Вере стало ясно, что у них никогда не будет сладу. Она отправилась по стопам Любы, психиатр этого не простит. Какое-то время девушка молча смотрела перед собой, понимая, что всегда была слишком упертой, прямо под стать Иннокентию. Судьба словно бы столкнула их двоих тут лбами, чтобы проверить кто из них крепче в своих принципах. Риск против осторожности, чувства против холодности, искренность против притворства, чтобы что?

— Только не влюбись в него, дура, — прошептала себе под нос Вера и побрела к себе.

Глава 5. Когда новичок принимает дежурство

Новый день начался как два предыдущих. Вера позавтракала остатками торта, потому что наконец-то ощутила аппетит. Значит, какая-то часть от живого человека еще существовала в ней — удовлетворенно подумала Вера. Психиатр на глаза не попадался. По этому поводу Вера не грустила. С утра на трезвую голову она решила, что ей совершенно ни к чему крутить роман со спятившим самоубийцей. Вера собиралась нормально справляться с собственными обязанностями, если подумать, именно этого, должно быть, хотели от нее высшие силы. О какой норме можно говорить, если она влюбится? Вера этого не знала, просто чувствовала.

Однако по дороге она все-таки не сумела выкинуть мысль о романтике из головы. Поэтому Вера пыталась сложить головоломку из того, что она помнила о своем прошлом. Иннокентий ей нравился, но именно таких как он Вера избегала. Потому, что от них исходили проблемы. Вера никогда не любила, потому что боялась любить — с этим откровением она вошла в корпус. Черт! Они ведь были похожи куда больше, чем Вере казалось.

Весь день в реанимации ей удавалось отлынивать от собственных обязанностей. Вера опять ничему не научилась, но никого и не убила. Стрелки часов медленно ползли к пяти вечера, и девушка отрешенно думала, что если так дальше пойдет, ей лучше переселиться куда-нибудь из ординаторской, например, в подсобку, чтобы никому не мешать. Но будет ли ее радовать такая служба? Это же сплошное просиживание штанов — не очень почетно для главы хранителей.

Наконец пробило пять. Вера покинула отделение и пошла принимать дежурство. Хранители сдавались друг другу в терапевтическом корпусе в одном из помещений кафедры. Вера уже вчера проходила там, поэтому когда Виктор описал ей это место, заскочив в середине дня в реанимацию, она все поняла.

В комнате было холодно. Вера бросилась к окну и закрыла форточку. Отпрянув от стекла, она какое-то время постояла, собираясь с мыслями. Почему же ее выбрали хранительницей? Ничего особенного, годного для медицинской службы Вера в себе не видела. Сплошные недостатки. Недостаточно усердна, смела и талантлива. Оставалось только догадываться, как пройдет ее первое дежурство.

Хлопнула дверь и Вера обернулась. Там стоял Иннокентий в своем неизменном черном костюме, поверх которого был небрежно наброшен белый халат и блестящих очках.

— Сдавать дежурство? — спросила она.

— Нет.

Вера помолчала. В самом деле, больше сказать было нечего. Иннокентий прошагал вперед и встал у противоположной стены. Вера неуверенно подняла на него взгляд. После сегодняшнего дня она почти отвлеклась от мыслей о психиатре, но сейчас черт его подери, становилось ясно, что он ей был небезразличен. Вера почему-то думала, что с ней поставят Виктора. Это было бы логично, они же напарники. Никак Иваныч оказался не таким уж отрешенным наблюдателем, как думала Вера, и подумал продолжить то, что началось на собрании.

Девушке стало неудобно за сказанные психиатру слова. Она ведь оба раза пыталась вывести его из равновесия, чтобы хоть на мгновение увидеть каким он был на самом деле. "Бездушная стерва", — вдруг вспомнила Вера чью-то характеристику себя и задыхнулась. Психиатр в этот миг посмотрел ей в глаза. Он словно бы знал. Вера почувствовала, как часто колотится ее сердце. Он совершенно точно был в курсе, кто она такая, но не позволил себе об этом распространяться. Вере захотелось выругаться на него за это благородство, хуже ситуацию делало то, что оно было вовсе не напускным. Иннокентий защищал ее от самой себя.

— Прости меня, — пробормотала Вера.

Психиатр вскинул голову.

— Не в моих правилах отвечать жестокостью на жестокость, — прозвучало в ответ.

Вера посмотрела ему в глаза, вспомнив про Любовь, и с ее языка чуть не сорвалось: "Правда?".

— В большинстве случаев, — добавил Иннокентий, и девушка вздрогнула, он, словно, действительно читал мысли.

В этот миг в дверь вошел Михаил Петрович.

— Простите, со студентами задержался, — сказал он и со вздохом перевел взгляд с Веры на Иннокентия.

"Только не загрызите за ночь друг друга", — ясно читалось на его лице. После этого Михаил Петрович положил на стол папку. В ней на поверку оказались отчетные документы по больнице. Количество поступивших и выписавшихся пациентов, статистика по отделениям, особые случаи.

— По-нашему за сутки всякая мелочь. Из происшествий ничего, — закончил патологоанатом. — Ну все, я отсыпаться.

— Спасибо, профессор, — сказал Иннокентий, принимая у Михаила Петровича папку.

— Ну, ничего не желаю, — махнул перед выходом патологоанатом.

Вера улыбнулась. Странно, что они, духи, верили в те же приметы, что и работавшие в стационаре люди. Перед дежурством нельзя никому ничего желать, иначе сглазишь. Вера вздохнула. А может, именно они, мертвые хранители больницы, должны были больше других верить в подобные вещи? Ведь они сами были именно тем, существование чего Вера никогда бы при жизни не смогла предположить.

Иннокентий выскочил за дверь, и девушка отправилась за ним следом. Но психиатр словно бы назло ей ускорился. Вера поняла, что остановит его во что бы то ни стало.

— Что дальше?! — девушка остановилась в середине коридора.

Иннокентий встал в конце и пояснил оттуда:

— Я иду в свой корпус, ты — в свой!

— Но мы же должны вместе дежурить!

— Как ты себе это представляешь?! Я дежурный невролог, а ты — реаниматолог!

Этот диалог начинал выглядеть все более странно. Вера развела руками и позволила Иннокентию удалиться. Вот же!

Следом она вернулась в реанимацию. И тут все пошло наперекосяк. В ночь обычно оставались два реаниматолога. Но один из них заболел, а Михалычу, который был Вериним куратором, позвонила жена и сказала, что квартиру затопило. Сама она была с детьми на даче, и приехать не могла. Второй реаниматолог сорвался с места, произнеся:

— Ну, Верочка, не подведешь, я в тебе уверен! Через три часа буду на месте, а сейчас надо имущество спасать!

После этого он исчез за дверью отделения. Вера осталась одна в ординаторской. В отделении возились медсестры. "Только бы ничего не случилось за эти три часа!" — произнесла Вера как заклинание.

И естественно оно не подействовало.

Сестры сообщили ей, что скорая везет политравму. Откуда они это узнали, Вера не спрашивала, она кинулась к компьютеру и принялась читать все, что ей удалось найти по теме. Но в этот миг в двери отделения стали ломиться родственники. Сестры настояли на том, чтобы Вера вышла, как она ни отмахивалась и когда юная хранительница оказалась за дверями отделения, если тут же стало ясно, отчего средний медицинский персонал был столь настойчив. Это была дочь Петровой, старушки, поступившей с запущенным раком и прооперированной недавно. Говорили, она еще в хирургии задала докторам жару, обещая всех засудить.

А тут... Петрова умирала и вовсе не от того, что где-то ошиблись врачи. Ее организм слишком долго боролся с онкологией, пока все предпочитали не замечать этого и вот, выработав свой последний резерв на экстренной операции, стал расходиться по швам. Женщина уже поступала с флегмоной таза. Антибиотики резерва уходили в ее кровотоки за предельными дозами без эффекта. То состояние, в котором находилась Петрова, называлось предагональным. Михалыч все суетился вокруг нее, настраивал инфузию кардиотоников и параметры ИВЛ, но как-то по его глазам становилось ясно, что он знал итог лечения наперед: врачи не боги, нельзя взять и перечеркнуть результат длительного наплевательского отношения к своему здоровью даже всеми сложными машинами и мощной химией.

Родственница Петровой действительно оказалась ого-го! Вере была задана масса неоднозначных вопросов. Первое время ординатор отвечала, но как только увидела подъезжающую скорую с обещанной политравмой, все у нее вылетело из головы.

— Вы меня вообще слушаете? — визжала неприятная женщина с виду сорока лет, по словам, приходившаяся дочерью Петровой. — Вы маму мою чем лечите?

— Отойдите, — скривилась Вера. — Больного везут.

— Я сейчас буду звонить в Минздрав, — не унималась тетка.

— Пошла ты к черту! — расвирипела Вера, вспомнив про свою функцию при больнице. — У меня человек в критическом состоянии поступил! Какой Минздрав?! Мне сейчас не до него!

И захлопнула дверь. Так Вера осталась один на один с реанимацией, что было еще хуже озверевшей дочери Петровой. Но ведь преступно было трусить, когда на кону стояла чья-то жизнь. Звонки в дверь не прекратились, вскоре они сменились стуком.

Врачи скорой вкатили больную, и ординатор машинально расписалась в сопроводке, который подсунула ей фельдшер.

— Жить будет? — поинтересовалась женщина в синей форме.

— Не знаю, — Вера совершенно не лукавила на счет прогноза.

Хуже было то, что ординатор совершенно не понимала, что ей делать. Благо все на себя взяли опытные сестры. Вера только проверила, что есть дыхание и сердцебиение, как девушки покатали пострадавшую в палату и начали оперативно крепить датчики. Врач скорой тем временем отчитывался — нашли на улице без сознания, бригаду вызвали прохожие.

— Вер Пална! — раздался из палаты напряженный голос сестры, и хранительница сорвалась с места.

Скоропомощная бригада ретировалась, хлопнув тяжелой железной дверью отделения и оставив Веру один на один со смертью. Хранительница мучительно посмотрела им вслед, но так и не решилась просить помощи. Ей было бы невыносимо стыдно увидеть удивление на лицах этих людей, смешанное с брезгливостью. Вскоре девушка об этом пожалела. Реаниматологи не стеснялись звать друг друга, когда происходило что-то нехорошее. Человеческая жизнь слишком большая цена за собственные амбиции. В отделении врачи эту истину чувствовали кожей, в отличие от новой хранительницы.

Что это именно оно, предагональное состояние, Вера поняла, взглянув на пациентку. Дыхание редкое, поверхностное. По монитору давление держится едва-едва. Дрожащей рукой черкнув в листе назначений кардиотоники и обезболивающее, Вера устала на кушетку.

— КИЦС! — распорядилась она и тут же поняла, что слишком плохие придут газы, если прямо сейчас же не умножить реанимационные усилия.

— Вера Павловна, ставить трубу? — подсказала медсестра уверенным тоном, вопросительная интонация была тут только для вежливости.

И хранительница вышла из оцепенения.

— Да. Клинок! — решила она.

Интубация прошла на адреналине, который теперь в избытке плескался у Веры в крови. Но давление пациентки не поднималось, пульс едва бился на сонной артерии, женщина становилась мраморной — уходила. Вера в ужасе глядела на дело своих рук. Что-то не так. Она что-то упустила.

Сестра указала на странно раздувшуюся грудную клетку пациентки.

— Вер Пална...

Хранительница сорвала с шеи фонендоскоп и прижала раструб к груди больной, вставив оливы в уши. Справа слышно как дышит легкое, раздуваемое машиной, выкрученной на жесткие параметры. Слева глухо... Медленно в голову втекло: пневмоторакс! Должно быть, сломаны ребра, одним из осколков прошло легкое, оно вспоролло бронхи или бронх, достаточно большой для того теперь в плевральную полость активно утекал воздух. Подключив ИВЛ, Вера усугубила значение траматического дефекта. Если тут же не проткнуть грудную клетку и не поставить дренаж, женщина обречена. Надувающаяся воздушная подушка в одной из плевральных полостей уже сдавила раненое легкое, и оно не дышит, еще немного и сердце съедет из середины груди в сторону меньшего давления, передавятся или перекрутятся магистральные сосуды, сожмет здоровое легкое. Встанет кровоток.

— Набирай дежурного хирурга! — крикнула Вера сестре.

— Делайте рентген, — распорядились на том конце провода безразличным тоном.

— Какой на хрен рентген! — разозлилась Вера. — Она у меня надулась как воздушный шарик! Я своими глазами вижу, что это пневмоторакс!

— Я не могу! У нас на столе дал остановку перитонит! Качаем!

На заднем фоне было слышно, как кто-то командовал реанимационными мероприятиями.

— Черт, — опустившимся голосом выдохнула Вера.

— Зови из приемного! — на этом звонок оборвался.

В следующий миг Вера подумала о Викторе. Бесконечно долго тянулись гудки в трубке. И тут она поняла: хирург после дежурства. Вероятно, телефон на беззвучном или вообще в зоне недосягаемости.

Вера выбежала в приемное и пронеслась мимо родственницы Петровой так быстро, что та не успела открыть рта, как хранительница была уже за поворотом. В кабинете хирурга было пусто.

— Отошел перекурить, — сообщила сестра.

— Звони ему! Сейчас же! — рявкнула Вера.

Женщина смерила хранительницу недоверчивым взглядом и медленно, неохотно стала нажимать кнопки на телефоне. Вера чувствовала, как кровь у нее стучит в висках, пока медсестра смотрела перед собой в пространство.

— Не отвечает что-то, — наконец резюмировала женщина.

Тут только медики обратили внимание на звук вибрации, доносившийся из кармана белого халата, оставленного у входа на крючке.

— А! Ясно. Он его забыл, — вздохнула медсестра.

Вера вылетела за дверь. Оставалось последнее средство. Она набрала Иннокентию.

— Мне нужна помощь! — заорала в трубку хранительница, когда услышала в ответ спокойное "Да?".

Ей с трудом верилось в то, что кто-то из врачей, наконец, отозвался на ее просьбу. Вере

уже было все равно кого задействовать, лишь бы не оставаться один на один со своей беспомощностью. Хранительница сочла, что врач, проработавший в больнице более ста лет, в любом случае принесет больше пользы умирающей, чем она сама.

— Я же не реаниматолог, Вера... — ответил психиатр.

Тут девушку понесло:

— У нее пневмоторакс и я не знаю, что делать! Я одна, хирурги заняты!

Звонок оборвался. Вера побрела из приемного обратно к себе, чувствуя себя истощенной. Придется делать торакоцентез. Но как? Где взять стерильные инструменты? Что если пациентка ухудшилась? А если она умерла, пока Вера носилась и паниковала?

У дверей реанимации на Веру снова напала родственница Петровой. На сей раз она подготовилась и, видимо, поджидала выскочившую за дверь реаниматолога, сообразив, что доктор рано или поздно должна было возвратиться в отделение.

Вера поначалу даже опешила от неожиданной атаки, не зная, что предпринять. Грузная тетка перегородила вход, выглядела она так, что убрать ее с дороги помогла бы только бригада санитаров, одной хрупкой хранительнице такое дело было не под силу.

— Вы сейчас же пропустите меня к маме и отчитаетесь за лечение! — заявила она.

Вера вспылила.

— Я провожу реанимационные действия!

— Видела я вашу реанимацию, — хмыкнула Петрова-младшая. — Как вы только что бегали курить.

Вера готова была зарычать, но тут из приемного появился психиатр. Поравнявшись с коллегой, он внимательно посмотрел на грузную тетку, и когда та с неприязнью покосилась на новое действующее лицо, легонько сдвинул очки на нос и заглянул поверх стекол скандалистке в глаза. Та промолчала. А потом аккуратно села на лавочку у двери, сложив на коленях руки. Вид у нее был потрясенный и трогательно-растерянный.

— Мама будет любить вас даже там, хоть она никогда такого и не говорила. Зная это вы, наконец, сможете заняться своей семьей, — проговорил психиатр, набирая код на замке отделения.

Следом он распахнул перед коллегой дверь.

— Как ты это сделал? — выдохнула Вера.

— По-моему, тебе требовалась помощь, — скороговоркой произнес психиатр. — Объясню потом. Так что там? Пневмоторакс? И в чем проблема?

Вера указала в зал и пошла следом, надеясь, что пациентка еще жива и выдержала всю эту постыдную неразбериху.

— Действительно, — обернулся к Вере психиатр. — Дела плохи, судя по монитору.

Хранительница сглотнула. Она это знала и без Иннокентия. Вдруг ей стало стыдно. Она приплела дежурного невролога только для того, чтобы не так строго отвечать перед собственной совестью. Словно она сделала все, что могла. На самом деле, это была неправда. Если бы Вера действительно хотела оказаться полезной сейчас, она не просиживала бы предыдущие дни в ординаторской, прячась от своих прямых обязанностей. Она не могла не понимать, что однажды, называясь реаниматологом, окажется один на один с умирающей и что на нее будут рассчитывать. Трусиха и неумеха!

— Я не смогу спунктировать, — проглотив гордость, призналась Вера. — А хирурги... У них остановка на операции.

Иннокентий кивнул, спокойно, уверенно и вдруг стал командовать медсестрами. Потеряв

дар речи, Вера следила за ним. Маленькое реанимационное отделение объединилось вокруг единственного врача, который знал, что надо делать, не сомневался в надежности своего ума и рук. В этом было так много притяжения, что Вера и сама не заметила, как включилась в заданный психиатром темп. Им всем сейчас нужен был кто-то, кто взял бы экстренную ситуацию под контроль. Вскоре Иннокентий без проблем поставил дренаж в ремзале.

— Ты, правда, не знала, как это делается? — спросил коллега, когда все было готово.

Вера потрясенно покачала головой.

— Читала в учебниках, — сказала она. — Но вспоминаю сейчас так смазано. Я бы сделала больной хуже...

— Когда я начинал, врач должен был уметь делать все, — выдохнул Иннокентий. — Пойдем!

Пациентку уже перевезли в палату и снова подсоединили к датчикам. Шумел насос, откачивая воздух. Медленно ей становилось лучше. Вера, чувствуя себя обессиленной, опустила на соседнюю свободную кушетку.

— Я чуть было не убила ее своей беспомощностью, — это была исповедь.

Психиатр встал в двух шагах и молча смотрел на больную или в монитор. Вере не хотелось сейчас видеть его глаза, и она не вглядывалась в лицо. Ей было достаточно самоосуждения. Хранительница думала, что Иннокентий поспешит уйти, но он отчего-то оставался. Сочувствует? Вдруг Вера не ощутила привычного раздражения — она не любила, когда ее жалели, но видеть, что в психиатре было что-то человеческое ей было на редкость приятно. И тогда она снова наступила на горло гордости:

— Пожалуйста, останься тут пока не вернется Михалыч, — взмолилась Вера.

Иннокентий молча сел рядом. Психиатр покосился на мужчину, лежавшего на ближайшей кушетке.

— Не нравится мне, как он двигает руками, — вдруг сказал коллега, и Вера подумала, что это просто был способ прервать тягостное молчание. — Что за диагноз?

Вера присмотрелась: больной словно бы перебивал пальцами монеты. Хранительница посмотрела на листок, приклеенный к торцу кровати, и прочитала:

— Алкогольная интоксикация.

— Надеюсь, вы фиксировали его прочно.

Снова стало неприятно тихо, и тогда попытку улучшить ситуацию предприняла Вера:

— Как у тебя получилось урезонить дочь Петровой? — заговорила она, и чтобы психиатр точно ответил, добавила. — Ты обещал сказать.

Иннокентий довольно долго изучал Веру взглядом, словно раздумывая, стоит ли ей слышать ответ.

— Это мой дар, — наконец выдал он.

— Я думала, ты используешь его только для сумасшедших.

— У психически больных я забираю то, что их мучает. Чудовищ из бреда и... те, кто хочет, вылечиваются.

— Забираешь? То есть?

— Виктор уже успел сказать, что я сумасшедший? — в его голосе прозвенели ледяные нотки, и Вера посмотрела в проход, пытаясь удостовериться в том, что их не слышит никто из сестер.

Больные в палате были без сознания или в глубокой седации.

— Да, — призналась Вера.

— Я погружаю себя и ведь окружающий мир в шизофренический бред, если снимаю очки полностью. Беда, если рядом нет стражей, и никто не сдерживает это. Поэтому они всегда должны быть на мне или хотя бы при мне. Чудовища становятся реальными...

Это прозвучало довольно жутко, и Вера не захотела слушать дальше. Она перебила:

— Но родственница Петровой не похожа на шизофреничку.

Психиатр вздохнул.

— Да. То, что я делаю для простых людей, хранители называют гипнозом. Я вижу их мысли, когда смотрю им в глаза и могу взаимодействовать с сознанием, так же, как и с сумасшедшими, но эффект другой. Дело в том, что нормальные люди страдают не от бреда, а от себя, их терзают вина, страхи, разрушительные желания, и они портят свои жизни... иногда даже сильнее, чем шизофреники. Я способен внушать им некоторые мысли, а точнее обращать их внимание на то, что они обычно игнорируют, как это было с Петровой. Когда я только открыл в себе этот дар, то использовал его без удержу, думая, что исцеляю страдальцев. Но очень скоро я понял, что просто даю им нечто вроде морфия — способность ненадолго забыться. Очень скоро нужна новая доза подтверждений того, что они любимы, прекрасны, больше не боятся того, что приводило их в ужас. И я осознал одну простую истину — стать другим человеком невозможно по щелчку пальцев, это чудо оплачено долгим и подчас мучительным трудом души. Так я стал изучать психотерапию. Уверен, что об этом Виктор так же упоминал.

Психиатр улыбнулся краешками губ, и Вера поняла, что неуместная откровенность хирурга его по-прежнему злила, не смотря на продемонстрированное вчера примирение.

— Еще он сказал, что нельзя смотреть тебе в глаза. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Иннокентий улыбнулся во всю ширину рта. Холодно. Зло.

— Я могу убить бессмертного. Он это имел в виду. Мне запрещено снимать очки без приказа и когда-нибудь ты узнаешь почему.

После этого психиатр оттолкнулся от кушетки.

— Буду в ординаторской. Если что, зови.

И тут больной с алкогольным отравлением неожиданно рванулся, порвав вязки и еще до того Вера успела что-либо предпринять, со всей силы ударил психиатра.

— Сатана! — во всю глотку заорал мужик. — Это Сатана!

Тонкий Иннокентий от удара такой силы отступил на два шага назад, но все-таки удержался на ногах. Вера, увидев это, бросилась к коллеге, позабыв обо всем. Психиатр прижимал руку к лицу, обезумевший мужик продолжал бесноваться, а анестезиолог с неприятным чувством заметила, что очков у Иннокентия больше не было. Она уже заметила в ремзале, где они с психиатром вместе ставили дренаж, что дужки сзади были стянуты леской. Пластмассовая нить едва заметно прижимала непослушные волосы к голове. Психиатр, безусловно, заботился о том, чтобы так необходимая ему вещь оставалась всегда на нем, но и не хотел слишком сильно выдавать своей зависимости. Больной ударил Иннокентия снизу в подбородок, заставив психиатра откинуть голову, так что дужки соскочили с ушей, а там и с доктора. Теперь очки, судя по звуку, закатились под одну из кроватей. В полутемной палате понадобится время на то, чтобы отыскать их.

Психиатр со злостью взглянул на разбушевавшегося пациента и приказал:

— Лежать! Нет никого в палате! Спи! — в голосе Иннокентия слышались истерические нотки паники, и Веру вдруг пробрал ледяной страх.

Если этот, еще недавно такой уверенный в себе врач испугался не на шутку, значит, произошло что-то по-настоящему плохое, и речь, видимо, уже даже не о реанимации, а о

них двоих, о хранителях.

Мужик послушно опустился на свое ложе и захрапел. Вера обернулась к коллеге. Психиатр жмурился изо всех сил. Веки его дрожали. Правой рукой он ощупывал лицо, левой искал что-то в кармане халата.

— Где они? — прозвенело еще более напряженно. — Мои очки?

— Где-то в палате! — выдохнула Вера, становясь на колени и вынимая из кармана фонарик, который реаниматологи носили с собой, чтобы в первую очередь определять зрачковый рефлекс.

— Поздно! — как-то очень обреченно выдохнул психиатр. — Звони Михаилу Петровичу пока не началось!

— Что?

— Нет времени, Вера! Скажи ему о том, что случилось!

Вера выхватила из кармана сотовый и дрожащими руками набрала номер Михаила Петровича, понимая, что сегодня ее поджидало что-то похуже реанимации. Ей казалось, что пока в трубке невыносимо долго тянулись гудки, к ней из темных углов палаты ползли тени. Шепот, доносившийся из тьмы, неотчетливый вначале, становился все громче и жутче. Вера обернулась, чтобы увидеть, что это было, и тут в ее ухо ворвался живой и потому приятный голос:

— Вера?

— Иннокентий потерял в палате очки, — на одном дыхании произнесла анестезиолог.

— О нет! Только не позволяй ему... Только не дай этому вырваться наружу! — звонок оборвался.

В следующий миг Вера вложила свою руку в ладонь Иннокентия и почувствовала, как психиатр холодными пальцами крепко стиснул ее запястье.

— Единственный способ удержать мой бред под контролем, это постоянно напоминать мне о том, что я человек, — решительно произнес коллега. — Я сделаю так, что дар заработает в обратном направлении, а ты уж постарайся удерживать нас в гипнозе как можно дольше, поняла?

— Но как... — выдохнула Вера.

— Заставляй меня вспоминать. Что-нибудь о клиентах, работе, больнице — все, что придет в голову. Ладно?

Вера кивнула и тут же поняла, что Иннокентий этого не видел.

— Да.

— Если тебе не удастся удержать меня... в рамках, по стационару разбегутся все те чудовища, которых я годами забирал у других душ. Это место поглотит шизофренический бред и тебе очень повезет, если ты сможешь быстро выбраться наружу.

Вера сглотнула.

— Ты же хотела знать какого они на самом деле цвета, — прошипел психиатр. — Сейчас не отрываясь смотри мне в глаза, Вера!

Хранительнице показалось, что ее сердце пропустило удар, когда психиатр взглянул на нее. Глаза без очков у него были карие... Следом Вере показалось, что ее подхватило невероятной силой течением и повлекло в неизвестную ей реальность. Так уже было когда-то, когда психиатр залез ей в голову, увидев, таким образом, прошлое. Теперь Вера знала, что он способен заставить свой талант работать в обратном направлении.

Девушке сделалось не по себе. Кто знал, что скрыто у хранителей в самых сокровенных

мыслях?

Глава 6. Скелеты в шкафу

Вдруг стало светло. Вера увидела себя в старом переулке. Неизвестно, мог ли Иннокентий управлять переживаниями пациентов, но девушка чувствовала себя лишь сторонним наблюдателем.

— Скажите, за что вы злитесь на меня, Лиля? — донеслось из переулка. — Я ведь всегда старался для вас.

— Гриша, вы растратили наше имущество, и практики у вас больше нету, — ответил мелодичный голос. — Я не могу жить так.

Действующих лиц Вера не видела, они были за стеной дома, где-то там, глубоко в воспоминаниях, но чувствовала, что все самое важное должно было произойти в том месте, где она стояла.

— Это чей-то злой умысел, Лиля, меня подставили! Я... я обязательно во всем разберусь. Мне нужно, чтобы вы были рядом. Я... люблю вас.

— Гриша, вы же говорили, что у вас все друзья, — прозвучало насмешливо. — И плохих людей вы себе в спутники не выбираете.

— Значит, это не так.

— И как вы думаете, кто бы это мог быть?

— Я не знаю, Лиля, но обязательно это выясню. Я верну свое честное имя, чтобы доказать вам... — дальнейшего Вера не слышала.

Хлопнула входная дверь, и из подъезда показался мужчина в длинном черном пальто старинного кроя. Он поднял воротник, защищаясь от дождя, и шагнул на улицу. Вера узнала в нем Иннокентия и с удивлением поняла, что слышала его настоящее имя. В действительности его звали Григорием.

За нынешним хранителем из глубины двора двинулись несколько серых теней. Произошел короткий разговор, которого Вера толком не расслышала. То, что это уличные грабители она поняла, когда тени набросились на доктора. Вера выдохнула. Он умер так? Слишком просто для того, кто сошел от горя с ума.

Доктор пришел в себя на квартире у Лили. Выглядел он неважно — весь в кровопотеках, перевязана рука, нога в гипсе.

— Я вас спасла, — прошептала Лиля, склоняясь к изголовью кровати. — Хоть вы и поставили меня в неприятное положение своим банкротством.

Лиля была высокая худая и очень красивая блондинка. Русые волнистые волосы были уложены в аккуратную прическу, одета она была скромно. Вера содрогнулась оттого, что с Лилей они были очень походили друг на друга внешне. Такие женщины как она сама, вероятно, были во вкусе психиатра.

Лиля схватила с прикроватного столика шприц и поднесла его к руке мужа.

— Заходил ваш друг профессор, — проговорила она. — И сказал, как мне о вас позаботиться.

Доктор попытался отодвинуться.

— Лилечка, мне надо в клинику. Вы не умеете делать инъекции и ни к чему вам такая морока.

— На что? — холодно сверкнули голубые глаза. — А в общественную я вас сама не отдам. Вот еще! Я сама могу позаботиться о своем муже, и я рада, что нам пока помогают ваши друзья. Доверьтесь мне, ваш профессор дал мне это.

Лиля продемонстрировала шприц.

— Что это?

— Морфий, — ни одна мышца на хорошеньком личике Лили не дрогнула.

— Нет.

— У вас сломаны кости, — возразила Лилия. — Это облегчит боль.

Она довольно умело ввела вещество, и доктор на какое-то время выключился. Он долго не приходил в себя. Кто-то что-то говорил в другой комнате. Временами спорил. "Иногда мне кажется, что ты настоящее чудовище, Лилечка". "Вместе это затеяли", — долетало до него. Одни дни сменялись другими, наконец, за окном начал падать снег, а нога вроде перестала болеть. Он помнил, как выпрямился у треснувшего с одного угла зеркала. Скелет. Что с ним стало? Синие тени под глазами. Сухие растрескавшиеся губы. Он закатал рукав и тогда не испугался. Обе руки в следах от инъекций. Проклятый морфий. Лилия ничего не понимает в лечении! Она переусердствовала...

Он сделал шаг и повалился на пол. Нога срослась, да как-то не так. Если бы его лечили друзья, то никогда не допустили бы такого, это было ясно.

На звук вбежала Лилия и всплеснула руками.

— Как тебя угораздило-то, а? — причитала она, помогая мужу лечь обратно в постель.

— Гриша, от вас только одни проблемы! — в сердцах выдохнула Лилия.

Вскоре она вернулась с очередным наполненным шприцем и села на постель.

— Не надо! — произнес больной, удерживая ее руку. — Морфий убивает меня. Прошу вас, больше не надо его колоть!

Лилия нахмурилась.

— Но так сказал ваш профессор.

— Который? — ему в голову уже давно закрались подозрения, но раньше, до того как попал на квартиру к жене, он не решался их озвучить.

— Какая разница? Дайте мне вылечить вас! — возмутилась Лилия и снова потянулась к руке.

Он не успел ничего возразить. В дверь постучали. Раздались смутно знакомые голоса. Лилия вскочила с кровати, и скорее чем обессиленный доктор сумел среагировать, выбежала из комнаты. Прогремел ключ в замке. Для чего она его заперала?

Издали донеслись голоса друзей. Доктор не мог их сейчас четко вспомнить. Но это были его коллеги, во главе с тем самым профессором, на которого ссылалась Лилия. Речь шла о нем. Поначалу он обрадовался тому, что все недоразумения вскоре будут решены. Но разговор в глубине квартиры принимал все более странный оборот. Друзья искали его, а Лилия отнекивалась, заявляя, будто ничего уже довольно давно не слышала о муже, словно он сказал, что потеряв доход, поедет к сестре в Казань. Она заявила, что та комната, в которой спал Григорий, была кладовкой и закрыта.

Он выпрямился перед дверью. Страшные мысли медленно оформлялись в расстроенном наркотиком сознании и так и не решился постучать или как-то еще заявить о своем существовании, ошеломленный тем, что только что довелось узнать. Хлопнула входная дверь. Друзья уходили. И он понял, что упустил свой шанс остаться в живых. А хотел ли он дальше существовать, когда с ним вот так без жалости расправилось самое дорогое существо?

Какое-то время Григорий еще приходил в себя, пока вырвавшийся из темных глубин его существа страх смерти почти полностью не завладел им. Доктор рванулся к единственному маленькому окну, что было в его комнате, и сорвал занавеску. Окно смотрело в стену. Ручка была снята. Он бы не смог его открыть, только разбить стекло. Снаружи доносились голоса друзей. Они удалялись по переулку.

Григорий ударил, предварительно обмотав предплечье занавеской. Так его и застала Лиля. Стекло посыпалось градом. Жена набросилась сзади и повисла на спине. За время своей болезни доктор сильно ослабел, так что хрупкая девушка была для него уже внушительной ношей, и повалился назад.

— Сбежать задумал? — Лиля без жалости вцепилась ему в волосы, которые уже порядком успели отрасти.

Григорий отпихнул ее, но не посмел сделать большего, хоть в голове у него уже и прояснились истинные намерения жены. Он не смог бы ударить столь дорогое, столь любимое существо, женщину, которой посвятил последние шесть лет своей жизни, пусть даже и она...

Глаза Лили горели злобой.

— К друзьям захотел, да? — с этими словами жена снова бросилась на него.

На сей раз она сорвала рубашку, и Григорий с удивлением уставился на свое худое тело. Торчали ребра. Так вот почему он так слаб! Лиля морит его голодом, должно быть. Тем временем она швырнула одежду в окно.

— Так, голый, пойдешь? По январскому морозу? — все с той же злобой выдохнула жена. — Я позову их к тебе, как только вылечишься. Ах, ты настоящее несчастье!

Лиля смотрела на предплечье мужа, на котором алела кровавая полоса — порезался, когда бил стекло. Девушка в ужасе обмотала его собственным фартуком, сорвав его с себя.

— Не так, — отчего-то поправил Григорий.

Ему были приятны даже такие прикосновения жены. Она отпрянула, прочитав это в его глазах, затем встала и подошла к двери. Лиля пару мгновений стояла, не решаясь взяться за ручку. Ее, должно быть, терзало раскаяние.

— Ты... сумасшедший, Гриша, — сорвалось с ее губ. — Если бы ты не был таким хорошим, если бы не твои друзья...

— Ты хочешь убить меня? — спросил доктор.

Лиля резко выдохнула. Губы ее дрогнули, а щеки побледнели.

— Все потому, что ты погубишь нас! — с этими словами она выскочила за дверь.

Снова загремел ключ.

Григорий вернулся в кровать. В голове было пусто. Из треснувшего окна нещадно тянуло холодом. Он надеялся, что заболит пневмонией и погибнет до того, как его начнет мучить морфинизм.

Вечером в комнате появился незнакомый мужчина. Он приподнял доктора за грудки и швырнул на пол, Григорий заскрипел зубами, но он был столь слаб, что не мог дать отпор своему обидчику. Повязка на предплечье потяжелела от крови.

— Чертов морфинист! — у мужчины был приятный бас, от него пахло дорогим одеколоном и сигарами.

Доктор его точно уже где-то видел, но не мог вспомнить, где.

— Он обижал тебя, Лили?

Лиля стояла в дверях. Из квартиры в темную комнату падал яркий свет. Ее силуэт казался Григорию вырезанным из черной бумаги. Девушка покачала головой.

— Нет, он только отказывается принимать морфий.

— Каков хитрец!

Доктор собрал последние силы, поднялся и попробовал ударить мужчину в живот. Но это не вышло. Григорий снова оказался на полу. Потом противник избил его ногами, без жалости, не опасаясь нанести вред, причинить боль... пока Лиля не закричала:

— Хватит! Не надо только убийства!

— А что? — донеслось в ответ. — Ты разве не это задумала, Лилечка?

Дальнейшего разговора он не помнил. Только распоряжение мужчины: "Ну раз не хочет морфия, не давай ему". Ярко вспыхнуло воспоминание. В театре, вот где доктор видел этого бугая! Это был холеный и явно знавший себе цену мужчина. Он восхищался тем, как играла Лиля, и подошел сказать об этом ей самой и ее мужу.

— А это мой супруг, — сказала жена, с нежностью обхватив ладонь Григория. — Он доктор. Работает акушером. У него своя практика. Мне приятно думать, что каждый день он помогает женщинам в самом важном их труде...

Григорий смотрел вслед странному господину тогда, припоминая, что про него ходили крайне неприятные слухи. Это было словно в другой жизни, а сейчас...

Вскоре началась ломка. Обостренный слух доносил до врача то, что творилось в соседней комнате. Лиля и этот господин, безусловно, были любовниками. На фоне физических страданий и душевной боли, что Григорий испытывал, рассудок его начал мутиться. Пережив неделю мучений, его ум, наконец, сдался животным порывам.

Вскоре доктор уже скребся в дверь, умоляя Лилю дать ему морфия. Спустя полдня уговоров она показалась на пороге и с отвращением посмотрела на тело, простертое на полу.

— Гриша, ты мне противен, — вдруг произнесла жена, но все же ввела дозу.

Так доктор продержался до тепла. Эти двое издевались над ним, отыгрываясь, должно быть, за свое жесткое решение уничтожить человека, никому в жизни не сделавшего зла. Лиля заставляла его целовать себе туфли и ползать в ногах за морфий, а ее сожитель время от времени избивал пленника. Они планомерно сводили доктора с ума, но тот уже не понимал этого. Между тем, зависимость от наркотика росла. Прежних доз уже не хватало на то, чтобы забыться. И вот однажды Лиля передозировала средство. Доктор довольно долго провалялся без памяти и очнулся в луже собственной рвоты.

Он поднялся, ощущая жажду и дернул за ручку. Дверь была не заперта, ни комнаты, ни входная. В квартире никого не было, и Григорий убежал, но на улице с ним стали твориться странные вещи. Реальность мешалась с бредом. Временами ему казалось, что он все еще уважаемый врач и идет из клиники домой к любимой жене. А потом Григорий вспоминал, что потерял ее. Он бросался на прохожих с вопросом, где его Лилечка. Его схватили.

Последнее из того дня, что доктор отчетливо помнил, это то как ехал в экипаже с Лилей и впервые за долгое время вдыхал не застоявшийся воздух собственной тюрьмы, а свежий ветер. Она везла его на кладбище — Григорий знал точно, но даже так он все еще не мог разозлиться на нее. Об этом он и сказал Лиле. Ее губы дрогнули, она отвернулась.

Потом он оказался за городом и с удивлением обнаружил, что его доставили к психиатру. Сознание прояснялось, и доктор услышал, как все представила Лиля. Якобы разорившись и испугавшись позора, ее муж бросил все и уехал к двоюродной сестре, которая жила у него в Казани. В действительности, Григорий не видел родственницу с десяти лет, потому что их родители в свое время крепко повздорили. Лиля сообщила, что там он устроился в клинику, где пристрастился к морфию, не сумев совладать с горем. Она, как верная жена, узнав о трагедии мужа, вернулась за ним, но нашла почти безумившим от наркотика.

После этого Григорий остался в приюте для душевнобольных. Какое-то время он вел себя тихо, снося те процедуры, что предписывала официальная медицина. Но вот от неосторожного врача он услышал, что Лиля решила развестись. Весь мир больного тогда был сосредоточен вокруг жены. Она казалась ему одновременно и ангелом, и исчадием

ада. Бывший врач окончательно потерял контакт с реальностью, пытаясь решить эту головоломку. Внешне спокойно приняв новости, он той же ночью придумал, как уйти из жизни. Вспоров себе вены, он лег спать, и сознание стало кристально чистым впервые за все одиннадцать месяцев пристрастия к морфину.

Он искренне проклял себя за добродушие и слепоту, что вместе сыграли с ним такую жестокую шутку. Он верил женщине, которая погубила его. И даже умирая, он все еще любил ее. Смерть была похожа на гигантскую волну, которая накрыла и поглотила врача, не оставив и следа от его печального существования.

— Вера! Очнитесь, Верочка! — ворвалось в сознание.

Кто-то тряс хранительницу за плечи. Вера все еще мучительно переживала то, что видела, но мир перед ее глазами уже становился нормальным. Прошлое отлепляло от нее свою паутину, скрываясь за гранью бытия.

Вера шумно вдохнула и разглядела перед собой патологоанатома. Потом она перевела взгляд на психиатра. Тот лежал на полу, очки на нем.

— На силу отыскал их, — пояснил Михаил Петрович. — Насколько я знаю, другой пары не было и нет. Вы бы знали, чего стоило заменить в них стекло, только благодаря тому, что его талантами так дорожат, только и удалось сделать это. И вот опять едва не пропали эти несчастные очки! Но хорошо, что вы все-таки сумели удержать его безумие под контролем!

Хранительница вырвалась и выскочила из палаты. Вера остановилась в туалете перед раковиной. Еще мгновение назад ей казалось, что ее вывернет. Ломка была такой реальной, словно Вера ощущала ее сама. Хранительница отдышалась, и тут ей стало нехорошо от того, что она пережила в воспоминаниях психиатра. Кто в здравом уме станет так издеваться над живым человеком? Вере казалось, что она готова заплакать. Поэтому она склонилась над раковиной, пустила холодную воду и с яростью несколько раз плеснула ей себе в лицо. "Интересно, насколько страшна ее собственная история?" — подумала Вера, растирая щеки.

Михаил Петрович не спешил узнать как у нее дела, и хранительница испугалась, что с Иннокентием что-то не то. Вера вернулась обратно и ее опасения подтвердились. Психиатр свернулся на полу, притянув руками ноги к груди. От одного взгляда на него Вере стало ясно, что Иннокентий переживает приступ сильной боли.

Патологоанатом сидел подле него и считал пульс, приложив два пальца к шее.

— Вера, что вы там видели? — не оборачиваясь к ней, заговорил Михаил Петрович.

— Я... — Вера поперхнулась. — Лилю... Его жену...

Михаил Петрович вздохнул.

— Это очень плохо, Верочка, — подвел итог патологоанатом. — Теперь мы Иннокентия надолго потеряем.

Вера отпрянула и нечаянно задела ногой свободную кушетку. Мебель громко сдвинулась с места.

— Я неправильно выразился. Он не покинет нас в физическом смысле, — взглянул на нее профессор. — С ним такое уже случалось. Иннокентий очень тяжело переживает столкновение... со своим прошлым. Вы, быть может, слышали, что его сюда приняла прошлая Вера? Она превратила его душевную боль в физическую. Потому, что ее куда проще заглушить. Она хотела, чтобы психиатр остался при больнице, и считала, что спасла его этим. Именно это с ним сейчас и творится!

— Черт! — Вера прижала руку ко рту.

— Насколько я понял, вас заинтриговали его тайны, — сказал профессор. — В некоторых вещах любопытство, ей богу, ни к чему, Вера! Не желали бы вы лезть ему в душу, быть может, все бы обошлось! Теперь понадобится много обезболивающего и, пожалуй, снотворное.

Вера рванулась было, но патологоанатом остановил ее жестом.

— Нет! Лекарства я введу сам. Вы пока подготовьте свободную койку.

Михаил Петрович и Вера уложили психиатра в одиночной палате для инфекционных больных. Тем временем на шум сбежались проснувшиеся медсестры. Как патологоанатом позже объяснил Вере, все приключение заняло не больше десяти минут. Хранители просто стояли и смотрели друг другу в глаза, тем временем в палате замерла жизнь. Нормальный ход событий вернул Михаил Петрович, одев на психиатра очки. самого страшного все-таки не случилось. Потусторонний мир, полный ужасов и страхов душевнобольных, которые годами забирал у сумасшедших Иннокентий, не пробрался дальше палаты реанимационной палаты, а ни одно из чудищ так и не очнулось.

Патологоанатом уложил хранителя и вскоре принес все для постановки катетера, отослав прочь медсестру. Вера засучила психиатру рукав и ужаснулась. Предплечье было изрезано шрамами, она попробовала другую руку — то же самое. Вены у него не просто зажили. Похоже, их зашили.

Михаил Петрович взглянул на Веру с осуждением. Словно она и сама должна была знать об особенностях Иннокентия. Вера перевела дыхание, стараясь совладать со стучавшим в висках пульсом. То, что она увидела, было ужасно. Но ей не хотелось убежать или скривиться. Вера чувствовала странное тождество с этим искалеченным психиатром, словно и сама была такая. Ей оставалось лишь заглянуть в лицо своей правде, так же как заставила его сделать это сегодня она сама.

Патологоанатом тем временем стянул с ноги больного ботинок, снял носок, обработал кожу и с легкостью установил катетер в вену ступни. Вскоре Иннокентий уже получил лекарство, его поза стала более расслабленной. Через пять минут пульс уже не частил.

Михаил Петрович строго взглянул на Веру.

— Оставайся с ним. А я в обход, — сказал он хранительнице. — Больница ведь теперь осталась на произвол судьбы. Кто-то должен позаботиться, чтобы ничего не произошло.

Вера кивнула. Она чувствовала себя нашкодившей девчонкой, и ей было ничего сказать. Всем было очевидно ее странное противостояние с психиатром, происходившее, безусловно, из безотчетной симпатии. Уютный больничный мирок хранителей десятилетиями вращался по незыблемым правилам, защищавшим их всех от боли воспоминаний и жестокости жизни, пока не появилась та, что сочла заведенный порядок смешным и необязательным. "Но ведь если не рисковать, ничего не изменится", — могла бы сказать Вера, но знала, что ей ответят: некоторым перемены без надобности.

Хранительница сходила в ординаторскую за стулом и уселась на свой личный пост около психиатра. В любой момент ее внимания мог потребовать кто-то из пациентов реанимации, и Вера мучительно вглядывалась в лицо Иннокентия, как ей понять, когда ему хоть немного полегчает, и можно будет отойти, не рискуя его благополучием? И что делать, если станет хуже?

Этот насущный вопрос Вера решила задать Михаилу Петровичу, но побоявшись отвлекать патологоанатома от чего-то важного, просто открыла WhatsApp, чтобы набрать сообщение.

"Если станет хуже, что ввести?" — отправила Вера и только тут обратила внимание на то, что у профессора и ее предшественницы была длинная переписка.

Вера безотчетно мотнула назад. В глаза ей бросилось имя "Иннокентий". Вера всмотрелась.

"Когда я уйду, больница останется на тебя, профессор", — писала предшественница: — "Ты это лучше нас всех понимаешь. Неопытная душа не управится со всей той болью, с которой мы ежедневно имеем дело. И я говорю не только о пациентах. Ты будешь ей опорой, я уверена в этом. Поэтому я должна именно тебе передать дела".

Вера оторвалась. Сообщение было датировано 3 июня 2015 3:00. Это в тот день ведь прошлая глава хранителей, видимо, ушла. Вера принялась читать дальше. Как бы то ни было, это были те инструкции, которые должна была бы получить она сама, не случись

все так странно.

"Первое и главное, про что я должна рассказать тебе, это Иннокентий", — продолжала прошлая Вера: — "История того как он здесь появился, даст тебе многие ответы на вопрос, как с ним дальше быть".

Далее следовал аудиофайл. Вера вернулась в ординаторскую и разыскала там наушники, которые один из докторов подсоединял к компьютеру, чтобы слушать музыку, когда заполнял дневники.

С замиранием сердца девушка щелкнула по файлу, когда все было готово, и с ней ровным убаюкивающим голосом заговорила прошлая Вера. Была ли это особая магия, или просто талант прошлой главы хранителей — девушка не поняла, но она и отметить не успела, как ее мягкими лапами обнял сон. Вера провалилась в события более чем столетней давности.

Все было коричнево-желтым словно на потемневшей от времени фотографии. Вера видела свою предшественницу. Одетая она была сестрой милосердия. Простая Вера действительно была довольно крепкой дамой и немолодой. Темный с проседью локон падал из-под головного убора ей на лоб.

Вера стояла в воротах больницы. Еще и в помине не было новых корпусов, а самый старый из них, построенный в начале позапрошлого века, выглядел рабочим и обжитым. Перед больницей пестрело поле, пресеченное исхоженной дорогой.

Рядом с Верой стоял сухонький пожилой мужчина в белом халате, в его позе чувствовалось напряжение. Он сложил руки на груди и нервно теребил пальцами рукав халата на локтевом сгибе. Оба хранителя вглядывались вдаль.

— Пойдемте, Вера Павловна, — наконец сказал профессор. — Если вы, в самом деле, дождетесь тут чудовища, никому от этого не будет хорошо. Стражи велели вас предупредить.

Вера ответила взглядом, полным собственного достоинства и уверенности в себе. Мужчина тяжело вздохнул.

— Сдается мне, вы знали еще до того как я отправился сообщить вам.

Вера размеренно кивнула.

— Чего вы добиваетесь? — всплеснул руками хранитель.

Вера лишь улыбнулась и не сочла нужным отвечать. Тогда мужчина с досадой развернулся.

— А вы что же, побежите, профессор, не попытавшись защитить место, которое подарило вам успокоение и кров? — насмешливо произнесла она. — Учтите только, что бежать нам некуда!

Профессор развернулся. Ярко сверкнули стекла очков.

— Вы слишком большого мнения о себе, Вера...

— Я просто умею доверять своему сердцу.

— Что у вас в руке?

Вера снова загадочно улыбнулась.

— Это аномалия, которую не смогли остановить лучше из лучших, — сдавленно произнес он, глядя на хранительницу в глаза. — Я боюсь представить, какой силы зло сосредоточено в этом существе.

— Это врач, — произнесла Вера, все так же напряженно глядя вперед.

— Ну и что? — всплеснул руками профессор. — Погодите, откуда вы знаете?

— Поговорила с привратником, — прежним менторским тоном сказала Вера.

— Зачем? — вздернул брови собеседник.

— Просто я, Михаил Петрович, решила, что раз целая орава таких искусных стражей ничего не может поделывать с одной-единственной душой, значит, они в чем-то ошибаются, верно?

— Боже мой, Верочка, не хотите же вы сказать... — побледнел профессор.

На этом хранительница обернулась к нему.

— Именно это и хочу. Он уничтожил лишь тех, кто на него напал. Очевидно, защищался. Всех, кто хотел уйти, он отпустил невредимыми. Он здесь не затем чтобы приносить горе и боль, как другие. Просто ищет что-то. Но чем больше ему стараются навредить, тем сильнее он становится, так?

— Это же ужасно! — вновь взмахнул руками хранитель.

— Так да не так! — прищурилась Вера. — Мы можем и дальше смотреть, как он бродит по Москве, переворачивая вверх дном кладбища, и до чертиков пугает бессмертных, можем дожидаться, пока он превратится во что-то поистине жуткое. Или же можем посмотреть на это под другим углом...

— Кто-нибудь найдет способ!

— И сколько пострадают, пока вы будете его искать? — хмыкнула Вера. — Я предпочитаю довериться своему женскому сердцу, которое вы считаете беспечным и глупым. Пусть высшие силы рассудят нас.

Горизонт потемнел, и Вера шагнула за ограду.

— Вера! — крикнул ей вслед хранитель, но так и не решился ступить на улицу.

Та обернулась через плечо.

— Оставайтесь внутри, Михаил Петрович, если, как и сейчас вы не отважитесь на него нападать, вас он не тронет. Голову даю!

Вера уверенно пошла вперед и вскоре ее крепко сбитая фигура исчезла за порывами дождя и ветра. Надвигался ураган, каких в Москве отродясь не видели. Деревья клонило в землю, а в завываниях ветра слышались проклятия. Профессор крепко ухватился на прутья ограды, но так и не решился уйти с улицы.

— Ну и чертовщина! — сказал он сам себе, придерживая очки.

Наконец стало так темно, словно случилось затмение. Послышался треск и профессор обернулся. Он был окружен черными тенями, которые явились за ним, должно быть, из преисподней. Странные демонические очертания переминались с ноги на ногу — становилось ясно отчего лучших из стражей бросили на то, чтобы покончить с этой аномалией. Выглядела она на редкость жутко.

— Что же ты, господи Иисусе, такое? — обратился хранитель к темноте, но тут, словно в ответ ему, ключья тумана разорвал ясный солнечный луч.

Удушливый дым оседал, и становилось ясно, что в воротах больницы стояла Вера. Профессор сорвался со своего места и бросился к коллеге. Добежав до нее, он отпрянул.

Вера прижимала к своей груди щуплого молодого человека, по виду еще юношу. Черные как смоль волосы торчали во все стороны. Вера нежно гладила его по голове. Рукава за спиной странного гостя были стянуты ремнями. Смирительная рубашка?

— Знаю я, кого ты ищешь, — проговорила Вера. — Не надо тебе ее видеть. Это уничтожит в тебе то, что осталось человеческого. А пока небеса еще заступаются за тебя. Видишь, вот ты меня послушался и кошмар пропал. Не открывай глаз, пока я не скажу. В темноте, конечно, страшно, но я тебе скоро помогу.

Вера решительно протянула руку, словно знала, что профессор по-прежнему стоял рядом.

— Очки! — сказала она тоном, не терпевшим возражений.

— Но, — отпрянул хранитель. — Вы же сделаете меня слепцом, Вера Павловна! Они показывают истину! Как я узнаю, кому мне помогать, а кому нет?

— Ты и так слепец! — рывкнула Вера.

Трудно было до этого предполагать, что в голосе этой женщины могло быть сосредоточенно так много власти.

— Но покровители наши это исправят. Приказываю тебе отдать очки! — с новой силой выдохнула Вера.

Профессор приблизился и вложил свой артефакт в ее ладонь.

— Только поймите, — прошипел он. — Вы отдаете могущественную вещь аномалии, которую стражи, быть может, растерзают на пороге больницы, как только поймут, что она больше не опасна.

После этого Вера осторожно надела на молодого человека очки и удовлетворенно произнесла:

— Не растерзают. Посмотрите сами, Михаил Петрович, это наш новый доктор.

— Доктор?! — задохнулся хранитель.

— Можешь открывать глаза, — ласково обратилась Вера к подопечному.

Тот, наконец, поднял голову, озираясь так, словно едва-едва обрел зрение.

— Ну как? — удовлетворенно произнесла Вера. — Лучше чем было, правда?

Молодой человек сосредоточился на ее лице. Глаза у него были чистые, голубые и взгляд осмысленный. Спустя пару мгновений он кивнул. Вера улыбнулась.

— Не бойся, ты человек, который чуть было не обратился чудовищем. Тебе повезло, что помощь пришла вовремя. Беда в том, что таких как ты много. Их тоже должен кто-то спасать, как я тебя. Поэтому ты призван на службу.

Молодой человек передернул плечами, и стало ясно, что ему тесно в смиренной рубашке.

— Да уж! — согласилась Вера. — Надо это снять, ведь рассудок к тебе вернулся.

Она обошла нового врача сзади и распустила ремни, стягивавшие его руки, и тот со вздохом облегчения опустил их.

— Больше ничего не мешает? — уточнила Вера, снова встав перед гостем.

Молодой человек нерешительно повел головой.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Вера. — Если войдешь в ворота, это будет значить, что я приняла тебя на службу. Отныне вся твоя жизнь будет посвящена помощи другим. Но это ради твоего же блага. В свою очередь я могу обещать, что в больнице с тобой больше никто и никогда дурно не поступит. Это не значит, что ты перестанешь испытывать боль. Но здесь о тебе станут заботиться. Придет время и все вернется на свои места.

Молодой человек колебался довольно долго, так что Вера стала заметно нервничать. Наконец он посмотрел в ту сторону, откуда пришел, а потом в ту, куда направлялся. Создавалась впечатление, будто он осознавал, что застрял посередине между жизнью и смертью.

— Ты самоубийца, — вдруг неожиданно холодным тоном сказала Вера. — Но тебе дали редчайший шанс спасти свою душу, потому что ты не виноват в том, что с тобой сделали.

Уйдешь — она обречена.

После этого молодой человек шагнул внутрь. Вера выдохнула.

— Ну, вот и славно! — улыбнулась она и подхватила под руку нового доктора.

— Какой хорошенькой на самом деле оказалась эта ваша аномалия, Михаил Петрович, не станете же вы теперь отрицать! — приговаривала Вера, провожая свое приобретение к парадной лестнице главного корпуса. — Прямо выпавший из гнезда вороненок!

С этими словами глава хранителей нежно потрепала молодого человека по голове. Профессор двинулся следом за странной парой.

— Только что мы с ним будем делать, Вера Павловна? — причитал он по пути. — Все врачебные должности заняты, да и разве он сумеет справляться с работой с таким-то анамнезом?

Вера обернулась через плечо, помогая новобранцу взобраться вверх по лестнице.

— Он будет нашим психиатром, — объявила она.

— Господи Иисусе, психиатром! — всплеснул руками профессор. — Зачем нам в этой больнице умалишенные, Вера Павловна?!

— Наша цель помогать. Каждый делает это в силу собственного разума, — с этими словами хранительница запустила нового врача в корпус. — И хватит болтать попусту, Михаил Петрович, лучше принесите скорее ему чистое платье. Только смотрите, он подлиннее вас будет. Что-нибудь подходящее подберите. А мне еще нужно его отмыть. Очень скоро, уверяю вас, явятся стражи по его душу. Мне надо предъявить им настоящего доктора.

Профессор послушался, а Вера отвела своего гостя на третий этаж, где наполнила ванну теплой водой.

— Раздевайся, — сказала она новому врачу. — Раз уж ты остался человеком, надо чтобы ты больше походил на него. Я за ножницами. А то вон как волосы отросли, пока никто не следил за тобой!

Когда Вера вошла обратно, молодой человек пытался сложить свою грязную пижаму на стуле, стоявшем подле ванны. Но пальцы его плохо слушались. Вера всплеснула руками.

— До чего они тебя довели! Худой, как палка!

Тот обернулся к ней и еще раз неуклюже встряхнул измазанную кровью ткань.

— На славу вены распорол, да? Чтобы точно не спасли? — сказала Вера, глядя на его предплечья, на которых чернели глубокие полосы, испещренные кровоподтеками. — Того гляди, нервы повредил. Да брось ты уже этот саван, он тебе больше не нужен! Чувствуешь пальцы?

Молодой человек посмотрел на нее, так словно его все еще удивляло то, что с ним разговаривают. И, наконец, кивнул.

— Значит, сухожилия, — фыркнула Вера. — Крови-то сколько вытекло!

Молодой человек молча перевел взгляд на собственные ступни, которые были перемазаны бурой массой.

— Ты еще со спины себя не видел, — сообщила ему Вера.

После этого она похлопала по эмалированному бортику ванны и приказала:

— Сюда!

Психиатр без слов подчинился. И как только новый хранитель больницы очутился в воде, Вера начала без устали намывать его. Все это время молодой человек никак не выдавал своего отношения к происходящему, словно, все еще не мог поверить, что очнулся.

Наконец, Вера принудила его наклониться, чтобы лучше оттереть спину. Очки едва не соскользнули в воду. Вера поймала их указательным пальцем на его носу.

— Надо будет дужки связать, — пробормотала она.

— Никогда, слышишь, никогда их не снимай! — обратилась Вера к новому врачу. — Только если я не скажу. Понял? Следить за тем, чтобы это всегда было на тебе пока твоя главная работа.

Психиатр кивнул. Вера вздохнула.

— Вот ты так же безропотно сидел, когда эти люди тебя убивали? — произнесла она.

В ответ на это доктор дернулся и впился в нее взглядом.

— Прости, — поджала губы Вера. — Я предпочитаю говорить правду, иногда она звучит слишком резко. Я обещала быть осторожной с тобой, впредь буду. Ну все, голову намылили. Пора окунать. Держи свои очки крепко.

В этот миг в ванной показался профессор. Аккуратно он положил стопку одежды на стул, предварительно сбросив с него на пол пожитки пациента психиатрической лечебницы, а затем покосился на нового доктора.

— Вера, — наконец произнес профессор.

Та оторвалась от купания и посмотрела на подчиненного в упор. Михаил Петрович прочистил горло.

— Вера, я спросил привратника, — выдержав небольшую паузу, заговорил профессор. — Нам не присылали нового доктора. У него даже имени нет!

— Да, — спокойно согласилась та. — Потому, что это больше, чем просто врач.

С этими словами она, наконец, помогла подопечному окунуться в воду.

— Мы все здесь ждем того, чтобы с нами случились чудеса. Но лучше и почетнее их делать самостоятельно. Это добрый и хороший человек, — Вера еще раз мягко нажала на плечи доктору, заставив его нырнуть в ванну. — С которым случились жуткие вещи. Из таких получаются самые страшные аномалии, чему ты и был свидетелем. Привратник сказал мне, что если я сумею разбудить в нем человека, то он останется тут. Из-за необычного происхождения ему дано больше, чем любому из нас. Нет ничего гаже и хуже, чем разрушить светлую душу, и нет ничего прекрасней, чем ее восстановить, Михаил. Он станет спасением для того, кто вернет ему любовь.

— Ты слишком амбициозна, Вера! — воскликнул профессор. — Мы с ним намучаемся, это точно!

— Может и так, — пожалла плечом хранительница, указывая взглядом на тумбочку при входе. — Но я не лгу. Привратник дал мне документы для нового врача.

Собеседник прошагал к тумбочке и взгляделся в листок.

— У него по-прежнему нет имени, — удивленно произнес профессор.

— Да, — согласилась Вера. — Это потому, что его привела я. Мне и называть. Ты у нас невинно убиенный.

Вера третий раз окунула подопечного в воду.

— Нарекаю тебя Иннокентием, — сказала она, когда тот вынырнул.

Психиатр шумно вдохнул так, словно делал это в первый раз в жизни. Следом он зашипел и покосился на распоротые предплечья. Края ран от пребывания в воде набухли и вывернулись.

— Давай, Миш, понадобится твой талант, — обратилась к профессору Вера.

Тот положил руку психиатру на плечо и раны затянулись на глазах, оставив на предплечьях уродливые шрамы.

— Ну, вот ты и снова человек, — улыбнулась Вера своему подопечному, присаживаясь на бортик ванной. — Приятно опять дышать и чувствовать, не правда ли?

Тот кивнул. Вера нахмурилась и тронула черную макушку рукой.

— Но ты ведь не немой?

Психиатр вдохнул и, собравшись с силами, озвучил:

— Нет.

— Какой приятный голос! — умилилась Вера. — Им бы только и успокаивать тех, кто в беде.

В этот миг дверь снова распахнулась и на пороге встала девушка в форме медсестры.

— Вера Павловна, во дворе стражи! Они ищут кого-то из нас! — выдохнула она.

— Не тревожься, Люба, — поднялась старшая хранительница. — Это из-за нового доктора.

Любовь была молодая, веснушчатая, рыжая и очень красивая. В этот миг психиатр обернулся к ней, все еще сидя в ванне, на его лице была написана смесь испуга со стыдом. Люба отступила, дернув плечиками.

— Это ведь то самое, — дрожащим голосом заговорила она. — Чего боялась вся Москва...

— Больше нет, — строго сказала Вера. — Это Иннокентий. Он теперь врач больницы. Беги вниз, Люба, и скажи, что я скоро приведу его.

Вера помогла своему питомцу одеться и подсушила волосы простыней.

— Постричь я тебя не успела, — причитала она, повязывая психиатру бабочку под горлом. — Зато костюм сидит как влитой. Пойдем, покажешься стражам. Страху ты на них нагнал прилично, поэтому не ожидай того, что они будут с тобой любезны. Помни, документы у тебя есть, поэтому ты имеешь полное право оставаться в больнице.

— И я тебя не отдам им, — прибавила Вера немного погодя.

После этого она взяла подопечного под локоть и повела к выходу.

— Нога правильно срослась на сей раз? — подводя спутника к дверям, спросила Вера.

Психиатр посмотрел на свою штанину и ответил:

— Да.

— Хорошо бы наши душевные раны лечились так же просто, — вздохнула Вера.

После этого она распахнула двери.

Во дворе стояли пятеро бессмертных. Стражами были трое мужчин и женщина. С ними разговаривала Люба. Когда Вера вывела своего подопечного на лестницу, все взгляды обратились к ней. Психиатр, видимо, по привычке спустился вниз приставным шагом, хотя по его же собственному признанию, нога у него теперь работала правильно.

Несколько мгновений было тихо. Стражи недоверчиво рассматривали нового доктора.

— Это и есть? — наконец заговорил огромный широкоплечий мужчина в котелке.

Вера кивнула и протянула документы.

— Он остается тут.

— Исключено! — воскликнула девушка, и глаза ее холодно сверкнули. — Его нельзя

оставлять тут! Петр Андреевич... — она обернулась к самому массивному мужчине.

Потом она потянулась к психиатру. Вера прыгнула наперерез.

— Руки прочь! — оцетинилась хранительница. — Заберете его и не рассчитывайте на исцеления больше!

Однако Иннокентий и сам позаботился о безопасности. Он быстро отступил на пару шагов, не дав до себя дотянуться.

— Вы, конечно, можете ставить такие ультиматумы, Вера Павловна, но вспомните, кто вас охраняет. В том числе и от таких, как этот ваш... — заговорил тот, кого звали Петром Андреевичем.

— Иннокентий, — психиатр сделал осторожный шаг вперед, и все взгляды снова сосредоточились на нем.

Похоже, никто не ожидал, что возвратившее себе человеческий вид чудовище умеет говорить.

— Иннокентий, — повторил Петр Андреевич, словно бы взвешивая это слово. — Я бы тебя так точно не назвал после того, что мне довелось увидеть в предместьях Москвы.

Психиатр побледнел, хотя, казалось бы, было невозможно сделаться еще блее. Вера снова выставила вперед руку с документами.

— Вот! — продолжила с нажимом она. — Все решено за вас.

Петр Андреевич вздохнул и внимательно прочитал то, что было написано на бумаге. Следом он протянул листы обратно Вере.

— Ох, — наконец изрек он. — Ну и намучаетесь же вы из-за своих амбиций, Вера Павловна! Но право ваше. Похоже, вы выпросили себе психиатра, и я не смогу забрать его, пока он не натворит чего-нибудь подобного тому, что мы уже видели. Надеюсь, он не разнесет вашу больницу до основания, когда с него слетят эти чудесные очки. А такое может, безусловно, когда-нибудь произойти. В таком случае, мы можем и не успеть прийти вам на помощь.

С этими словами мужчина развернулся. Его примеру последовали и другие стражи.

— Ваша единственная надежда в том, что вы научите его контролировать это, — произнес главный из стражей на прощание. — И тогда, быть может, мы сумеем проверить, правдива ли эта байка про аномалии. По легенде он может стать сильнейшим из докторов. Какое замечательное приобретение для больницы, не находите?

Последние слова, видимо, предназначались другим стражам.

Психиатр едва заметно пошатнулся, когда бессмертные, охотившиеся за его душой, скрылись за оградой, но Вера заметила это и подставила ему локоть.

— Ну как ты? — спросила она. — Держался славно.

Иннокентий посмотрел на свою защитницу и произнес:

— Я ужасно устал.

— Еще бы, — хмыкнула Вера. — Я тебя устрою тебя по соседству с профессором.

Так глава хранителей привела нового врача во флигель и поселила в необжитой еще комнате наверху.

— Вот! Спи, набирайся сил, — приговаривала она, взбивая перину. — Завтра поговорим. Готова поклясться, ты давно не ночевал в уюте.

После этого она вышла.

Под вечер к Вере прибежала перепуганная Люба.

— Психиатр... там! — выдохнула девушка.

Сестры дружно вбежали во флигель и поднялись на докторский этаж. Иннокентий лежал в луже крови. Он разбил одно из стекол в окне и снова располосовал себе предплечья, хотя, казалось бы, там уже нечего было резать. Дыхание его было тяжелым и частым, что говорило о том, что хранитель потерял много крови.

— Дурак! — в сердцах воскликнула Вера, хватая со стола скатерть. — Неужели тебе одного раза не было недостаточно?! Люба, ну-ка, живо за Михаилом Петровичем!

Следом она бросилась перевязывать предплечья доктору.

— Зачем это ты? — запричитала Вера, заметив, что Иннокентий приоткрыл глаза.

— Не могу так, — едва слышно долетело до нее. — Лучше, правда, сгинуть...

— Да не сгинешь ты теперь! — разозлилась Вера. — Раз уж решился исправлять свою жизнь, то не уйдешь теперь отсюда так просто!

Она отпрянула и посмотрела на больного, а тот тем временем прошептал:

— Что же вы со мной сотворили? Я думал, вы обещали мне спасение... но это ведь... проклятый морфинизм. Я снова чувствую ломку...

— Да, — собравшись с духом, кивнула Вера. — Я не смогла забрать всю боль. Твоя искренняя любовь — единственная ниточка, что еще связывала тебя с человечеством. Отпустишь ее, и останется только ярость. Это и был тот кошмар, что творился вокруг тебя. Со временем ты преодолеешь в себе боль и ненависть, и он отступит. А пока я превратила твои духовные муки в физические, уж прости, но так их просто легче заглушить. Примешь лекарство?

Больной едва заметно сжал ее руку. В это время в комнату вбежал профессор, накинувший белый халат поверх пижамы. Едва взглянув на Иннокентия, он с осуждением обернулся к Вере и двинулся к постели больного. Вскоре психиатр уже был исцелен от своих увечий и сидел на залитой кровью постели, отрешенно глядя вперед.

— А теперь уходите все! — распорядилась Вера.

Когда за Любой захлопнулась дверь, главная хранительница приблизилась к подопечному, села на кровать и перетянула правое предплечье жгутом. Иннокентий посмотрел на нее со смесью злости и презрения.

— Морфий? — выплюнул он, отворачиваясь.

— Это для тебя больше не яд, — произнесла Вера. — Он не будет как раньше разрушать тело, он заглушит боль, и ты не опьянеешь, если только не переусердствуешь с дозой. Ты принял решение снова сделаться человеком, Иннокентий, и обратного пути у тебя нет. Однажды ты сможешь снова любить не испытывая страха и радоваться каждому дню. Для этого ты попал сюда.

С тех пор Вера поселилась в соседней комнате, чтобы наблюдать за своим непростым жильцом.

В ту же ночь, после того как главная хранительница привела в больницу Иннокентия, в ворота постучалась Надя.

— Вот отныне твои глаза, — сказала Вера Михаилу Петровичу, знакомя его с новой хранительницей.

— Выглядит так, словно бы ты сделала все правильно, — сказал профессор главе больницы, когда они остались наедине. — Но почему я не могу поверить в это?

Вера очнулась, шумно набрав в легкие воздуха. За окном уже было светло. В следующий миг истошно заорал будильник. На дисплее отражалось время — семь утра. У Веры было чувство, словно она непрерывно отдежурила неделю. Она готова была умереть.

— Верка! — на плечо легла тяжелая ладонь реаниматолога Михалыча.

Вера неохотно развернулась. Ну вот он и вернулся. Не хотелось ни о чем-то спрашивать Михалыча, ни отвечать. Вере нужно было уйти и она бы ушла, если бы не чувствовала ответственности за Иннокентия.

— Я уже слышал, — произнес реаниматолог, выходя у Веры из-за спины. — О том, как очнулся Покровский и вмазал психиатру.

Реаниматолог склонился над Иннокентием и проверил пульс.

— Что с ним, ЗЧМТ?

Вера вдохнула. Она понятия не имела. Что теперь с психиатром? Если бы она могла ответить на этот вопрос однозначно.

Реаниматолог тем временем полез в карман за фонариком.

— Не должен был я тебя одну оставлять, — продолжил Михалыч, поворачивая к себе голову Иннокентия. — У меня это камнем на душе с тех пор как я про психиатра услышал. Разве могла ты, хрупкая девчонка, скрутить того парня в одиночку? И этот Курцер на помощь бросился... его самого-то соплей перешибешь!

Реаниматолог сделал движение, чтобы снять с Иннокентия очки и Вера рванулась, собираясь помешать этому. Но сам психиатр оказался быстрее. Он распахнул глаза и отодвинулся. Реаниматолог не растерялся и направил свет фонарика психиатру в левый глаз. Иннокентий следующим движением отбросил руку врача.

— Не надо! — воскликнул он, садясь. — Со мной все в порядке!

Потом Иннокентий единым усилием вырвал катетер из ноги. Михалыч отпрянул и с облегчением вздохнул.

— Ну как ты, доктор Курцер?

Психиатр ответил раздраженным взглядом.

— Отоспался, — сказал он, сбрасывая ноги с кушетки. — Теперь мне нужно в отделение. Скоро дежурство сдавать.

После этого психиатр вскочил и обул ботинок, который ночью с него стянул патологоанатом. Вера молча покосилась на носок, лежавший на полу. Психиатр тоже заметил его и, подобрав, запихнул в карман брюк. Так Иннокентий и вышел.

— А спасибо?! — крикнул ему в спину реаниматолог. — Барышня тебя тут спасала ночью, а потом сидела в изголовье кровати как безутешная жена!

Вера бросилась к дверям и с болью посмотрела на то, как психиатр ковылял по коридору, приволакивая ногу так, словно у него все еще был неправильно сросшийся перелом. Следом она поняла, что спокойный тон Иннокентия лишь очередная демонстрация нормальности. Он научился этому за те годы, что обитал при больнице. Вера осознала, что не сумеет отпустить его, пока не поймет, чем можно помочь.

Она догнала Иннокентия в дверях и попыталась взять за руку, но психиатр был начеку. Вера ухватила лишь край рукава.

— Ну что, увидела какого они цвета? — произнес Иннокентий, понимая, что так просто не уйдет.

— Карие, — выдохнула Вера, и ей неожиданно стало ясно, что сам психиатр не знал, что происходило с его глазами, когда он снимал очки.

Должно быть, он думал, что, в самом деле, обращается так в монстра. Вера понимала, что без очков Иннокентий становился тем самым человеком, каким был до своей смерти когда-то. За эти сто с лишним лет он сумел сохранить себя или же заново собрал по кусочкам. Это показалось ей таким важным, что Вера на мгновение задумалась и не успела озвучить Иннокентию свои мысли. Психиатр тем временем аккуратно освободил свой рукав.

— Раз уж я выручил тебя вчера, сделаешь мне ответное одолжение? — произнес Иннокентий, глядя Вере в глаза.

Та кивнула. Трудно было ему отказывать после всего, что произошло за дежурство.

— Держись подальше, — выдохнул психиатр.

С этими словами Иннокентий отвернулся и зашагал прочь. А Вера так и осталась стоять в дверях с этой новостью. Ей было так больно, как никогда в жизни. Вера еще не чувствовала такого раскаяния, потому что не давала себе труда задуматься над чужими страданиями. Психиатр словно специально попался ей на пути, чтобы продемонстрировать, кем она на самом деле была. Вера и раньше, если хотела чего-то, частенько шла по головам. Только теперь ее несгибаемая воля так явно оборачивалась плохими поступками так, что девушке было не по себе.

Или наоборот, они встретились здесь потому, что Вере было необходимо обрести то, чего ей всегда не хватало — человечность? Может, именно поэтому ее так мучительно сейчас тянуло к Иннокентию? Он был ее полная противоположность: нежный, добрый, готовый отдавать всего себя любимым... Если бы Вера обладала хотя бы частью этих качеств, она бы никогда не погибла не своей смертью. До этой участи ее довела стервозность и умение выбрать себе опасных спутников.

Вера отступила на шаг и обхватила свои плечи. Память рисовала нечеткие силуэты. Как во сне, здесь трудно было ухватить детали, лишь общее настроение. Ей, в самом деле, нельзя было приближаться к психиатру. Что если Вера была осовремененной копией Лилечки? Как же трудно ему, должно быть, было сосуществовать с призраком своей жены? Вера ощутила такое сильное раскаяние, что не могла сдвинуться с места, пока в дверях позади нее не встал реаниматолог.

— Ты никак влюбилась, Верка! — все тем же шутливым тоном продолжил Михалыч. — Я всегда думал, что Курцер по мужикам. Нет, парень он, конечно, хороший... прекрасный специалист. Но, слушай, Вер, с ним все же что-то не то. Вот веришь, пошел бы с ним в разведку — не подведет, но в остальном... мне кажется, избегает он близких отношений, в особенности с женщинами.

Вера не могла показаться коллеге. Если Михалыч сейчас увидит ее лицо, то быстро поймет, что что-то не так с ними обоими: с Иннокентием и Верой. В этот миг завибрировал мобильный. Вера вынула аппарат из кармана и посмотрела на экран. Это был Виктор.

— Ты нужна мне, — сказал хирург и повесил трубку.

Взяв себя в руки, Вера отправилась наверх. На сей раз в операционной было тихо. Виктор даже не поздоровался. Вера молча заняла свое место. Иннокентия в больнице любили и оберегали, а она первой из хранителей позволила себе нанести ему рану. Влюбленная дуручка Люба была для психиатра неопасна. Но, Вера, призрак жены, была словно открытое пламя. Такая женщина как она, словно, только и могла быть проклятием.

— Психиатр теперь надолго подсел на опиаты, как считаешь? — неожиданно заговорил хирург, и хранительница оторвалась от своих мыслей.

Вера вскинула голову.

— А что ты думаешь, с ним случается, когда он решает поностальгировать? — продолжил Виктор. — Иннокентий устраивает себе курс морфинотерапии. Он славно держался, с тех пор как ты оказалась тут, но сегодня вот унес две ампулы...

Хирург прервался и посмотрел Вере в глаза.

— Я знаю, как выглядела Лиля. Как-то раз незадолго после того как он разрешил мне ночевать на кушетке, я рылся у него в комод, уж не помню, что мне было нужно и наткнулся на старую фотокарточку. Представляешь, этот идиот все еще хранит ее! Мне это показалось странным, я и спросил. Он психанул страшно, а потом устроил себе недельный отпуск с наркотой. Насколько я понял, воспоминания о жене причиняют ему особого рода боль... физическую. Так он снимает ее, и тут никто ничего ему на этот счет

не говорит. И ты лучше помалкивай.

— Я... правда... так... похожа? — выдохнула Вера по словам.

Хирург посмотрел на нее.

— Он до сих пор ее любит, вот что удивительно, — сказал Виктор. — Послушай, Лиля была змея и, я думаю, после смерти ей никто не спустил того, что она с психиатром сотворила. А тебя в больницу привели, это значит, что умирая, ты чем-то заслужила свой шанс исправиться. Вы с ней, безусловно, разные люди, хоть и похожи в общих чертах. Он ранится не о тебя, а о собственную память. Больше ста лет прошло, ну нельзя же до второго пришествия быть недотрогой!

Вера посмотрела в глаза хирургу и с удивлением поняла, что он на ее стороне.

— Но другие так не думают, — сказал Виктор. — Я б на твоём месте бы с Любой теперь поосторожнее был. Она заметила, что психиатру ты небезразлична. Впервые за столько лет он пошел ставиться опиатами и даже не из-за жены, а из-за какой-то посторонней тетки.

Вера вздохнула. Неужели Люба, влюбленная в психиатра, за десять лет так и не удосужилась поинтересоваться тем, что он за человек, что у него на уме и что он чувствует? Эти вопросы казались ей закономерными. Как можно пойти дальше, чем простая увлеченность, если не изучить все темные и светлые закоулки чужой души? Вера вздрогнула. Она что, собиралась заниматься тем, что всегда считала небезопасным? Всерьез влюбиться в кого-то, кто мог не ответить ей взаимностью или, и вовсе, нанести глубокую рану?

— Он приказал мне держаться подальше, — призналась она.

— Я тебя предупреждал, — кивнул хирург. — Полезешь ему в душу и получишь вот это.

— А? — вздернула брови Вера.

— Я думал подружиться с ним, когда психиатр поселил меня у себя. Мне это не удалось, — хирург хитро взглянул на напарницу. — Правда любопытно, сумеет ли он открыться хотя бы кому-нибудь? Ты упорная девушка. Мне это нравится, чего не скажешь о психиатре.

Вера глубоко вдохнула и только теперь решилась озвучить правду, которую обдумывала все время операции:

— Лучше не надо. Я вам не подхожу. Я очень боюсь ранить... кого-то из вас.

Виктор снова поднял голову.

— Вера...

— Я, — ей с трудом удавалось озвучивать то, чего она еще недавно собрала по неясным обрывкам воспоминаний. Все это являлось наподобие предчувствий, словно из туманной дымки сна. Но, в конце концов, откровений набралось достаточно, чтобы у Веры сложилась определенная картина. И картина эта была не лучшего толка.

— Я забросила учебу на третьем курсе. Не знаю почему, что-то нехорошее случилось, но я всегда любила бабки и вот тогда решила, что хочу их как можно больше. Нет, диплом-то у меня есть, но я почти не ходила на занятия, платила за экзамены, точнее мои... спонсоры платили. Я красивая и дерзкая была, пользовалась этим. Мужиков друг с другом стравливала. Я стерва, каких поискать. Госы сдала, потому что всегда была сообразительной, но не пошла в ординатуру, она мне не нужна была. Я на тот момент выскочила замуж за какого-то крутого чиновника, ни лица, ни имени его не помню. Он на меня оформил свой левый бизнес. Я добилась, в конце концов, успеха, только он мне на пользу не пошел. Прибил меня муж, — Вера ухватила себя за шею. — Придушил! И ты думаешь, такая как я... Думаешь, мне место рядом с психиатром? Рядом с академиком, которого убили за то, что он просто не сумел удержать при себе свое мнение? С сестричкой из медсанбата, которая раненым помогала? Рядом с тобой?

Инструмент вывалился у Виктора из руки после этих слов. Вера с шумом набрала воздуха в грудь. Ей полегчало после того как она все это озвучила. По крайней мере, теперь она могла не чувствовать себя обманщицей больше.

— Я знаю, что ты трепло, и на сей раз постарайся не сдерживаться, — продолжила Вера. — Они должны знать, кто я на самом деле. И если они сами не захотят держаться подальше, я буду. Иначе я превращусь в Лилю!

К счастью, в этот момент запищали датчики, извещая врачей о том, что у пациента асистолия. Вера выдохнула и пошла.

— Не беспокойся, работать я постараюсь хорошо. В конце концов, это мой способ попасть после смерти в какое-нибудь приемлемое место, — сказала она напоследок.

— Вера... — донеслось в спину.

Хранительница обернулась.

— Вот что, Вить, у меня к тебе одна просьба: оставь меня в покое!

Глава 7. Полоса отчуждения

Вера спустилась в реанимацию. Там на нее наскочил Михалыч, успевший сдать дежурство. Старый реаниматолог задержал ее в дверях и, схватив за плечи, долго рассматривал.

— Вот, ей богу, Вер, и узнаю тебя и не узнаю. Что-то ты после отпуска странная. Не прощаешься, в ординаторской безвылазно сидишь. Но самое страшное глаза не горят как раньше. Что случилось?

Вера тяжело вздохнула и призналась.

— Хочешь верь, хочешь нет, Михалыч, но после каникул я ничего не помню. Вот совсем ничего. В голове пусто.

Реаниматолог удивленно вглядывался в ее лицо.

— Если ты вдруг согласишься меня чему-то поучить... снова, я буду стараться с двойным усердием.

Вдруг в первой палате противно завывли датчики. Михалыч рванулся назад, Вера последовала. Шестым чувством она поняла, что остановилась та самая тетка, которую они ночью стабилизировали с психиатром.

— Куб адреналина, Оля! — распорядился реаниматолог, залетая в ярко освещенный зал.

И сам подпрыгнул к аппарату ИВЛ.

— Вера, качай! — приказал он.

Вера навалилась всем телом на шуплую грудь пациентки, положив друг на друга сцепленные кисти там, где виднелась нижняя часть грудины. Непрямой массаж сердца. Вере всегда казалось странным, что последнее, что остается делать с уходящим это просто со всей силы давить ему на грудь, зажимая небьющееся сердце между позвоночным столбом и ребрами. Конечно, в это время реаниматолог вводил женщине лекарства, которые должны были подстегнуть уставший миокард и стиснуть сосуды. Но Вера видела только свои руки, сдавливавшие грудь больной в ритме одной известной иностранной песни. Сейчас-то она и крутилась в голове, словно заезженная пластинка.

На мониторе появились мелкие волны фибрилляции.

— Лидокаин сто миллиграмм и куб адреналина, — продолжал командовать Михалыч. — Дефибриллятор!

Вскоре аппарат со специфическим воем набирал заряд в руках реаниматолога.

— От кровати все!

Хранительница отпрянула, и Михалыч стеганул больную током. Женщина выгнулась дугой.

— Еще адреналина! — скомандовал реаниматолог, Вера итак знала, что надо дальше качать.

Она навалилась с новой силой, чувствуя, как на лбу выступили крупные капли пота. На мониторе побежали пилообразные волны. Михалыч снова запустил дефибриллятор. Моргнула лампа и Вера, отпрянув, как в замедленной съемке смотрела на то, как реаниматолог прикладывал электроды к коже. В этот миг пахнуло холодком, и из дверей холла появилась Люба.

Время остановилось, и Вера поклясться готова была, что ее коллегу никто не видит. Люба склонилась над кушеткой и прошептала: "Пора возвращаться". Прикосновения ее рук совпали с разрядом аппарата.

Люба отпрянула. И они с Верой одновременно посмотрели в монитор. По черной глади зеленой линией бежали желудочковые комплексы.

— На сегодня больше не запланировано смертей, — пояснила коллега, взглянув на Веру, как той показалось с чувством некоторого превосходства, и ушла. Наваждение закончилось после того, как лампа моргнула еще раз. Веру ошеломили свет и запах палаты. Она схватила ртом воздух, совершенно точно понимая, что только что снова побывала на границе мира живых и мертвых.

— Адреналин в постоянной инфузии! — распорядился Михалыч, а Вера, негодуя, сорвала маску.

Почему такой прекрасный дар, как возвращать к жизни отрядили кардиологу, а она, анестезиолог-реаниматолог, обязана была провожать в другой мир?

— Ну, вот мы и снова обдурили горбатую, — усмехнулся Михалыч тем временем, потрепав пациентку по щеке.

Вера молча взглянула на него, смутно понимая, что Люба бы не пришла, если бы они с Михалычем не попытались запустить остановившееся сердце. Хранительница просто приоткрыла дверь между мирами, сделала это механически, часть ее победы по праву принадлежала человеческому труду реаниматологов. Именно они вступили в схватку со смертью. Люба только позвала обратно отлетевшую было душу. Вера сделала безотчетный шаг назад и с восхищением взглянула на Михалыча. В этот миг ей показалось, что все встало на свои места. Вера должна была попасть в реанимацию, чтобы открыть в себе то, о чем раньше не подозревала.

Ее настойчивость могла служить чему угодно, например, она была верным подспорьем в схватке за чужую жизнь. Не бывает плохих качеств! Вопрос лишь в том, как их использовать.

— Вот! — произнес Михалыч, ткнув указательным пальцем в Веру. — Теперь глаза у тебя правильные.

— Что мне почитать? — решила не сбавлять оборотов Вера.

Тогда врач привел ее в ординаторскую и всучил увесистый том. Он словно и не удивился Вериной просьбе.

— Начнешь с этого, — сказал он. — Потом еще подкину.

Вера кивнула и как прилежная ученица засела за конспекты, как только представилась свободная минутка. Обдумав все, что произошло, хранительница собиралась теперь стать хорошим врачом. Больница должна была сделаться ее спасением, но надеяться на то, что, такая как Вера, быстро покинет ее стены не приходилось. Она уже чувствовала, что с самого начала должна была пойти по медицинской стезе. Тогда бы с ней не случилось всего этого, и Вера прожила совсем другую, спокойную и полную честных трудов жизнь.

Хранительница приказала себе забыть об Иннокентии, хоть образ психиатра временами и всплывал в мыслях. Ей было очевидно, что дальше преследовать этого человека было бы преступно и если после смерти Лиле, в самом деле, досталось за его раны, Вере так же не простят нездорового интереса. Женщиной она всегда была целеустремленной, так, что, приложив усилия, сумела переключиться с изучения тайн обитателей больницы на официальную медицину.

Вера хорошо работала и вскоре влилась в ритм жизни отделения. С Михалычем они нашли общий язык и стали вместе выходить на дежурства. Вера прилежно училась у опытного врача и усердно конспектировала то, что ей удавалось узнать после смены. Так прошли два с половиной месяца, стояла середина ноября. Когда новая хранительница взялась подводить итоги, то решила, что была довольна собой.

С хранителями Вера свела контакты к минимуму. Ей было проще оставаться среди живых с их мелкими жизненными неурядицами, чем в обществе бессмертных, от которых веяло холодом разрушенных судеб. Рядом с ними Вера ясно ощущала, что была искалечена и сама, но она не хотела об этом думать, забываясь работой. В конце концов, это было лучше, чем фентанил, который теперь неизменно пропадал из запасов мертвяцкой бригады из-за Иннокентия. Неизвестно, как и когда психиатр умудрялся его таскать. Вера ни разу не застала его за этим, но целых ампул вечно не хватало, на их

месте обычно лежали использованные. Анестезиолога это разом и сердило и расстраивало. Но кто она была такая, чтобы объяснять психиатру, что лучше бы ему заменить инъекции опиатов на какой-нибудь другой способ справляться с душевной болью? В конце концов, она даже смерти-то своей не помнила.

Хранители от Веры в действительности отстали, и она надеялась, что это произошло благодаря Виктору. Хирург пытался еще пару раз возродить их начинавшуюся было дружбу, но Вера его решительно остановила. Она была не готова к этому. Так что на операциях разговаривали теперь о несущественных вещах. Ничего о хранителях. Это было табу.

Вера не дежурила два месяца. Но с ноября она уже дважды вышла в ночь. Михаил Петрович любезно согласился поддержать начинающую коллегу. Патологоанатом из всех хранителей был самый серьезный и надежный, так что Вера с радостью согласилась, предчувствуя, что проблем не возникнет. Однако трудности взялись откуда она совсем не ожидала. Услышав впервые за долгое время о хранителях, Вера поняла, что та волна, которую она вызвала своим появлением, всколыхнула всех, кроме, разве, что Иваныча и дела у них теперь шли неважно, даже несмотря на то, что новая глава больницы не хотела этого замечать.

Это аккуратно за два дежурства донес до юной коллеги Михаил Петрович. Она должна была бы быть организующей силой, вместо этого Вера бросила подопечных на произвол судьбы. Отправляясь на очередное ночное дежурство, девушка чувствовала себя на редкость паршиво. Пытаясь помочь себе и другим, она словно снова выбрала не тот способ.

Сдавать дежурство должна была Люба. Михаил Петрович и Вера долго проторчали в кафедральной комнате, прежде чем она, наконец, появилась. Вид у кардиолога был нетрезвый. А уж когда она открыла рот, это и вовсе стало очевидно.

— Что вы принимали, Люба? — не выдержал патологоанатом, прервав коллегу в середине доклада.

Лицо кардиолога помрачнело.

— Не суй свои длинные руки в мои дела, старый диссидент, — фыркнула та.

Профессор нахмурился.

— Люба, выходить в таком состоянии на дежурство недопустимо!

— Вообще-то я обязана слушаться только Вер Палну, — хмыкнула рыжая.

Вера перевела дыхание. У нее было ощущение, что за эти два месяца случилось что-то такое, что она напрасно игнорировала. Хранители, которые раньше казались ей крепкой командой, перессорились и даже, похоже, не из-за нее, а скорее из-за ее невмешательства.

— Хотя нет, тебя я тоже не буду слушаться. Не доросла еще, — бросила Любовь и вышла за дверь, громко хлопнув створкой.

— Что тут происходит? — озвучила Вера.

Патологоанатом отчаянно растер виски.

— А вы не поняли? — наконец, Михаил Петрович взглянул на нее и спустя пару мгновений прибавил. — Люба наркоманка. Пока она... строила романтические планы в отношении Иннокентия, то худо-бедно держалась, но как только психиатр заново открыл для себя опиаты, все ухудшилось.

После этого патологоанатом махнул рукой.

— Верочка, — посмотрев на юную коллегу в упор, добивал он. — Просто зайдите к себе домой.

Вера тяжело вздохнула. Она редко теперь бывала в своей комнате, в основном днем,

чтобы забрать чистую форму. Ночевать Вера предпочитала на рабочем месте, дежуря почти каждые сутки. Тело ее, в самом деле, стало куда выносливее после перехода в другую форму существования, как называл это патологоанатом. Так шла непрерывная практика, которой не хватало юному анестезиологу-реаниматологу, да и так Вера не рисковала столкнуться с Иннокентием и снова потерять голову от него.

На сей раз после дежурства юная хранительница пришла к себе и с огромным удивлением обнаружила на собственном диване укутавшегося пледом Виктора.

— Объяснишь? — произнесла Вера, когда хирург сел и, яростно протерев глаза, взглянул на нее.

— Что именно?

— Что ты тут делаешь? Поссорился с психиатром?

Виктор поднялся и, прошагав к чайнику, щелкнул по кнопке включения. Тихо зажужжал электрический подогрев. Вера с удивлением заметила круги под глазами у хирурга. Вчера на операции он уже выглядел усталым, но не настолько. У хирурга была недельная щетина и такой вид, словно он одновременно пил и оперировал, не отходя от стола, пару суток к ряду.

Вера заметила пустые бутылки, скопившиеся под ее столом. В комнате было не прибрано.

— Судя по всему, ты плохой жилец. Не удивлена, что Иннокентий тебя выставил, — начала Вера для того, чтобы просто сказать что-то.

Виктор посмотрел ей в глаза с выражением истинной муки, и Вере стало ясно, что что-то нехорошее стряслось и с хирургом, и с психиатром разом. Зря она решила, что хранители сами все без нее решат. Похоже то, что она принесла им, было куда более разрушительным, чем она предполагала. Или же... это Иннокентий с самого начала был самым уязвимым местом больницы. Пока дела шли хорошо, он блестяще справлялся со своей работой, но стоило только одной детали выйти из равновесия, поменять предыдущую Веру на нынешнюю копию Лили... Ее предшественница ведь подозревала, почему не имела права уходить!

Ошеломленная этой мыслью, Вера вперила взгляд в хирурга. Тот шлепнулся на стул, и пнул ногой пустую бутылку.

— Я не спал три дня к ряду, — объяснил Виктор.

— Почему? — выдохнула Вера.

— Да психиатр... — Виктор махнул рукой.

Вера взяла за руку хирурга и заглянула ему в глаза.

— Психиатр что? — с нажимом произнесла она.

— Не в состоянии проводить терапию, — объявил хирург.

— Ты же таблетки пьешь! — удивилась Вера.

— Не совсем, — проговорил Виктор, глядя на собственные пальцы. — Точнее это не все. Он занимается со мной... психотерапией. Понимаешь, мне не дает возможности уснуть чувство вины. Мы с ним обычно по часу разговариваем, и я вырубаюсь под его увещевания. Вер, я ведь, по сути, крайне одинокий несчастный идиот, который все это время пытался подружиться со своим психоаналитиком!

— Так эта кушетка... — пробормотала девушка.

— Для психоанализа. Ты не обратила внимания на то, как расставлена мебель? У себя он принимает только особенных клиентов, Надю и меня.

— Вот черт, — пробормотала Вера.

— Он утверждает, что не может с бессмертными снимать очки, это не по правилам или что-то вроде того. Лучше, если мы будем работать сами... эволюционировать. Наде-то все равно, говорит она или нет, — продолжал откровенничать хирург. — Ее и так все понимают. Другое дело я. Если я не поплю сегодня, то чего доброго...

Вера единым движением вскочила со стула.

— Что с психиатром?! — воскликнула она, встряхнув Виктора за плечи.

— Наркотическое опьянение, — развел руками хирург. — В таком состоянии он не то, что гипнотизировать, стакан воды не поднесет умирающему человеку.

Вера выскочила наружу и со всей силы дернула за ручку двери психиатра. Было заперто. Тогда хранительница постучалась, но никто не отозвался. Вера дернула сильнее.

— Это Иннокентий, — раздалось позади. — Если он не хочет общества, ты его не достанешь.

Вера обернулась к хирургу, пылая праведным гневом.

— Что, если он вены там себе вскрыл?! — выпалила она.

— Насколько я знаю, нет, — пожал плечами Виктор. — Его договор с прошлой Верой устроен так, что психиатр не может уйти, пока не поправится. Он полностью смирился с этим только к тридцать седьмому году и, перестав всем докучать, занялся психотерапией. Поэтому, зуб даю, он сейчас просто в отключке.

— И давно это с ним? — немного успокоилась Вера.

— Неделю. Я четверо суток продержался на алкоголе, но больше не могу, да и не берет он меня.

Вера ужаснулась и тогда хирург устало выдохнул:

— До того как ты пришла сюда, я только раз видел его... под морфием, когда нашел в комодке эту карточку с женой. Насколько я понял, он от наркотика выключается, чтобы ничего не видеть и не слышать. Передышка. Когда мы познакомились, психиатр уже лет сорок не употреблял. Твоя предшественница поэтому подумала, что он исцелился и пора бы ему уже открыть сердце для любви. И тут ты как снег на голову! Копия его Лилечки, готовая залезть к нему в постель. У него крышу сорвало, если она, конечно, вообще когда-нибудь была!

Веру аж бросило в жар от такой характеристики. В постель к психиатру? Она? Да неужели всем это было так очевидно?

— А тебя-то он чего выставил? — буркнула Вера, пытаясь скрыть то, как ей было неловко.

— Я сам ушел, — сложил руки на груди хирург. — Не могу находиться наркопритоне.

Вера выдохнула, а потом ей в голову закрались неприятные ассоциации.

— Эта рыжая шалава там?! — взревела девушка.

— О, нет! — закатил глаза хирург. — Михаил Петрович сказал, что если ты разозлишься, доставить тебя к нему.

После этого Виктор схватил девушку за талию и повлек к лестнице, но Вера успела со всей силы садануть ногой по створке двери.

— Люба, убирайся! — приказала она на прощание.

Морозный ноябрьский воздух немного отрезвил Веру, и ей подумалось, какое вообще ей должно было быть дело до того, с кем спит психиатр? Странно, что они вообще могли этим заниматься, учитывая их положение и почти полное отсутствие физических желаний.

— Успокоилась? — посмотрел на нее Виктор. — А теперь слушай. Они не любовники.

Вера отвернулась. Вот, в самом деле, не стоило хирургу знать, что эти подробности ей безразличны.

— Они бывшие наркоманы. Иннокентий довольно странное явление, а вот Люба действительно зависимая... она скрывала это все десять лет. Поэтому держалась на расстоянии. Она в одиночестве ширялась. Когда психиатр взялся за опиаты, она поняла, что у них наконец появилось что-то общее, и чуть ли не ночевала под дверью. Когда меня не было, она как-то внутрь пролезла, — хирург усмехнулся. — Он там валяется в отключке, а Люба ему новую дозу подкалывает, когда Иннокентий начинает соображать. Для нее вместе кайфовать — высшее счастье. До этого момента я и не представлял, что тетки бывают такими агрессивными. Она это... бессознательное тело защищает. Говорит, что лечит его так. Еще немного и стражи начнут задавать вопросы. Психиатр консультирует по их распоряжениям постоянно.

Вера прибавила шаг. Ей было ясно, что если Михаил Петрович позвал ее к себе, значит, он тоже собирался с этим разобраться. И сделать это Вера собиралась как можно скорей, пока... Пока что? Наконец, хранительница четко решила, что не позволит Любе больше виснуть на психиатре, особенно с такими целями.

— Знаешь, я уж было порадовался, когда Иннокентий пригласил тебя в гости, — произнес отставший немного хирург. — Думал, мозги у него все-таки встали на место, и он не будет проецировать на тебя свою Лилечку. Эх!

— Почему он Любу пустил? — обернулась Вера.

Виктор пожал плечами.

— А кто его знает? Наверное, он идиот, — вдруг выдохнул хирург. — Все такой же наивный добродушный идиот, как и раньше. Решил проверить теорию Веры на счет того, что Люба поможет ему сделаться человеком. Она ему не приходит в сознание разве что помогает. Он пускает слюни... и на большее способен вряд ли.

Услышав это, Вера еще сильнее ускорила шаг. В итоге, юная хранительница практически влетела в патологоанатомический корпус. Должно быть, когда Вера распахнула дверь Михаила Петровича, выглядела она как разъяренная фурия.

— А! — обернулся к ней профессор. — Верочка! Стало быть, знаете уже про... психиатра.

— Это правда?! — воскликнула она, указав на хирурга, протиснувшегося в дверь. — Что Люба его колет опиатами?!

Михаил Петрович сел за стол и сложил руки перед собой.

— Видите ли, тяжело управлять коллективом, но если им вообще не управлять, то происходят вот такие вещи.

Вера резко выдохнула и села на диван, стоявший у стены.

— Я думала, — начала она, взглянув на патологоанатома. — Что недостойна быть с такими, как вы. Я пыталась... стать лучше.

Михаил Петрович поднялся со своего места и прошагал к Вере. Опустившись рядом с ней на диван, он заговорил, положив свою большую ладонь ей на плечо:

— Вы просто юная и неопытная. А еще вы взялись выводить на откровенность психиатра и это всех немного напугало. Но, в сущности, в этом нет ничего плохого.

Вера мельком взглянула на Виктора.

— Он не сказал вам, кто я? — обернулась она к патологоанатому.

— А что он должен был сказать? — удивился Михаил Петрович.

Вера вздохнула.

— Я не та, кто должен вами управлять, — решила она, взглянув на патологоанатома. — Вы гораздо больше подходите для этого.

— Вера, вы хотите отдать бразды правления больницей другому человеку, я правильно вас понял?

Девушка кивнула и улыбнулась краешками губ.

— Я, конечно, упорная и амбициозная, как прошлая Вера Павловна, но по сравнению с вами у меня нет ни мудрости, ни опыта, ни достойно прожитой жизни.

Михаил Петрович улыбнулся.

— Люба, она ведь не послушала и не послушается вас, пока у вас нет полномочий, так? Я, конечно, могла бы вышвырнуть ее оттуда сама, но это будет выглядеть как драка двух мартовских кошек. Но мы все образованные интеллигентные люди. Я сама не хочу до этого опускаться.

— Я понял вас, Вера, — сказал патологоанатом, и юная хранительница впервые увидела теплоту в его глазах. — Я согласен.

После этого профессор встал.

— Пока вы не сказали это, Вера, я толком не знал, правильно ли то, что вас прислали сюда, — подтвердил ее мысли Михаил Петрович. — Но теперь я не сомневаюсь, что в загробной жизни все вещи всегда идут верно, даже если так поначалу не кажется.

— Вы поможете Иннокентию? — спросила Вера.

— Конечно же, — кивнул патологоанатом. — И возьму с собой вас. Но сначала нам надо утрясти формальности.

После этого трое хранителей спустились в морг. Открыл им в сей поздний час Иваныч — бессменный его страж и хозяин.

— Чего надобно? — осведомился он, с прищуром глядя на докторов.

— Не на пороге, — сказал ему профессор.

Иваныч пропустил делегацию внутрь и уселся за свой старенький, едва пыхтевший компьютер.

— По важному делу или так? — спросил он, переводя взгляд с одного посетителя на другого.

— По важному, — нашлась Вера. — Я хочу отдать свой пост Михаилу Петровичу.

— А-а-а, ясное дело, — протянул Иваныч. — Вы это сами, дети, придумали?

Вера кивнула, тогда привратник взгляделся ей в глаза.

— Опять замешан Иннокентий! Надеюсь, уж недолго осталось ему! — шлепнул он ладонью по столу. — Но ладно, раз вы так решили, дело пяти минут.

Следом Иваныч встал и открыл полку, висевшую над столом. Оттуда он достал две папки с названием "Личное дело". Одна новая, другая уже потрепанная. Вера взгляделась в строчки, а Михаил Петрович нарочно отвернулся. Но девушка ничего не успела разобрать. Иваныч снова шлепнул ладонью по столу и буквы перемешались.

— Рано тебе еще имя свое знать, рано, Вера, — произнес он.

Затем привратник развязал тесемки на каждой из папок и раскрыл их. На листе с личными характеристиками Михаилу Петровичу он поставил один штамп, Вере — другой.

— Все! — сказал Иваныч, поставив на место папки. — Теперь, собственно, передача власти. Руки правые мне!

Патологоанатом и Вера послушались, вытянув вперед ладони. Иваныч шлепнул сначала по руке девушки, и сделал так, словно забирал с нее какой-то комок, мгновение и вот уже вложил свой кулак в ладонь профессора.

— А теперь идите! — распорядился привратник. — Без вас работы невпроворот.

— Мне нужно видеть дело Любви, — заупрямился патологоанатом.

Иваныч вздохнул и, вытащив из полки папку, швырнул ее на стол.

— А вы двое, отошли! — приказал он другим докторам. — Смотрит только главный.

— Так можно было? — отступив на шаг, обернулась Вера к хирургу.

— Да, — тот пожал плечом. — Если бы ты расспросила нас о своих полномочиях, никто не стал бы скрывать. Думаю, профессор рассказал бы сам, но, если ты помнишь, встреча не задалась.

Вера потупилась. Значит, она могла просто взять дело психиатра и не лезть ему в голову.

Наконец патологоанатом хмыкнул и закрыл папку.

— Пошли! — распорядился он и откланялся привратнику.

Тот же жест вскоре повторил и хирург. Выходя из морга, поклонилась и удивленная Вера.

Компания устремилась к флигелю. Забравшись на второй этаж, Михаил Петрович настойчиво постучал в двери.

— Не отзовется, — вздохнула Вера.

— Тогда я могу им приказать, — взглянул на нее профессор. — Но пока путь просто подумает.

Вера обернулась к хирургу, ожидая пояснений. То есть, она могла просто приказать Любе открыть дверь?

— Я счел, что если с нами будет профессор, никто не натворит глупостей, — полупшепотом пояснил Виктор. — Ведь ты же сама сказала, что так лучше.

Михаил Петрович постучал еще раз, и когда ответа вновь не последовало, произнес:

— Приказываю тебе отворить дверь, Люба!

Вскоре с той стороны раздались шаги, и щелкнула задвижка. На пороге, пошатываясь стояла одурманенная и растрепанная кардиолог. Вера посмотрела на ее исколотое предплечье и ощутила приступ злости.

— Черте что, — заплетающимся языком произнесла она. — Ты что, захватил власть, старикан? И все из-за того, что ты против моих методов?

Михаил Петрович схватил Любу за ухо, словно нашкодившую школьницу и потащил в коридор.

— Вера, живо за лекарствами! — распорядился профессор. — Насколько я знаю психиатра, его нужно привести в сознание.

Вера еще какое-то время постояла на пороге, вглядываясь в темнеющий проход, и вдруг испугалась того, что могла там увидеть. Она развернулась и побежала в отделение. Пусть лучше первым его найдет Виктор и хоть немного приведет в опрятный вид. Ей было больно видеть, до чего психиатр мог себя довести. Кажется, профессор это тоже понимал.

Когда Вера вернулась со всем необходимым, в комнате уже горел свет и гостью тут же неприятно поразил беспорядок. Жилище Иннокентия, еще недавно такое уютное и опрятное, переживало не лучшие времена. Пол чем-то заплыван. Мебель сдвинута, вещи

повсюду разбросаны в беспорядке.

На кушетке для психоанализа поместился сам психиатр. Рубашка у него была растегнута на груди, рукава закатаны, как и правая штанина. Вид у Иннокентия был больной. К тому же, Вера отметила, он похудел за те две недели, что она его не видела. Брюки едва на нем держались. Вера застыла в нерешительности. Ей было стыдно самой себе признаться, что все эти два с половиной месяца она хотела попасть сюда, к этому человеку. И теперь она чувствовала себя словно героиня из сказки, принеся спасительное средство для смертельно больного. Что если она ошибается?

Вера встала на колени у изголовья и взглянула на психиатра. Она уже собиралась сдвинуть веки и оценить зрачки, как из прихожей оказался Виктор и плеснул воды в лицо психиатру из кружки.

— В себе, — ответил хирург на взгляд девушки.

Иннокентий поморщился, положил ладонь себе на голову и приоткрыл один глаз. Вера, тем не менее, подтянула к себе его руку, и пережала предплечье жгутом. В этот миг они с психиатром встретились взглядами.

— Что там? — едва слышно произнес он, глядя на шприц.

— Налоксон, — строго ответила Вера.

— Наконец-то! — с шумом выдохнул Иннокентий.

После этого психиатр удовлетворенно закрыл глаза. Вера как-то слышала, что наркоманы огорчаются, получив антидот.

После этого над Иннокентием склонился хирург.

— Я даже умилился от выдворения этой психованной, — сказал он с улыбкой.

— Надо его на кровать, — произнесла Вера.

Виктор задумчиво посмотрел на дверь и, наконец, выдал:

— Дальше гостиной он вообще никого не пускает.

"Что там?" — подумалось Вере: — "Портреты Лили?"

— Понесли, — приказала она, и Виктор не стал спорить.

Спальня психиатра оказалась таким же милым местом, как гостиная и прихожая. Здесь Люба не успела ничего разгромить. Посередине комнаты стояла узкая кровать, застеленная и прибранная, похоже, именно та, на которой Иннокентий ночевал, впервые оказавшись в больнице. Чувствовалось, что он, похоже, собирал вещи, но не так как какой-нибудь человек, одержимый стяжательством. Психиатр заботился о них, продляя жизнь, и сейчас кровать выглядела почти новой. "Вся эта обстановка, мебель из прошлого, знакомого ему, должно быть, много для него значила", — подумала Вера: "Наверное, так он пытался сохранить хоть что-то от утраченной человеческой жизни".

Глядя на все это, она понимала, что Иннокентий поправился в куда большей степени, чем он, наверное, сам предполагал. И так же ей было ясно, почему он вел затворнический образ жизни. Однажды вернув себе человеческое через такие муки, станешь это тщательно оберегать.

Вера с хирургом переделали психиатра в домашнее, и уложили в кровать. Девушка поставила капельницу и добавила в катетер немного снотворного. Потом она остановилась. Неясно было, что делать дальше. В это время как раз зашел патологоанатом. Без слов он протянул Вере учебник по наркологии.

— Как лечить его, написано вот тут, — сказал Михаил Петрович.

— А не лучше будет, если вы сами... — произнесла Вера, поднимаясь с кресла, в котором сидела.

Профессор взглянул на укутанного одеялами психиатра и вздохнул.

— Чтобы навредить ему, еще надо постараться. Сейчас ему важнее не лекарства, — с этими словами патологоанатом положил руку Вере на плечо. — А тот, кто за него переживает. По-моему, он как раз в том состоянии, когда, наконец, сможет принять заботу о себе с благодарностью.

Вера вздохнула. Ей казалось, что во время ломки принять можно разве что физическую боль.

— Я зайду завтра. Посиди с ним, — сказал Михаил Петрович. — Пока мне надо привести в себя другого доктора. И за нее у меня куда больше причин опасаться, чем за этого чудака.

После этого патологоанатом вышел. Вера с благодарностью посмотрела ему в спину. Как хорошо, что у них всех был кто-то, кто знал, что надо делать.

Глава 8. Хороший парень

Вера выпалась в кресле, которое стояло у Иннокентия в спальне. Когда она очнулась, то поняла, что кто-то прикрыл ее пледом, должно быть, это был Виктор. Вера поменяла растворы и снова села на свое место. И тут поняла, что психиатр уже не спит. Из-под одеяла торчала черная прядь, и блестело стекло очков, но дыхание... дыхания спящего было не слышно.

Он смотрел на нее, и Вере вдруг стало смешно. О чем он теперь думает? Два месяца назад он приказал ей держаться подальше. Интересно, он оценил то, как крепко Вера соблюдала это?

Иннокентий, видимо, понял, что его бодрствование больше не тайна, тогда он подтянулся и сел. Психиатр взглянул на Веру и, кажется, пару минут думал с чего начать. Ситуация, видимо, смущала их обоих.

— Добро пожаловать, — наконец определился психиатр. — В мое логово.

Следующим движением он выдернул из руки катетер и остановил капельницу. Вера приподнялась, но Иннокентий сделал запрещающий жест.

— Мне это не нужно. Ломку я испытываю только когда по-настоящему страдаю... — он едва улыбнулся. — Она замена настоящих чувств.

Иннокентий посмотрел гостю в глаза.

— Чем я так приглянулся тебе, Вера? — произнес он.

Хранительница отвела взгляд. В его голосе не было насмешки, лишь удивление. Он говорил именно о том, что и вчера и сегодня до ужаса смущало Веру: что она такого чувствует к этому странно искалеченному человеку, что примчалась его спасать, не уверенная даже в том, в действительности ли ему требуется ее помощь.

Психиатр не стал дожидаться ответа и как ни в чем не бывало продолжил:

— Но наркотик все-таки сказывается на физическом состоянии. Я чувствую себя на редкость паршиво. Принесли, пожалуйста, сигареты. В комод.

Вера сдвинулась с места. У нее было странное чувство, что Иннокентий специально ее отослал, чтобы ей было не так неудобно смотреть ему сейчас в глаза.

— Спасибо за налоксон! — донеслось в спину. — Мне уже начало казаться что женщины, желающие поднести мне морфин это какой-то заколдованный круг, из которого я никогда не смогу вырваться. Ты пришла как благословение.

Вера обыскивала ящики, сбиваясь с дыхания. Голос становился ближе. Вера обернулась. Иннокентий стоял в дверях, привалившись к косяку. Психиатр завернулся в одеяло, но, не смотря на болезненный внешний вид, глаза у него были очень ясными.

— Не злись на Любу, — проговорил он. — Она правда думала, что помогает. Однажды она нашла меня... в тяжелом состоянии, когда я переживал приступ особенно сильной боли, и испугалась. Она прибежала сюда с наркотиком и, похоже, я пару дней не приходил в сознание.

Иннокентий посмотрел на свои ногти и цокнул языком.

— Сдается мне, я провалялся дольше, чем предполагал. Выгляжу словно бродяга!

Вера открыла третий ящик и молча уставилась на блокнот для эскизов. Как живое промелькнуло воспоминание о нарисованной танцующей девушке. В этот миг рядом с ней оказался Иннокентий. Без слов он схватил с комода пачку.

— Вот где она была, — произнес психиатр, продемонстрировав находку Вере.

Девушка уставилась на исполосованное шрамами предплечье, на миг показавшееся перед ней. Психиатр, по крайней мере, никак не продемонстрировал того, что заметил

ее взгляд. Он развернулся спиной, и, вытащив из пачки сигарету с зажигалкой, с наслаждением закурил.

Вера, стесняясь, открыла блокнот. Ей очень хотелось знать, почему Иннокентий нарисовал это. Его эскизы были ясным подтверждением тому, что психиатр вылечился. Осознавал ли он сам это?

Иннокентий сел в кресло и вопросительно посмотрел на нее. Тогда Вера уткнулась взглядом в рисунки. Имела ли право она снова лезть к нему с расспросами? И все-таки...

— А что это за танцующая женщина? — Вера не удержалась.

— А? — спросил психиатр, отрываясь от сигареты.

— Я про рисунок.

— В блокноте? — он выглядел удивленным и совершенно не злым.

Вера кивнула.

— Она приснилась мне где-то в июле, — пояснил Иннокентий. — Незадолго до того ты появилась здесь.

После этого психиатр выпустил струйку дыма.

— Я любил балет. Но после того, что случилось, я больше не мог наслаждаться танцами. Лиля... была актрисой. В каждой танцовщице или певице я видел ее, женщину с морфием, — Иннокентий опять прильнул к сигарете и на мгновение замолчал. — Во сне я стоял посреди балетного класса и смотрел на девушку. Меня так тронула ее юная красота, грация, чувство, с которым она отдавалась своему делу. До этого я помню только кошмары. Я проснулся с ощущением, что безумие исчезло, но правда в том, что оно все еще со мной. Стоит мне отложить в сторону очки, как... ты видела, что тогда бывает.

Вере вдруг снова стало больно за него, и тогда девушка принялась листать блокнот, пытаясь не выдать собственные чувства. Психиатр внимательно за ней следил и это смущало. Наконец, Вере стало ясно, почему. Последние страницы были вырваны. Вера шумно выдохнула, и... не было смысла больше прятаться. По глазам Иннокентия она прочла, что он был вовсе не зол, скорее наоборот. Он улыбнулся очень тепло, примирительно словно бы принял то, что Вера ощущала:

— Может показаться странным, но этот случай для меня много значил, — объяснил Иннокентий. — Я хранил ее изображение как хороший знак. Но Люба передозировала наркотик, и у меня случились галлюцинации. После долгих лет мне снова казалось, что Лиля охотится на меня. Хочет добить. Потому, что я жив, а она нет, я прощен, а она проклята. Первое время в больнице я часто перебирал с морфием, просто не мог остановиться, и это такое случалось. Лиля была худшим из моих худших кошмаров.

Вера как можно тише перевела дыхание, у нее было странное чувство, что она слышит подобные откровения от психиатра едва ли не первой из хранителей. Каково же ему было впервые за столько лет говорить правду о себе, возможно, понимая, что другая женщина, зная подход к его душе, сумеет снова его искалечить?

— Я вырвал ее из блокнота, — продолжил Иннокентий. — Побоявшись, что Лиля захочет уничтожить то, что у меня тут было хорошего.

Вера шумно вздохнула. Тогда психиатр потушил сигарету и поднялся с кресла. Он поискал что-то в складках обивки собственного кресла и вскоре протянул гостю сложенный вчетверо лист.

— Вот она, — улыбнулся Иннокентий, и Вера холодными пальцами приняла рисунок из его руки. — Я ничего с ней не сделал.

С замиранием сердца девушка взглянула на психиатра. Он все еще улыбался, беззлобно и... так очаровательно.

— Думаю, что могу считать тебя другом, — сказал Иннокентий.

Другом... Вера потупилась. Учитывая историю психиатра, это было очень... почетно. Но она лгала бы себе, если б сказала, что именно это она и хотела услышать.

В этот миг взгляд Веры упал под кушетку, где все еще лежала элетрогитара. Иннокентий проследил это.

— А где Виктор? — его брови сдвинулись.

Вера пожала плечами.

— Он без терапии уже сколько дней? — тон психиатра не предвещал ничего хорошего.

— Вроде бы неделю.

— Проклятие! — Иннокентий рванулся обратно к себе. — Его надо спасать!

Вера и не сомневалась, что это услышит. Встревоженное выражение лица психиатра сказало ей об этом красноречивее его слов.

"Проклятие!" — повторила про себя Вера. Она могла бы вспомнить о добродушном хирурге, которому была не раз обязана ему и задать вопрос о его благополучии вместо того, чтобы, думая исключительно о себе, строить глазки психиатру. Вот же эгоистичная дура! Поделом ей досталась эта дружба Иннокентия, большего она была не достойна!

Психиатр скрылся в спальне, оттуда доносились звуки возни. Иннокентий в спешке одевался для того, чтобы выйти в ноябрьский мороз на улицу. А Вера впервые за столько времени в больнице вновь впала в состояние странной нерешительности. Вдруг ему там нужна была ее помощь? Но девушке было неудобно войти. И куда делся ее бойцовский характер? Вера локти с досады была готова кусать. Никогда раньше она с мужчинами не трусила и не стеснялась, особенно с теми, кого хотела получить. Но вот с этим она просто не могла быть наглой. Вере казалось, что от неосторожности рассыплется то хрупкое и чудесное состояние открытости, которое установилось между ними. Психиатр просто не спустит ей, если Вера станет использовать полюбившиеся ей в прошлой жизни приемы, раз он сам решился от подобного отказаться. Если он и потерпит рядом с собой женщину, то только искреннюю и настоящую.

Вера выдохнула, понимая, что впервые по-настоящему влюбилась. Это было странно и немного болезненно. Но, может быть, так было лучше. В жизни Вера запуталась в фальши, пытаясь сбежать от разочарования, она все больше и больше лгала другим, а, главное, себе. Должно же было после смерти у нее появиться хоть что-то подлинное!

Иннокентий вылетел из комнаты как вихрь. Какое-то время психиатр рылся в комод, набирая из ящика, который Вера обнаружила закрытым еще в первое свое посещение ампулы. Как она и думала, Иннокентий в действительности хранил там психотропные препараты. Следом он швырнул необходимое в портфель. Тут-то Вера и пришла в себя.

— Я иду с тобой! — заявила она тоном, не терпящим возражений.

Психиатр на миг поднял взгляд. Сверкнули очки.

— Конечно, — он выглядел очень безобидно, когда не пытался играть в психотерапевта.

Вера поняла, что два месяца назад, когда они зависали у психиатра с Виктором, она не ошибалась, Иннокентий по-настоящему хороший человек, он просто очень долго это прятал. Но настоящая его сущность, тем не менее, прорывалась наружу. Он хоть и научился держать людей на расстоянии, не перестал помогать им.

Иннокентий закрыл портфель и сообщил:

— На наше общее счастье, я знаю, где он может быть. Надо торопиться!

Вера кивнула, пропуская психиатра в прихожую. Иннокентий пошатнулся, доставая пальто с вешалки, и девушка почти безотчетно подставила руки, чтобы удержать его. В

первый миг ей показалось, что психиатр вывернется как раньше, но на сей раз тот спокойно принял ее помощь.

— Спасибо, — улыбнулся Иннокентий.

Вере было приятно видеть, что это искренне. Психиатр на самом деле был улыбчивым, вежливым и мягким. Веру удивило это открытие. В прошлой жизни она выбирала совершенно других мужчин: резких, властных, в чем-то даже грубых. Ей казалось это возбуждающим. Выброс адреналина, который они вызывали у Веры своим характером был подобен наркотику, который нужно было вводить, чтобы не чувствовать все нарастающего разочарования от того во что постепенно превращалась ее жизнь. Может быть, стоило хоть раз прислушаться к своему сердцу по-настоящему, тогда с ней никогда не случилась бы эта неприятность в виде насильственной смерти?

Вера устала на рисунок девушки, что все еще держала в руке. Ей нужно было надевать куртку, но и выпустить танцовщицу она тоже не могла. Заметив эти колебания, Иннокентий произнес:

— Она твоя.

— Но это ведь это твоя добрая примета... — попробовала протестовать хранительница.

— Кое-что изменилось, Вера, с тех пор как я так решил, — мягко произнес психиатр.

Тогда девушка аккуратно опустила листок в карман своей куртки.

— Спасибо, — глядя на мыски ботинок, произнесла Вера. — Это много для меня значит.

Психиатр с уважением дослушал это откровение и следом выскочил за дверь. Вера снова вспомнила про хирурга и опять себя отругала за бездушие. Нашла время объясниться!

Вера отправилась следом за Иннокентием.

— Что с ним может произойти? — крикнула девушка в спину психиатру.

— Станет аномалией! — тот уже спускался по лестнице.

— Он?! — Вера нагнала Иннокентия в дверях и почувствовала неприятный привкус во рту.

Она ведь подозревала, что с хирургом все не так хорошо, как он демонстрирует, но ни разу не дала себе труда задуматься, что именно не так. Иннокентий обернулся, запахивая пальто, и посмотрел Вере в глаза.

— Ты не знаешь всей его истории. Я не удивлен, что он умолчал об этом.

Распространяться о других для него норма, но вот посмотреть в глаза правде самому... — в этом чувствовалась малая толика раздражения и Вера вдруг поняла, что безразличие, которое психиатр демонстрировал к хирургу, было неискренним. Он уже давно воспринимал своего жильца как друга.

После этих слов Иннокентий шагнул в морозный воздух и поднял воротник. Вера ясно увидела в этом жесте картинку из воспоминаний психиатра. В сущности, этот хранитель умудрялся одеваться почти так же, как люди в начале прошлого века, когда он был еще живым. Хоть он и носил современные вещи, они неизменно напоминали давно ушедший стиль. Иннокентий не выглядел вычурно, просто старомодно для такого внешне молодого человека.

Психиатр припустил вперед, и Вера бросилась следом. Она знала, что вопросы о судьбе хирурга, скорее всего, будут восприняты холодно. Иннокентий уважал чужие тайны в отличие от Веры и Виктора. Он, и правда, был слишком хорошим для всего того, что с ним произошло.

Вера начинала все больше и больше волноваться по мере того, как они двое подходили к ограде больницы, и дело было не в том, что девушке за ворота было нельзя. Если Виктор выскочил наружу, значит, у него, и правда, все плохо.

— А... — заговорила Вера, когда Иннокентий приоткрыл калитку.

Они стояли в том месте, где обычно никто не ходил. Это был неудобный и окольный путь, которым добирались редкие сотrudники.

— Стражи? — понял психиатр и напряженно посмотрел на улицу. — Они чувт такие вещи. Я думаю, мы действительно не избежим проблем, но пока еще есть шанс успеть до них. Лучше оставайся тут, Вера.

После этого он решительно шагнул за ворота. Девушка задохнулась от накатившего чувства несправедливости. Психиатр, что думал, она... Вера схватилась за калитку и распахнула ее как можно шире перед собой.

— Он тоже мой друг, — сказала она Иннокентию в спину. — Как и ты... теперь. Я не могу бросить вас!

Психиатр взглянул на Веру и задержался, пожалуй, на мгновение дольше положенного. А потом снова зашагал вперед, как ни в чем ни бывало.

— Будь начеку, — сказал Иннокентий, когда девушка поравнялась с ним. — Мы идем к месту аварии, аномалии всегда зарождаются именно там, где погибла их причина.

— Как люди становятся ими? — проговорила Вера, сосредоточенно глядя перед собой.

Ей нужно было знать это и вовсе не потому, что она хотела приоткрыть для себя историю хирурга или психиатра. Вера хотела понимать, стала бы этим нечто она сама?

Иннокентий мельком взглянул на нее. В его глазах было участие, кажется, психиатр понял, зачем эти сведения его спутнице.

— Существуют аномалии и выродки. Это разные вещи, Вера, — заговорил он. — Аномалии рождаются из людей, испытывающих особенно сильные страдания. Их гнев направлен на себя, а не вовне. Как ни странно, именно это убивает в них все человеческое, делая подобными самым жутким кошмарам. Нет ничего хуже, чем проклясть себя, поверь. Существует мнение, что все хранители больницы в некотором смысле не родившиеся аномалии, поэтому часть из нас может перерождаться в них. Вас призвали на службу до того как вы почувствовали свой гнев.

Иннокентий помолчал.

— А есть выродки. Это просто дурные души, которые расплачиваются после смерти за свои дела. На них ложится что-то вроде проклятия. Стражи потому и называются так, что держат эту нежить под контролем. По сути, они тюремщики. Выродки так же должны пройти свой путь к перерождению, но он иного рода. Некоторые начинают бунтовать и набрасываются на случайных людей или, того хуже, на кого-нибудь из стражей или хранителей. Души бессмертных для них особенно привлекательны. В случае нападения страж имеет право использовать оружие и уничтожить врага. С аномалиями они так не церемонятся, потому что они куда более разрушительны и почти не имеют ничего общего с человеком...

Иннокентий ускорился. Вера передернула плечами, и тоже прибавила темп. Значило ли это, что она на самом деле хорошая? Скорее нет. Вера, должно быть, после смерти болталась между выродком и аномалией. Но чувство вины в ней перетянуло чашу весов, и вот высший разум отправил ее в больницу, исправлять свою дурную жизнь добрыми делами. Если подумать, это было хорошо. Вера с нежностью посмотрела на спину психиатра, понимая, что, наверное, впервые за все время своего существования отважилась тут на такие вещи как честно трудиться и испытывать настоящие чувства.

— Проклятие! — выдохнул Иннокентий, когда впереди показалась дорога.

Вера прижала ладошку ко рту, разглядев темно-вишневый старый советский автомобиль, влетевший в фонарный столб. Впереди на дороге лежала окровавленная девушка. Живот у нее был таких размеров, что становилось ясно, пострадавшая на сносях. Все вокруг стало странно серым, и Вера ранее недоступным чувством поняла, что вокруг них с психиатром формировался призрачный мир аномалии, но не испугалась.

В этот миг Иннокентий выставил в сторону руку, запрещая приближаться Вере. Девушка проследила его взгляд и безотчетно шагнула назад. Впереди вырисовывались три черные тени. По мере приближения они становились все четче. Стражи — поняла Вера, когда на той стороне улицы встали три фигуры в черных плащах. За прошедший век эти бессмертные, очевидно, изобрели форму.

— Стой тут и не показывайся, им Вера, — шепнул Иннокентий. — Прошу тебя. Меня они не тронут.

Следом психиатр выбежал вперед и встал между стражами и аномалией.

— Нет! — громко воскликнул он, выставляя в стороны руки. — Дайте сначала я попытаюсь привести его в себя!

— Это еще что такое? — вышла вперед высокая блондинка.

— Врач, — ответил ей мужчина. — Доктор Курцер. Наш лучший психиатр.

Стражница выдохнула. На ее лице промелькнула тень испуга. Тогда Иннокентий опустил руки.

— Это мой пациент, — произнес он уже более спокойным тоном.

— Боже мой, доктор! — заговорил другой мужчина. — Не раз уже было доказано, что на аномалии плохо действуют увещевания. Ваши подвиги тому не пример! Отойдите с дороги, иначе ваша больница пострадает!

Стражи двинулись вперед. Иннокентий снова выставил в стороны руки.

— Это мой подопечный, я не уйду! Дайте мне попытаться! — произнес психиатр сквозь зубы. — И делайте, что хотите, если я провалюсь!

— Так это еще и было вашим пациентом! — воскликнул тот же мужчина. — В таком случае, не больно-то вы смогли ему помочь.

— С дороги! — приказал дугой, огибая доктора. — Если начальство услышит, что мы цацкаемся с Курцером вместо того, чтобы заниматься работой, мы все получим по выговору. А если с головы психиатра из-за этого слетит хоть волосок...

Страж грубо пихнул Иннокентия в плечо. Психиатр отступил на шаг и, встав перед говорившим это стражем, схватился за очки.

— Отошли все! — приказал он.

Страж зарычал:

— Сейчас ты играешь в опасные игры!

Стражница рванулась с места, но ее удержал коллега за рукав.

— Он обладает огромной силой, Марина! — прозвучало в накалившемся воздухе. — Не подходи!

Иннокентий обвел собравшихся тяжелым взглядом, он часто дышал.

— Снимешь очки, — продолжил тот из стражей, что стоял ближе всех к психиатру. — Это будет расценено как нападение. Ты ходишь по лезвию ножа, доктор Курцер... Ты имеешь право снимать очки только по приказу и биться против тех, кого укажут тебе стражи. После стольких лет безупречной службы и попыток доказать, что ты человек, ты сейчас осмелишься пойти против Управления?

Иннокентий все еще стоял, держась правой рукой за дужку очков. Пальцы его подрагивали. И тут Вера осознала, что обязана вмешаться. Другого пути нет. Она выбежала на дорогу. Вере было ясно, что раз у ее предшественницы получилось превратить аномалию в человека первой из хранителей, значит, и у нее самой, возможно, был такой же талант. Просто он дремал где-то в глубине ее существа.

— Это что?! — воскликнула Марина, когда Вера появилась.

Но хранительница не обратила внимания на стражей. Вера полезла в искореженный автомобиль. Ей нужно было найти Виктора. И вот, наконец... он был на водительском сидении. Голова разбита. Вера сжала его лицо в руках.

— Витя! Вить, слышишь меня?! — затараторила она.

Вера не знала, что делать, но она очень хотела, чтобы у нее все получилось.

И вот словно вспышка перед ней чиркнуло воспоминание. Свадьба, счастливые друзья. У Виктора была очень красивая жена. Кареглазая, смуглая, наверное, армянка или грузинка. Познакомились в мед. институте. Отличница, как и он сам. Выучилась на гинеколога и, окончив ординатуру, родила. У них была чудесная дочь. Маленькая принцесса. Умная росла, опережала сверстников. Жена пошла работать в женскую консультацию, отсидев дома декрет, помогала будущим мамам выносить беременность. Сама она когда-то грезилась операциями, акушерским стационаром, но заведя семью, поняла, что ей был дороже домашний уют, сытой и обласканный муж, счастливая дочка. Друзья и родные были за них счастливы. Они выглядели такой хорошей семьей...

А у Виктора карьера пошла в гору. Оставшись в Бурденко после ординатуры, он быстро перешел из дежурантов в состав отделения. Стал лучше зарабатывать. Защитил кандидатскую. Писал статьи. Товарищи на него ровнялись. Когда-нибудь он стал бы выдающимся хирургом. Вот уже и дочка пошла в школу и все было по-прежнему хорошо. Только отдалась она немного друг от друга с женой. Она хотела второго ребенка, а ему едва хватало времени на свою единственную принцессу. Виктор стал исполняющим обязанности заведующего отделением. Карьера требовала постоянного вложения сил, и не было у него сейчас времени на семью, на бессонные ночи с младенцем. Все ведь и так было неплохо. Его приглашали с докладом на международную конференцию. Ну и что, что немного загрустила жена и осталась пару раз ночевать в комнате у дочери? Сказала, будто читала на ночь малышке и не заметила, как сморил сон.

Тогда-то в его операционной и появилась она, эта рыжая бестия. Поначалу хирург не замечал, какие операционная сестра в его сторону взгляды бросала, какие шутки отпускала про него. Он ведь был давно и счастливо женат. А потом, мало-по-малу, тоже стал смотреть в ее сторону. Нина была красива, молода, женственна и очень горяча. По мере того как они стали оставаться вместе на ночные дежурства, она вскружила ему голову. Такого раньше никогда не происходило. Он словно снова почувствовал себя юношей, только такой страсти он даже к жене не испытывал никогда. С ней все было так правильно и ровно, а тут как с головой в омут.

Жена с дочкой уехали летом к родителям на Кавказ. И тут он не выдержал, случился у хирурга с Ниной роман. Они прятались ото всех по пустым кабинетам и запертым на ночь ординаторским. Домой он ее ни разу не приводил. Чувствовал себя виноватым перед своей замечательной семьей за то животное влечение, что почти полностью поглотило его разум. Нина была странная. Она, кажется, тоже ушла в это безумие как с головой в воду. Бросила ради хирурга своего порядочного жениха и отдалась целиком их странному приключению.

Так они провстречались до поздней осени, пока не стало ясно, что надо что-то менять. Чувство разрушало их обоих, вплеталось чем-то страшным и неуравновешенным в стройную ткань сотканного ими бытия. Он надеялся, что его небольшой отпуск даст обоим одуматься. Но в семье ему отныне было тесно. Жена была такая правильная, а дочка такая хорошая, а он... Они решили завести второго ребенка, но не получалось. И тут Нина забеременела. Они ведь так и не перестали проводить время вместе. Это было нужно им обоим как глоток свежего воздуха. Нина говорила, что все держит под контролем и ей не нужен женатый, но... она была на третьем месяце, когда призналась. Хирург предложил ей свою помощь, но сказал, что не оставит семью, что хочет в браке вторую дочь.

И после этого Нину понесло. Она стала странно себя вести, опаздывать на дежурства, с коллегами и, в особенности, с ним сделалась несдержанной, грубой, много плакала, при всех своего хирурга оскорбляла, так что это уже и заметило начальство. Больница всегда полнится слухами, руководителям все стало ясно. Его вызвали на ковер, и тогда было принято решение перевести Нину в поликлинику подальше от греха. Институту был

нужен хороший научный сотрудник, перспективный хирург, толковый заведующий. Что в сравнении с ним была какая-то операционная сестра? Он знал, что это неправильно, но вышел с чувством облегчения из кабинета. Как будто судьба решила распутать тот узел, который они с Ниной сами разрубить никак не могли. Сотрудники отделения побухтели конечно, они-то всю историю пусть и не в деталях, но знали, и притихли.

А Нина, как выяснилось, не забыла. Она писала ему письма. Поначалу он выкидывал их. Но последнее решил прочесть. Ему вдруг стало страшно, что Нина решит убить себя, и он возьмет на ответственность за погубленную душу, даже за две души. Она просила встретиться. Хирург ответил, что не может, занят. Она пригрозила, что расскажет все жене. Тогда он согласился. Назвал ей то метро, до которого ее часто с работы подвозил. Но вот в тот самый день с ним запросились жена и дочка.

У супруги вдруг прихватило живот и по тому тону, каким она приказала везти ее в женскую консультацию, хирург понял, что жена думает, что беременна. Дочку нужно было подбросить до школы, потому что жена теперь не могла ее сама отвести. Его машина по морозу не завелась. Поехали на той, что жены. На встречу с Ниной хирург из-за сборов опоздал, да и не волновало его сейчас это.

Они стояли на светофоре, когда он издалека заметил Нину. Она недалеко от метро жила и, видимо, не дождавшись, замерзнув в январские минус двадцать в пальто, едва сходявшемся на пополневшем животе, шла домой. И Нина, похоже, тоже заметила. Хирург не раз ездил на работу на машине жены, потому что его старая была и часто барахла. А для жены и дочки купили новую.

Вот тогда он со всей силы газанул, чтобы побыстрее мимо проскочить. Нина бросилась под колеса. Хирург в последний миг сдал влево. Не мог он сбить беременную женщину. Ни о себе, ни о родных он в тот миг не подумал. С соседней улицы выскочил грузовик. Их зацепило, раскрутило и впечатало в столб. Жена с дочкой погибли мгновенно, а сам он кровью истек, не приходя в сознание пока из машины вынимали тело.

Нину зацепило. Она пострадала, но не умерла. Начались схватки, когда скорая прибыла на место. Родила она прямо в машине на пороге той самой больницы, в которой теперь работал хирург. А потом неосторожную мать доставили в приемное — нужно было спасать ей жизнь.

Скорую тогда встречала прошлая Вера Павловна Вознесенская. Ошеломленный врач, только что принявший младенца, еще возился с роженицей. Фельдшер показала реаниматологу завернутого в пеленки ребенка, когда та резюмировала на счет пострадавшей:

— Жива. Еще долго жить будет, и не раз по глупости огребет.

— Посмотрите малышку, — заговорила молодая фельдшер. — Мы так за нее боялись. Вся синяя родилась, не кричала, не дышала... Крови-то было... Я такое... в первый раз.

Руки у нее еще дрожали после реанимационных мероприятий.

— Но закричала-то? — произнесла Вера, принимая кулек.

Фельдшер кивнула.

— Все хорошо, — сказала Вера, углубляясь в приемное. — Детскую бригаду зови. Эта тоже живая.

Реаниматолог зашла под больничные своды и поправила пеленку.

— Эх, нелегкая у тебя будет судьба, — прошептала она ребенку. — Нежеланное дитя.

Тут показался хирург. Он был растрепанный и полупрозрачный. Призрак уже какое-то время бегал по приемному, создавая не смотря на все свои усилия в реальном мире не больше сквозняка. Тогда Вера встала перед ним, не давая пройти дальше в больницу.

— Остановись, безутешный отец, — проговорила хранительница. — Твои жена и дочь уже там, куда ты нескоро попадешь. У них теперь есть все, что нужно. А у тебя... вторая дочь.

Хирург потрясенно посмотрел на сверток.

— Да, это она, — улыбнулась Вера, покачивая ребенка. — Внимательно смотри, чтобы потом ни с кем не перепутать. Проклятие матери сильная штука. Эта дуреха его вам обоим адресовала, ребенку и беспечному отцу, когда бросилась под колеса. У нее компрессионный перелом грудного отдела позвоночника, сам знаешь, что это значит, нейрохирург. Не сможет она дочь забрать сейчас. Когда примет свою инвалидность, тогда да, но это еще нескоро случится.

Хирург попытался взять ребенка, но Вера отстранилась.

— Не удержишь. Ты мертвый. Но ты все еще можешь и себе, и дочери оказать услугу. Поступай ко мне в больницу, как раз ставка вот-вот будет свободна. Проклятие с тебя сейчас никто не снимет. Теперь каждый день будешь просыпаться на месте катастрофы, твоя душа к нему привязана. Но как с этим быть, тебе решать. Можешь остаться при больнице, терпением и честным трудом исправить свою участь тут. Или пойти и зарабатывать прощение через раскаяние и боль.

Хирург дернулся. Вера кивнула.

— Я тоже этого бы тебе не пожелала. Поэтому я здесь. Оставайся. Так ты и ее спасешь. Как только отработаешь положенное, я приведу сюда твою дочь. Ей теперь на роду написано в наше дело податься, но трудно оно будет у нее идти, так же тяжело, как и жизнь далась. Только ты ее и сможешь этому научить. Я все сказала. Ты согласен?

Хирург кивнул. И, наконец, Вера увидела себя на месте предшественницы.

Виктор прижал руки к лицу. Плечи его тряслись от глухих рыданий.

— Понимаешь, какой я идиот, — заговорил хирург. — Я все, что у меня хорошего в жизни своими же руками уничтожил. Моя дочь, ей всего десять лет было... моя маленькая принцесса. А у второй я даже имени не знаю.

Вера обняла его, потому что помнила, что предшественница поступала так с Иннокентием. Но это было искренне. Вере было жалко хирурга и больно от того, что она узнала. Хранительница гладила коллегу по спине и неожиданно ей открылась правда.

— Нина записала дочь на твою фамилию.

Виктор оторвал голову от груди Веры и потрясенно взглянул на нее.

— Раз я это знаю, — прошептала хранительница. — Значит, добрыми делами ты искупил вину. Помнишь, как Нина тебя называла?

— Абарян, — неуверенно выдал хирург.

— Это твоя фамилия, — улыбнулась Вера. — А ты, похоже, думал, что ты русский? Ты свое лицо видел? Ты армянин.

Хирург удивленно взглянул на свои руки и шумно выдохнул.

— Послушай, — продолжила Вера. — Ты сделал глупость, и она обернулась катастрофой не только для тебя, но и для других людей. Но ты остался хорошим человеком, иначе не заработал бы прощения. Однако если сейчас продолжишь усердствовать, чувство вины разест в твоей душе то, что связывает тебя с реальностью. Настало время исправить то, что вы с Ниной натворили. Если позволишь, я заберу боль, и мы сможем уйти. Она ждет тебя, твоя вторая дочь...

Хирург неуверенно протянул Вере руку, и та с благодарностью накрыла ее своей ладонью.

Призрачный мир рассеялся. Вера сидела у разбитой пустой машины и гладила Виктора по спине. Взглядом она тут же встретилась с Иннокентием. Психиатр смотрел потрясенно. Хранительница с трепетом поняла, что ей еще никогда раньше никто так искренне не восхищался. Не хотелось отрывать взгляда и заканчивать это.

— Вер, ты сделала невозможное, — произнес психиатр, прежде чем стражи сорвались с мест, оттеснили Иннокентия, и бросились к ней.

Вера вскочила на ноги и почти силой подняла хирурга. Виктор был словно еще не в себе. Взгляд у него был затуманенный. Хранительница отступила к машине, она нутром чувствовала, что сейчас придется защищаться. С надеждой Вера взглянула на Иннокентия — уж она-то не смогла бы сейчас стражам навалить, а психиатр, судя по недавно высказанным опасениям, был на это способен.

— Давайте пока без драки! — это был голос Михаила Петровича. — Я должен знать, что натворили мои подопечные, прежде чем вы решите с ними расправиться. Таковы правила.

Стражи отпрянули.

— Я глава больницы, — пояснил патологоанатом. — И знаю, для того, чтобы нанести вред хранителю вам потребуется веская причина. Она у вас есть?

Иннокентий шумно выдохнул и отступил к коллегам.

— Поменялись местами, значит, с Верой Павловной? — прищурился один из стражников. — То-то я и смотрю, чего она не такая бойкая как всегда?

— У вас есть причина держать их здесь? — настаивал патологоанатом.

— С вашей больницей всегда проблемы! Один из них чуть не превратился в аномалию, двое других пытались его защитить, — выдохнул тот из мужчин, что, видимо, был у стражей главным.

Михаил Петрович после этого посторонился. За ним стоял длинный худой человек в черном плаще старинного кроя, больше напоминавшем накидку. Вера едва узнала в нем Иваныча, когда тот заговорил.

— Все трое люди. За нападение на них вы ответите так же, как и за любую невинную душу.

Стражи переглянулись и, поклонившись привратнику, молча отступили в темноту. Вскоре их силуэты смазались и растаяли, словно разогнанные утренним солнцем ключья тумана.

Привратник строго оглядел хранителей и произнес:

— Что-то больно много с вами мороки в последние дни, — после этих слов он так же растаял в воздухе, как и в прошлый раз, когда приходил познакомиться в комнату к Вере.

Наконец к Вере, Виктору и Иннокентию подскочил патологоанатом.

— Вы что творите?! — воскликнул Михаил Петрович. — Вы хотя бы представляете себе, чего мне стоило вызвать сюда привратника?! А что, если бы я этого не сделал?! Что было бы с вами тремя?!

— Простите, профессор, — потупился психиатр. — Думал, справимся.

Михаил Петрович обернулся к Вере.

— Ладно этот, за сто лет практики он, наверное, думает, что в одиночку победит огнедышащего дракона! Но ты! Ты могла хотя бы позвонить мне и сказать, куда вы направляетесь?! Я пришел вас проведать и о том, куда вы исчезли, мне пришлось догадываться самому! А что, если бы я ошибся?! У меня ведь было несколько вариантов!

Вере вдруг стало так тепло от этих слов. Она понимала, что тирада профессора была вызвана вовсе не желанием отругать непослушных докторов. Он кричал сейчас потому, что искренне испугался за подчиненных. Как давно за Веру никто так искренне не переживал!

Девушка посмотрела на Виктора. Хирург стоял, прислонившись к искореженному

автомобилю спиной, и держался за виски. Создавалось впечатление, что у него очень сильно болела голова. Странно, что дар Веры сработал не так как обычно и теперь за последствия анестезии расплачивался хирург.

— Управлять коллективом нелегко, — сказала Вера Михаилу Петровичу. — Но вы отлично справляетесь, куда лучше, чем я.

После этого она прошагала к хирургу и подставила ему плечо. С другой стороны тут же встал Иннокентий.

— Ему нужно выспаться, профессор, — сообщил психиатр. — Похоже, наконец, решилось дело с бессонницей. Вера очень помогла.

Виктора до флигеля довели молча. Он, и правда, едва на ногах стоял. Иннокентий прошагал в собственную гостиную, а потом распорядился:

— Можешь занять кровать. У меня всего одно спальное место, — для чего-то уточнил он.

Вскоре хирурга уже устроили на перине, и он отключился. День клонился к вечеру. Вера и Иннокентий стали по разные стороны от постели и молча посмотрели друг на друга. Непонятно, что было делать дальше. Казалось, эти сутки сблизили их настолько, насколько было возможно. Они уже знали все необходимое друг о друге, чтобы начать что-то более серьезное, что можно было бы назвать "просто друзья". И в то же время Вера ужасно боялась сказать неверное словно, сделать неправильный жест. Что если он оттолкнет ее?

Иннокентий вышел. Вера слышала, что в гостиной он разбирает портфель, возвращая в ящик ампулы.

— Останься с ним на ночь! — раздалось оттуда. — Пожалуйста.

Вера вышла из комнаты и встала в дверях. Было приятно, что Иннокентий доверял ей свое жилище и в то же время... куда он собирался сам?

— Я должен вернуться в отделение и привести в порядок дела, — объяснил психиатр. — Меня неделю не было. Все, конечно, подумали, что у меня отпуск. Но, Вера, я веду работу с больными и не могу бросать их. Одинокие старушки, хронические алкоголики, истерички... Я вернусь, как только станет ясно, что ни с кем не случилось ничего трагического. Может, вечером, а может быть, под утро. Кушетка, если хочешь, твоя.

— Спасибо, — улыбнулась Вера.

Иннокентий вновь задержал свой взгляд на ее лице чуть дольше условленного для обычной дружбы и тоже улыбнулся.

— Ты нас обоих спасла, — сказал психиатр в прихожей, надевая пальто. — Это здорово, наверное, понимать, что делаешь то, за что тебя наконец-то никто не осудит.

С этими словами он вышел. А Вера осталась стоять в дверях, ошарашенная. У нее было странное чувство, что Иннокентий пытался разобраться в том, что она такое, так же как она сама старалась открыть для себя его.

Вера еще немного постояла, а потом бросилась к окну и долго смотрела на то, как психиатр идет в свой корпус.

Наконец, она оторвалась от своего занятия и огляделась. Нужно было еще убрать učinенный Любой беспорядок. С этим-то Вера и провозилась до позднего вечера и осталась довольна результатом. Хозяйкой она всегда была хорошей. Потом Веру понесло на кухню. В двух оставшихся комнатах у психиатра оказались устроены кухня и столовая. В отличие от других хранителей, которые довольствовались перекусами и имели для этого в своем жилище своеобразный походный набор в виде электрической плитки и чайника, у Иннокентия все было заведено как у обычных живых людей. Впрочем, запасов продуктов, годных для приготовления полноценных блюд, Вера все равно у него не обнаружила. Только печенье, шоколад, конфеты, кофе, чай, алкоголь — все, что обычно дарили пациенты.

Следом Вера переместилась в столовую. Там были несколько больших стеллажей с книгами. Однако ассортимент отличался от того, что собирала прошлая Вера Павловна. Иннокентий предпочитал художественную литературу. На полках поместились произведения многих классических авторов. Кое-какие труды по истории, две полки были отданы изобразительному искусству. Вера нашла несколько книг, в которых были собраны репродукции картин. Сбоку сиротливо стояла "Анатомия для художников". Вера вытащила книгу. Так он этому учился? Ей казалось, что такие таланты как рисование сродни божьему дару.

Следом она прилегла на кушетку и стала с интересом читать. В конце концов, после двух с лишним месяцев, отданных непрерывной зубрежке медицинской литературы, это был приятный перерыв. Затем Вера вновь вытащила блокнот и стала сравнивать рисунки с тем, о чем говорилось в книге. Все-таки ей было непонятно, как пользуясь одним только грифелем создать на чистом листе то, что могло вызвать отклик в чужой душе, настоящее чувство...

Вера проснулась утром. Она и не заметила, как задремала. Кто-то укрыл ее пледом, пока она спала. Вера приподнялась и села. Книга лежала на полу. Иннокентий, должно быть, забрал тяжелую вещь у нее из рук. Вера смутилась, осознав, что он видел, что она снова брала блокнот. На обложке лежал вчетверо сложенный лист. Послание. Одна сторона подписана. Вера вдохнула, вглядываясь в строчки. Ей было и страшно и трепетно начинать.

"Тебе было интересно, как у меня это получается", — гласила первая: "P.S. Можно уже отменять хлорпротиксен".

Вера развернула лист. Там был рисунок. Психиатр нарисовал ее спящей. Это был быстрый карандашный набросок, и все же... Вера прижала бумагу к груди, чувствуя, как громко ухает сердце. Ее еще никто никогда не рисовал. Не то, чтобы это было то, за чем Вера охотилась. Это было очень личным, почти что признанием. Она посмотрела на рисунок еще раз. Вера у Иннокентия вышла очень нежной, задумчивой и будто бы даже чем-то встревоженной. Она никогда себя такой не видела. И ведь она даже не знала, как сказать за это спасибо, а чувствовала, что должна.

Что-то грохнуло в спальне. Вера вскочила и побежала на звук. Выяснилось, что хирург, ворочаясь, свалил с тумбочки часы и недоуменно теперь взирал на пол.

— Где я? — просил он у Веры, потирая голову. — С того нашего с тобой разговора о дочери и вине не помню вообще ни черта. И голова болит как будто бы я пил сутки.

Вера прислонилась к косяку, стараясь сдержать улыбку.

— В святая святых, — ответила она.

— Это еще где? — нахмурился хирург, не оценив иронии.

— Психиатр уступил тебе свою кровать.

Виктор одним движением сел и яростно растер виски.

— Звучит как-то не очень, — наконец выдал он. — Может, он действительно теперь по мужикам, как поговаривают некоторые его коллеги?

— Не думаю, — улыбнулась Вера. — Это был дружеский жест. Ты ведь мечтал с ним подружиться.

Виктор взглянул на свои руки и выдал:

— Ты права, глупость сказал.

Вера вышла из комнаты и отправилась за сигаретами и кофе. Она помнила, что хирург до смерти это любил.

— Зуб даю, этот Береговой наверняка сам пытался подкатить к нему, — долетело из соседней комнаты, пока девушка готовила кофе.

— Кто такой Береговой? — произнесла Вера, помешивая в турке черный напиток.

— Зав неврологией. Гадкий тип. С тех пор как он работает там, у них с Курцером... непримиримая вражда. И кто-то начал распускать слухи, что они бывшие любовники. Ну и больница... знаешь, люди любят жареные истории. Тебе еще не говорили, что психиатр гей?

Вера фыркнула и занесла кофе в спальню. Говорили. Ну и что?

— Спасибо, — произнес хирург, принимая из ее руки напиток.

Следом Вера протянула сигареты.

— Думаю, сегодня можно, — ответила она на взгляд хирурга. — Первый день без психотерапии и, уверена, он сам курит в кровати.

Виктор хитро прищурился и с одобрением взглянул на Веру. Следом он затянулся.

— Я ведь сто лет не курил, — выдал хирург. — Ну ладно, не сто, тридцать. С тех пор как расстался с Ниной. Мы ведь тогда с ней курилке в первый раз подвесили и там потом часто встречались, чтобы договариваться на счет свиданий.

Вера прислонилась спиной к стене.

— Расскажи еще про неврологию, — попросила она.

Виктор поднял голову.

— Да что еще? Тебе надо походить на терапевтические пятиминутки и послушать, как он спорит с заведующим. Сама все поймешь. Для терапевтов это шоу. Курцера любят, а Берегового боятся. Он какой-то ставленник глав. врача и по совместительству кандидат наук. Пишет странные статейки типа влияния живой воды на нейроны, вот такого качества, а Иннокентий терпеть не может этого. Никто в больнице не помнит, что такого доктор Курцер написал и почему он кандидат, издавался-то он еще пока был живой, и вообще по другой дисциплине, но все привыкли его слушать. Когда этот мужик начинает на пятиминутках выступать, психиатр берет слово и критикует его. Такой его крестовый поход против всего плохого в нынешней науке. Он ведь довольно известным в свое время акушером был. Выжить хранителя из больницы невозможно. Береговой чего только не перепробовал, но, ясное дело, ему не везет. Врачи видят в этом божественное провидение.

Вера улыбнулась.

— Вер... — голос Виктора оборвал ее мысли. — А как ты ну... как ты меня вытащила? Я ведь чувствовал, что почти... она меня в себя затянула, эта вина.

Хранительница сложила руки на груди.

— Мы были там оба, — Вере показалось, что хирургу важно будет это знать.

— С психиатром?

— Да, это он понял, что надо спешить. Я бы в жизни не догадалась, ни что случилось, ни где тебя искать. Он тебя от стражей защищал, пока я придумала способ...

— Он? — глаза Виктора округлились.

— Да. И я думаю, рисковал не на шутку, когда пригрозил им, что снимет очки.

Хирург выдохнул и крепко сжал левое запястье правой рукой.

— Вер, — наконец он посмотрел хранительнице в глаза. — Правда в том, что не одна ты себя чувствовала недостойной быть здесь. Я тоже... Поэтому я и не стал осуждать тебя, когда ты все рассказала. Я очень хотел подружиться с ним. Прямо помешался на этой идее. Он ведь знал обо мне всю правду и все равно помогал искренне... Так я хотел получить доказательство того, что не такой уж я и ужасный человек.

Вера покачала головой и тут хлопнула входная дверь. Вскоре в комнате показался Иннокентий. В руках у него был пакет. Вера посмотрела на психиатра, вспомнив о его подарке. Как они теперь будут общаться? Однако Иннокентий прошагал в спальню, не уделив внимания ей, и поставил пакет на кровать.

— Я ходил до магазина, — пояснил психиатр. — Здесь все, что ты так любишь. Нездоровая пища: чипсы, шоколад и газированная вода. Хорошо, что после смерти тебе уже не грозит метаболический синдром.

Виктор заглянул в пакет и когда снова поднял голову, то выглядел очень растерянным, словно ребенок.

— Ты, правда, защищал меня от стражей? — спросил хирург.

Иннокентий прищурился.

— Да. И не потому, что это было правильно, — с этими словами он сел в кресло. — Ты сделал бы для меня то же самое. Приключение с Любой позволило мне многое осознать.

Иннокентий прервался и мельком взглянул на Веру. И девушке показалось, что он кое-чего не договорил. Приход новой хранительницы позволил ему переосмыслить все то, к чему он, наверное, уже долгое время был подготовлен. Появление Веры толкнуло чаши весов и, в конечном счете, в маленьком коллективе хранителей вещи обрели новый, лучший баланс.

— Я не против такого друга как ты, — подвел итог психиатр.

Виктор молча полез в пакет и вынул оттуда шоколад и чипсы.

— Ну ладно, друзья, — пробормотал он. — Будете?

Вера улыбнулась и присела на край постели.

— Ты помнишь теперь свою фамилию? — уточнила она.

Хирург кивнул.

— Абарян.

Глава 9. Добрые намерения

Вскоре запас нездоровой еды иссяк, ели все, сидя на постели и Вера даже чувствовала нечто похожее на аппетит. Психиатр шутил. Еще в первый вечер, когда Иннокентий пригласил девушку в свое жилище, она поняла, что у этого хранителя легкий характер. Но вот, кажется, сейчас, когда он позволили себе быть собой, эти его качества раскрылись полностью. Иннокентий был отличным собеседником, с ним было радостно, очень спокойно и хорошо.

Раньше Вере казалось удивительным, что такая уверенная в своем великолепии женщина, как Лиля и этот человек сошлись и жили вместе. Теперь ей стало ясно. Иннокентий не был душой компании, но он был из тех, кому излишне было привлекать к себе внимание, к таким обычно оборачиваются, когда замолкает общий разговор. Остроумный, тактичный, мягкий. Он заключал в себе уют. Где бы ни были такие люди, с ними всегда хорошо и Вера испытывала трепет от того, что первыми людьми, которых Иннокентий за долгое время к себе подпустил отказались они с Виктором.

Лиля была чудовищем потому, что решила не просто разойтись с ним, объясниться — любовь ведь, в самом деле, штука непостоянная. Она попыталась уничтожить этого человека. Зачем? Положение? Деньги? Вера подспудно чувствовала, что в этом с Лилей они были похожи — в страсти к роскошной жизни и стремлении идти к ней сквозь любые препоны. Хранительница поняла, что не заслуживала внимания психиатра. Хорошо, что он предложил ей именно дружбу. Если бы Вера неосторожно ранила Иннокентия, она никогда не смогла бы себе этого простить, как и высшие силы, очевидно.

— Ребят, я еще посплю, пожалуй, — неожиданно заявил хирург. — У меня такое чувство, что впервые за тридцать лет я начинаю вспоминать, каково это быть обычным человеком.

Иннокентий без слов поднялся. Вера тоже встала.

— Спасибо, — на прощание произнес Виктор. — Ты мне напомнила, Вер, что у меня есть самое главное дело в жизни, моя вторая дочь. А то с этим чувством вины я стал забывать. Думал, никогда не выберусь из самоедства. А я ведь ей нужен, самое главное чтобы у ребенка был кто-то, кто о нем заботится. Мы ведь с мамашей ей такую жизнь подарили. Я обязательно ее найду.

— Только не забудь снова свою фамилию, — посоветовал Иннокентий, выходя. — Хотя нет, теперь я ее точно не забуду.

— Ну, — сказал психиатр в гостиной. — Похоже, нам обоим пора на работу. Время раннее, только десять часов.

Вера кивнула. На улицу вышли вместе, и какое-то время стояли, прощаясь. Вере казалось, что она не наговорила еще с Иннокентием. Он тоже вроде не спешил. Мимо пробежал Михалыч, и присвистнул так, что пара его расслышала. Тут только Вера поняла, что пора. Иннокентий задумчиво посмотрел на ее покрасневшие на морозе руки. Девушка все еще носила легкое осеннее пальто, надев под него самый теплый джемпер.

В город выйти Вера так больше и не отважилась, пока не пришлось спасти Виктора. Да и стипендия ординатора, которая ей теперь неизменно приходила в конце месяца — смех, а не зарплата. Вера не смогла бы позволить на нее себе то, что хотела. Ходьбы из флигеля в корпус было пять минут. Словом, не нуждалась она в теплой одежде.

Психиатр улыбнулся ей и пошел своей дорогой. Вера тоже улыбнулась, посмотрев ему в спину, и отправилась в реанимацию. На пороге уже стоял Михалыч.

— Так Курцер не голубой? — поднял брови он. — Откуда это вы с ним, держась за ручки, притопали? Да еще и на два часа опоздали оба!

Михалыч непостижимым образом продолжал считать, что Вера живет в городе. Она не стала разубеждать.

Вера улыбнулась, скидывая пальто.

— Нет, — с этими словами она посмотрела на реаниматолога. — Он был женат... давно и несчастливо.

— А так и не скажешь по нему, — Михалыч взъерошил свою шевелюру пятерней. — Ну, пошли, работа не ждет.

Все шло своим чередом, пока на телефон Веры в середине дня не прилетела СМС. Хранительница выдохнула, поняв, что она от Иннокентия.

"Выходи", — значилось в сообщении: "Жду у старого корпуса".

"Когда?" — холодными пальцами набрала она.

"Сейчас".

Вера взглянула на Михалыча.

— Я на полчаса отойду. Перекусить, — отчиталась она куратору.

Старый реаниматолог хитро прищурился и несколько мгновений мерял Веру взглядом.

— Курцер на свидание зовет? — наконец, выдал он.

Вера вздохнула. В самом деле, ела она раньше в отделении. Точнее, делала вид, что ест. Вера ходила пить кофе в подсобку чтобы немного взбодриться.

— Нет, — неведомо зачем соврала хранительница и вышла.

— Совет да любовь, голубки! — долетело в спину. — Я всегда знал, что в неврологии настоящий гомик этот их зав!

Вера вздрогнула на морозе и побежала к старому корпусу. "Зачем, интересно, он предложил встретиться?" — стучало в висках. Она чувствовала себя как влюбленная школьница, понимая, что пришла бы к нему, куда угодно и когда бы это ни было.

Вера встала у парадного входа. Главный и самый старый корпус больницы был возведен два столетия назад, но больше не использовался вообще никак. Просто стоял запертый как памятник архитектуры, позабытый и ненужный. Вере казалась грустной такая история. Ведь можно было дать зданию новую жизнь. Она неуверенно поднялась по ступенькам и только добралась наверх, как входные двери распахнулись. Вера раньше никогда не видела, чтобы кто-то входил туда.

На пороге ее встретил Иннокентий и пригласил жестом. Вера прошагала внутрь. Заметенный пылью пол, облупившиеся стены, пустота и звенящая тишина. Ей показалось, что здесь витали призраки прошлого, стоило лишь закрыть глаза и как следует прислушаться. С удивлением Вера взглянула на психиатра. Что он хотел сказать этим?

Иннокентий без слов взял ее за руку и повел вперед. Шаг, другой, третий. Вера чувствовала себя очень странно. Кажется, в книжках это называлось трепетом. Они миновали холл, прошли мимо дверей больничного храма, встроенного в здание, свернули налево. Иннокентий остановился в дверях большого пустого зала. Там, в лучах дневного света со шваброй кружилась Надя, она танцевала и напевала песню военных лет. Голос у нее был как у настоящей певицы.

Вера сделала шаг, но Иннокентий аккуратно придержал ее руку.

— Не мешай, — шепнул ей на ухо психиатр. — Это первый раз, когда я увидел, как она поет. Удивительное зрелище для лечащего врача, Вера...

Хранительница обернулась к Иннокентию.

— Знаешь, я умею видеть искренние порывы, — продолжил психиатр. — Это свойство очков, умею читать в душах и исцелять безумие, когда я без них. Это мой дар. Но именно сегодня я, кажется, наконец, подобрал нужные слова, которые вылечили ее душу. Как

профессионал я должен быть уязвлен, ведь именно ты натолкнула меня на нужную мысль, но вместо этого я счастлив.

Иннокентий взглянул на Веру.

— Я привел тебя сюда, потому что знаю, как сильно ты в себе сомневаешься.

Вера почувствовала себя совсем незащищенной перед ним, просто обнаженной. Вот зря она переживала на счет того, что может неосторожно задеть психиатра. Похоже, он прекрасно понимал, с кем имеет дело и мог постоять за себя гораздо лучше, чем она предполагала. Вера все еще чувствовала себя смущенной. Тогда Иннокентий отвернулся. Он взял пакет, который оставил на старом стуле, стоявшем у входа, и вытащил оттуда варежки. Новые. К ним была прикреплена бирка. Психиатр разорвал пластмассовую перемычку между двумя изделиями и аккуратно надел варежки Вере на руки. Она не сопротивлялась.

— Спасибо, что пришла, — сказал он, возвращаясь к пакету.

Следом Вера получила шапку.

— Больше не мерзни, — посоветовал психиатр, повязывая на ее шею шарф.

Вера медлила, у нее было огромное желание тронуть его руки, которыми он расправлял ткань, спрятать в своих ладонях. Но она не знала, насколько это будет уместно. Иннокентий отпрянул, а она так и не решилась ни на что. Вера взглянула на психиатра и поняла, что просто получила благодарность за то открытие, которое он недавно для себя сделал: он был снова по-человечески жив и даже почти такой же, как до морфия. В замкнутом больничном мирке, где все подчинялось заведенному порядку, ему не хватало лишь маленького толчка, заинтересованных взглядов отчаянной девицы, чтобы признаться себе в том, что прошлое в прошлом. Если бы Вера схватила его сейчас за руки, это было бы излишним.

— Мне кажется, о тебе давно никто искренне не заботился, — сказал Иннокентий, снова посмотрев на Надю.

Вера выдохнула. Нет уж, после такой демонстрации близости и одновременной недоступности, она не могла позволить ему копаться в своей голове безнаказанно. Он ведь наверняка догадался о том, что для нее значит!

— Знаешь, что в больнице все считают тебя голубым? — глядя вперед, проговорила Вера.

Психиатр усмехнулся.

— И что? Полвека назад меня все звали наркоманом, хотя тогда я уже лет двадцать как не употреблял. Людям не дает покоя моя отрешенность. А что думаешь ты?

Вера надула губы.

— На счет твоей ориентации?

Психиатр закатил глаза, кажется, так он сдерживал улыбку. Вера разозлилась, понимая, что эта тема его, похоже, развеселила вместо того, чтобы задеть. Она, правда, все это время недооценивала Иннокентия.

— Ты действительно спишь с Береговым? — бросила Вера.

Психиатр весело расхохотался, шлепнув ладонью по своему бедру.

— Это самый нелепый слух, который обо мне когда-либо пускали! — выдохнул он, отсмеявшись.

"И ты выбрала его, чтобы меня задеть, как неизобретательно", — этого он не договорил, но смысл читался по глазам. "Может это была месть за те неосторожные фразы и жесты, которые она допускала в начале их знакомства?", — подумала Вера.

— Нет, я люблю женщин, — Иннокентий вновь сосредоточился на Наде. — По крайней мере, искренне любил пока одна из них меня не погубила. Долгое время я полагал, что

не допускать новых отношений это лучшее, чем я могу обезопасить себя... от нового приступа безумия. Пока не увидел во сне ту балерину. В близости есть нечто столь чарующее, без чего жизнь превращается в череду одинаковых будней... Так я и жил с воспоминанием о чудесном сне, не представляя, как мог бы воплотить его в реальности.

Вере было страшно и трепетно слушать дальше. Психиатр неожиданно сменил тему.

— Береговой шарлатан и он меня ненавидит за то, что я не устаю напоминать ему о его некомпетентности. Статейки его — попытка реализоваться. Лучше бы он писал что-то менее вредное для доверчивых душ, фантастические рассказы, например, — Иннокентий прищурился. — А то ведь он утверждает, что рассеянный склероз лечится сахарной пудрой! Он совершенно не умеет держать под контролем свой гнев. Однажды он даже решился напасть на меня.

Психиатр возвел глаза к потолку и поморщился. Очевидно, ему было неприятно признаваться в том, что случилось, но отчего-то он решил продемонстрировать Вере полную откровенность. Возможно, дорожил ее вниманием.

— Вот откуда эти слухи: сестры видели, как мы заперлись вдвоем. А потом... Он довольно большой мужчина и, очевидно решил, что легко отделает кого-то моего телосложения. Насколько я понял, с прошлого, довольно высокого поста, его погнали подобный случай. В общем, — психиатр перевел дыхание. — Я заставил его озвучить мне исповедь про тяжелое детство, жестоких родителей и бездушных сверстников. Поверь, он заслуживал этого. В его памяти, как я и ожидал, я обнаружил пару неоднозначных эпизодов. Он вышел растрепанный с красными глазами и совершенно не в себе. Теперь он живет с тяжелым сознанием того, что я больше не дам ему делать глупости. Он мстит мне как может, убеждая всех в том, что я предпочитаю мужчин, — психиатр улыбнулся. — И полагает, будто я не понимаю, откуда эти слухи. Меня устраивает тот мрачный образ, который он создает мне в больнице даже без моего участия. Обычно я люблю держать людей на расстоянии.

В этот миг Надя остановилась и удивленно посмотрела на Веру.

— Ну все, тебе пора, — решил психиатр. — А то и про нас скоро начнут рассказывать сказки.

— Уже, — вырвалось у Веры, когда она шагнула за порог.

К ее удивлению, Иннокентий не выглядел злым или смущенным.

— Мне всегда уделяют слишком много внимания, — психиатр улыбнулся. — Быть может, потому что я его не хочу. Приходи завтра на то же место. Скажешь, что обедать. Всем врачам ведь надо отлучаться на обед.

Вера застыла, не зная, что ответить. Что все это значило?

— Я не сказал тебе главного, зачем я тебя сюда позвал. Скоро будет рождественский бал. У бессмертных существует добрая традиция встречать праздник именно здесь, в главном зале нашей больницы. Будут другие хранители и стражи со всей Москвы. Нам надо прибраться. За год тут все порядком запылилось.

Вера посмотрела по сторонам и тяжело вздохнула. Силами шести человек тут мало что сделаешь, пускай и за полтора месяца. Они ведь не декораторы или строители, обычные врачи со странными способностями.

— В общем, все приходят в определенное время и потихоньку делают дела, как Надя сейчас. Обычно она мне помогает, но, если хочешь, поработаем вместе. Кто-то же должен разъяснить тебе сущность рождественского бала.

Вера кивнула.

— Хорошо. Завтра в то же время в том же месте.

Вера выходила в смятении. То, что происходило между ней и психиатром, было странно и так щемяще правильно.

"Спешите творить добро" — гласила облупившаяся надпись над входной дверью. Вера выдохнула и вспомнила про Виктора. Она знала, что обязана закончить эту историю с дочерью, сам хирург мог снова впасть в уныние, придавшись мыслям о семье. То, что дала ему Вера, было лишь анестезией, временным облечением. Нужно было что-то качественно изменить в той ситуации, в которую попал Виктор, пока не ушло слишком много времени. Его дочери уже тридцать. Если так дальше продолжится, может статься, она всю жизнь проклятой и проживет, прежде чем они с отцом увидятся. Значит, требовались такие меры, на которые раньше никто так и не отважился пойти.

Вера отправилась к Михаилу Петровичу. Ей нужно было поговорить с привратником, ведь именно Иваныч запускал и выпускал души. Он должен был знать, как назвали дочку хирурга, может, мог открыть о ней и больше, но Вера чувствовала, что без главы хранителей привратник не станет с ней об этом говорить.

Вера постучалась в кабинет патологоанатома и услышав громкое "Да?", вошла. Михаил Петрович должен был быть с дежурства. Несколько последних суток они с Надей выходили один через один потому, что другие хранители выпали из обоймы. Вере было совестно будить патологоанатома, но ничего другого не оставалось. Она решила действовать быстро и наверняка, пока Виктор еще находился в том состоянии, когда был готов пустить все свои душевные силы на дочь.

Против ожиданий Веры патологоанатом стоял в уличном пальто и отряхивал плечи от первого снега. Хранительница стянула варежки и шапку, подаренные Иннокентием. Профессор при этом взглянул на нее с сердито.

— Ну что, сама явилась, возмутительница спокойствия? — обратился он к Вере. — Сдается мне, что ты не повиниться пришла. Чего тебе надо?

— Где вы были? — произнесла хранительница, уловив в тоне патологоанатома тревожные нотки.

— В Управлении, — ответил Михаил Петрович, вешая на крючок у двери заснеженную шляпу.

— У стражей тоже есть начальство... из таких же бессмертных человеческих душ, — сказал патологоанатом. — Увидишь еще на рождественском балу.

— Вас же не по поводу Иннокентия вызывали? — догадалась Вера и почувствовала, как у нее холодеют пальцы.

Профессор уселся на диван и с шумом выдохнул.

— И поэтому тоже. По поводу нас всех, — после этого он швырнул на стол папку с документами. — Смена главного хранителя больницы, Вера, происходит впервые за двести лет в Москве. Поэтому они скептически восприняли мои слова. Все искали подвох. У меня давно не было такого тяжелого утра.

После этого профессор поднялся и примирительно взглянул на Веру.

— Ладно, чего это я тебя пугаю? Все закончилось хорошо. Они одобрили мое назначение, и с вами тоже никто ничего не сделает... на этот раз. Хочешь кофе?

Вера молча кивнула и подумала, что она была чертовски права, передав Михаилу Петровичу свой пост. Что если бы сегодня у начальства была бы она сама? Сумела бы она отстоять психиатра и хирурга в одиночку?

Вскоре кофе был готов, и Вера замерзшими руками приняла горячую чашку. Михаил Петрович взглянул на нее, глаза у него улыбались.

— Слышала бы ты сегодня меня, — наконец рассмеялся патологоанатом. — Чего я только не наплел им там про всепобеждающую силу любви. Вспомнил все, что читал в художественных романах на эту тему.

Михаил Петрович откинулся на спинку кресла.

— Ты меня вдохновила своей искренностью, а через меня других, — профессор

посмотрел Вере в глаза. — Теперь по моим словам вы с ним просто обязаны жить долго и счастливо.

Вера выдохнула, помешав в чашке сахар. Ей было нечего сказать. Как же быстро все стали судачить про них с Иннокентием, когда всего пару дней назад они с психиатром даже не разговаривали друг с другом! И нет, вот это сейчас были совсем не сплетни.

— Я знаю, конечно же, что в жизни не бывает как в книжках, — сказал патологоанатом. — Но он теперь другой. Поменялась и ты. Вместе вы живой душе помогли, для которой надежды почти не оставалось. Это очень хорошее начало. А теперь давай к тому, зачем ты явилась.

Вера присела.

— По правде, я из-за Виктора.

Патологоанатом внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я должна отыскать его дочь, пока еще не слишком поздно. Поэтому мне нужно поговорить с привратником, и я понимаю, что он не станет такие сведения давать просто так. Вы можете мне?

Михаил Петрович посмотрел на свои руки и, наконец, выдохнул:

— Ну пошли. Ты права, привратник только в очень редких случаях открывает тайны человеческих душ, хотя они ему, безусловно, известны. Но прошлая Вера Павловна умела ведь как-то на него надавить.

— Спасибо, — произнесла хранительница, поднимаясь.

— Как же иначе, — улыбнулся патологоанатом. — Вы ведь все мои птенцы.

Иваныч выглядел сердито, когда распахнул перед хранителями двери морга.

— Что-то вы зачистили, — огрызнулся он. — Спасу от вас нет.

— Мне нужно дело девушки по фамилии Абарян, ей сейчас тридцать лет. Она родилась здесь в январе тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, в тот же день и час, что умер наш хирург. Это его дочь.

Иваныч фыркнул и всем своим видом изобразил, какое раздражение вызывает у него эта просьба.

— Иш, чего выдумала! Ты кто, по-твоему, такая, чтобы решать, чему быть, а чему не бывать?

Вера отпрянула, и тогда в разговор вступил патологоанатом.

— Это нужно мне для сотрудника. Чтобы он и дальше исполнял обязанности как полагается, ему необходимо сосредотачиваться на чем-то кроме чувства вины!

Иваныч прищурился.

— Вы просите меня о чуде! Но вам и так, доктора, дано предостаточно, — с этими словами привратник посмотрел на руки Михаила Петровича. — А с тебя и вовсе одного происшествия должно быть довольно!

Привратник ткнул длинным изогнутым, словно коготь хищной птицы, пальцем в Веру.

— Вернуть психиатру веру в любовь — для этого так много вещей должны были сойтись! Как я устал вязать на ваших судьбах узлы! Никакой благодарности! Вы ведь противитесь вмешательству добрых сил, игнорируете шансы, идете наперекор дарованным возможностям как слепцы! Каждое чудо оплачено такой долгой работой, что никому из вас и не снилось! Крайне неблагодарный труд...

Иваныч выговорился, и устало опустился на разбитый стул.

— Ну что ты задумала? — спросил он у Веры.

— Дайте мне хотя бы ее фотографию, — настаивала хранительница.

— Чем поручишься, что не провалишься и не сделаешь хирургу и его дочери хуже? — прищурился привратник.

Вера выставила вперед ладонь.

— А чем надо?

— Любовью, — прищурился Иваныч.

Вера выдохнула.

— Шучу я, ладно, — улыбнулся привратник. — Я ведь представитель добрых сил, хоть многие из вас в этом и сомневаются. Вот в чем дело, малышка. Возьмешь ответственность за его судьбу и навсегда с ней свяжешься, если не сумеешь исправить, как это случилось у твоей предшественницы с Иннокентием. Лучше тебе не знать, через какие муки она отсюда уходила. Поэтому и не было еще два месяца Веры в больнице, не отпускала ее призрак ткань мироздания. Но теперь-то она наконец попала туда, куда должна была после того, как Иннокентий поправился. Крови он у нее попил не дай бог никому за свое столетнее существование. Ну, что, как думаешь, способна ты на что-то подобное?

Вера поймала на себе напряженный взгляд патологоанатома и поняла, что не может отступить. Сюда она пришла исправлять то, что в жизни не так делала. Раньше Вера думала лишь о себе. А этот человек, Виктор, ее спас, привел в больницу и уговорил остаться. Хранительница была ему обязана. Тогда она выдохнула:

— По рукам!

Иваныч хмыкнул.

— Вот ведь отчаянная девица, — пробормотал он себе под нос, роясь в столе.

— На! — после этого на крышку приземлилась белая картонная папка, на которой черными буквами было выведено "Валерия Абарян".

— А ты не суй туда свой нос, профессор! — приказал привратник патологоанатому. — Хватит мне одной связанной с этим делом души! Давай, иди и как следует выспись с дежурства!

Патологоанатом вздохнул и дернул за ручку входной двери. Михаил Петрович задержал взгляд на Вере и, наконец, поклонившись, вышел.

— Удачи! — выдохнул он на прощание.

Следом Иваныч подвинул хранительнице свой стул.

— Читай, — сказал он. — Как закончишь, оставишь на столе. Я пошел стеречь Врата.

Вера распахнула папку. Внутри первой лежала фотография симпатичной темноволосой и кареглазой женщины. Лера была похожа на отца куда больше, чем на мать, выглядела она почти как урожденная армянка. Дальше шел файл с детальным описанием внешности Леры. Росту в ней было всего сто шестьдесят четыре сантиметра, вес пятьдесят восемь килограмм. На спине шрам от пиелэктомии, девочка часто болела воспалением почек в детском доме, высокий пузырно-мочеточниковый рефлюкс справа диагностировали поздно, в десять лет, когда функция органа была почти нулевая. Тогда же хилую и болезненную Леру мать, наконец, забрала к себе. Почку вырезали.

Вера пролистнула дальше. В папку были подколоты хорошие и дурные дела. Заметки о хороших набраны красным шрифтом, у плохих дел буквы черные. Вера выдохнула, мысленно представив собственную папку, и вернулась к первому листу.

Лера росла сорванцом, частенько бывала в уличных компаниях, на уроках — почти никогда. Не привили ей в детдоме любви к учебе. Нина, ее мать, после травмы вернулась

в родной город к семье из московского общежития, в котором и обитала все то время пока крутила роман с женатым хирургом. В тот город она и дочку забрала, когда той исполнилось одиннадцать. Нина тогда уже пообвыкла со своей инвалидностью и одинокая старушка-мать, убивавшаяся на работе и заботах о колясочнице-дочери, разрешила ей поселить у себя подростковую внучку.

Но Лера не простила матери того, что сочла предательством, родной семье так и не удалось преодолеть стену холодности, отделявшую их от возвращенного ребенка. Лера хамила, защищая свое право на самостоятельность, бабка кричала на нее и стыдила, мать плакала. В конце концов, Леру сдали в медучилище по традиции. Ни десятый, ни одиннадцатый класс она не желала заканчивать. Хотела денег и независимости.

Лера окончила училище без энтузиазма и подалась работать в Москву, подальше от наводившей тоску глубинки. Лет в двадцать она, так же как и мать, связалась с женатым, только на сей раз владельцем малого бизнеса, через год забеременела от него и когда объяснились, гордо ушла, сказав, что сама вырастит ребенка. В двадцать два родила чудесную дочку и, поскитавшись по съемным квартирам, выскочила за мужчину, который работал охранником при больнице. У него была квартира в Подмоскowie, и он был согласен растить чужого ребенка. Вот только пил и бил Леру, когда уходил в запой.

В родные края девушку не тянуло, так что она терпела, стиснув зубы ради дочери и жилья. Но понимала, что дальше так нельзя. Стараясь обеспечить себе и дочери будущее, Лера пошла в медицинский институт. Учеба давалась ей страшным перенапряжением моральных и физических сил, работая медсестрой на полторы ставки, она моталась между стационаром и душными студенческими аудиториями, забывая есть и спать. Муж почти не носил денег в дом, а те, что были, пропивал. Благо дочь можно было временами оставить на свекровь и подругу.

Так молодость пробежала и к тридцати Лера чувствовала себя выжатым как лимон скелетом, в котором уже не осталось ни желаний, ни идей. Ее все еще держал бешеный ритм, в котором она привыкла крутиться и любимая дочь, ради которой она это все делала. От подмосковного городка, в котором Лера жила с семьей, ей дали целевое направление на хирургию. Иначе ее бы, наверное, в ординатуру вообще никто не взял. Оценки в дипломе были низкие, но не потому, что Лера была неумехой. В том ритме, в котором она жила, училась и работала закончить медицинский институт вообще было нечеловеческим подвигом.

Лера пришла ординатором в одну из московских больниц, похожая на усталую, во всем разочаровавшуюся тень. От операционного стола ее легко оттеснили молодые энергичные коллеги, счастливо пировавшие на родительских харчах и спавшие в уютных заботливо заправленных постелях. В тот же день заведующий у всех на глазах отчитал ее, сказав, что такие бабы портят светлый лик хирургии. Лера не плакала, хоть ей и было обидно. Она вырубилась сразу после этого в ординаторской, не начав печатать ни одной истории болезни. А когда проснулась в двенадцатом часу ночи в пустой комнате, поняла, что впервые за десять лет желает чего-то по-настоящему сильно: послать к чертям эту медицину, ее родовое проклятие. Понятное дело, в ординатуре Лера с тех пор бывала достаточно часто для того, чтобы ее не отчислили.

Вера захлопнула папку и двинулась на кафедру. Она точно знала, что делать теперь. Привести Леру в больницу оказалось проще пареной репы! Она числилась ординатором их кафедры! Отыскав заведующего, Вера рассказала ему о прекрасном докторе Лере Абарян. Благодаря своему усердию хранительница была там на хорошем счету. Заведующий нахмурился, всех ординаторов он, конечно же, не помнил и не знал в лицо, но, кажется, фамилия Леры не вызвала у него хороших ассоциаций.

— Поставьте ее в отделение! — наставила Вера, ссылаясь на личное знакомство.

Хранительница умела быть настойчивой и вскоре заведующий уступил. Выйдя от него, Вера набрала номер Леры Абарян, чтобы сообщить новость, которая должна была придать новое направление ее жизни.

— Кто это? — раздалось сонным голосом в трубке.

— Это с кафедры, — заговорила Вера. — Завтра переводитесь в другую больницу.

— Какую еще? — в тоне Леры слышалась неподдельная мука.

Вера назвала номер.

— Не пойду я в этот клоповник, — на этом разговор оборвался.

Вера перенабрала и выслушав порядка десяти длинных гудков, снова разобрала голос Леры:

— Что?

— Это распоряжение заведующего. Если завтра вас не будет в отделении в восемь тридцать, ждите проблем.

— Черт... — то, каким тоном это было сказано, убедило Веру в том, что дочка хирурга придет.

Ближе к вечеру прилетело сообщение в мессенджере.

"Заходи к нам", — это был Виктор.

Вера радостно собрала свои вещи в реанимации, надела шапку и шарф и поспешила домой. Хирург и психиатр были у себя. В комнате ярко горел свет, а дверь была приоткрыта. У Веры было чувство, что она так соскучилась по ним, по искренней дружеской атмосфере, которой ей не хватало в последние годы жизни.

Хранители сидели около ноутбука. Играл русский рок — без сомнения, выбор Виктора. После первого вечера в квартире Иннокентия она не строила иллюзий на счет пристрастий хирурга. Похоже, он опять пытал этой музыкой своего друга — Вера поняла это, когда психиатр взглянул на нее с искренней надеждой.

— У меня для тебя подарок, — обратилась хранительница к Виктору и тут же заметила тень недовольства в глазах Иннокентия.

Неужели ревнует? Недовольство тут же сменилось пристальным вниманием. Хирург не заметил всего этого и уставился на руки Веры, которые она держала в карманах. Очевидно, он ожидал появления шоколада.

— Покажу завтра, — объявила Вера и добавила. — Я так рада видеть вас обоих и знать, что вы в порядке.

Повисла пауза.

— Да что с нами случится?! — хлопнул себя по колену хирург. — Мы же мертвяки!

Взгляд Иннокентия согрел, в нем было так много нежности и доверия, что Вера не хотела отрываться, но все-таки отвернулась. Они оба не знали о том, что сегодня утром где-то за пределами больницы решалась их судьба. Что бы делала Вера, если бы все плохо кончилось? Она не хотела даже задумываться об этом.

Ночью психиатр учил коллег карточным играм и тревожные мысли как-то сами собой вылетели из головы.

В восемь утра Вера ждала Виктора в коридоре. Ночевал он теперь на раскладушке у психиатра в столовой.

— Все это выглядит очень странно, — признался хирург, в назначенное время показавшись из дверей.

Вера пожала плечом и пошла вперед.

— Я бы понял, если б ты устроила такую интригу психиатру, — продолжил он.

— Помолчи! — оборвала Вера и, обернувшись, добавила. — Ему помощь больше не требуется, судя по моему вчерашнему разговору с привратником. А вот тебе — еще как! Постарайся ничего не испортить в этот раз, ладно?

Виктор прочистил горло.

— Вер, что там? — изменившимся тоном спросил он.

— Узнаешь.

До корпуса добрались молча.

Вера первой отворила входную дверь, чувствуя, как сердце прибавило темп. Явится или нет? И да, под табличкой, перечислявшей номера отделений и этажи, стояла Лера Абарян. Вид у нее был злой, очень усталый и сонный. Вера вчера еще раз хорошенько все обдумав на трезвую голову послала своей протееже подробные инструкции на счет того, где надлежало встретиться утром.

— Вот, — указала она хирургу на его дочь, пользуясь тем, что Лера еще не заметила хранителей. — Твой новый ординатор.

— Чего? — вздернул брови Виктор. — У меня же есть Борис. Неплохой, между прочим, парень. Вер, это что?

Лера посмотрела на свои ногти и раздраженно вздохнула.

— Борис и без тебя хирургом станет, у него, и правда, руки откуда надо. Таких учить не стоит особого труда, — сказала Вера. — Эта задача посложней. Присмотрись, никого не напоминает?

Виктор пригляделся.

— Вер, ты... — вдруг выдохнул он, схватив хранительницу за руку. — Это что, она? Но ведь она должна же быть старше.

— Ее зовут Лерой, — пояснила та, отцепляя его пальцы. — И я сделала то, что обещала тебе прошлая Вера, привела ее. Теперь обратного пути нет. Я ей сказала, что она сегодня здесь познакомится со своим куратором. Не налажай, отец. Она, и правда, случай запущенный, конечно не такой как ты и я. Но ведь мы оба здесь, чтобы не допустить того, чтобы она стала следующей хранительницей.

С этими словами Вера подтолкнула хирурга вперед.

— Но и слишком сильно тоже не бойся. Ты был хорошим отцом для старшей дочери.

Виктор шумно вдохнул и единым махом пересек разделявшее их с Лерой расстояние.

— Абарян? — первым делом спросил он, зачем-то протягивая руку.

Девушка кивнула и вопросительно уставилась на ладонь хирурга.

— А вы? — спросила она, неуверенно ее пожав.

— Твой куратор. Виктор Юрьевич Успенский.

Лера кивнула и отвела взгляд. Она была в своих мыслях и не замечала того жадного внимания? с которым рассматривал ее хирург.

— Хорошо. Виктор Юрьевич, мне нужно на работу, — пробормотала Лера. — Можно я сегодня туда, а завтра уже выйду в отделение? С кафедрой я договорилась.

— Исключено, — отрезал хирург.

Лицо Леры вытянулось. Всем было очевидно, что это отговорка, но ординатор явно не рассчитывала на то, что новому куратору будет до этого дело.

— Я не могу... я... — выдала Лера. — Одна кормлю дочь. Если меня уволят...

— Они знают, что ты учишься ординатуре на врача, и что ты одинокая мать, — навис над ней Виктор. — И пусть только попробуют что-нибудь сказать, я сам натравлю на них инспекцию.

Кажется, Лера проглотила свой следующий аргумент на этих словах.

— Сегодня ты идешь в операционную, — закрепил успех Виктор.

Лера покосилась на свою худую сумку. На ее лице не было ни малейших признаков энтузиазма, и Вера вспомнила, как сама пришла в больницу.

— Но я ведь даже не взяла форму, — судя по тону, ординатор пробовала последнее средство.

— Вера! — воскликнул хирург. — У тебя найдется что-нибудь для девочки?!

Хранительница приблизилась и взглядом оценила фигуру Леры. Полновата в бедрах и ниже ее ростом. Штаны сядут впрыток и будут слишком длинными, а вот блуза должна быть как раз.

— Конечно, — кивнула Вера.

Леру это известие не обрадовало.

— И если у тебя проблемы с деньгами, — тем временем обратился к дочери Виктор. — Говори мне, что-нибудь придумаем. У нас на кафедре принято поддерживать одиноких матерей. Ты даже можешь привести дочь сюда, если ее не с кем оставить. Я найду, кому с ней посидеть.

Лера вопросительно взглянула на Веру, в ее глазах ясно читалось: "Он нормальный?". После этого Виктор увлек дочь вглубь корпуса, что-то щебеча про особенности отделения.

Снова они встретились уже через час. Вера собиралась идти давать с анестезиологом наркоз на той самой операции, которую проводил Виктор. Обучение хранительницы в больнице протекало нетипично. В сущности, она, в отличие от других ординаторов, которые были жестко привязаны к ротации по отделениям, бывала везде, где требовалась счастливая рука хранителя, как и ее предшественница, только в роли врача-стажера.

Хирург с Верой столкнулись в дежурке, куда анестезиолог-реаниматолог принесла запасную форму для его дочери.

— Представляешь, она, как и я, тоже будет хирургом! — сообщил ей Виктор очевидную истину, захлопнув за собой дверь. — Я даже надеяться не мог на то, что мы будем вместе оперировать!

Вера пожала плечом. Ей-то было очевидно, что эта профессия на самом деле что-то вроде родового проклятия и чтобы сделать из нее благословение, придется постараться. Ее мысли подтвердила сама Лера, выйдя из дежурки с видом крайне замученного человека, которого принуждали делать то, что ему совсем не по нутру.

— Пошли? — взглянул на нее Виктор и Лера поплелась.

Вера какое-то время провожала взглядом их спины. У нее было ощущение, что Лера вскоре скажет свое веское слово. Ей достался характер матери. Виктору с ней придется нелегко.

Она набрала Иннокентию СМС:

"Будь начеку. Я отыскала дочку хирурга".

В ответ прилетел смайл. Вера долго смотрела на это сообщение. Ей не верилось в то, что психиатр, обитавший на земле в общей сумме сто тридцать четыре года, когда-нибудь снизойдет до современной культуры. Или ему просто понравилось то изображение, которое Вера оставила на подарочном пакете в его комнате? "Интересно, как он его

истолковал?" — думала хранительница, собираясь в операционную.

Поначалу все было хорошо. Дали наркоз, Вера интубировала и убедившись в том, что с пациентом все нормально, села у стены. Анестезиолог отошел поговорить по телефону. Юной хранительнице в больнице доверяли. Теперь был черед вступать хирургической бригаде.

А вот у них там дело шло ни шатко, ни валко. Молодые хирурги попали в неоднозначную ситуацию, еще пока намывались. Оперировать с любимым учителем Успенским на крыльях студенческого энтузиазма прилетел Борис. Этот ординатор специально просился остаться подольше в отделении с Виктором. Операционные сестры хорошо знали его и быстро одели в стерильное. Но тут завалилась Лера. И справедливейший хирург отделения, никогда и никого без заслуг не выделявший, прекрасный наставник и специалист, которому все ординаторы в рот смотрели, вдруг распорядился, что ассистировать будет эта чужачка. Борис не мог спустить такого, хирурги личности темпераментные, и тоже остался. Успенский не стал выгонять лучшего ординатора, пожалел.

Борис устроил Лере экзамен. Он закатывал глаза и цокал языком, когда выяснялось, что девушка чего-то не знала и не умела. А она в сравнении с этим отличником действительно была ни рыба, ни мясо. Успенский пытался охладить его пыл, спокойно объясняя обоим стажерам материал, но тщетно. Борис одержал победу. Лера не выдержала. Операция уже близилась к концу, оставалось только наложить кожные швы. Бросив прямо в рану зеркала, Лера сорвала окровавленной перчаткой маску с лица и скорым шагом вышла из операционной.

Успенский к удивлению Бориса, анестезиологов и сестер бросился следом. Еще никогда он не был так эмоционален в отношении кого-то из стажеров. Если и ругал, то за дело, не переходя на личности, хвалил — за серьезные успехи, не растрачивал силы на лентяев и неумех. И тут такое.

— Заканчивай, Борис! — крикнул Виктор ординатору, выходя.

— Черт-те что творится, — пробормотал молодой человек, посмотрев на Веру.

Та покачала головой и тоже вышла. Анестезиолог уже был на месте, она могла это сделать без риска для больного.

Виктор и Лера обнаружили в холле оперблока. Отец нагнал дочь и схватил за руку.

— Обрато, Лера! — приказал Виктор. — Ты еще не раз такое услышишь про себя. Хирургия не дает спуска малодушным! Он прав. Если хочешь быть врачом, стисни зубы, сядь за учебники. Борись! И это воздастся тебе сторицей. Когда-нибудь ты заткнешь всех их, ведь ты...

Лера залепила отцу пощечину, оставив на его щеке кровавый след, и в коридоре на миг стало неприятно тихо. Бесшумно из подсобки высунулись санитарки, разглядывая одну из множества трагедий, ежедневно разворачивавшихся в коридорах больницы.

— Отвяжись, извращенец! — крикнула Лера. — Под юбку хочешь залезть, да?!

Вера не видела лица Виктора, но по изменившемуся выражению его дочери поняла, что девушка осознала, что сморозила лишнего. Однако это не уменьшило ее пыл. Лера сорвала стерильный халат и бросила в сторону маску.

— К черту эту вашу долбанную медицину! — воскликнула она. — К черту хирургию! Не могу больше!

Лера развернулась и выбежала. Вера рванула за ней, потому что ошеломленный хирург, очевидно, не мог сейчас преследовать дочь.

За дверью оперблока оказался психиатр. Иннокентий пролистывал заграничный медицинский журнал, посвященный неврологии — он до сих пор предпочитал выписывать литературу в бумажном варианте, не смотря на сложности. И тут выбежала Лера. Журнал полетел на пол. Вера выдохнула, возблагодарив небеса за появление коллеги. Как же хорошо, что он пришел, в самом деле! Иннокентий, наверное, лучше их

всех понимал, чем закончится встреча.

Психиатр бросился девушке наперерез и встал перед ней, подняв в примирительном жесте руку.

— Вы же так поскользнетесь, — заговорил он, немного сдвигая очки.

Вере показалось, что она видела, как блеснули карие глаза, и тут же вновь ощутила какую-то странную тягу к настоящему цвету глаз психиатра. Лера неуклюже подвернула ногу и осела. Иннокентий подхватил ее, не позволив девушке рухнуть на пол.

Тут только за дверью показался хирург. След ладони все еще багровел у него на щеке и частично на медицинской маске. Психиатр сел и устроил бесчувственную Леру у себя на коленях.

— Что ты сделал?! — выдохнул Виктор.

— Внушил ей, что она поскользнулась.

— Не смей лезть в голову моей дочке! — воскликнул Виктор.

— Еще на полтона громче и услышит весь стационар, — вздохнул Иннокентий. — Лучше бери ее на руки, и пойдем отсюда. Я все по дороге объясню.

Хирург послушался, он подхватил на руки дочь, так и не сняв стерильного халата, в котором оперировал, и хранители отправились вниз по лестнице.

— Она вымотана, буквально на последнем издыхании. Сейчас лучше дай ей поспать дома, — говорил Иннокентий, пока компания спускалась в дежурку, в которой в это время обычно было пусто. — Теперь, когда она встретилась с тобой, все со временем переменится.

— Как с тобой? — без энтузиазма заговорил Виктор.

— Как со всеми нами, — кивнул психиатр. — Я внушил ей, что ты отпустил ее сегодня домой, и завтра у нее нет работы. Пускай, в самом деле, поспит и побудет с ребенком. Нужно заблокировать в телефоне номера коллег. И не лишним будет перечислить деньги на карту, чтобы она не рвалась и дальше загонять себя до смерти на работе. Вера знает номер. Полагаю, выпросила дело у привратника.

Вера не сумела пропустить того потрясенного взгляда, которым наградил ее хирург.

— Ну вот теперь я точно перед тобой в неоплатном долгу, — выдохнул он.

Вера пожала плечами.

— Деньги я объясню ей так, как ты сам захочешь, — продолжил Иннокентий. — Наследство, лотерея, благотворительный фонд, выбирай сам. Их должно быть достаточно, чтобы она без проблем осталась тут хотя бы на два года.

— За это не беспокойся.

Иннокентий кивнул. Когда дело было сделано, хранители посадили сонную Леру в такси.

— Ты меня извини, — сказал ей хирург на прощание и замолчал, не решаясь захлопнуть дверь машины.

Вера могла его понять. Что если дочь не вернется? Что если с ней что-нибудь случится по дороге? Очень страшно отпускать близких, едва их обретя.

Лера посмотрела на отца затуманенным взглядом.

— Можно я уже... Мне к дочери надо, — пробормотала она. — Меня дома не было двое суток, я с работы сразу сюда. Вчера только подремала днем в стационаре.

Наконец Виктор наклонился к ней:

— Я тебя напугал, может, своим отношением. Но вот что ты должна знать, — заговорил он. — У меня дочь была, как сестра на тебя похожая. Я ее потерял и до сих пор не могу себе этого простить. А тебя увидел и, как будто обрел надежду, что не все пропало.

Лера отвернулась, но потом все-таки кивнула.

— Вот что, возвращайся послезавтра. Я сделаю из тебя настоящего хирурга.

Лера захлопнула дверь, и такси покатило по улице. На Виктора смотреть было больно, когда он провожал взглядом машину.

— Ты только жди, — вдруг тихо сказал Иннокентий. — Я видел... в ее глазах. Она из-за тебя выбрала эту специальность. Знает, кем ты был. Для нее стать достойной отца дело чести. Сейчас ты за это ее зацепил и, насколько я только знаю людские души, гордость потащит ее обратно всем доказать, что она дочь того самого заведующего из Бурденко. Она придет, может, через неделю, может, через десять дней, когда увидит, что в мире ей ничего кроме этого не интересно. И тогда уже сможешь ей спокойно объяснить, как вести себя с заносчивыми коллегами.

Глава 10. Повседневная магия

Вера, Иннокентий и Виктор все вместе шли обратно. Хирург обогнал анестезиолога и психиатра.

Хранительница посмотрела ему в спину. У Виктора была сильная крепкая фигура, как-то уже по широким плечам чувствовалась его профессия. Ей было понятно, что дочь нанесла хирургу ошутимый удар, но даже сейчас он не сгорбился. Наверное, издержки рода деятельности. Вера, уже не первую ночь дававшая наркозы в составе дежурной бригады, наслушалась разговоров про коллегу. Точнее, обрывков чьих-то речей, долетавших до полусонного сознания, когда она посреди ночи на полчаса смыкала в дежурке глаза, насмотрелась неравнодушных взглядов, брошенных в ярком свете ламп экстренной операционной.

Сейчас Вера была уверена, что этот человек заслужил свой шанс и совершенно не жалела, что поручилась за него перед высшими силами. Правильно говорила ее предшественница — если люди не будут делать друг для друга чудеса, от представителей высшей справедливости, вроде Иваныча, их придется ждать неопределенно долго.

Улыбаясь, Вера вспоминала, что в темноте и тишине стационара рассказывали друг другу заскучавшие в ожидании утра дежуранты про Успенского, понимая, что в больнице все хранители проходят свой уникальный путь, который по-настоящему делает каждого из них достойным высокого звания человека и врача, как бы высокопарно это ни звучало...

Легенда о том, что Успенский однажды потерял жену и дочь в автокатастрофе, в которой уцелел сам, запил и ушел из своего стационара, где занимал видный пост потому, что руки у него тряслись от спиртного, передавалась из уст в уста. Каждый год, как поняла Вера, трагические события сдвигались во все более и более близкое ей время, ведь Успенскому все тридцать лет его службы неизменно оставалось тридцать пять. Так и машина жены, на которой он приезжал в стационар, была все более новой и новой модели. Многие ординаторы заметили привычку наставника выбрасывать ключи в урну, стоящую при входе в корпус. Все были уверены, что это ловкий фокус, призванный одурачить врачей-стажеров. Ведь молодые доктора не раз копались в мусоре и ничего похожего на ключи ни разу там не обнаружили.

Сама история работы Успенского в отделении неизменно дополнялась новыми деталями, но временные рамки в ней так же сужались от первоначальных лет, до нынешних месяцев, так, что неизменный возраст хранителя оставался правдоподобным. Реальные сроки Вера восстановила, поговорив с патологоанатомом во время совместного дежурства. Михаил Петрович историю коллеги, как ни странно, любил пересказывать не меньше других дежурантов.

Когда нынешний доцент, любимец молодежи, неизменно выходивший в ночь ответственным хирургом, только пришел, он, в самом деле, много пил вечерами и руки у него действительно тряслись. Успенский вообще производил впечатление человека, опустившегося почти до крайности. На больших операциях он не стоял, брал себе не более чем атеромы и панариции — то, где почти невозможно было навредить. Но и как таковая хирургия там почти не требовалась.

Все видели: хирург потерял дело своей жизни. Но каким бы ни был его прошлый стационар, дорога пьянице туда была закрыта из-за фатальной допущенной на операции ошибки. "Хорошо хоть не посадили", — перешептывались в коридорах: "Или плохо? Но он сам теперь себе цену знает". Поговаривали, Успенский после интернатуры по общей хирургии специализировался на головном мозге и на самом деле ушел из Бурденко.

В общем, до девяностых новый хранитель пил вечерами, но вел себя тихо и носа из малой операционной не казал. Иногда приходил наверх ассистировать, когда не могли обойтись без лишних рук, но не горели у него глаза и не любили Успенского врачи отделения. Как только не называли: лодырь, неумеха, синяк. В хирургии вообще не склонны к проявлению сочувствия.

И вот в девяностых, когда отечественная медицина переживала кадровую катастрофу, в стационаре не стало рабочих рук, потому что там не платили, приходилось звать даже

этого неудачника. И он оказался плох. Еще бы, нейрохирург напрочь забыл, как оперировать брюшную полость, и за семь лет бездействия порядком растерял навыки. Три года он простоял ассистентом и, стиснув зубы, молча слушал упреки коллег. Сидел с учебниками и иностранной литературой, бросил ночами пить, вместо этого зачастил в морг и до утра отрабатывал технику.

То, что он говорил дочери, были вовсе не красивые слова, а личный, давшийся потом и кровью опыт. Его не полюбили, но оценили тщательность и аккуратность, с которой Успенский выполнял свою работу, добросовестность, с которой он проверял диагноз, заботу о пациентах. Стали доверять. Вскоре он уже оперировал на дежурствах сам и будто ожил немного.

Переломный момент случился в двухтысячном году на одном из его дежурств. В реанимацию привезли кому. Попытка суицида, тридцать лет, мужчина. До приезда скорой жена в одиночку качала десять минут, приехавшая бригада большого завела, но минуте на двадцать пятой после того как встало его сердце. В общем, кору головного мозга он из-за длительной гипоксии потерял и теперь едва ли выйдет из комы в ясное сознание — все врачи это понимали. В интенсивной терапии дела у самоубийцы шли так себе. Он собирался на тот свет, но реаниматологи крутились около него как назойливые мухи и не позволяли уйти. Клятва российского врача не давала им махнуть на больного рукой, не смотря на неутешительный прогноз. Михалыч тогда только пришел на должность заведующего реанимацией. Он лично суетился около больного и первым обнаружил, что у него на десятые сутки нехорошо раздуло живот. На рентгенограмме подтвердилась перфорация. Дневные хирурги отмахнулись. Никто не хотел брать крайне тяжелого и бесперспективного больного на стол, чтобы он там еще и дуба дал.

Михалыч не сдался и стал названивать дежурной бригаде, когда больной к вечеру немного ухудшился. Спустился Успенский, молча посмотрел снимки, пощупал живот. Вдруг у больного из носа потекла густая желчь.

— Сестра, убирайте срочно! — рванулся Успенский.

— Аспирация. Этиология "хирург", — отметил этот неутешительный факт Михалыч, зорко следя за сестрой.

Кишечные массы грозили затечь в обход интубационной трубки в трахею, а оттуда — в легкие, устроив больному и врачам дополнительных проблем. Реаниматолог стоял у стены и не улыбался, но в глазах его плясали озорные искорки.

— Кишечник встал. Перитонит, — хирург не обратил внимания на мрачную шутку.

— Умирает же. Поднимать вам? — Михалыч заглянул коллеге в глаза. — А то хирурги утром не поверили мне, пожали плечами.

Успенский снял перчатки и, швырнув их в ведро, решительно заявил:

— Да.

— Всю ночь, поди, простоице у стола, — сказал реаниматолог коллеге в спину.

— Лучше оставить его тут? — обернулся хирург.

— Ждем от вас звонка, — кивнул Михалыч и принялся готовить все для оперативной переброски реанимационного больного в оперблок.

— Хороший доктор. Запомнила, у кого помощи просить, если что? — сказал он молоденькой сестре, щурясь словно сытой кот. — Он сейчас против трусости и лени коллег пошел ради человеческой жизни. Не дадут ему спуска наутро, а, может, больше вообще никогда.

В самом деле, в коридоре уже разгоралась эмоциональная сцена. Пока хирург писал свой осмотр, в отделение спустился анестезиолог и, посмотрев историю, вспыхнул.

— Раз боишься, вали на меня все, — долетели до реаниматолога и сестры слова хирурга.

Анестезиолог ответил злым взглядом, но все-таки развел руками, что означало, что он

согласен дать наркоз.

Следом хирург и его щуплый ординатор, спустившийся вместе с анестезиологом посмотреть "острый живот", умчались наверх готовиться к операции.

Тот случай действительно стал поворотным в карьере Успенского в больнице. Больной через сутки после операции умер — просто был слишком слаб. Ругали хирурга на чем свет стоит, хотя и знали, что он поступил правильно, ни одной ошибки не допустив ушил кишку, вывел илеостому, санировал брюшную полость, семь часов без передышки простояв в ночи у стола. Просто все в этот момент поняли, что Успенский был неправильный, неподходящий для отделения, в котором у докторов было принято отстраняться от страданий больных, просто делать свою работу, не задаваясь лишними вопросами. И тут им стало очевидно то, чего раньше никто не замечал: Успенский не просто сильно вырос как специалист, он перерос врачей отделения, но еще и стал какой-то настоящий, искренний.

И вот тут его возненавидели. Подставляли на дежурствах, распекали за малейшие промахи, унижали. Но от стола его так никто и не решился оттеснить. Из-за одного только Успенского отделение перестали называть могильником. А хирург тоже не сдавался. На пятиминутках спорил с заведующим, ругал нерадивых коллег, брал себе самые тяжелые случаи, лишние смены, боролся с несправедливостью как мог и умел. Учил ординаторов как будущую смену, в то время как многие врачи смотрели на юных докторов как на досадную помеху.

Иногда достаточно одного деятельного человека чтобы сдвинуть чаши весов. Постепенно Успенский совершил в отделении переворот. Враги сдулись, устав от его доброго гения и скрепя сердце разбрелись по другим стационарам. Успенский же принес в отделение научный подход. Теперь врачи делали доклады о редких случаях, внедряли новые методы лечения, писали статьи. У Успенского появился круг верных учеников, часть которых, окончив обучение, пришла в больницу работать на освободившиеся от старых хирургов ставки. Для студентов, ординаторов и даже коллег он сделался примером. История Успенского была рассказом о силе и стойкости, и она вдохновляла. Поэтому ее и передавали друг другу на дежурствах в ночной тиши, когда у докторов слипались глаза и ноги подкашивались от усталости. Она была о настоящем враче и помогала смотреть на то, как по циферблату скользят стрелки часов с радостным предвкушением рассвета.

Вера смотрела Виктору в спину, понимая, что так он снял свое проклятие. Это значило, что и она сама не безнадежна. А еще она поняла, что стала воспринимать хирурга как настоящего друга, поэтому она и решилась на то, что сделала. И если говорить о дружбе, сейчас ей надлежало пойти и подставить плечо. Виктор едва ли покажет, что ему требуется поддержка.

— Мы идем готовить к рождественскому балу большой зал, — заговорила Вера, нагнав хранителя. — Ты с нами.

Девушка поймала на себе короткий взгляд Иннокентия. Мгновение психиатр выглядел удивленным, а потом он, похоже, понял ее игру и мягко улыбнулся. Виктор отвлекся от своих мыслей.

— Нет, — отмахнулся он. — Отделение.

— Они справятся без тебя, — заговорил психиатр. — Твои ученики плохо о тебе не подумают. Тебе, правда, сейчас надо развеяться, а не объяснять, что это была за сцена в операционной.

Виктор тяжело вздохнул и перевел взгляд с Веры на Иннокентия.

— Со временем они поймут, что ты обрел в образе Леры потерянную дочь. Но к такому нужно готовить постепенно.

Хирург шумно вдохнул и растер ладонями лицо, и потом вопросительно посмотрел на коллег. Вера подхватила его локоть и потянула друга к главному корпусу.

— Идем! — позвала она.

Виктор игриво посмотрел на Веру.

— Вот только не говори мне, что он позвал тебя туда на свидание, — с этими словами хирург указал на главный корпус.

Вера не сумела сдержать смешка. Ей и самой не были ясны мотивы психиатра.

— Серьезно? — продолжил хирург, обернувшись к Иннокентию. — Она отказалась и правильно сделала!

Психиатр мгновение выглядел раздраженным и вроде что-то даже хотел ответить, но потом вдруг улыбнулся себе под нос и зашагал вперед.

— Я не так предсказуем, как ты думаешь, Абарян, — бросил он через плечо.

Хирург фыркнул и тоже пошел следом.

— Теперь никогда не забуду твою фамилию, — шутливым тоном продолжал психиатр. — Так забавно было наблюдать за твоей искренней уверенностью в том, что ты русский. Я сделал массу намеков на счет твоей внешности. Мне казалось, я просто блистал изобретательностью.

Психиатр развернулся и пошел спиной. Глаза его смеялись, и Вера вдруг поняла, отчего Иннокентий на самом деле веселится. Все эти годы он был психоаналитиком Виктора. Успехи хирурга были частично оплачены его трудами. Хранительница сейчас наблюдала врача, радующегося за выздоровевшего больного. И это его заявление о дружбе, Вера не до конца правильно его поняла. Профессионализм не позволял Иннокентию смешивать работу с личными делами,водя с дружбу клиентами, но вот теперь, когда хирургу больше не требовался психоанализ, его просьба была удовлетворена. Вера остановилась. Черт-те что! Она совершенно себе не представляла, что такое психиатр! Хранительница почувствовала себя школьницей, влюбившейся в друга старшей сестры, опытного и умного юношу. Но поворачивать было поздно.

— Как жаль, что я твоего настоящего имени не знаю, — ответил хирург.

Иннокентий снова повернулся к коллегам спиной и развел руками, так словно дирижировал оркестром.

— Когда-нибудь и оно перестанет быть тайной! — сказал он с таким выражением, словно уверовал в собственное исцеление после ста с лишним лет безмолвного отчаяния, в котором психиатр даже не смел себе признаться.

Вера вздрогнула. Она ведь знала, как его зовут. Григорием.

Небольшая компания вошла в старый пыльный зал, и Вера со вздохом огляделась по сторонам. У хранителей, оказывается, в углу уже было заготовлено все необходимое для уборки — две швабры, веники, три ведра и пакеты, должно быть, с моющими средствами. Вера вздохнула. Такой как Иннокентий все-таки не мог оказаться настолько плохим в любовных делах, чтобы пригласить ее сюда на свидание. Должно быть, это была какая-то разновидность дружеского жеста.

Однако Вера все-таки огляделась с надеждой — ничего намекавшего на романтический вечер тут и в помине не было. Хранительница почувствовала разочарование. Однако... Да что это она преследует психиатра! Они оба мертвые хранители больницы. Вот уж кому точно не следовало думать о романе. Быть может, Иннокентий это куда лучше нее самой понимал.

Психиатр с Виктором сейчас разбирали пакеты. В одном была рабочая одежда — вскоре поняла Вера. Ну да, занимаясь уборкой, было логично поменять на что-нибудь свою медицинскую форму.

— Я захватил кое-что и для тебя, — сказал психиатр, протягивая Вере длинный серый фартук. — По правде, он Надин. Но я спросил, она будет не против, если ты возьмешь.

Хранительница выдохнула, принимая предложенную деталь одежды. И почему у нее было неприятное чувство, словно ее обманули? Коллеги отправились переодеваться.

Вера повязала фартук и отправилась обходить зал. Здесь было просторно, пыльно и пусто. Вся небогатая мебель стояла в дальнем конце у большого окна. Вера приблизилась. Ее привлекла большая грудка, накрытая чехлом. Кажется, в прошлый раз она этого тут не заметила. Что там? Вера сдвинула ткань и с удивлением увидела черную крышку рояля. Тут кто-то играл музыку? Вера аккуратно подняла ее. Мгновение она стояла словно загнипнотизированная. Перед внутренним взором не связанные больше лувшкой амнезии скользили воспоминания.

Сцена и люди. Звук аплодисментов. Вера сейчас помнила, что была ребенком обреченным ставить рекорды. Мать водила ее разом в музыкалку и спортивную студию. Время Веры было расписано по часам, ни минуты отдыха. Только тяжкий, честный, непрерывный труд. Вера все свое детство делала то, что от нее требовалось, желая соответствовать завышенным ожиданиям матери — брала медали на соревнованиях, занимала на музыкальных конкурсах призовые места. Она должна была оправдывать ее одиночество. Отец погиб на службе, когда Вере было семь, и тогда родительница посвятила всю себя ребенку, видимо, заглаживая боль от потери и игнорируя свое очевидное неумение строить отношения с людьми.

Вера истратила всю себя, еще толком не начав жить. В шестнадцать она была близка к срыву и вот тогда она даже не умом, а чувствами поняла, что обречена попасть в дурку, если не освободится от всевидящего ока матери. И Вера начала действовать, сначала робко, а потом все больше и больше входя в раж, по мере того как чувствовала, что возвращает себе право жить собственной жизнью. Она была в отца, такая же смелая.

С наслаждением курила за гаражами по дороге с секции, потеряла девственность с тренером, после того как они на двоих распили бутылку водки на его кухне. Вера не чувствовала себя тогда заложницей ситуации, напротив, она поняла, что в ней проснулась женщина, но связанная волей матери, была обречена погибнуть непонятой и нелюбимой. Поэтому все вышло с флером трагичности. Вера соблазнила учителя потому, что давно заметила равнодушные взгляды, и ей было интересно, как далеко они оба могут зайти. К тому же все девчонки в секции были без ума от молодого, подтянутого и веселого Валентина Михайловича.

Вера сидела тогда на кухне тренера. Рассветное солнце золотило ее светлую кожу, блестели густые локоны, рассыпавшиеся по плечам, и Вера собой любовалась, своим сильным и красивым телом, понимая, что свободна. "К черту все! К черту совершенно одинокую и свихнувшуюся от этого мать!" — решила тогда Вера. Она не готова была жертвовать собой ради родительских амбиций, быть адресированной призовой собачкой, которую мать показывала приятелям и соседям. Родительница, в самом деле, завела питомник, когда Вера сбежала!

Мать обладала не менее бойцовским характером, чем сама Вера. Так что пришлось тщательно готовить побег. Вера была отличницей и собиралась в столичный ВУЗ. Подтянув биологию и химию до необходимого уровня, она сдала экзамены в медицинский, пока была на сборах в Москве. Мать она убеждала в том, что начинает спортивную карьеру, и с двойным рвением делала все для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений. Когда в августе пришел ответ, что Вера зачислена на первый курс, в обстановке полной секретности она собрала вещи, разорвала связи с друзьями, спортом и музыкой, и села на поезд до столицы. Она не собиралась двигаться ни в одном из направлений, что приписала ей родительница.

Медицина... Было в этом что-то, что казалось Вере спасительным. Еще никто в ее семье не стал врачом, да и, признаться, не получил толкового высшего образования. Она будет первая и настоящая. Только все испортилось потом, на третьем курсе.

Вера тронула клавишу указательным пальцем. Как давно она не касалась фортепьяно и как же она его ненавидела! Раздался противный фальшивый звук.

— Надо настроить, — это был Иннокентий.

Вера вздрогнула. Психиатр стоял в нескольких шагах. Он подкрался, пока хранительница витала в своих мыслях, и все это время молча смотрел на нее. Вера

посмотрела ему в глаза и с удивлением увидела нечто вроде... вдохновения? Иннокентий повернулся спиной, чтобы не смущать ее больше.

Вера еще какое-то время постояла, неспособная стряхнуть оцепенение. Сегодня ей стало ясно, что в ее истории были и светлые моменты. Например, медицина. Видимо, поэтому после смерти она и должна была стать Вериним спасением. А Иннокентий, он что, видел? И тут хранительница сообразила: очки! Они же показывают истину. Вот черт! Выходило, психиатр просто читал по ее лицу, потому что по-другому вообще не умел смотреть на мир. Поэтому он иногда отводил взгляд во время разговора. Не желал вот так вот, без приглашения совать нос в чужую душу! Вера вновь почувствовала себя перед ним странно обнаженной и запахнулась.

— Ну хватит там стоять! — позвал Виктор.

Вера приблизилась и схватила холодными руками швабру. Следом она посмотрела на коллег. Оба в джинсах. Психиатр уже отправился намывать окно с таким видом, будто все шло своим чередом. Вера пристальней рассмотрела его. Джинсы? Черная водолазка с постером одной из русских рок-групп? Это было так не в его стиле, но почему-то сделало Иннокентия внешне обычным человеком. Вещи были ему великоваты, и Вера тут же поняла, что они с плеча Виктора.

— Мои обноски, — удовлетворенно произнес хирург, не пожелав проигнорировать удивление хранительницы. — Я тоже думаю, что ему стоит поменять стиль. Мы ведь уже давно пережили начало двадцатого века.

Психиатр фыркнул.

— В этом я похож на рокера. Меня неправильно поймут, я не хочу иметь с этой музыкой ничего общего. Кроме ну... возможности в таком виде убираться. У меня только рубашки и костюмы. В них руки трудно поднимать.

— И нравится тебе ходить в этих бабочках и галстуках, носить подтяжки? Это же неудобно!

Психиатр кивнул.

— Не меньше, чем тебе русский рок.

— Так ты выглядишь как какой-то... дирижер, сбежавший из оркестровой ямы, или мужик, перепутавший время и место светского раута.

— Я ценю твою заботу. Вера... — сказал психиатр, отрываясь от своего дела.

— Тебе нужно осовремениться, чтобы тебя не считали странным! — бросил последний аргумент хирург.

Иннокентий зажмурил глаза. Вера уже поняла, что так он делал, когда не хотел прямо сейчас расхохотаться, и ей стало немного грустно. Смеялся психиатр очень заразительно и легко. Она бы с радостью сейчас послушала его смех.

— Абарян, я действительно очень странный, тут ты не ошибаешься, — произнес Иннокентий, сложив руки на груди. — Но вам обоим ведь это и кажется таким притягательным, иначе вы не добивались бы моего внимания с такой настойчивостью, не смотря на очевидные знаки... — он вздохнул. — Я понял, о чем ты и подумаю. А теперь я обещал объяснить Вере про рождественский бал.

Хирург прищурился и взглянул на хранительницу.

— Рождественский бал это время чудес, — такая характеристика праздника от Виктора Веру почему-то не удивила.

"Время чудес" — было слишком затасканной фразой, чтобы представить себе за этим что-то конкретное.

— В двенадцать время для нас обращается вспять, и мы теряем прожитый год из календарного возраста, — продолжил за коллегу психиатр. — Так обновляется наша

необычная природа и, по сути, бессмертные празднуют начало нового цикла. Это очень древний ритуал и нам важно быть вместе в эту особенную ночь. Первые бессмертные... — Иннокентий прищурился. — Появились задолго до городов и больниц. Это были горные ведьмы и лесные колдуны. Меняется время, меняется форма, но остается неизменной суть. Мы делаем добро для обычных людей, чтобы заработать собственное чудо. Рождественский бал — время, когда хранители делятся своими делами и радуются вместе, чтобы разойтись на год с двенадцатым ударом часов.

— Почему с двенадцатым? — одними губами произнесла Вера, слушавшая психиатра, словно завороченная сказкой девочка.

— Потому, что, по сути, мы нежить, — усмехнулся Виктор. — То самое, что по православной легенде Спаситель прогоняет с земли в ночь с шестого на седьмое января.

— Но ты теперь знаешь, что все не так однозначно, верно? — перебил его, улыбаясь, Иннокентий. — Мы не плохие. Просто иные и подчиняемся своеобразным, неписанным законам, придуманным силами, стремящимися поддерживать справедливость и порядок на земле.

— Вот! — психиатр протянул швабру Вере. — Подготовка к рождественскому балу едва ли не самое ожидаемое в больнице время года.

Хранительница без энтузиазма огляделась. Странное это дело радоваться уборке.

— Потому, что это чистая магия! — объявил психиатр, глаза его светились каким-то незнакомым Вере огнем, так он, и впрямь, напоминал волшебника.

— Современные хранители обычно имеют какой-то один, совершенно конкретный дар, — продолжил Иннокентий. — Но тут пробуждается наша древняя сущность, затерянная в глубине веков. Ты просто обязана попробовать!

Психиатр осторожно взялся за ручку швабры, так, словно боялся этим Вере повредить и помог ей провести влажной тряпкой по полу. Там остались вовсе не грязные разводы, вода растекалась по полу яркими красками: розовым, фиолетовым, голубым. Вера задохнулась от восторга, и тут же ей стало ясно, что делала в зале Надя, когда юная хранительница видела ее танцующей в зале со шваброй — она рисовала! Теперь Вера разглядела запыленные огромные снежные узоры, выведенные на полу.

Следом она взглянула на Иннокентия. Вот же черт, это должно было быть свидание, пока она не позвала с ними Виктора! Психиатр отвел взгляд. "Так лучше", — на миг прочитала Вера в его глазах.

— Каждый год подготовка к балу была неизменной частью нашей с Надей терапии, ведь это так здорово, делать своими руками чудеса, — произнес Иннокентий, все еще глядя в сторону. — Но я счел, что у нее уже достаточный прогресс и время сделать небольшой перерыв.

"Чтобы побыть со мной", — поняла Вера. Вот же она дура!

— Каждый год мы делаем что-нибудь новенькое для гостей! — произнес хирург. — Что ты думаешь на счет огромных елочных шаров под потолком?

Вера подняла взгляд вверх и подумала, что будет выглядеть не очень.

— А вы не приглашаете декоратора? — спросила она.

Психиатр прищурился, и Вера поняла, что он снова беззвучно смеется.

— Мы конечно вольны устроить тут все что угодно, но на самом деле начальство ежегодно снабжает нас планом, — он указал на папку, лежавшую на одном из подоконников. — Ведь большинство из нас не художники, а простые врачи. В этот раз все будет в стиле зимней сказки. Надя уже начала рисовать узоры на полу. Наше дело продолжить за ней. Посмотри план и решай, с чего тебе интереснее будет начать. Я объясню техническую сторону.

С тех пор Вера, Иннокентий и Виктор почти ежедневно вместе навещали главный зал,

когда у них получалось подогнать друг под друга рабочий график, и вот, ближе к концу декабря все было закончено. Оставалось навести лоск в холле и остальных помещениях, которые будут не заперты для гостей. За это время хранители так сдружились, что Вера начало казаться, словно она всю жизнь знала этих двух замечательных докторов. В жизни она лгала себе, думая, что не получит ничего особенного от других людей, что дружба просто название взаимовыгодного сотрудничества. Нет. Вера ошибалась. Дружба сейчас давала ей так многое, о чем она могла бы никогда и не узнать, если не пришла в больницу.

Вера всегда думала, что она достаточно сильная, что бы ни в чем не нуждаться и свернуть горы в одиночку. Этот ее настрой казался ей когда-то показателем того, что она не пропадет ни при каких обстоятельствах. Может, это и было так. Вера, как и все живые люди, всегда нуждалась в искреннем интересе к ее делам, доброте, заботе, разговорах по душам. И это было вовсе не признаком слабости, напротив, свидетельством того, что она нормальный человек.

Друзья собирались по вечерам и в середине дня. Иннокентий оказался довольно болтливым на поверку. Психиатр был просто неистощимым источником историй о больнице и людях вообще, а, главное, хорошим рассказчиком. Так они, бывает, и засиживались в зале, бросив работу и слушая его.

Вере было так хорошо жить в этой неожиданно установившейся гармонии. В первую очередь оттого, что Иннокентий был теперь постоянно рядом, стоило только протянуть руку, соскучившись. Психиатр правильно понял еще в самом начале, было в нем что-то такое, что Веру очаровало. Она очень боялась неосторожным действием или словом расшатать установившийся баланс, нарушить образовавшееся доверие. У Веры было очень тонкое чувство, что они двое прямо-таки грелись сейчас друг от друга, словно два выпавших из гнезда птенца. Еще немного и они смогут дать друг другу силы для полета.

Им становилось все лучше, поэтому Виктор постепенно стал выпадать из компании. Настроение хирурга ухудшалось по мере того как от Леры все так же не было вестей. Он уже не отвлекался на шутки друзей, становившиеся все более беспечными по мере того как Вера и Иннокентий сближались, нервно выхватывал телефон и с раздражением смотрел на него, когда на экране определялся очередной знакомый номер. По утрам Виктор наматывал круги перед корпусом. Но дочери все не было. Не случилось ли чего с ней? Вера вновь попросила дело у Иваныча и убедилась в том, что Лера жива, получила деньги и впервые за два года взяла отпуск на работе длиною в месяц. Ее жизнь немного наладилась, но Лера просто не спешила обратно к отцу, в хирургию. Что ж, быть может, психиатр ошибался, хотя Вера слышала от других хранителей, что в течение прошлых тридцати лет он ни разу не ошибся в прогнозах до того как в сентябре сказал, что новая хранительница выродок. Должен же он был когда-нибудь начать?

Это очень аккуратно Вера доложила Виктору и вот тогда-то он сник. Хирург весь месяц славно держался, но тщательно скрываемое напряжение его постепенно подтачивало. Тем вечером Виктор сидел у Веры на диване и сосредоточенно смотрел на свои руки. Хранительнице вдруг стало ясно, что хирург снова теряет смысл жизни. Зачем ему эти умелые руки, если он не сможет ими исполнить своего главного желания — научить дочь стоять за себя в жизни, передать ей в наследство то, что он большего всего ценил сам, свою профессию, увериться в том, что с ней все дальше будет хорошо?

В конце хирург поднялся и вышел. Вера думала броситься следом, но услышала, как он в коридоре встретился с психиатром.

— Теперь моя очередь, — сказал ему Иннокентий.

— Для чего? — удивился хирург.

— Пойдем! Вера, ты тоже идешь! — раздалось из коридора.

Хранительница поднялась, набросила на плечи поверх теплого вязаного свитера пальто и вышла. На улице валил снег, оседал мягкими шапками на плафоны фонарей. Зимняя сказка... Тихо, морозно, уютно. Надев шапку и закутавшись в шарф, она поспешила за друзьями, плотнее запахнув мужское пальто. Иннокентий настоял еще недавно, когда ударило минус десять, чтобы Вера ходила на работу в его одежде. Хранительнице пальто было великовато в плечах, а еще оно приятно пахло психиатром.

Иннокентий шагнул первым по заметенной дорожке к главному корпусу. Времени было уже десять вечера, разметать ее будут, наверное, уже утром.

Наконец все оказались в главном зале. Вера еще раз с удовольствием обвела взглядом результат работы, стряхивая с плеч снежные охапки: полы начищены до блеска, расставлена салонная мебель, всюду переливаются украшения в свете сотен свечей, все замерло в ожидании торжественного момента, даже огромная ель с заиндевевшими ветками — оставалось только повесить на нее елочные игрушки. Иннокентий прошагал к тому углу, где было сделано место для оркестра. Теперь в общей группе инструментов ярко выделялся черный красавец-рояль.

К удивлению Веры? психиатр направился прямо к нему и сел, откинув крышку. Следом он поставил на подставку ноты. В папке были ноты...

Вера удивленно приблизилась.

— Я просто обязан был сделать это, — произнес психиатр, нажимая на соль первой октавы. — После стольких вечеров с твоей электрогитарой.

После этого он хитро взглянул на хирурга, которого это зрелище, похоже, поразило еще больше, чем Веру. Психиатр снова неуверенно взглянул на ноты, так, словно чего-то стеснялся или даже боялся. Чувствовалось, что ему непросто начинать.

— Ты что, умеешь играть?

Иннокентий снова уставился в листок, и его пальцы сделали плавное не до конца осознанное движение, так, словно он брал аккорд, а потом еще один. Умеет — поняла Вера.

— В отличие от тебя я знаю нотную грамоту с детства, — сказал Иннокентий, снова не решившись начать. — В детстве я пел в консерватории.

— Хор мальчиков-зайчиков? — хмыкнул хирург, облокотившись на рояль.

— Голос у меня посредственный, и я не сумел бы прославиться с ним. Поэтому я сделался врачом, помогать людям мне всегда нравилось. Но влечение к прекрасному осталось со мной навсегда. Ну а ты мог бы хотя бы поинтересоваться, из чего на самом деле состоит музыка, прежде чем насиловать наш слух простыми трезвучиями, — ответил коллега. — Хотя, по правде, я сам по-настоящему увлекся этим только тогда, когда впервые увидел Лилю на сцене.

Психиатр глубоко вдохнул и снова примерился, но так и не тронул рояль.

— Я выучился играть ради нее. В двадцать первом веке это называется "красиво подкатить", — и ударил по клавишам.

Играл он, и правда, хорошо. Но в движениях Иннокентия чувствовалась некоторая неловкость. Вера поняла — сто лет он не садился за рояль, с тех пор как, видимо, в последний раз играл для нее. И тогда ей стало ясно, отчего она неизменно заставляла психиатра уже на месте, когда они все собирались в зале для уборки. Он тренировался играть, вспоминал, каково это, переносить ноты с листа в аудиторию. Если б Вера никогда не увидела его играющим, то, наверное, не призналась бы, что это бывает хорошо. Сама она живую музыку не любила... до этого мига. Она словно сейчас глядела глазами человека, которого полюбила и видела как это хорошо. Как завораживает мелодия, как она говорит со слушателем через музыканта.

Проникся даже, кажется, Виктор. Отрешенно хирург смотрел в потолок, витая в своих мыслях.

Переставив последний лист, психиатр взял заключительный аккорд и положил на колени руки. Пальцы слегка подрагивали и выглядел он очень напряженным. Было видно, выступление непросто Иннокентию далось. Это была разом и встреча с прошлым, и новая страница — проверка на прочность, словом. "Получилось", — встретившись с коллегой взглядом, поняла Вера.

— Вот то, что мне нравится, — объяснил Иннокентий, обернувшись к хирургу. — И я

никогда не люблю русский рок.

— Так бы сразу и сказал, — усмехнулся Виктор.

Казалось то, что друг наконец-то продемонстрировал ему свою уязвимость, крайне порадовало хирурга. Теперь и он мог над психиатром подтрунивать. Следом Виктор схватил папку и пролистал ноты.

— Вот тут слова, — сказал он, ставя бумагу обратно на подставку.

— Это романс, — объявил психиатр с таким видом, будто подобные вещи должны были быть ясны и младенцу.

— Не терпится послушать, — произнес хирург, приваливаясь к роялю. — Ты же поешь.

— Я — нет, — фыркнул психиатр и с надежной посмотрел на Веру. — Только если ты.

Хранительница вздохнула. Это было странно, почти на грани разумного. Вера отлично понимала, кто последним пел эти слова под его аккомпанемент. Лиля. Зачем это ему нужно? Чтобы прогнать ее призрак или наоборот, хотя бы на миг ощутить присутствие безумно любимой жены? Ни в одном страшном сне Вера представить себе не могла, что станет соперничать с Лилей. И все-таки, если она хотела занять ее место, нужно было сейчас попробовать... Это даст ответ на вопрос, что все это значит для них обоих.

Вера шагнула к роялю и, взглядевшись в ноты, напела мелодию. Голос у нее тоже был не особенно хороший, но зато абсолютный музыкальный слух. С такими данными девочка не стала бы солировать в хоре. Понимая, что в пении чадо не достигнет достаточно внушительных успехов, мать сразу же усадила дочь за пыльное вечно расстраивавшееся фортепиано, купленное за бесценок у соседки-старушки, и не выпускала по несколько часов. Как же Вера его ненавидела! Но муштра не успела отравить ее занятия хором. На успехах в пении никто не настаивал и порою Вера там просто отдыхала. Сейчас она воскресила в голове ту расслабленную атмосферу хоровой студии и, совершенно не стесняясь больше, запела, вступив на нужный аккорд.

Это было странно. Вера отдалась делу полностью, вспоминая что-то свое, о чем твердил ей романс. Об обманутой любви... Странно, неужели такое в ее жизни было? И очень удивилась, когда Виктор захлопал в ладоши.

— У вас здорово получается! — совершенно искренне похвалил хирург. — Вы что, оба занимались музыкой?

Вера кивнула.

— Это же отлично! Может, выступите на балу?

Иннокентий и Вера переглянулись. Обоим было ясно, что это плохая идея. В этот миг у хирурга завибрировал мобильник.

— А! — сказал он, посмотрев на экран. — Шеф.

Виктор отошел в сторону, разговаривая с Михаилом Петровичем, а психиатр и Вера застыли, опасаясь двинуться. Волшебство таяло, оседая на пол сияющими пылинками. Они только что совершенно искренне говорили, даже не по душам, это было еще тоньше. Они говорили на языке музыки. Это было то самое прекрасное, о котором упоминал Иннокентий, очаровавшее его с детства.

Вера поймала его взгляд. Так вот для чего все это было — психиатру было любопытно, сумеет ли хранительница поймать его настрой. Да он просто проверял ее! Ему было важно, чтобы его девушка имела касательство к миру искусства! Поэтому его увлекали всякие балерины и певицы. Вера разозлилась. Разве любовь это не чувство, которое просто сносит голову, как было у нее? Разве для того, чтобы влюбиться в кого-то, надо сначала его выбрать? Вера не считала нужным скрывать раздраженного взгляда.

И тут вспомнила, что после всего, что случилось с ним, Иннокентий имел право осторожничать. Его решение открыться было смелым. Но разве вот это сейчас не называлось иначе — разборчивостью?

— Ты права, — произнес психиатр, сняв с подставки ноты, он захлопнул крышку рояля и вроде бы собирался уйти.

— Ты правда читаешь мысли? — озвучила Вера давно не дававший ей покоя вопрос.

Иннокентий остался на месте.

— Не мысли. Эмоции, — ответил он, глядя Вере в глаза. — Но за сотню лет я научился их правильно трактовать. Так что... получается очень похоже на то, что ты назвала.

— Да, с психиатром и Верой, — говорил вдалеке Виктор. — Хорошо, скоро буду у вас.

— Я тоже боюсь потерять это, — вдруг признался Иннокентий, аккуратно коснувшись Вериной руки. — То, что происходит между нами.

— Ребят! Я скоро! — предупредил, выходя из зала хирург. — Не уходите! Принесу вам от Михаила Петровича гостинцы! Он забрал что-то из Управления для тебя, Вер!

Психиатр отпрянул. Пару мгновений хранители еще провели в молчании. И тут Вера решилась:

— Расскажи про Лию.

— Что именно ты хочешь знать? — Иннокентий положил ноты на крышку рояля и выпрямился на стуле.

— Как вы познакомились. Я просто пытаюсь себе объяснить это. Ты не похож на простака. И как ты позволил ей... себя уничтожить?

Психиатр, по крайней мере, никак не выдал того, что ему было больно. Он просто опустил голову, и Вера подумала, что это победа. В прошлый раз Иннокентий валялся в отключке после того, как она напомнила ему об этой женщине. Наконец психиатр, видимо, пришел к определенному выводу. Он расправил плечи, выпрямился и откинул со лба черную прядь.

— Я был романтиком, — объяснил он. — Это было в какой-то мере модно тогда. Я же, видимо, таким родился. Вейния времени лишь лучше раскрыли во мне природные стремления. У меня... случались приключения любовного толка и до нее. Но это было по молодости и скорее из обоюдного интереса.

Иннокентий вздохнул.

— Была даже до смерти влюбленная в меня гимназистка, с которой нам нравилось вместе гулять вечерами и болтать обо всякой чепухе. Я окончил институт, пошел в клинику к одному профессору и быстро начал набирать клиентов. Вскоре я мог позволить себе семью, и в мои годы уже надо было жениться. Но мне хотелось чувства, которому я мог бы посвятить свои лучшие порывы, которое бы меня увлекло не на год, а навсегда. Я встретил то, что искал в театре, куда мы пришли с Любой одним вечером. Мою гимназистку звали Любой, — психиатр усмехнулся. — Быть может, из-за этого Вера подумала... Такое совпадение было бы слишком грубым, не находишь?

Глаза психиатра странно блеснули.

— Я увидел мою прекрасную даму. Лиля тогда была восходящей звездой, ей было семнадцать, мне двадцать один, и она блистала, купаясь в обожании очарованных ею мужчин. Я понял: это она, но не посмел тогда приблизиться. Я был всего лишь обыкновенный небогатый врач. Три года не покладая рук я трудился, думая о ней, я сделал себе имя в Москве и тогда уже имел хороший доход. Меня называли баловнем судьбы, завидовали. Они просто не знали, что меня вела путеводная звезда в виде будущей жены. В свободное время я мучил рояль. Ходили слухи о прекрасном голосе Лили, и я мечтал аккомпанировать ей.

Иннокентий посмотрел в сторону.

— Мы встретились в гостях у одного уважаемого покровителя театра, я наблюдал его жену и помог ей успешно родоразрешиться, и упомянул вскользь о том, как сильно мне

нравится одна актриса. Счастливый отец тогда был готов для акушера на все. И мы подготовились. Там были наши общие с Лилей друзья, я уже тогда завел хорошие связи. Они наговорили ей про меня только лучшего. Лиля смотрела все теплей и теплей, я блистал остроумием и вот, наконец, после того как я обмолвился о том, что играю на рояле, она попросила меня аккомпанировать. Все ее романы были недолговечными. Ветреная красotka — так о ней говорили. Я же радовался тому, что никому еще не удалось занять ее сердце. Я был уверен, что мы созданы друг для друга. С Лилей что-то было не так. Она отталкивала мужчин, ей увлекавшихся. Тогда я об этом не задумался.

Психиатр тяжело вздохнул.

— Но мне она дала то, о чем я мечтал. Я был изобретателен и настойчив. Стыдно признаваться, но до сих пор мое лучшее воспоминание о том вечере, когда я впервые ей аккомпанировал в гостях. Мужчины смотрели на меня с тихой завистью, а женщины — на нее. Мы были красивой парой. В двадцать пять лет я повел ее к алтарю и думал, что жизнь теперь до самого конца будет счастливой. Я разбил сердце хорошему, никогда не делавшему мне зла человеку, Любе. Может, эхо ее судьбы отразилось на мне? Она согласилась на брак по расчету сразу же, как поняла, что потеряла меня. И ее муж оказался дурным... Я пару раз вынужден был приходить на помощь — Иннокентий прервался. — Но это другая история. Первое время мне казалось, что мы с Лилей жили как в раю. Она была моим ангелом. Но потом, года через два, меня стали смущать странные несовпадения. Она мне изменяла, но оставаясь прекрасной актрисой даже дома, умудрялась каждый раз выходить сухой из воды. Испытывая смутную тревогу, я стал опасаться, что Лиля на самом деле несчастлива со мной несмотря на то, что она сама говорила. Дело...

Иннокентий побледнел и взглянул на Веру.

— Дело, как ни странно, было в постели. Долгое время я думал, что у нас с этим все замечательно. У Лили были странные вкусы, которые она от меня скрывала. Это я понял уже, когда обколотый морфием застал их с любовником. Я знаю, почему она не озвучила свои желания мне — даже в самом страшном бреде я не смог бы причинить боль любимому существу. Лиле требовалась жестокость, чтобы чувствовать наслаждение. Ради этих ощущений она решила на свою интригу и влипла. Выпутываясь, она предпочла увлечь на дно меня, лишь бы только самой остаться на поверхности. Она была психопаткой, не умеющей сопереживать. Со мной ей было удобно, я давал ей уют, деньги, хорошую репутацию. И она бы до смерти держала мою руку, если бы не неудачное стечение обстоятельств.

Иннокентий поднялся рывком, глаза его сверкнули. Вера поразились тому, что психиатр, оказывается, знал правду и без чужих советов и интерпретаций.

— Но даже люди, которые причиняют нам самую сильную боль, учат нас чему-то, если, конечно, мы оказываемся достаточно крепкими, чтобы выдержать испытание. Лиля объяснила мне, что нужно уметь видеть истинные чувства собеседника, не увлекаясь при этом собственными иллюзиями, — с этими словами Иннокентий заглянул Вере в глаза и та похолодела. — Ты не похожа на нее. Я бы никогда...

В этот момент в зал ворвался Виктор. Вера обернулась.

— После всего, что произошло... — долетело до нее, и тут заговорил хирург:

— Верунь, у тебя первая увольнительная!

"Чертов Виктор", — разозлилась Вера: "Он словно чувствовал! Ворваться в такое время!". Хранительница обернулась к психиатру, но тот уже спокойно собирал ноты в папку, так, словно ничего не произошло.

— Что такое увольнительная? — произнесла растерянная Вера.

— Ты можешь пойти прогуляться в город! — объяснил хирург, размахивая в воздухе красным листком. — Нам дают по одному, когда мы выполним норму добрых дел перед обычными посетителями больницы. Я считаю, это нужно отпраздновать!

Вера взяла двумя пальцами бумагу.

— Если тебя на улице встретят стражи, — пояснил подошедший со спины Иннокентий. — А это очень вероятно, просто покажешь это им. Работает как пропуск.

Вера развернулась к психиатру.

— Я могу гулять с ним по всей Москве?

— И окрестностям, — сказал Иннокентий.

— А... — Вера посмотрела на листок. — Что вы обычно делаете с увольнительными?

— Мне они ни к чему, — пожал плечом психиатр, выйдя вперед. — Я складываю их в коробку из-под печенья. Меня и так постоянно гоняют на консультации. За два месяца я успеваю объехать почти весь город.

Вера посмотрела на хирурга.

— Ну... — заговорил тот. — Многие посещают дорогие им места. Некоторые даже навещают родственников. Родные не могут нас узнать, но понимать, что с ними все в порядке очень важно.

Вера вздохнула. У нее не было дорогих мест в Москве, по крайней мере, ничего особенного. Хранительница не могла вспомнить, а единственный родной человек, мама, проживала в Тобольске.

— Может, мне тогда сходить и навестить твою дочь? — предложила хирургу Вера.

— У меня есть идея лучше, — заговорил Иннокентий. — Я перепишу на Виктора одну из своих увольнительных, и мы все вместе отправимся гулять по Москве. Скоро ведь Новый Год?

Вера кивнула. Было двадцать восьмое декабря.

— Хранители его обычно не справляют, но не обычные люди. Ты сможешь купить подарков семье, — с этими словами психиатр посмотрел на Виктора. — А ты, Вер, наконец, сменишь одежду. Если ты явишься к Лере в моем пальто, она примет тебя за чудачку.

Хирург улыбнулся.

— Тогда решено. Завтра!

— У него про запас лежит увольнительная, чтобы сходить домой к дочери, — негромко сказал Вере психиатр, когда Виктор отвернулся. — Не торопи события.

Хранительница обернулась к нему и сказала:

— Я больше никогда не буду петь тебе Лилины романсы.

Иннокентий пожал плечами, а затем достал из нотной папки несколько листов, скомкал их и бросил на пол.

— Хорошо.

Глава 11. Плата за чудеса

Двадцать девятого друзья встретились в коридоре рано утром. Вера предвкушала праздник. Сейчас новогодняя атмосфера чувствовалась везде — отделения худо-бедно украсили силами сотрудников, везде по больнице стояли пластмассовые, кое-как украшенные елки, разговаривали в основном о длинных выходных, где и как их провести. И вот Вере наконец-то было позволено поучаствовать в общем веселье. Она была благодарна друзьям, что те решили составить ей компанию. Без Иннокентия и Виктора зимняя прогулка была бы совсем не такой веселой.

Михаил Петрович нахмурился, когда услышал об идее психиатра, но все-таки отпустил всех троих. Хранителям предписывалось обычно уходить только по одному. Мало ли что произойдет по больнице. Но начальство у них было доброе, а время предновогоднее.

— Но только недалеко тут, — распорядился профессор. — Чтобы если понадобится в течение тридцати минут обратно пришли.

Так что сутра все трое отправились в соседний торговый центр. Падал снег, навстречу спешили счастливые люди с елками и подарками, друзья смеялись и шутили. Все было хорошо.

Вера не стала утруждать мужчин выбором одежды с ней. Психиатр с хирургом отправились за сувенирами, а она сама по женским магазинам. Договорились встретиться через два часа наверху. По меркам прежней Веры времени было катастрофически мало. Но в этот раз она с удивлением обнаружила, что уложилась ровно в срок. В руках у нее были покупки — ровно столько и ровно то, что надо. Раньше заходя в магазин одежды, Вера остановиться не могла, все тратила и тратила, словно пыталась заполнить вещами какую-то внутри у себя какую-то дыру. Теперь пустоты не было, и одежда была нужна только для того, чтобы было уютно и тепло.

В туалете Вера надела голубой вязаный свитер с рукавами три четверти, натянула джинсы и зашнуровала удобные ботинки. Ничего особенного. Сегодня ей не хотелось выглядеть сексапильно, как она делала раньше. Ей казалось, что Иннокентий больше оценит простоту. Подвела губы яркой помадой и тронула ресницы тушью. Следом хранительница накинула недорогой, но удобный пуховик, из карманов которого уже выглядывали шапка и варежки, что подарил ей психиатр еще в конце осени. Вера посмотрела на себя. Она так изменилась. Сейчас в ней трудно было узнать ту эффектную блондинку, которой она пришла в больницу. Теперь она просто красивая девушка с большими и чистыми голубыми глазами. Настоящая.

Вера была одарена действительно выдающейся внешностью, которую можно было и не подчеркивать. Сейчас ей казалось, что именно это хотел бы увидеть в ней психиатр. Эдакую лесную нимфу, очаровывающую неподдельной, естественной красотой. Мужчины, на которых Вера раньше охотилась, были совершенно другого рода. Такое было с хранительницей в первый раз, и она трепетала как влюбленная школьница.

Вера не на шутку разнервничалась, когда появилась на последнем этаже. Иннокентий заметил ее еще издали и указал пальцем хирургу. Виктор перебирал что-то в собственных пакетах с подарками и оживленно втолковывал нечто психиатру. Наконец, он тоже поднял голову и минуту смотрел с одобрением.

— Верунь, тебе идет, — сказал Виктор, отодвинув коллеге стул.

Вере не так уж и важна была эта оценка. Выдохнув, она села напротив психиатра. В глазах Иннокентия светились искренний интерес, радость и восхищение. Она попала в точку! Вера почувствовала, как утекает напряжение.

— Ты очень красивая, — вдруг заявил психиатр.

— Видишь, иногда стоит решиться на что-то новое, — опуская голову, сказала Вера.

"Теперь твоя очередь поменять свой чудаковатый стиль", — подумала хранительница, глядя ему в глаза: "Ты ведь, в самом деле, больше не отшельник и не сумасшедший".

Иннокентий откинулся на спинку стула. Вера предлагала ему очередной гигантский шаг

вперед — признать, что двадцатый век и его неудавшаяся жизнь далеко позади.

— Хорошо, — пробормотал он себе под нос.

— Что хорошо? — не понял хирург.

— Кола, — психиатр встряхнул свой пластиковый стакан, и там стукнулись друг о друга кубики льда. — Кола хорошая.

— Это ты еще в кино не был! — усмехнулся Виктор.

— Кино? — переспросила Вера.

Тогда хирург продемонстрировал спутникам три билета.

— Я с восемьдесят четвертого года там не бывал! А психиатр так, наверное, вообще никогда! — воскликнул Виктор.

— А что за фильм? — спросила хранительница, приглядываясь. — Ты знаешь, что это в трехмерном варианте?

— Подумал, новые технологии не помешают, — с этими словами хирург озорно взглянул на психиатра.

Вера вздохнула и объяснила:

— Там дают специальные очки.

Не отправит ли это все Иннокентия в галлюциногенное путешествие в сочетании со свойствами его собственных очков?

— Я согласен попробовать, — произнес психиатр.

Ах, это он принял вызов!

— Это же "Звездные войны"! — воскликнул Виктор с радостью мальчишки, получившего любимую игрушку. — Помню, как мы всей семьей смотрели их по видику! Вот было время! И, представляешь, сегодня, Вер, я узнал, что вышло продолжение! Спасибо, что вытащили меня в город! Для меня это просто рождественское чудо!

— Ага, — психиатр выглядел скорее раздосадованным. — Пока тебя не было, битых два часа я слушал про джедаев и Империю. Только теперь, по мнению Виктора, я готов прикоснуться к священной саге. Что ж, я в нетерпении...

Вера улыбнулась.

— Без предыстории ты бы, правда, ничего не понял.

В глазах Иннокентия не было ни капли энтузиазма.

— Пойдем. Время сеанса подходит. Хотя не знаю, какая разница, смотреть фильмы на большом экране или на мониторе ноутбука. Смысл-то один и тот же.

Вера ухмыльнулась. В кинотеатре она завернула в кафе, торговавшее едой и напитками. Вскоре она вручила психиатру огромную корзину попкорна и пластиковый лоток с кукурузными чипсами.

— Что это? — удивился Иннокентий, принимая покупки из рук Веры.

— Вкус нового века, — улыбнулась девушка. — Для многих кино наслаждение вовсе не духовное, а... даже больше физическое.

Психиатр посмотрел на нее вопросительно и, наконец, выдал:

— Ладно.

После этого компания хранителей зашла в зал. Доктора расселись. Между Виктором и Иннокентием поместилась Вера, и психиатр сунул ей попкорн в руки. Дело было в том,

что угощение заметил хирург и теперь раз за разом запускать свою жадную лапу в корзину, словно не мог наесться этим неизысканным лакомством, чем явно мешал разделявшей их соседке. А когда воздушную кукурузу держала Вера, всем до нее было недалеко.

Начался фильм, и Виктор на время оказался поглощен зрелищем без остатка. Он даже попкорн больше не брал и не притрагивался к коле. Как замороженный сказкой ребенок хирург взирает на экран. Похоже, он и вправду был фанатом серии. Вере показалось забавным то, что она даже не подозревала об этой стороне друга. Теперь они с Иннокентием пошутят на эту тему еще не раз.

Вере новая часть саги не понравилась. Нечто похожее творилось и с психиатром. Не то, чтобы Иннокентий был ранее оторван от современной кино культуры. У них был один на двоих с хирургом ноутбук, и как Вера поняла по коротким ремаркам соседа, сказанным во время просмотра, фильмы он время от времени смотрел, но не такого жанра. Например, ему нравилось "Молчание ягнят". Забавно, что в качестве примера Иннокентий привел Вере картину о безумном психиатре и его странных, напоминающих нездоровую увлеченность, отношениях с молодой следовательницей. Надо сказать, что хранительнице тоже этот сюжет запомнился, она читала книгу.

Ближе к концу Виктор неожиданно уснул, а Иннокентий перестал болтать с Верой по довольно странной причине: кажется, все самое главное уже было сказано. Пару раз они с хранительницей одновременно потянулись за попкорном и встретились пальцами в почти опустевшей корзине. И он не убрал руку, задержав собственную ладонь над Вериной. Тут хранительницу обдало жаром. В памяти замелькали почти затертые, оттого что были неважными картинками о студенческих временах. Вера прогуливала с однокурсником лекцию, они целовались в кино до головокружения, до обкусанных губ, они оба были молоды и горячи. Это было просто удовлетворение физической потребности и потому воспоминание не вызывало у девушки серьезных чувств. Тогда она была совсем не такой скромной... Вера выдохнула. Решилась ли бы она на что-то подобное сегодня?

Иннокентий уже убрал руку. А Вера поняла, что, так же как и в молодости, сгорает от желания. Только на сей раз к физическому влечению примешивалось духовное, что делало ощущения во много раз мучительнее и глубже. Быть рядом с ним, чувствовать дыхание, слиться в единое целое — это казалось необходимым. Вера мельком взглянула на соседа. Если бы она была студенткой, то немедленно положила бы ему руку на бедро, а потом...

Девушка выдохнула и аккуратно отвела в сторону ногу, так чтобы коснуться его колена. Иннокентий не вздрогнул, не отодвинулся. Затем Вера ощутила, как он сделал именно то, о чем думала она сама. Его ладонь легла на ее бедро, совсем недалеко от талии. Вера поняла, что слышит, как бьется ее сердце. Было удивительно понимать, что они оба с Иннокентием, похоже, испытывали одинаковые желания. Вера чувствовала, как его ладонь скользит по ее ноге, туго обтянутой джинсовой тканью. Он словно хотел почувствовать каково наощупь ее тело. И это одно уже приносило Вере наслаждение.

Однако прикосновений было явно недостаточно для того, что она сейчас испытывала. "Странно", — мимоходом подумала девушка: "Разве хранители не почти полностью лишены всего физического?". Та страсть, которую она сейчас чувствовала, была столь сильной, что практически ощущалась как нечто болезненное. Вере нужно было сейчас остаться с Иннокентием наедине, просто жизненно необходимо.

Они встретились взглядами.

— Поцелуй меня, — одними губами прошептала Вера.

И тут случилось непредвиденное. Психиатр поднялся и вышел. Несколько мгновений Вера молча смотрела на его опустевшее кресло, не в силах поверить, что это, в самом деле, случилось. Обычно когда девушка начинала кокетничать с кем-то, все всегда шло по неизменному сценарию, когда она в итоге оказывалась с этим мужчиной в постели. Ей, черт возьми, еще никто не отказывал! Но неоправданные надежды были мелочь по сравнению с тем, что Вера совершенно искренне сейчас желала физической близости, это стремление почти полностью завладело ее сознанием. Это было довольно жестоко с его стороны.

Где-то в памяти ожил хор голосов, называвших Веру не лучшими словами. Девушка закрыла глаза и приготовилась к неприятному удару. За что-то же эти люди, в самом деле, имели право звать ее шлюхой.

Но Вера, к собственному удивлению вспомнила вовсе не о прегрешениях. Нечто совсем другое. Третий курс медицинского института и кафедру общей хирургии. Вспомнила она и Успенского. Теперь Вера четко помнила, каким лучший из хирургов отделения предстал перед студентами. Выглядел он, конечно же, русским под стать имени, но чем-то неуловимо напоминал себя настоящего — те же руки, тот же размах плеч, такой же уверенный взгляд. Так вот почему едва попав в больницу, Вера его узнала и ощутила странное притяжение!

Она обожествляла его умелые руки, знания и закаленный характер. Она любила его как ученица учителя, и если бы Успенский когда-либо намекнул на постель, он разрушил бы это хрупкое непорочное влечение. Вера ощущала себя рядом с ним как с отцом, который погиб, спасая кого-то из гражданских на дежурстве, он служил в милиции, и тем самым навсегда лишил семилетнюю дочь своего общества.

Всем было известно, что Успенский выбирал себе несколько студентов с очередного курса и к концу института натаскивал их так, что они были готовы идти чуть ли не в любую область хирургии. Он тренировал их к олимпиадам, помогал на конференциях выступать. Это был лучший старт в профессии. Естественно, амбициозная Вера собиралась стать одной из любимчиков. Но конкуренция оказалась по-настоящему жесткой.

В какой-то миг, усомнившись в своей ценности как специалиста, Вера почти безотчетно обратилась к проверенному оружию — красоте. Это была ее ошибка. Успенский с того дежурства перестал воспринимать ее серьезно. И Вера слишком поздно поняла, что использовала запрещенный прием. Она сделалась для хирурга просто еще одной девочкой, влюбленной в романтику больницы и ищущей любовных приключений в ней, поэтому Вера больше не стоила его времени.

Вера безнадежно крутилась на кафедре еще пару месяцев, пытаясь исправить этот промах и всерьез загрузила. Она с детства привыкла к тому, что никому и никогда не проигрывала. Должна же она была завершить и это соревнование с наилучшим возможным результатом для себя, но больше для того, чтобы доказать маме... Поэтому Вера, должно быть, получила такую чувствительную пощечину от бытия.

Горячую студентку оказались готовы взять под крыло другие хирурги отделения. "В самом деле, зачем ей этот Успенский?" — в раздражении подумала Вера: — "Ну и что, что о нем так много говорят. Сама пробуюсь. Не в первый раз". И стала дежурить с самым талантливым хирургом отделения, после Успенского, естественно. Поначалу все шло хорошо. Только этот мужчина подсел на ее равнодушные взгляды и неоднозначные шутки, словом, ему от Веры было нужно все то, отчего пришел в негодование Успенский. Девушке новый наставник не нравился, но она продолжала давать ему то, что требовалось. Ведь ей нужно было совершенствовать навыки.

И вот однажды все зашло слишком далеко. Он запер Веру в дежурке. Вот отчего эта комната в первый визит хранительницы показалась ей такой мерзкой и грязной. С ней было связано очень неприятное воспоминание. Может, наставник и правда думал, что Вера его хотела. Она тогда еще не научилась правильно дозировать кокетство. В общем, хирург на нее набросился. Порвал блузу и чуть силой не заставил отдаться ему. Вера искусила его до крови и только тогда вырвалась. Напуганная до смерти, сгоравшая от ненависти к себе и к нему убежала прямо в медицинской форме из стационара в двенадцатом часу ночи.

Она отлично помнила, как ей неслоь вслед: "Шлюха!".

Неделю Вера не казала носа из общежития, пока соседки отпаивали ее валерианой, переживая свое злоключение. Наконец, она решилась придать дело огласке. Но когда девушка явилась в администрацию, обнаружила, что неудавшийся насильник уже обо всем позаботился. Он передал историю так, чтобы выйти сухим из воды. Этот мужчина был женат. Вере всегда на несвободных везло. Он рассказал о ее неоднозначном поведении, безнадежной влюбленности и ревности. Признался даже в том, что у них были неуставные отношения. А коллеги подтвердили. А что? Уголовное дело страшнее

супружеской измены.

"А что же Успенский?" — думала Вера, выйдя от декана, она чувствовала себя облитой грязью. Лучший из хирургов кафедры промолчал. Ему не было до юной вертихвостки никакого дела, у него были свои талантливые птенцы, которых нужно было готовить к вылету в большую хирургию. Вера чувствовала ненависть ко всем, кто был во всем этом замешан.

История, тем не менее, наделала прилично шума. Вера все три курса была яркой и заметной личностью на потоке — сильная, смелая, по ее глазам читалось, что и в медицину она пришла побеждать. Даже здесь, она осталась человеком, обреченным ставить рекорды. На Вере словно бы стоял штамп качества, извещавший окружающих о том, что такая женщина дорого стоит. Она и вела себя соответствующе, не подпуская простаков. Девочки Вере завидовали, но были у нее две верных подруги, ценившие студентку за целеустремленность и силу. Это были хорошие отношения до поры до времени.

Когда всплыла эта некрасивая история, что Вера спуталась с этим известным любителем баб и натворила из-за него глупостей, произошло крушение идеалов. Она больше не была для однокурсников той, кем себя заявляла. Студенты вдруг четко увидели все слабые стороны Веры, которые она умело маскировала — в глубине ее души скрывался жуткий страх проиграть. Такого общество не спускает. И в институте ее стали бить по больному, все больше распаясь от того, как девушка, казавшаяся им практически идеалом, на глазах превращалась в обычного человека. Толпа отчаянно и безжалостно преследует тех, кто показывает ей свою боль. Вера, привыкшая бороться до последнего, слишком поздно осознала это. Не возмись она так яростно сопротивляться, может, и не было бы этого всего.

В итоге к ней на курсе прочно приклеилось прозвище шлюхи, хотя она, в общем-то, до этого случая в жизни спала только с двумя мужчинами, с одним из которых и целовалась в кино. Он был высоким подтянутым брюнетом в духе девичьих Вериних фантазий об идеальных мужчинах. Однако у них с Пашей оказалось не так много общего, как хотелось бы, так что к третьему курсу пара рассталась.

Еще полгода Вера терпела косые взгляды, а потом внутри у нее загорелось: "Я докажу, им, что я не такая". И к всеобщему прискорбию она стала доказывать именно то, что ей в самом начале приписали. Вера слишком эмоционально восприняла несправедливость по отношению к себе. Она решила, что деньги и положение не позволят больше никому отнестись к ней подобным образом. С тех пор она стала искать себе в спутники влиятельных и богатых мужчин, рядом со многими из них она не чувствовала ничего кроме азарта. Это и привело, в конечном счете, к ее гибели.

После полугодия безуспешной борьбы с приклеившимся обидным ярлыком, Вере стало трудно ходить в институт. Она стала прогуливать пары, но все еще не собиралась бросить медицину. За экзамены нужно было платить, и Вера устроилась танцовщицей в ночной клуб. Денег, вырученных с ее обычной подработки репетитором, на оплату экзаменов не хватало. До поступления в ВУЗ Вера была подающей надежды гимнасткой, у нее все еще были отличная растяжка и тренированное тело, так как она продолжала выступать за институт. Благодаря этому девушка быстро освоила танцы на шесте.

Вера вскочила и выбежала из зала. Ей было противно вспоминать себя. Девушку подташнивало, почти как в тот раз, когда она ушла со злополучного дежурства на кафедре хирургии.

— Вот же идиот, — едва слышно фыркнул Виктор за спиной.

Так он не спал? Просто притворился для того, чтобы дать Иннокентию и Вере полапать друг друга. Это было мило с его стороны, но сейчас хранительнице не было до этого дела.

Вера бросилась в туалет, и крепко впившись ногтями в края раковины, встала у зеркала. Сейчас она напоминала себе все ту же хрупкую и напуганную девушку, едва убежавшую от насильника. Она не заслуживала того, что с ней случилось. Но Вере не стоило делать всего того, на что она отважилась, чтобы восстановить свое доброе имя. Если бы она просто проглотила несправедливое обвинение, то никогда бы, в самом деле, не стала

шлюхой...

Вера несколько раз перевела дыхание и взглянула на экран телефона. Фильм уже должно быть закончился. Она не собиралась демонстрировать Виктору... Успенскому, в какую пропасть угодила, не сумев добиться его внимания.

Поэтому Вера взяла себя в руки, как и сотню раз до того, и вышла наружу. В дверях ее остановил Иннокентий. К этому Вера была сейчас не готова. С размаха она залепила психиатру пощечину.

Иннокентий отпустил одну руку, но второй все еще придерживал ее локоть. Психиатр приложил ладонь к собственной щеке и поморщился.

— Я это заслужил, — выдохнул он и заглянул ей в глаза. — За то, что повел себя как трус, Вера. Ты злишься, но я должен объяснить тебе свое поведение.

Вера перевела дыхание. Она ведь сейчас залепила пощечину не столько Иннокентию, сколько всем когда-либо обижавшим ее мужчинам. Поэтому она прислушалась.

— Я просто не могу себе этого позволить. Ты понятия не имеешь, что начинает твориться со мной... в моей голове, когда я снимаю очки. Я не могу утянуть тебя в это.

Иннокентий поймал ее ладонь и, поднеся к лицу, аккуратно поцеловал пальцы.

— Ты первая женщина за сто лет, которая вызвала у меня настолько сильные чувства, — пояснил он. — Вера, ты прекрасна, но заслуживаешь чего-то менее сложного. Поверь.

После этого психиатр выпустил ее руку и развернулся, а Вера, глядя ему в спину подумала: "Нет, именно тебя я и хочу". Стало ясно, что они действительно равнодушны друг к другу и уже оказались бы в постели, если бы не... Вера перевела дыхание. Психиатр говорил ей о своем безумии. Она действительно в порядке, если хочет сумасшедшего? Скорей всего нет.

Тут появился Виктор, и Вера обрадовалась ему. Ей не хотелось заканчивать все так, на этой ноте. А вмешательство хирурга помогло бы хотя бы сгладить углы.

— Ну что, теперь домой? — он смотрел на коллег как на нашкодивших детей.

— Да, пожалуй, хватит на сегодня, — согласился Иннокентий, обернувшись к хирургу. — Мы вроде бы сделали даже больше, чем собирались.

Обратно шли в молчании. Виктор шагал между Верой и психиатром. Было совсем не так весело, как поутру. Атмосфера праздника скомкалась и стерлась. Все теперь было другое. Вера совсем не испытывала радости от того, что их настоящие чувства с Иннокентием прояснились. Она и до этого понимала, что произойдет нечто подобное. Поэтому Вера так и боялась дотронуться до психиатра. Неожиданно хранительница сильно разозлилась. Если бы он дал ей взглянуть на то, что все называли потусторонним миром, она бы сама приняла решение как дальше быть с этим. Нечестно было делать это за нее!

Наконец хранители приблизились к воротам больницы. И там их ждала необычная сцена. Вера поначалу не заметила девушку с пакетом в руках, но как только Иннокентий легко коснулся ее руки, тут же узнала Леру Абарян.

Дочь Виктора, очевидно, находилась в непростой ситуации. Она то срывалась с места и делала несколько решительных шагов в сторону больницы, то разворачивалась и отходила обратно к воротам. В этот миг хирург и сам заметил ее.

Виктор застыл.

— Она вернулась, — улыбнулся ему психиатр. — Я же говорил тебе.

Вера по его тону поняла, что между друзьями на эту тему, видимо, состоялась уже не одна беседа. И тогда осознала, что должна была делать сама.

— Иди, — сказала Вера хирургу. — Я... тебя вспомнила в кино. Поэтому и ушла. В нашем

институте ты был учителем, о внимании которого все мечтали. Если кто-то и сможет превратить ее родовое проклятие, которое привело ее в хирургию, в благословение, то только один ты. Теперь я точно знаю. Так было нужно, чтобы вы встретились.

Виктор с благодарностью посмотрел на Веру, подтянулся и зашагал навстречу Лере. С дочерью они столкнулись прямо в воротах, когда она, видимо, наконец, приняла решение уйти.

— Лера? — заговорил Виктор, сверху вниз взглянув на девушку.

Та тяжело выдохнула и сунула хирургу пакет в руки. Виктор открыл его и тепло улыбнулся.

— Там... пирог. Я приготовила сама, — объяснила Лера. — Вы... хотели как лучше, а я... наговорила вам гадостей. Я... места себе не нахожу вот уже три недели. Вы первый человек, который отнесся ко мне с искренней добротой, наверное, за всю мою жизнь. Не могу же я оставить по себе такое плохое впечатление...

Лера подняла глаза и нервно взглянула на отца.

— Дело в том, я... ухожу из медицины. У меня изменились финансовые обстоятельства. Я все обдумала и поняла, что начну с мужем бизнес...

Тогда Виктор взял дочь за руки и произнес.

— Это не выход и ты знаешь сама.

Лера опустила голову. Губы ее дрожали.

— Вы, черт возьми, правы, — наконец, выдохнула девушка.

Несколько мгновений она выглядела очень смущенной, а затем начала копаться в сумке и через какое-то время вынула оттуда сложенный вчетверо листок бумаги. Это оказался детский рисунок, когда Лера развернула его.

— Я никогда не думала, что покажу вам его, — пробормотала Лера. — Это нарисовала на уроке моя дочь. Я вроде бы рассказывала вам про Арину.

Виктор взял бумагу в руки и, следом, очень искренне и тепло улыбнулся.

— Так это же вы в операционной.

Лера потупилась.

— Она нарисовала меня и вас.

— Это я? — вскинул брови Виктор, указывая на листок. — Ну, может, чем-то и похож.

— Да, это зеленое пятно, — нервно усмехнулась Лера. — Ваша голова. Я рассказала ей о вас... на ночь и с тех пор Арина твердит, что мне нужно сказать вам спасибо. Дочь, это лучшее, что у меня получилось пока.

Лера помолчала и, наконец, выдохнула:

— Ну что, съедите пирог? Мы вместе готовили.

— Мне очень приятно, Лера, — просиял Виктор.

— Правда? — в глазах девушки едва ли не стояли слезы.

Через мгновение она утерла нос рукавом.

— Я ведь, по правде, пришла не только из-за Арины, — посмотрев в сторону, сдавленным голосом заговорила она. — Я, конечно, очень люблю свою дочь, но не могу выполнять все детские прихоти, как бы правильно они ни звучали. Мне рассказали другие... ординаторы с кафедры, какая это честь ходить в учениках у вас и о том, что я повела себя как идиотка, когда подумала, что интересую вас как женщина... Все знали про вашу

семью, кроме меня...

После этого Лера с вызовом посмотрела в глаза отцу, но, видимо, не нашла в них того, что искала.

— Я думала, вы меня прогоните сегодня, — закончила девушка.

— Я же сказал, — улыбнулся Виктор. — Ты очень похожа на мою дочь.

Лера какое-то время молча комкала свой рукав и, наконец, проговорила:

— Тогда можно мы притворимся, что того разговора не было и начнем сегодня с чистого листа? Я сяду за учебники и буду ходить с вами на дежурства.

Виктор приобнял ее и завел в ворота больницы.

— Лера, мы можем начать работу прямо сегодня. Полгода ты уже пропустила. Это много. Но я помогу тебе наверстать.

Девушка кивнула.

— Форма у меня с собой, — вздохнула она. — Правда, она вашего анестезиолога. Помните, я брала ее постирать? Думала, сегодня верну. Она же не расстроится, если я еще на день-два задержу ее вещи?

— Нет, — покачал головой Виктор. — Пойдем, составим тебе график.

Вскоре отец и дочь скрылись за воротами.

— Получилось! — воскликнула Вера, оборачиваясь к Иннокентию. — У меня все вышло, представляешь!

Хранительница, конечно же, приложила руку к тому, чтобы Лера узнала от других ординаторов о своем отце. И это сработало! Правильно говорил Иваныч, ни одно чудо не выходит без напряженной работы добрых сил. Сейчас Вера была занята исключительно своим триумфом и совсем позабыла о том объяснении, которое недавно было у них с Иннокентием.

Однако психиатр на нее не смотрел. Он сделал жест Вере, который означал: "Не приближайся!". Невдалеке стояли несколько человек в черной форме. Еще мгновение назад на улице никого не было. Эти стражи словно взялись из воздуха.

— Я сам с ними поговорю, — Вера уловила в голосе Иннокентия тревожные нотки.

Время замедлило бег и все вокруг стало серо-тягучим, когда хранителей обступили пятеро мужчин в одинаковых черных куртках, сверху которых у каждого нечто бродя бронезилета. На рукавах был вышит незнакомый герб, под ним цифры "01". Такой экипировки Вера у стражей еще никогда не видела. Мужчины выглядели грозно, в их позах, крепких фигурах чувствовалась сила. Они мало напоминали обычный патруль. Зачем они здесь? Вера нашарила в кармане увольнительную.

— Они тут не из-за тебя, — подтвердил ее опасения психиатр. — Это первая опергруппа... и Отверстчик, глава сыска, их начальник.

— Верно, — один из мужчин кивнул, и Вера с удивлением узнала в нем того самого господина, который еще в начале двадцатого века являлся в больницу за Иннокентием. Это и был Отверстчик, похоже.

Стиль у него почти не изменился с тех пор. Начальник первой опергруппы носил такой же точно старомодный черный плащ, что и в начале прошлого века. Ну что ж, теперь, по крайней мере, было ясно, что и среди стражей были свои долгожители.

— Мы за психиатром, — объяснил он Вере.

Иннокентий расправил плечи и шагнул вперед. Хранительница затаила дыхание. Зачем первой опергруппе Иннокентий? Они же не арестовывать его пришли?

— Точнее, за его талантами, — сжалился Отверстчик.

— Что у вас произошло? — взгляд психиатра стал напряженным.

— Я бы сказал происходит, — ответил начальник первой опергруппы. — У нас приказ задействовать тебя.

— Но... — психиатр выглядел злым и ошеломленным.

Отверстчик в этот момент достал из кармана бумагу и протянул ее Иннокентию.

— У меня Управлением договор. Протектор сам признал, что в очках я представляю куда большую ценность и приказал вам держаться подальше от больницы! — вспыхнул психиатр.

— Так и было, пока ты не додумался угрожать оперативникам, выполнявшим свою работу, — отчеканил Отверстчик. — Хорошим людям удалось уберечь тебя от настоящего серьезных последствий. Именно Протектор счел, что ты зазнался, и пора напомнить тебе, кто ты такой. Принимайся за дело, если не хочешь проблем!

Иннокентий тяжело вздохнул и посмотрел на Веру.

— Уходи! — распорядился он.

— Нечего на это глазеть! — подтвердил слова психиатра Отверстчик. — Подите прочь, Вера Павловна!

Хранительница с трудом сдвинулась с места. Оперативники расступились перед ней и следом снова замкнули кольцо. Это же настоящие бугаи — с ужасом думала Вера. Что если они начнут Иннокентия бить? Она не могла оставить психиатра, но и остаться с ним тоже. Стражи хотели сделать что-то дурное. Вера зашла за ограду и остановилась за воротами так, чтобы не раздражать оперативников своим видом.

— Где оно? — обратился Иннокентий к обступившим его бессмертным.

Отверстчик указал на конец улицы.

— Вы не могли подпустить это еще ближе?! — взвился психиатр. — Больница же...

— Нужно было исключить любую возможность увильнуть. Все знают, что ты душу отдашь за родной стационар.

Иннокентий передернул плечами и неуверенно взялся за очки. Отверстчик неожиданно хлопнул его по плечу.

— Вопрос лишь в публичной порке. Это максимальная побрякка, — сказал он. — Ты унизил Управление в семьдесят пятом и многие об этом помнят. До недавнего времени я был уверен в том, что ты понимаешь, с чем имеешь дело, Иннокентий.

Отверстчик наклонился к психиатру, сжав его плечо.

— Куда делась твоя ловкость? В Управлении годами ждали от тебя ошибки, и ты им прямо в руки сунул шанс себя поддеть. Я не стану пересказывать все те гадости, которые они всерьез принялись обсуждать. Я напомнил им, что в Москве почти каждый бессмертный тебе чем-нибудь обязан. Как только вдоволь покорчишься от ненависти к себе, они отстанут. Я это обеспечу. Приступай. Мне не приносят удовольствия такие зрелища. Но я настоял на участии первой опергруппы. Кто-нибудь из молодняка был бы неаккуратен.

Психиатр единым движением снял очки и, к удивлению Веры, тут же повалился наземь. Хранительница выскочила из-за ворот, потому что ей было страшно видеть это. Иннокентий переживал один из тех приступов боли, что она уже видела.

Отверстчик остановил оперативников жестом.

— Эмоциональная реакция, — пояснил глава сыска, складывая руки на груди. — Если бы в глубине ваших душ было бы скрыто что-то подобное, вас раздирали бы не меньшие

противоречия. Протектор задумал напомнить Москве, да и самому доктору, что он такое на самом деле.

— Что с ним? — заговорил высокий блондин.

— Испытывает мучительную боль, — пояснил Отверстчик. — Пока он человек, сильные отрицательные эмоции вызывают у него реакцию, вроде той, что ты почувствуешь, Игорь, если тебе руку, например, сломать. Ему противно менять форму. До тридцатых годов отвращение заслоняла выгода, и он так не страдал. Психиатр уже лет пятьдесят пробыл в человеческой форме, и, должно быть, позабыл каково это становится чудовищем. Он умеет исцелять души и начальство решило, что лучше ему не снимать очки.

Психиатр тем временем дрожащими руками вернул на место очки и, сидя на коленях, уставился в землю. Лицо его было бледнее простыни. Пальцы зарылись в снег. "Он не сможет", — вдруг очень четко поняла Вера: "Не сумеет снова увидеть себя монстром. Он вылечился и если он сейчас добровольно пустит в свою душу безумие, сломается".

Стражи сгрудились вокруг психиатра.

— Шеф, — сказал тот из них, что носил козырек. — Выродок близко. Мне действовать?

— Жди, Олег! — прорычал Отверстчик и наклонился к психиатру. — Иннокентий, после того, что ты устроил в семидесятых, тебе не спустят слабости. Тебя сожрут, если сейчас же не сменишь форму. Давай!

— Ублюдки, — прошипел психиатр и снова сорвал очки.

Вера бросилась к нему, не раздумывая. Она могла унять боль. Это сейчас представлялось ей единственным выходом. Оперативники ее пропустили. Иннокентий открыл глаза, только когда Вера тронула его. До этого он с силой сжимал веки, но почувствовав ее прикосновение к руке и анестезию, должно быть, очень удивился.

— Что ты делаешь, Вера? — сорвалось с его губ, прежде чем привычный мир разорвало в клочья. — Только не ты! Нет!

Повсюду были ночь, мрак, жуткие крики. Пространство странно исказилось, дома искривились и теперь стремились вверх покачиваясь, словно языки пламени.

— Что ты наделала, Вера?! — это был единственный настоящий звук в этом пространстве.

Хранительница посмотрела перед собой, но Иннокентия там не было. Она обернулась и поняла, что психиатр встал у нее за спиной, но не даст себя увидеть. Он придержал ее голову, только не пальцами. У него, что, были когти?

— Ты добровольно шагнула в шизофренический бред. Что с тобой не так? — это прозвучало устало. — Как ты планируешь выбраться?

— Ты думаешь, что ты чудовище? — проговорила Вера, удивившись тому, насколько бесцветным и странным стал тут ее голос.

— Так и есть.

Вера обернулась, перехватив его руку. Она точно знала, что Иннокентий никогда не причинит зла любимому существу, он не ударит ее, что бы она ни сделала. Он замер позади, зажмурился, чтобы не видеть отвращения и, кажется, даже набрал воздуха в грудь — не дышать. Так делают дети, когда хотят сделать так, чтобы их было совсем не слышно. Психиатр действительно не был похож на человека так, но и чем-то жутким Вера бы его не назвала. Иннокентий напоминал большую нахохлившуюся птицу, вот почему она, наверное, при первой встрече посчитала, что он напоминал ворона. Это была его вторая, тщательно скрываемая сторона, которой он боялся куда больше, чем стоило бы.

— Ты сохранил свою душу нетронутой, — прошептала хранительница. — То, что я сейчас вижу, просто эхо катастрофы.

Вера начала с его руки. От ее прикосновения с предплечья слетели перья, а когти втянулись, оставив на месте обычные ногти. Вскоре Вера уже стряхивала облик чудовища с его плеч, головы, ног, талии. Она могла сделать это, поэтому делала. Психиатр приоткрыл один глаз и удивленно взглянул на нее.

— Не страшно? — уточнил он.

Вера покачала головой и объяснила:

— Она украла у тебя нормальный вид, а я вернула. Потому, что знаю, ты человек. Ты никогда по-настоящему не был чудовищем, им была твоя жена.

После этого Вера достала карманное зеркальце и протянула Иннокентию, чтобы он мог посмотреться в него. Довольно долго психиатр простоял, молча разглядывая себя.

— Карие, — выдохнул он. — Я ведь и, правда забыл, какого цвета мои глаза. Все это очень плохо. Вер, я должен рассказать тебе кое-что о стражах.

Хранительница вскинула голову.

— Каждый из них, собираясь вступить в бой, перекидывается в боевую форму. В этом виде они сильнее и защищены лучше обычных душ. Для смены облика им достаточно взять в руки духовное оружие. У меня его нет, я становлюсь чудовищем, если снимаю очки. Я никогда не был стражем в привычном смысле этого слова.

— Что? — пробормотала Вера.

— Ты разрушила ту форму, в которой я уничтожал врагов.

— Черт!

— Это не конец, — прикрыл веки психиатр. — Я что-нибудь придумаю. Пока нам нужно спрятаться.

С этими словами Иннокентий схватил Веру за руку и потащил к странным домам. Что-то черное тяжело свесилось из окна и ухнуло на землю, а потом не то покатилося, не то поползло. Вера встала как вкопанная. Ей даже не приходило в голову, что в домах есть жизнь. Иннокентий потянул немного сильнее.

— Слушайся меня и не пропадешь.

— Это... — Вера указала вперед.

— Всего лишь местные обитатели, — вздохнул психиатр. — Те самые чудовища, которых я тут поселил. Я не позволю им тебя тронуть. Нам нужно пережить на счет выроodka. Это злобная душа и раз она смогла покинуть то место, к которому привязана, то ей не остается ничего кроме как разрушать. Она уже не может совладать с тьмой, что рвется из нее. И попытается заглушить ее нашим светом.

Иннокентий и Вера вбежали в подъезд и затаились у окна.

— Оно уже близко, — прошептал психиатр.

Вера старалась не смотреть на тени, сгущавшиеся в углу. Ей казалось, что создания из бреда пытаются подавать знаки странной гостье.

— С Лилей стало то же самое? — вдруг выдохнула она.

— Не знаю, — как-то очень резко сказал психиатр. — И знать не хочу.

— Она ведь обрекла тебя на такую жуткую участь.

— Пожалуйста, молчи, — Иннокентий указал в окно. — Оно все чувствует.

По двору брела девушка. Она была одета в белое воздушное платье. Светлые волосы вились по ветру. Босыми ногами она спокойно ступала по снегу. Наконец девушка остановилась и запела. Тот самый романс, что играл недавно Иннокентий. Вера

отпрянула в ужасе.

— Они не то, чтобы очень хорошо умеют в душах читать, но слух у них прекрасный. Они разбирают в наших голосах нотки страха. Ты хотела видеть Лилию? Оно охотится на тебя! Меня ему прочесть куда сложнее.

Девушка повернула голову в сторону окна. Вместо глаз у нее были черные провалы. Руки в кровоподтеках. Вера почувствовала себя дурно. Выродок собрал все то, что она знала об Иннокентии и вот тут ей стало по-настоящему страшно.

Единым движением психиатр отбросил Веру от окна, повалив на пол.

— Ни слова, ладно? Надеюсь, оно нас не заметило.

Вера лежала на холодном бетоне, сосредоточившись на лице Иннокентия. Психиатр стоял на коленях, прижимая ее плечи к полу обеими руками, как словно боялся, что хранительница может встать и броситься на выродка. Он был так близко. Только руку протянуть. Быть может их последние мгновения. Так приятно было видеть его глаза, не спрятанные за стеклами очков. Вере снова захотелось признаться ему в том, что считает их красивыми.

— Как ты убивал их раньше? — заговорила она.

Иннокентий отвел взгляд.

— У меня были способы. Я этим не горжусь.

— А стражи, они как?

— Я же сказал, у каждого из них есть оружие, — Иннокентий закатил глаза.

— Как они получают его?

Психиатр усмехнулся.

— Ты что, всерьез думаешь? Я же просто могущественная аномалия, которой они научились управлять. Я никогда не был и не стану стражем.

— Просто скажи, — разозлилась Вера.

Психиатр отодвинулся и сел.

— Есть обряд инициации. Насколько я знаю, когда к ним попадает новая душа, ей устраивают что-то вроде боя с тенями, где она встречает свои страхи. Страж должен понять, за что он сражается и тогда он обретает оружие.

Вера хотела что-то ответить, но Иннокентий притянул ее к себе и с силой зажал рот ладонью.

— Оно тут, — прозвучало над ухом.

Девушка встала в дверном проходе.

"Сражайся!", — хотела было сказать Вера, но Иннокентий и так все понял. Он прыгнул вперед и попытался оттолкнуть выродка, но его рука прошла сквозь призрачную фигуру. Чудовище шагнуло вперед, так, словно Иннокентия перед ним и не было. Оно охотилось на Веру, теперь это было яснее некуда.

— Клянусь, Лилия, тебе нужен я! — воскликнул психиатр, но она не обратила на это ни малейшего внимания.

Вера поняла: он никогда не был по-настоящему нужен своей жене. Если искусство уничтожения выродков состояло в психологическом поединке, то это были неправильные слова. Вскоре ее почти поглотила черная пропасть, скрывавшаяся у девушки в глазах, там были боль и отчаяние, тьма в которую Вера чуть было не угодила в свою первую ночь в больнице. Тогда Иннокентий так вовремя пришел ей на помощь...

Вдруг мрак рассеялся. Перед Верой стоял психиатр. В руках у него был прут. Должно быть, Иннокентий вырвал его из стены. Дом, в котором они скрывались, был панельный, но некоторые бетонные блоки разрушились от времени и теперь из глубины стен кое-где просвечивал железный остов. Сколько же сил нужно было на то, что бы выдрать эту штуку оттуда руками?

Вера посмотрела по сторонам. Выродка не было.

— Все? — зачем-то спросила она не менее потрясенного Иннокентия.

Психиатр кивнул.

— Очки, — подсказала ему Вера.

Тот неуверенно потянулся к нагрудному карману, все так же не выпуская из руки прут, и достал очки. Перед тем как надеть их, Иннокентий внимательно взглянул на Веру и пробормотал:

— Ты оказалась права. Вот оно, оружие.

Странный мир рассеялся. Вера и Иннокентий стояли посреди улицы в окружении стражей. Психиатр свободной рукой прижал девушку к себе, защищая ее от оперативников этим жестом. Следом он бросил на асфальт то, что назвал оружием. Вера пригляделась. Теперь прут обрел новую форму. Сейчас он больше всего напоминал серебристый посох — просто длинная ровная палка.

— Передайте Протектору, что показательной порки не вышло, — оскалился Иннокентий. — Теперь я один из вас. Интересно, как ему это?

Оперативники не шелохнулись. Петр Андреевич аккуратно поднял с земли посох и рассмотрел его со всех сторон.

— Твое оружие, — произнес он. — Не думал, что когда-нибудь это увижу. Так теперь, в самом деле, ты наполовину хранитель, наполовину страж. Уникальный бессмертный. Сбылось то, что Анника предсказывала. В машину, парни!

После этого оперативники двинулись прочь, а их начальник еще раз посмотрел на посох.

— Я верну оружие, как только его зарегистрируют, — обратился он к Иннокентию. — Но зная тебя, сомневаюсь, что ты будешь скучать по оружию.

Иннокентий все еще прижимал к себе Веру, и ей тоже не хотелось отпускать хранителя.

— Теперь тебя не побеспокоят, — пообещал Отверстчик. — Я позабочусь. Красивое оружие. Даму защищал? Я об этом слышал от вашего главного и подумал тогда: сказки.

Иннокентий кивнул.

— Да, — протянул Отверстчик. — В таких случаях, оно всегда изящное получается. Когда во имя любви. Ну... совет вам да... — страж уже было повернулся спиной, но остановился и пристально посмотрел на Веру. — Вам повезло, что вы не видели его в деле раньше. Он пожирал заблудшие души. Даже у меня от этого зрелища по коже мороз был.

После этого начальник сыска испарился как черная тень. Иннокентий едва заметно пошатнулся. Битва ему, видимо, нелегко далась.

— Пойдем, — позвала Вера, позволив психиатру привалиться к своему плечу.

Иннокентий послушался.

— Сегодня я избавился от него, — едва слышно произнес хранитель. — От призрака жены.

— Ты меня спас, — в ответ прошептала Вера. — Еще никто не делал для меня ничего подобного. Я так привыкла со всем справляться сама.

— Разочарована?

— Наоборот.

Вера усадила Иннокентия в собственной комнате и налила чай. Их приключение с выродком заняло куда больше времени в реальном мире, чем в призрачном. Стоял поздний вечер. Психиатр молча грел руки о чашку. Вера временами поглядывала на него, но сейчас было не похоже на то, что Иннокентий готов потерять сознание от очередного приступа боли. Выглядел он так, словно ему было некомфортно после всего, что он пережил, но не более того. Вера разыскала корвалол и накапала несколько капель ярко пахнувшей жидкости в ложку.

— Что это? — отшатнулся психиатр, когда хранительница протянула лекарство ему.

— Корвалол. Успокоительное. Чуть крепче валерианки. В составе фенобарбитал, снотворное.

Иннокентий вздохнул и, поморщившись, выпил.

— Думаешь, уже можно слезать с морфия? — уточнил он, посмотрев Вере в глаза.

— Пожалуй. Еще тебе нужно поспать. Ты выглядишь очень усталым. Думаю, создание оружия дается нелегко.

Иннокентий кивнул.

— Можешь остаться у меня.

Глава 12. Когда все идет своим чередом

Вера разобрала диван и вытащила одеяло. Сама она мерзла, поэтому ночами укутывалась сверху еще и в плед. Так что сегодня у нее почти получилось два комплекта спальных принадлежностей. Они не стали раздеваться и просто легли, когда Вера погасила свет.

Довольно долго хранительница лежала, глядя в потолок в тишине и темноте. Уснуть ей не давала близость Иннокентия и двусмысленность ситуации. И кто они теперь друг другу после того, что им довелось пережить? Что дальше? Когда Вера наконец-то оторвалась от мыслей о себе и взглянула на Иннокентия, то поняла, что он тоже еще не смыкал глаз.

— Не спишь? — заговорила хранительница, не уверенная в том, что сосед отзовется.

— Нет.

— Почему?

— А ты? — Иннокентий повернул к ней голову, и Вера поднялась на локте.

— Я... — ей нужно было придумать какое-нибудь оправдание, говорить о своих чувствах сейчас было неуместно. — Думаю, это и правда была Лиля?

— Нет, — Иннокентий отвернулся. — Я знаю, что с ней и где ее искать.

Вера шумно выдохнула, и ей вдруг представилось, что психиатр навещал жену... какое-то время.

— Она привязана к моей могиле. День и ночь сидит там, как безутешная вдова. Ждет, пока я дам ей свободу. Первые двадцать лет после того как я узнал, Вера силой не пускала меня к ней, а потом я и сам... решил, что навсегда оставлю ее в кладбищенском холоде. Я никогда там не был...

Вера легла. Звучало жестоко, и это было в особенности неприятно слышать от такого человека как Иннокентий. Вот уж и правда, в каждом человеке скрыто и добро, и зло.

— Что ты подумала, когда увидела... то, что творится... там? — раздалось спустя несколько мгновений.

Вера усмехнулась. Так вот, что его мучает.

— Ничего особенного. Со мной уже столько странных вещей произошло в этой больнице. Эта... не самая страшная. Если бы я испугалась или мне было отвратительно, то я никогда не смогла бы вернуть тебе истинный облик.

Психиатр шумно выдохнул. Вскоре его дыхание стало ровным, и Вера с огорчением поняла, что он спит. Ну почему? Впрочем, он имел на это право. Хранительница с трудом могла представить себе ценой какого напряжения душевных сил ему, должно быть, далась минувшая битва.

Ночью Вера обдумывала то, что видела в бреду. И поняла, что знает отгадку, тот единственный ключ, который позволит Иннокентию избавиться от своего проклятия: он никогда не был поистине сумасшедшим. Боль и горе, направленные против самого себя, полностью затмили его разум и создали этот мир. Предшественница оживила в нем единственное, что могло конкурировать с разрушением — любовь и так вернула Иннокентию человеческий облик. Теперь Вера могла забрать остатки его чувств к жене, превратившись в сожаления, они все еще причиняли психиатру боль. Если это исчезнет теперь, он, как раньше, не превратится в ожившую ненависть и одновременно избавится от бреда. Но не будет ли это означать, что после он уйдет навсегда, так и оставив Веру с ее неразделенной любовью?

Наутро хранительница проснулась поздно. На часах было около одиннадцати. Вера вспомнила, что сама отключила будильник вчера, а вечером и не подумала о том, что его нужно было выставить заново. А вот Иннокентий не проспал. Психиатра в постели уже

не было. Вера поднялась, ощущая разочарование. Если так и дальше пойдет, она потеряет ко всему этому интерес. А ведь она уже почти сочла этого мужчину своей первой настоящей любовью. Но Вера просто была не из тех романтично настроенных дам, вроде Любы, что будут преследовать объект страсти, даже не смотря на его очевидную холодность. Хранительница не любила тратить силы на безнадежные дела. Погрустит немного и сможет идти дальше. Это лучше чем застрять в паутине нереалистичных ожиданий.

Вера растерла кулаками глаза и тут только заметила букет на столе. Она приблизилась. Это были васильки. Где он раздобыл их посреди зимы? Под вазой записка.

"Извини, что пришлось оставить тебя. Я хотел дождаться, пока ты проснешься, но мне срочно нужно на консультацию. Вера, спасибо за то, что ты есть. Ты мой ангел".

Вера отпрянула, и какое-то время стояла с запиской в руке. Неприятно в груди отдавалось то, что он назвал ее как Лилю, ангелом. Вера была совсем не такая. И все-таки... Это было приглашение продолжить то, что уже началось. Хорошо. Но прежде Вере бы хотелось услышать извинения за неоднократные попытки сбежать.

Хранительница оделась и побрела в корпус. Настроение было совершенно нерабочее. Дело было в том, что она догадалась, как помочь Иннокентию и теперь находилась перед очень непростым выбором: спасти его и дать уйти или же оставить для себя. С худшей дилеммой Вера пока еще никогда не встречалась. Или же нет? Рывком хранительница подняла голову, ей показалось, что перед ней промелькнуло самое важное воспоминание. Оно-то и опередило ее посмертный путь. Но нет, все стихло.

Вместо важных случившихся с ней событий, Вера различила Виктора и Леру, жадно куривших у входа в корпус. Даже не потрудились отойти.

— Ну все, пойду в приемное смотреть этот живот, — сказала Лера, докурив и шагнула к дверям.

— Угу, — кивнул Виктор. — Подойду попозже. Обсудим.

Вера проводила ординатора взглядом и встала на ее место.

— Я думала, хорошие отцы запрещают дочерям курить, — сказала хранительница.

Виктор выпустил струйку дыма и, как показалось Вере, посмотрел на нее даже с гордостью.

— Она заслужила передышку после всего, что выдержала за эти сутки. Моя девочка крепкий орешек.

— Так вы дежурили ночь? — удивилась Вера.

Хирург кивнул.

— Она вся в меня. Хотела показать, чего стоит, — произнес он, складывая руки на груди.

— И?

— С техникой и знаниями беда. Но для хирургии важнее всего характер. Она справится, а я ее научу всему, что необходимо, — после этого хирург лукаво взглянул на Веру. — Я слышал, вы с психиатром ночевали вместе.

— Ничего не было.

— Все так говорят, — хирург посмотрел в сторону, весело улыбаясь.

— Виктор, это не твое дело! — разозлилась хранительница.

— Может, и не мое, — на этом он заглянул Вере в глаза. — Только Люба считает это личным. Я от нее услышал. Не думай, будто это я за вами слежу.

После этого хирург снова выпустил дым. Вера отвела взгляд. А вот про Любу-то она, в самом деле, совсем забыла потому, что не видела долго на работе. Ни по хранительским делам, ни так. Вере не было до нее дела.

— Профессор провел ей курс... реабилитации, — продолжил Виктор. — Ты же помнишь, что она героиновая наркоманка? Вот он кого-то из них, из наркологов, для нее пригласил. Как выяснилось, есть и такие... хранители. А потом выполнял их рекомендации, посадив Любу под замок. Сегодня он ее выпустил. И первым делом она отправилась проведать Иннокентия, потому что думала, что у него тоже отходняк, а нашла вас вдвоем в твоей комнате на диване.

Вера вздрогнула. Выходит, она проспала скандал. Может, поэтому Иннокентий решил не дожидаться ее пробуждения? Еще бы, он, наверное, вытолкал Любу и объяснился с ней. А потом вернулся и написал теплое послание. Вера вздохнула и поняла, что не сможет его отпустить. Только не сейчас.

— И? — зачем-то протянула хранительница.

— И ничего. Все надеются, что у Любы теперь окончательно не съедет крыша в преддверии рождественского бала. Все порядком утомились от ее попыток психиатра добиться и его ответных выпадов. А теперь всем очевидно, что он, похоже, всерьез запал на женщину впервые за сто с лишним лет, — Виктор подмигнул. — Сложно представить, что дальше будет.

— Знаешь, ради меня вчера он... стал настоящим стражем, — зачем-то поделилась Вера. Ей просто хотелось, чтобы все поняли, что произошло нечто из ряда вон выходящее. — Он больше не превращается в чудовище и так же, как стражи носят оружие.

Виктор бесшумно затаился и выдохнул.

— Это совсем не тот Иннокентий, которого я знал, — ответил хирург, туша сигарету. — Ну все, пора проведать мою девочку. Присоединись?

Вера кивнула.

Лера была в кабинете хирурга в приемном. Она щупала молодому парню живот. Когда Вера и Виктор вошли, девушка распрямилась.

— Я думаю, оно, — сказала ординатор, уступая место хирургу. — Аппендицит. Симптом Щеткина-Блумберга положительный.

Виктор помыл руки и приблизился к больному.

— Что произошло? — обратился к молодому человеку он.

И, выслушивая рассказ, аккуратно начал прощупывать кишечник. Молодой человек постанывал и морщился.

— Да, Лер, — резюмировал Виктор, закончив с осмотром. — Надо поднимать, пока он не лопнул.

— Кто лопнул? — округлил глаза пациент.

— Червеобразный отросток, — пояснила Лера. — Не пил бы два дня обезболивающие, сейчас не рисковал бы перитонитом. Надо оперировать.

— О господи, — закатил глаза больной и безотчетно перекрестился.

Хирурги вышли. За ними в дверь протиснулась и Вера.

— Ну что, возьмешься? — Виктор взглянул на дочь, когда хирурги оказались в холле.

Лера неуверенно посмотрела на свои руки и прошептала:

— Это ведь лапароскопия, а я держала троакары ну... в студенческой аудитории только.

— Я тебе помогу.

Вера попросилась давать наркоз. Никто в начале суток не торопился заниматься экстренным аппендицитом. Парень был молодой и здоровый. Анестезиологи отправили хранительницу одну. Вере, по правде, было просто любопытно понаблюдать, как отец будет учить дочь.

Виктор ей радостно кивнул, когда они с Лерой, переодетые в стерильное, появились в операционной. Больной уже был интубирован и под наркозом. Его накрыли стерильным бельем. Лера обработала операционное поле, и хирурги начали делать проколы в животе под хирургические инструменты. Вскоре все было на месте. Наложили пневмоперитонеум — надули брюшную полость газом, и все было готово для оперативного вмешательства.

Лера помедлила, но когда Успенский протянул ей черные ручки троакаров, взялась. Вера перехватила полный желчи взгляд другого ординатора, который остался держать камеру. Да, Лере еще не раз в кулуарах припомнят особенное отношение лучшего из хирургов отделения. Но по тому, как она сейчас сощурилась, хранительница поняла, что дочка Виктора приняла вызов. Она здесь, чтобы бороться за свое будущее в хирургии, и она это решение обдумывала, видимо, в течение тех трех, минувших с ее побега недель. Она еще покажет коллегам, чего стоит когда-нибудь.

Успенский поправил монитор, на который транслировала изображенная в брюшной полости камера, так чтобы Лере было удобно видеть инструменты, и встал позади нее, направляя руки ординатора. Нет, даже обучая дочь, он никогда не позволил бы ей причинить вред больному. Он будет руководить ей, пока движения Леры не станут настолько уверенными, чтобы она могла сама прооперировать человека без риска. Дочь Успенского передернула плечами, снимая собравшееся в руках напряжение. Вера догла по себе вспомнить как это страшно и ответственно брать в руки скальпель в первый раз.

Второй ординатор смотрел на Леру с открытой неприязнью, впрочем, как и операционные медсестры. Успенский еще никогда и никого просто так не выделял. Никого он еще не держал за руку на лапароскопии. Хочешь оперировать с ним — сначала как следует потренируйся. А тут такая неумеха. Лера была особенная и с этим тут так просто не смиряется. Но она не побоялась взяться за свой шанс, и это вызывало у Веры уважение.

Хранительнице нравилась та теплота, с которой взаимодействовали отец и дочь. В ходе операции Лера расслабилась, когда поняла, что жизнь больного на самом деле у Успенского в руках, не у нее. Хирург ее просто учит. Закончили они не быстро, но в то же время и не прокопались дольше положенного. Лера наложила швы и осталась посмотреть, как больной выходит из наркоза — быть может, просто не хотела встречаться сейчас в коридоре со вторым ординатором.

Хотя нет — увидела Вера, когда пациент начал просыпаться на глаза молодому хирургу навернулись слезы. Это было ясно без слов. Она смогла. Сумела, наконец, сделать то, о чем так долго мечтала. Спасла жизнь. Если бы они с Успенским не подспели вовремя, развился бы перитонит, червеобразный отросток на операции уже был заполнен гноем и разрушался, а там, глядишь, и смерть не за горами. Ушел бы из жизни молодой, здоровый парень, если бы не вмешались сегодня хирурги.

Больной мутным взглядом поглядел на Леру, и та вышла, на ходу стягивая стерильное белье.

— Он еще поблагодарит! — крикнула ей вдогонку хранительница.

Лера снова появилась в дверях.

— Не стоит благодарности, — сказала она.

Это все значило для молодого ординатора едва ли не больше, чем для самого больного.

Вера потом еще зашла к хирургам через час. Она чувствовала, что тоже несла за дочку хирурга какую-то долю ответственности. Лера переписывала истории, судя по всему, уже не в первый раз. Под столом скопились скомканные бумажки, кое-где исчерканные почерком Виктора. Ну что ж, по крайней мере, спуску он ей не даст из-за близкого родства, и в самом деле, вырастит достойного хирурга. Лера выглядела измученной. Еще

бы, она отдежурила день, ночь, отстояла сутра операцию и теперь, видимо, заполняла ночные дневники. Но хирургия не бывает другой. Она, в самом деле, для сильных и телом, и духом.

— А, Вер, будешь чаек? — обратился к хранительнице Виктор, протиснувшийся в ординаторскую.

Вера кивнула, продолжая исподтишка наблюдать за его дочерью.

— Как она? — тихо спросила хранительница, присаживаясь на диван.

— Молодец, — прищурился Виктор, ставя чайник, и добавил тише на полтона. — Моя девочка. Сносит их насмешки с настоящим достоинством. Я уверен, она справится.

Лере кто-то позвонил и она, взглянув на экран, нахмурилась и выскочила наружу.

— А как ее дочь? С кем она Арину оставила?

Этот вопрос заставил хирурга напрячься.

Развязка этой истории наступила куда раньше, чем всем бы хотелось. Лера с кем-то сильно поругалась по телефону и, ничего не объяснив, рванула домой.

Виктор и Вера стояли в недоумении у дверей корпуса.

— Что произошло? — обернулся к хранительнице хирург, и Вера проглотила ком.

— Что ты про ее семью слышал? — проговорила она.

Виктор почесал затылок.

— Да ничего особенного.

— Она говорила про мужа?

— Да, — подумав немного, произнес Виктор. — Она вроде замужем за каким-то бездельником. Пропадает днями в гаражах с товарищами, ремонтирует разные мопеды за бесценок. Говорит, у него свое дело, но что-то не похоже. Он был против того, чтобы она в больницу приходила.

Хирург говорил, постепенно ускоряясь, речь его становилась все более сбивчивой. По ходу рассказа он сам все понимал. Он так увлекся совместной работой с дочерью, что упустил все остальное из виду.

— Говорит, что деньги, которые она получила надо вложить в его гараж. Черт, Вер, это он, наверное, ей весь день названивал и ругался! А в последний раз чем-то пригрозил! Если он что-нибудь сделает с Ариной, я его своими руками убью!

— И она так же подумала, — одними губами произнесла Вера.

— Вот что, — хранительница уже строчила в своем блокноте знакомый адрес. — Бери такси и езжай к ней домой. У тебя же есть увольнительная? Единственный, кто ее сейчас сможет из этого вытянуть, мужчина, которому на нее не наплевать, ее отец. Михаилу Петровичу я все объясню. Врежь этому ублюдку, он решил прибрать деньги жены себе и украсть ее мечту вместе с будущим!

Виктор сорвался с места. Он бросился в отделение за одеждой.

Вера пошла на поклон к профессору.

Михаил Петрович слушал ее со все более и более мрачным выражением. Ему ни в коем случае не нравились проблемы, которые грозили появиться у больницы из-за разыгравшейся семейной драмы, но и своего подчиненного он тоже понимал.

— Где он? — наконец вздохнул патологоанатом.

— Уже в дороге, я думаю, — призналась Вера.

Михаил Петрович сложил руки на столе.

— Мда... Вера, вы когда-нибудь начнете меня предупреждать о том, что твориться в вашей хорошенькой голове? — глаза профессора сверкнули. — Я понимаю, что вы каждый раз думаете, будто справитесь сама или и вовсе не задумываетесь о последствиях. Но неужели вы не понимаете, что для всех было бы безопасней, если бы рядом с вами в этот момент был более... опытный и умудренный жизнью человек?

Вера потупилась. Он говорил разом и про случай с психиатром.

— Вчера я узнаю, что вы с Иннокентием... сражались с выродком и только чудом остались целы, сегодня вот Виктор и его дочка... Что вы хирургу сказали, отправляя туда?

Вера посмотрела в окно. Падал снег, и снаружи было так спокойно и безлюдно. Опускались сумерки.

— Ничего особенного. Только отец сможет защитить дочь, разве не так?

Михаил Петрович выдохнул, привстав со своего места.

— Вера, надеюсь, он никого не убьет! Понимаете ли, мы не простые люди. За нападение на невиновного хранителя грозит серьезная кара! Вам надо было хотя бы отправить с ним Иннокентия!

Девушка вздрогнула и поняла, что не подумала об этом.

— Но в чем-то вы правы, — сказал профессор, садясь обратно. — Чтобы изменить свою жизнь, нужно иногда идти на серьезный риск. Я долго пытался скрываться от этого. А вы прямо моя противоположность. Теперь нам остается только ждать. И если вы не против, я хотел бы встретить Виктора и... его семью вместе с вами.

Так патологоанатом и Вера пришли в ее комнату. Вскоре туда же подтянулась и Надя, вернулся с консультации Иннокентий и, отперев свою квартиру, пригласил всех к себе. После случая с Любой он стал закрывать на ключ собственное жилище. Атмосфера была мрачной и до крайности напряженной. Дежурила сегодня Любовь, и это было единственным, что радовало Веру — не нужно было еще и лицеизреть ревнивую мину кардиолога.

Хранители пили чай. Вера захватила для всех торт из своей ординаторской, но к сладостям никто не притронулся. Все, наверное, думали о том, что если случилась драка, и стражи поймали Виктора, теперь в больнице будет одним хирургом меньше, хорошим, надо сказать, хирургом. Стационар потеряет так многое с его уходом, что не хотелось даже и думать о таком. А что? Он должен был остаться для других? То, что Виктор отправился решать личные вопросы, выглядело правильным, но последствия могли оказаться слишком трагическими.

Ближе к пяти ночи у Веры зазвонил телефон. Почти все хранители уже дремали. Надя расположилась на кушетке для психоанализа, Михаил Петрович уснул прямо за столом. Только Иннокентий еще держался, видимо, из солидарности с Верой. Сама хранительница не засыпала, тревожные мысли не позволяли. Раз за разом она возвращалась к тому, что могло случиться с Виктором из-за того, что она дала ему адрес дочери. Впрочем, он и так мог наделать глупостей. Но ведь именно Вера оказалась той, кто протянул самоубийце оружие.

Пару раз ей казалось, что Иннокентий хотел накрыть ее руку своей, обнять за плечи, но не решался. Момент был совсем не тот, чтобы заявить о своей привязанности. Так они и сидели, поглядывая друг другу в глаза.

И тут этот звонок. Иннокентий шумно выдохнул и протянул Вере стоявший на зарядке телефон. Очнулись от дремы другие хранители.

— Как ты?! — крикнула в трубку Вера.

— Все в порядке, — послышался с том конце голос Виктора, довольный и усталый. — Скоро привезу.

— Кого?

— Леру с Ариной. Спроси психиатра, можно у него переночевать?

Иннокентий кивнул, очевидно расслышав вопрос.

— Да, — передала Вера. — Что у вас случилось? Мы тут не спим все.

— Я... — в трубке какое-то время молчали. — Припугнул как следует этого болвана. Мы с Лерой сдали его полиции. После скандала оставаться она там точно не будет. Я их забрал. Вернемся, все расскажу.

— Хорошо, ждем, — выдохнула Вера и нажала отбой.

Потом все засуетились. Готовили комнату для Леры и ее дочери, когда все было сделано, Веру за плечо придержал Михаил Петрович.

— Сейчас мы обязаны им помочь, но, надеюсь, ты понимаешь, что живые не могут существовать бок о бок с мертвыми. Сегодня или завтра ты обязана будешь сказать Виктору.

Вера посмотрела на часы и прошептала:

— Только не сегодня. Тридцать первое, профессор, Новый Год.

И тот неожиданно улыбнулся.

— А я ведь и забыл совсем про праздник! — шутливо хлопнул он себя по лбу. — И у нас в гостях будет маленькая девочка. Знаешь, что я подумал, Вера? Почему бы нам не купить елку?

Остальные хранители обернулись к своему предводителю. Вера к собственному удивлению прочла на их лицах радость.

— Я с вами, — неожиданно вызвался Иннокентий.

Надя тоже встала рядом, давая понять, что готова разделить предпраздничную суету.

— Ну, решено, — сказал патологоанатом, обедая взглядом маленькую команду. — Ты, Вера, остаешься здесь ждать гостей, а мы идем за покупками. Это будет мой первый настоящий Новый Год в больнице.

В семь появились Лера, Арина и Виктор. У дочери хирурга наливался цветом внушительный синяк под глазом. Маленькая темноволосая Арина устало терла кулаком сонные глаза. И только когда Вера увидела их, наконец, смогла выдохнуть. Все хорошо!

Виктор быстро проводил семейство в отведенную комнату и захлопнул за ними дверь. Еще какое-то время было слышно, как Лера укладывала дочь, но потом все затихло. Хирург и Вера остались в гостиной друг напротив друга.

— Как же я рад, что у меня наконец-то снова есть семья! — заявил Виктор, заняв стул.

— Вить, они не смогут тут жить, ты понимаешь? — одними губами произнесла Вера.

Тот кивнул.

— У меня уже есть идея, но мне нужно пару дней. Сегодня и завтра они смогут остаться с нами?

— Да.

— Отлично! — Виктор хлопнул ладонью по столу. — У нас будет первый настоящий Новый Год! Психиатр уже написал мне.

Вера с удивлением подумала о том, что Иннокентий похоже, наконец, научился

пользоваться мессенджерами.

— Что там произошло? — спросила Вера, наливая хирургу чай.

Виктор задумался, а потом начал рассказ:

— Это было целое приключение.

В это время телефон Веры пикнул так, как когда на него приходили сообщения по WhatsApp. Фото от психиатра. В сообщении было два снимка. Он сфотографировал две ели. И подпись: "Какую выбрать?". Держала деревья Надя. Вера улыбнулась. Хирург заглянул ей через плечо.

— Насколько я понял, он поменял телефон, — пояснил Виктор. — Тому кнопчному кошмару было лет двадцать. В этом он обнаружил камеру. Теперь завалит тебя фотоотчетами. Он же у нас художник.

Вера крепко сжала телефон. Ей почему-то показалось это очень милым, и набрала в ответ: "Первую".

— Так вот, когда я приехал, — заговорил хирург. — Не нашел на месте вообще никого. Лера, как выяснилось, оставила Арину с подругой и поехала ко мне. Она часто так делала, теща у нее вредная старая бабка и постоянно ворчит, когда приходится сидеть с ребенком. А подруга хорошая. Мать троих детей, не работает, их содержит муж. Познакомились Лера с ней еще когда Арина в детский сад ходила. С тех пор Аня ее главная опора. Так вот, этот Толик, Лерин муж, три недели проедал моей дочери плешь по поводу денег, которые она в лотерею выиграла. Ну, то есть, которые я дал. Всем было ясно, что он бы все пропил. Сидел что-то там чинил в своих гаражах за гроши с тех пор как ушел с последней работы. А то, что получал за свой труд, спускал на собутыльников. Как только Лере повезло, он почему-то решил, что сумеет начать свое дело. Может, он ей позавидовал. Приставал страшно. Даже грозился не выпускать из дому, если она не согласится, это я потом уже от Ани узнал. Моя девочка вспылила, все-таки она в меня.

Виктор счастливо улыбнулся.

— Не сдалась. Отдала Арину подруге и поехала. Не знаю, правда, на что она рассчитывала. Ему наврала, что на работу, что обязана отработать по договору перед увольнением сколько-то там смен. Но Толик видимо что-то почувал. Он ей всю смену звонил и пытался уличить в обмане. А потом вдруг заявил, что идет к Ане с опекой, мол, жена ребенка из семьи забрала, отдала подруге, и сама непонятно куда сбежала. Лера и подорвалась. Для нее нет ничего страшней, чем потерять Арину. Но Толик, оказывается в это время выпил как следует с собутыльниками. Это они его и надоумили. Ни в какую опеку, он, конечно же, не пошел в таком состоянии. Отправился домой. Тут заявила Лера и он начал ее колотить.

Вера взглянула на руки Виктора, которые сжимались так, будто он душил ими Толика.

— Теща подняла крик, так только Лере и удалось убежать. На сей раз он разошелся не на шутку. Хотел прямо-таки выбить из нее деньги эти несчастные. Лера бросилась к Ане и Арине. Он погнался следом. Там-то я их и настиг, по горячим следам. Разговорил перепуганную старуху и побежал Леру спасать с внучкой. Я его тогда...

Виктор прервался и, глубоко вдохнув, посмотрел на Веру. Хранительнице и без слов было ясно то, что хирург следом озвучил.

— Чуть не убил. Не знаю, как мне хватило человеческого терпения.

Вера прикрыла веки и представила, как этого Толика, преследовавшего в ночи и пьяном угаре беззащитную перед ним женщину, вдруг остановил сильный и крепкий мужчина. Прижал к стене, так что дыхание сперло, и зашипел кому-то в темноте: "Зови ментов скорей, а то я его сейчас урою". Как Толик сник, понимая, что нарвался на неравного противника.

— Дождались мы органов и просидели в отделении с Лерой до поздней ночи, писали заявление, ждали освидетельствования. Она сначала очень меня стеснялась, а потом расслабилась что ли и доверилась, как на операции вчера. И так было ясно, что хуже

точно уже некуда. Потом поехали к подруге за Ариной. Знаешь, что меня удивило? — хирург усмехнулся. — Аня меня с порога за ее родственника приняла. Недаром нам даются настоящие друзья, эти люди о нас правду самую чувствуют. Лера рассмеялась, говорит, мы ведь не похожи. А подруга ее на меня странно как-то очень посмотрела, как будто видела то, что смертным недоступно. Потом мы еще вещи на дочкиной квартире собирали, и в пять утра я сказал, что их обоих с собой увожу. Лера не спросила куда, просто кивнула, опустив глаза в пол. И вот, доставил вам.

Виктор выдохнул.

— Дальше куда? — подсказала ему Вера.

Подбородок хирурга дрогнул, и хранитель посмотрел в сторону.

— Помнишь, я говорил, зачем мне увольнительные?

Вера покачала головой.

— У меня осталась одинокая мать. Ей сейчас восемьдесят четыре года. Но она еще крепкая старушка. С тех пор как мы с Седой погибли, они так и не решились никого даже из приюта взять. Так и жили вдвоем с отцом, пока он пять лет тому не скончался. Я стал навещать ее десять лет назад, когда ей стало трудно самой по дому управляться. Представился коллегой своим. Раз в месяц хожу на старую квартиру, родители туда переехали после нашей смерти, и помогаю. Хотел вот ей сиделку нанять, она все упрямилась, но теперь-то я придумал кое-что, от чего она точно отказаться не сможет.

Вера улыбнулась.

— На Новый Год только пусть Лера и Арина с нами останутся, — попросил хирург. — Мама будет в гостях.

— Конечно, — произнесла Вера.

Вскоре хирург прикорнул на кровати психиатра. Тем временем вернулись другие хранители. Иннокентий втащил елку, Надя несла пакеты с украшениями, Михаил Петрович тащил сумки с едой. Вера бросилась помогать профессору и подивилась разнообразию продуктов, пока они вместе с патологоанатомом разбирали на кухне покупки.

— Готовим-то для живых, — улыбнулся Михаил Петрович. — Если не возражаете, Вера, я вам помогу. Давным-давно я любил праздники.

Так они и провозились на кухне, пока Надя и Иннокентий украшали комнату. К пяти вечера новогодний стол был готов. Осталось повесить последние украшения елку, около нее еще возился психиатр.

— А кто сегодня дежурит? — поинтересовалась Вера, протягивая Иннокентию игрушку.

Психиатр замешкался и с грустью произнес:

— Я.

Вера тоже ощутила разочарование. Ей ужасно хотелось провести этот вечер с ним.

— Я ведь чуть не забыл со всей этой подготовкой, — пробормотал Иннокентий.

Вера подала ему новое украшение.

— Любишь Новый Год?

— Никогда в жизни его не справлял, — обернулся к ней психиатр. — Но я люблю детей и праздники.

— А у вас с Лилей... — Вера потупилась.

— Тебе интересно, были ли у нас дети? — Иннокентий вытянулся, крепя на макушке бант.

— Нет, — после этого он заглянул в глаза Вере. — Я думаю, это к лучшему. Я... хотел ребенка, но она продолжала говорить мне, что для карьеры это будет плохо, что еще не время, что боится умереть в родах. В общем, в определенные дни мы были очень осторожны. Но когда я увидел ее... с другим, то понял, что не раскройся все раньше времени, я обречен был бы растить подкидыша. Лиля, кажется, забывала обо всем, отдаваясь страсти...

Вера хотела перехватить его руку и сказать этим жестом, что не все женщины такие же холодные мерзкие твари как его жена, но тут открылась дверь столовой и из комнаты на свет шагнула заспанная Лера.

— Ого! — произнесла она с неподдельным восторгом маленького ребенка, озираясь по сторонам.

И хранители выпрямились, побросав свои занятия.

— Это вы для нас? — пробормотала Лера, а потом обернулась и крикнула в комнату. — Ариночка, Ариш, иди-ка сюда!

Вскоре на пороге комнаты встала маленькая девочка и большими от удивления глазами озиралась по сторонам. Арина набрала воздуха в грудь и, наконец, выдохнула, обращаясь к хранителям:

— Кто вы такие? — девочка говорила полупшепотом, словно рассказывала кому-то тайну или пыталась заговорить с мифическими существами.

Вера почувствовала, как по коже пробежал холодок. В уставе хранителей никак не указывалось, что они должны скрывать свое существование от смертных, у них, в общем-то, и не было чего-то хотя бы отдаленно напоминавшего устав, только своеобразный свод правил, передававшийся на словах. Обычные люди просто о них не знали, и это казалось верным. Лера удивленно посмотрела на собравшихся в комнате людей как будто новыми глазами. Она и сама сейчас задала себе тот же вопрос, который только что озвучила дочка. Кто они все?

Но тут из спальни появился Виктор. Поспешно набросив на плечи рубашку, он заговорил, обращаясь к дочери:

— Это коллеги мои, друзья с кафедры. Я им все про вас рассказал и мы решили, что вы можете отпраздновать с нами Новый Год, прямо... прямо на кафедре. С жильем я все решил, но хозяйка будет только завтра. Так что оставайтесь, ты и Арина. Тем более мы уже все подготовили. Все дежурят в больнице ночь, вы нас не стесните.

Лера кивнула и улыбнулась. Обернувшись к Арине, она заговорила:

— Иди переодевай новое платье и за стол.

— Это какие-то волшебники, мама, — тихо проговорила девочка, скрываясь за дверью. — Я уверена.

Вера тепло улыбнулась. Дети чувствуют чудеса.

Лера обернулась к хранителям и виновато пожала плечами. Если она знала, что совершенно никого из них не расстроила! Они, и правда, были волшебниками, чей труд был незаметен для большинства. И это удивительно стечение обстоятельств грело их души.

— Я очень рад познакомиться, Лера! — шагнул к девушке Михаил Петрович. — Ваш куратор много о вас говорил.

Лера замешкалась, удивленно глядя на патологоанатома.

— Что? Что он такого говорил? — произнесла она, поправляя челку так, чтобы она хоть немного закрыла заплывший от удара правый глаз.

— Что вы очень похожи на его дочь, — ответил профессор, прикоснувшись к ее руке. — Вы ведь слышали эту трагическую историю? Вы вернули нашему хирургу то, чего ему

так долго не хватало — настоящую семью. А на счет глаза не волнуйтесь, он уже в полном порядке.

Вера выдохнула, увидев, как синяк Леры исчез на глазах. Девушка обернулась к зеркальной створке шкафа и сдвинула в сторону прядь.

— Что же это? — прошептала она.

— Новогоднее чудо, — улыбнулся профессор.

— Я же говорила, мама, — выглянув из-за двери, серьезно сказала Арина.

После этого в прихожей раздался стук. Иннокентий сорвался со своего места.

— Дежурство, — сквозь зубы процедил психиатр.

Вера глянула на часы. Пять тридцать. Он уже на час опоздал. Люба, наверное, в бешенстве. Это она и барабанила в дверь.

— Извини, — донесся из прихожей голос Иннокентия. — Я побежал. А ты... Если хочешь заходи. У нас праздник.

— Праздник? — раздался одновременно раздраженный и удивленный голос Любы.

— Да. Новый Год.

Вскоре в гостиной показалась Люба, и все замерли. Хранительница была в зимнем пальто, на плечах и рыжих волосах лежал снег. Любовь сильно осунулась за то время, что Вера ее не видела и теперь по комплекции могла бы соперничать с анестезиологом. Она словно изводила себя чем-то. Лицо Любы было серым и безжизненным. Хранительница молча взирала на торжество, как будто не видя в происходящем никакого смысла. Виктор напряженно повел головой. "Только все как обычно не испорти!" — читалось в этом жесте.

— Ну, поздравляю всех с наступающим! — подчеркнуто радостно заявила Люба. — А мне надо как следует выспаться!

И вышла. Вера с облегчением села на свой стул, понимая, что этим вечером ей не придется иметь дела с Любой. Отчего-то она чувствовала себя виноватой перед хранительницей. Она словно украла у нее Иннокентия и теперь, после этой встречи, Вере стало, наконец, ясно, что психиатр для соперницы значил не меньше, чем для нее самой. Хотя... Украла? Надо же ведь было быть такой клушей, чтобы за десять лет только и сделать, что набить ему своим вниманием оскомину! Вера была не столь груба, хоть и порядком настойчива.

Потом все немного успокоились, посоветовались еще немного на счет Любы и решили, что лучше сейчас ее оставить в покое. И начался сам праздник. Вера на миг погрузилась в знакомую теплую атмосферу, которую она, быть, может, только девочкой и испытывала. За столом было хорошо. Хранители в этот вечер забыли, кем были на самом деле, превратившись в настоящих людей, они пересказывали истории о своей жизни и подкладывали еды друг другу в тарелки.

Вера даже не сразу отвлеклась, когда ей в WhatsApp пришло сообщение.

"Выходи".

От Иннокентия. Любит он писать короткими фразами. Вера представила себе, как непривычный к новым технологиям психиатр с трудом набирает сообщения одним пальцем и усмехнулась. Ладно.

— Ребят, я на минуту, — сказала Вера и вышла в прихожую.

"Захвати куртку", — пришло тут же.

Вера послушалась.

"Вниз по лестнице" — снова моргнул телефон, когда хранительница была готова

повернуть дверную ручку.

Потом прилетел снимок кривого фонаря. Вера усмехнулась и пошла туда, где его видела. Это было на полдороги между флигелем и терапевтическим корпусом. Затем был снимок двери, запертой на кодовый замок и ключ от нее. Вера вошла. Фото лестницы, подписанное "шестой этаж". Хранительница послушалась и когда уже взобралась наверх, прочла: "Осталось только отворить дверь".

Вера схватилась за ручку, чувствуя, что ее сердце забилося чаще. Вот сейчас он ее точно позвал на свидание.

Вера отворила дверь, и в лицо ей ударил морозный вечер. По ее расчетам оставалось не больше пяти минут до двенадцати.

Иннокентий стоял у бортика и поначалу вроде бы не обратил внимания на ее появление. Вера не стала заикливаться на этом. В конце концов, она впервые видела окрестную больницу с этого ракурса, это было любопытно и захватывающе. Москва внизу замерла в ожидании чуда. Сейчас все в своих квартирах считают последние минуты до двенадцати. И только пара прохожих куда-то спешат. Промелькнула одинокая машина, огласив шоссе гулом мотора и шорохом шин.

Иннокентий развернулся, и Вера поняла, что он был занят. Психиатр возился с бутылкой шампанского. Он как раз справился с пробкой, и взял в свободную руку бокалы.

— Я, конечно, отстал от этого века, — заговорил Иннокентий, взглянув на Веру. — Но не настолько, чтобы проигнорировать новогодние традиции. В конце концов, последствия этих традиции я ежегодно вижу у себя в отделении.

После этого он разлил содержимое бутылки по бокалам и протянул один из них Вере. Хранительница бросила взгляд на этикетку, но не успела разглядеть ее. Оставалось надеяться, что это не "Советское шампанское". Иннокентий мог принять студенческий обычай употреблять это пойло за чистую монету. Она ещё раз взглянула на психиатра. Иннокентий выглядел уже не так старомодно, как обычно, в его гардеробе наконец-то появились вещи смотревшиеся современно. Должно быть, купил в этот же день. "Спасибо", — мысленно поблагодарила его Вера: "За то, что сегодня ты такой симпатяга". Он явно все ещё находился в поисках своего стиля. Но та перемена, которая уже случилась с ним, радовала Верин глаз.

— Сейчас же принято провожать старый год? — уточнил Иннокентий.

Вера кивнула.

— Хорошо. Тогда я начну. О том, что я не хотел бы брать в новый, — он вдохнул и посмотрел в сторону. Глаза его светились, — Я должен извиниться.

Вера подняла голову. Пару мгновений назад она разглядывала пузырьки в своем бокале.

— За что? — одними губами произнесла она.

Иннокентий улыбнулся.

— Все эти три месяца я вел себя так, словно меня воспитали в племени дикарей, а не в образованной мещанской семье. С тех пор как я понял, что очарован тобой, Вера, я только и делал, что пытался убедить себя и других в том, что это не так. Но я влюбился и вел себя как идиот. Как хорошо, что ты все еще не разочаровалась во мне...

Хранительница едва удержала в руках бокал. Она надеялась, что однажды это услышит, но всё-таки оказалась не готова к признанию.

— Считается, что до Нового года у меня есть время исправить старые ошибки, чтобы в двенадцать начать с нового листа. Я хочу, чтобы ты пошла со мной на рождественский бал, Вера. Ты согласна?

Хранительница выдохнула. Это прозвучало так уверенно, что она не смогла бы сказать "нет". Она поняла, как Иннокентий очаровал Лилу. Он, должно быть, и тогда выглядел так же, как сейчас. Вера, по правде, отказывать ему и не хотела.

— Да.

Иннокентий прищурился, вдруг с облегчением выдохнул и достал из кармана цветок. Следующим движением он воткнул розу Вере в волосы. Эта штука не напоминала ни живой цветок, ни бутафорию.

— Что это? — просила Вера, тронув прическу.

— Невянущая роза. Я купил ее пару дней назад в одном магазине. Я мог бы придумать сказку про волшебный цветок и его особое значение. Но ложью не создашь ничего стоящего. Правда подчас намного лучше фантазий. Суть в том, что существуют очки, показывающие истину, но никто еще из хранителей не создал невянущих роз. Их сделали своими руками обычные люди. Я хочу, чтобы это было с тобой, Вера, как память о самых важных чудесах, которые делаются без магии простыми людьми, как ты и я.

И тут загремели салюты.

Иннокентий аккуратно коснулся ее бокала своим.

— С Новым Годом, Вера.

— С Новым счастьем, — отозвалась Хранительница.

Вера отпила. Вино дорогое. Точно.

В нерешительности она тронула розу рукой, и тут Иннокентий накрыл своей ладонью ее пальцы, прикоснувшись к ее щеке.

— В тебе есть что-то от роковой испанской красавицы, поэтому я и подумал о розе, — произнес он. — Ты такая чистая, страстная и настоящая — все, чего можно желать. Я боялся, что вновь выберу женщину, которая вскружит мне голову. Я был дураком. Нет смысла соглашаться на компромиссы, если хочешь прожить счастливую жизнь.

Иннокентий немного прикрыл глаза, и Вера подумала, как же раньше она, должно быть, его пугала. Словно открытое пламя, опасное, но такое притягательное. Сотню лет он, очевидно, не делал женщинам комплиментов, и Вере представилось, как психиатр репетировал, так же как с роялем, пытаясь просто заставить себя вспомнить, каково это. Но у него все вышло так искренне и по-настоящему. Вера почувствовала себя Золушкой, которую пригласили на бал.

"Ну, не тяни с поцелуем", — подумала она.

Тут у Иннокентия зазвонил дежурный телефон. Психиатр поднял глаза к небу и мгновение медлил, прежде чем принять звонок. Момент был упущен. Наконец профессиональное возобладало над личным — вдруг кому-то плохо? Иннокентий прижал к уху трубку.

— Да?

Его лицо быстро приняло встревоженное выражение.

— В хирургии судороги, я должен идти, Вера! — объяснил психиатр, срываясь с места.

"В такой-то час!" — подумала хранительница, с сожалением провожая кавалера взглядом.

Шаги Иннокентия доносило с лестницы эхо. "В хирургию нужен реланиум!" — диктовал он собеседнику по телефону по дороге. Вера посмотрела в небо, ей было немного грустно. Работа украла у нее очень важный момент. И всё-таки так было правильно. У Иннокентия с Верой впереди ещё целая вечность. А у кого-то счёт, быть может, пошел на мгновения.

Вера подняла бокал в воздух и выпила за эту ночь. Ее взгляд упал на этикетку, наклеенную на бутылке. Это было очень дорогое вино.

Вера ещё долго не могла оторваться от вида города. Она ощущала себя счастливой и немного пьяной, когда вернулась во флигель. Ведь, в сущности, как ей на самом деле

мало было надо для того чтобы ощутить гармонию — просто даже не услышать, а прочувствовать эти слова "Я люблю тебя". Почему же Вера раньше этого не понимала?

Когда она аккуратно прикрыла за собой дверь квартиры психиатра, было уже без пятнадцати час. Чувствовалось, что атмосфера праздника схлынула. Действительно, за столом сидел один Виктор, и смотрел по ноутбуку унылую новогоднюю сетку вещания. Лера и Арина в обнимку спали в столовой на отцовской раскладушке. В комнату из гостиной падал бледный одинокий луч света. Хирург, видимо, не просто так оставил открытой дверь. Ему было важно знать, что семья рядом после стольких лет одиночества.

Виктор поднял голову и взглянул на Веру.

— Знаешь, я довольно давно не чувствовал себя настолько живым, — проговорил хирург. — Это лучший Новый Год за тридцать лет в больнице.

Вера улыбнулась, и тут Виктор заметил розу.

— Психиатр сделал тебе предложение? — хирург прямо-таки светился. — Всё-таки решился, да?

Вера смутилась. Ей совершенно не хотелось сейчас посвящать в личные дела других, кем бы они ни были.

— Неважно, — через плечо обернулась Вера.

— Нет, важно, — продолжал улыбаться хирург. — Мы делали ставки.

Вера стукнула по столу рукой. Да какое всем было дело!

— О боже, только не говори, что и ты...

— Я ставил на то, что тебе удастся его уломать.

— Звучит просто ужасно, Виктор.

Хирург ухмыльнулся.

— И всё-таки это отличная история о всепобеждающей любви. Может, она тоже станет местной легендой, вроде как моя? Было бы неплохо, Вера.

— Я к себе, — буркнула хранительница.

Вера зашла в свою комнату, и какое-то время беззвучно кружилась по ней, еще раз переживая разговор на крыше, пока ее взгляд не упал на чехол, лежавший на одном из стульев. Вера включила свет и приблизилась. Этого тут раньше не было. В таких чехлах носят дорогую одежду. Рядом со стулом на столе две коробки, перевязанные лентами. Как это могло сюда попасть?

Вера дернула молнию на чехле и тут только поняла, что это подарок. Внутри платье. Для бала. Точно! А Вера еще переживала, в чем ей пойти и пыталась на распродаже в сети подыскать что-нибудь приемлемое. От хранителей она слышала, что на рождество бессмертные одевают самые изысканные наряды. Никто не жалеет средств. Еще бы, единственная за год вечеринка! Но денег у Веры почти не было.

И вот... Хранительница вынула платье. Оно дорогое — старыми, почти позабытыми чувствами поняла Вера. Розовая шелковая основа прикрыта слоями фатина, на котором бисером вышиты звезды. Вере очень нравилось. Хранительница отложила наряд и заглянула в коробки. В одной обувь, в другой украшения, на крючке при входе появилась шуба. Вера села на соседний стул. Он все предусмотрел.

Вера глядела перед собой и не могла выдохнуть полной грудью. Столько лет она гонялась за богатством, как за каким-то священным Граалем и ей было совершенно все равно, что за человек прилагался к банковскому счету, в конце концов, она знала, как соблазнять мужчин. И ведь они видели в ее глазах тогда эту жажду наживы, играли с

ней, маня деньгами и так и не давая желаемой стабильности. Они откупались как от продажной девицы.

И вот когда Вера отмахнулась от этой своей пагубной страсти и нашла человека, который привлекал ее своими душевными качествами, выяснилось, что он обеспечен. И это все после смерти, когда деньги были ей уже не нужны. И ведь она была куда счастливее так, чем в оставленной жизни. Что за горькая ирония? Она даже не обращала внимания на то, что психиатр, по всей видимости, сколотил за столетнюю практику хорошее состояние. Сейчас это стало очевидно. А Иннокентий, он не пытался Веру купить, как прочие. Он собирался сделать приятное избраннице. Хотел, чтобы она блистала на балу, поэтому и выбрал наряд, который посчитал достойным своей красавицы.

Хранительница с силой стукнула по столу рукой.

— Черт! — ей вдруг стало до боли обидно и противно, когда она сравнила свою нынешнюю любовь с другими мужчинами.

Что мешало дожидаться кого-то похожего? Почему нужно было бросаться с головой в омут?

Вера даже поплакала от досады, а потом встала и надела платье. Хранительница замерла? глядя в зеркальную створку шкафа. Она была прекрасна. Даже роза... так к месту. Как, интересно, он умудрился угадать размер?

В ту ночь Вера спала как убитая. Наутро Виктор повез дочь и внучку к матери, и Вера слышала, как психиатра снова вызвали куда-то. Сама она встала, собралась, поела, но все машинально. В голове крутилась мысль о бале и прекрасной даме, какой Иннокентий ее очевидно воспринимал. Вчера Вера увидела ее отражение в зеркальной створке. Он не знает кое-чего важного... Но кроме этого хранительница еще не умела танцевать. А там пары будут вальсировать и получится нехорошо, если Вера наступит кавалеру на ногу. В конце концов, она должна была выглядеть достойно. Легче было думать об этом, чем о собственной памяти.

В обеденный перерыв Вера оказалась у Михаила Петровича.

— Что случилось? — ласково обратился к ней профессор.

Казалось, он уже позабыл про ее приключение с Иннокентием и Виктором. Вера смутилась.

— Вы... умеете танцевать вальс?

— Кхм... — ответил профессор. — Вера, а зачем вам?

Она должна была это сказать, в конце концов, хранительница здесь именно из-за этого.

— Для бала...

— Но это ведь обязательно только для пар, — Михаил Петрович поднял глаза от сложенных на столе бумаг и вдруг улыбнулся. — Пойдите, так Иннокентий пригласил вас?

Вера кивнула.

— Да, — протянул патологоанатом. — Это зрелище многие оценят. Я рад. Я поучу вас, конечно же, я умею. В десять часов в главном корпусе. Вам подходит?

Вера кивнула.

— Спасибо.

В дверях она неожиданно встретилась с Любой. Все тревожные утренние мысли вылетели из головы, и Вера с ехидцей взглянула на соперницу: "Он выбрал меня! Не смей к нему больше приближаться!" Лучше бы она припрятала свое торжество.

До рождества оставалось пять дней и все они прошли в суматошной подготовке к балу.

Хранители делали последние приготовления: рассылали приглашительные и наводили лоск. Вера вечерами усердно разучивала вальс, временами представляя своего кавалера на месте профессора. Иннокентий днями просиживал в Управлении — так называлась организация стражей. По вечерам Вера занималась танцами, и хранители не успевали вживую перекинуться словом.

Оружие Иннокентия зарегистрировали прямо тридцать первого числа, и теперь надлежало утрясти все формальности. В сущности, психиатр проходил нечто вроде укороченного курса молодого бойца. Никакого энтузиазма по этому поводу он не испытывал, и с утра отправлялся в Управление как на каторгу.

Вера еще со встречи с опергруппой осознала, что у Иннокентия со стражами были непростые отношения, но не лезла в это, после того как Отверстчик, глава сыска, пообещал о психиатре позаботиться. Но хранительницу глодало то, что отныне она знала, что могла доказать стражам, что психиатр не чудовище. Только одна она.

Иннокентий, и правда, постоянно слал фото. Вере то и дело приходили его снимки с остроумными подписями. Психиатр словно пытался уверить ее в том, что в Управлении для него неопасно. Иннокентий высмеивал стражей. Непохоже, чтобы он их боялся. Психиатр вроде бы свел со старыми противниками счеты и победа осталась за ним. То, что случилось недавно — просто недоразумение. Это разубеждало Веру в том, что надо действовать немедленно.

Как поняла Вера, поначалу в Управлении обращались с аномалией, силу которой удалось обуздать, плохо. Иннокентий уничтожал опаснейших врагов, в то время как сам считался монстром и ежедневно рисковал оказаться в застенках. Со временем психиатр приручил дар и когда он стал его демонстрировать, стало ясно, что этот бессмертный куда более полезен в человеческой ипостаси — он спасал тех, кто мог бы стать аномалией и принести много проблем. Это было ценнее битв, после одной из которых можно было и не досчитаться Иннокентия.

Именно тогда психиатр довел до совершенства свое умение завоевывать союзников, которое поначалу в больнице решил продемонстрировать и Вере. Заручившись поддержкой авторитетных хранителей, он умело вел против представителей Управления свою игру. В то же время, Иннокентий продолжал сотрудничать с Управлением как психиатр, демонстрируя чистоту намерений. Вскоре его оставили в покое, трогать уникального хранителя было себе дороже. Пока в ноябре он неожиданно для всех не бросился спасать друга. Так что, уязвленные сотрудники Управления едва не ухватили психиатра за самое больное место, но это обернулось неожиданными последствиями. После обретения оружия, его как сотрудника в свою структуру зачислил Петр Андреевич Отверстчик, отвечавший за всех бессмертных, сражавшихся с тьмой на улицах Москвы, а этот страж, по словам Иннокентия, был не из тех, кто позволит тронуть своих.

Виктор тем временем устроил Леру и Арину у своей матери, позаботившись о том, чтобы они узнали друг друга. Хирург все обставил так, словно случайно услышал две истории и свел концы с концами. Одинокая старушка восприняла как чудо обретение внебрачной дочери своего давно погибшего сына. Лера была рада не меньше. Всю свою жизнь она мечтала узнать больше об отце. У матери сохранилась лишь одна фотокарточка и то, там хирург стоял среди операционной в маске и костюме. Ярко светила лампа. Было почти не разобрать его черт. В квартире Лера была окружена его вещами, словно в храме. Она без конца расспрашивала бабушку, и та ужасно рада была такому интересу к своему замечательному сыну, которого все вокруг, казалось, уже давно позабыли.

Хирург оставил свое семейство, спокойный за то, что с ними теперь ничего дурного не случится. И приказал Лере до седьмого числа не появляться в больнице. У его матери накопилась масса дел по дому, нужно было помочь. Лера это поняла и пообещала сделать все наилучшим образом. Теперь у нее была та самая квартира, ради которой девушка терпела издевательства Толика. Второго числа Виктор и Лера ходили вместе подавать на развод.

Вере же все это время не давала покоя одна мысль: должна ли она снять с Иннокентия очки? Вдруг это и был ее путь в больницу? Жизнь здесь ее уже многому научила: не стоит бояться любить и деньги не главное. Может, теперь ей стоило показать чудеса благородства и отпустить возлюбленного на волю? Вера понимала, что она не настолько

широкой души человек. Провидение, наверное, ошибалось в этом пункте. Не было у хранительницы таких огромных ресурсов, чтобы выпустить его сразу же после того как они признались в своих чувствах друг другу, даже не почувствовав ни тепла тела, ни вкуса губ... Что-то внутри твердило, что это расплата за развязное в прошлом поведение.

Глава 13. Рождественское чудо

Наступил вечер шестого января, и Вера очень нервничала. Она навела такой лоск, на который только была способна в домашних условиях, оделась и сидела у окна. Иннокентий с утра опять пропадал в Управлении. Не могли же они снова подставить своенравного психиатра и сделать так, чтобы он опоздал на бал, когда он впервые пригласил туда женщину?

Сверкнул мобильный.

"Выходи"

Это он. Как раз вовремя! Вера сбежала по ступеням и отворила дверь на улицу. Пахло морозным воздухом. Он улыбался и несколько мгновений разглядывал ее с восхищением. Вера придержала сползшую с плеча шубу и подумала, что готова наброситься на Иннокентия с поцелуями, так долго она его не видела. Внутри накопилось напряжение. Но рядом стоял Виктор, державший под руку Любу.

Вера, по правде, их только заметила, когда Иннокентий ненароком отвел взгляд в сторону. Похоже, они подумали об одном и том же, и психиатр счел за лучшее предупредить. Целоваться на глазах у Любы перед началом бала было бы излишним. Она могла бы и вспылить. Да какого она здесь делает, честное слово?

Иннокентий подставил Вере локоть, и та послушно ухватилась за него.

— Ты бесподобна, — произнес психиатр, и хранительница вздохнула, спиной ощущая, что сегодня предстоит что-то очень важное.

Они прибавили шаг, стараясь оторваться от Виктора и Любы.

— Пришлось взять ее с собой, — негромко заговорил психиатр. — Если бы Виктор не заговорил бы ей зубы, она бы уже скандалила.

Вера обернулась через плечо, чувствуя, как из-за Любы рвется атмосфера бала Золушки, на которую она так рассчитывала. Хотя... разве такая как Вера была столь же невинна, как героиня одноименной сказки? Хранительница почувствовала, что не заслуживала волшебства, пока кое-что было недоговорено, не в полной мере... Иннокентий принимает ее за принцессу, хотя на самом деле это не так. Поэтому она заговорила:

— Чего ей надо?

Иннокентий улыбнулся.

— Разве это важно сейчас?

Они уже подошли к дверям главного корпуса. Вера почувствовала, как вокруг стерлись краски и окружающий мир побледнел — это был какой-то барьер, который умели выставлять стражи, так, что их из окружающего мира было разглядеть. Шагнув вперед, Вера поняла, что торжество бессмертных пройдет для простых горожан незамеченным. Отсюда, наверное, эти сказки про пляски фей и заколдованные круги, которые она читала в детстве. Наверное, случилось, что кто-то из людей нечаянно заходил за барьер.

Парадная лестница была ярко освещена, по ней поднимались люди. Иннокентий подвел туда Веру, и они тоже пошли вверх.

— Люба завидует, — сказал психиатр, наклонившись к ее плечу. — Не дай ей испортить себе настроение. Виктор позаботится об остальном.

Так они и зашли в здание. Шубу у Веры забрал какой-то человек и девушка удивилась. Она не думала, что у бессмертных может быть прислуга.

— Это простые души, — пояснил Иннокентий, отдавая свое пальто. — Те, у кого остались незавершенные дела, и кто не заслужил выдающегося посмертия своей жизнью. Вообще-то стражи должны были бы отправлять их во Врата, но некоторых они берут на службу. Я бы сказал, грешат этим. Вроде как это помогает душам решить проблемы, прежде чем пойти дальше. Один раз пообещаешь стражу что-нибудь, и он потом не отвяжется до

самого своего исчезновения.

Человек, забравший пальто психиатра обреченно вздохнул.

Иннокентий снова подхватил Веру под локоть, и они прошли в холл, заполненный бессмертными. У стен робко стояли души, прислуживавшие могущественным хозяевам. И Вера подумала, что ей еще очень повезло, что у нее после смерти был дар и важная миссия. Она вспомнила себя в сентябре и усмехнулась.

В главном зале было людно, играл оркестр. Гости пили шампанское и разбирали закуски. В общем, картина не сильно отличалась от обычного светского приема. Разве только бессметные общались друг с другом с явным наслаждением. Еще бы, виделись ведь они раз в год. Вера разглядела оперативников из группы Отверстчика, они, как и другие стражи, были в парадных черных мундирах. Но вот их начальника не было видно. Вера перевела дух, по правде, ей не хотелось видеть Отверстчика. Ему доверял Иннокентий, но Вера не могла отделаться от неприятных ассоциаций, которые вызывал у нее этот странный мужчина со шрамом, внешне выглядевший как мясник.

Виктор присоединился к стайке мужчин, не забывая, впрочем, крепко держать за руку Любу. Вера подумала, что видит общество московских хирургов и улыбнулась. Иннокентий тем временем утянул даму в самый неприметный уголок.

— Моя фигура вызывает слишком много интереса, — сказал он, прищуривая глаза.

Ему опять смешно. Вера посмотрела по сторонам. Действительно, на психиатра бросали заинтересованные и даже немного испуганные взгляды.

— Мы с тобой много шума наделали, — улыбнулся Иннокентий.

— Давай поцелуемся, — предложила Вера. — Чтобы им было, что обсуждать вместо твоего оружия.

— Ты прекрасна, — искренне сказал психиатр и тронул рукой розу, приколотую к ее прическе. — Если бы ты могла сейчас себя видеть. Однажды кто-то сделал тебе так больно, что ты буквально ослепла...

У Веры перехватило дыхание. Ты... жалеешь... меня?

— Ты то, за что можно отдать жизнь...

В этот миг оркестр прервался, и заиграла другая, торжественная мелодия. Двери в зал распахнулись, бессмертные отошли от стен и склонили головы в поклоне.

— Начальство, — прокомментировал психиатр.

Вера присмотрелась. В зал шагнул молодой, красивый атлетически сложенный мужчина в самом богато украшенном черном мундире. Он вел под руку хрупкую, почти невесомую девушку, волосы которой были уложены в длинную, украшенную жемчугом русую косу. Вере она напомнила русалку возможно из-за отрешенного взгляда и полупрозрачной, едва ли не сияющей кожи.

— Это Юрий Владимирович Протектор, глава Управления, и Анника.

— Анника? — переспросила Вера, больно странное имя для русской барышни.

— Покровительница хранителей, — кивнул Иннокентий. — Она не то, чтобы человек. Скорее душа города.

— Она... как Иваныч?

— И да, и нет, — повел головой психиатр. — Она сосредоточение земной справедливости. Именно она призывает на службу бессмертных, она же знает, когда и кому уходить. Анника защищает хранителей. Если б не было ее, мы все плясали бы под дудку Управления, и тогда из-за бюрократии ни у кого не осталось бы времени на добрые дела. Ты слышала, какой это тяжкий проступок причинить вред одному из нас?

Вера отрицательно покачала головой.

— Нас иногда сравнивают с ангелами, — улыбнулся Иннокентий. — Убить хранителя — получить вечное проклятие. Поэтому стражи ничего не сделали, когда мы бросились защищать Виктора. Будь мы кем угодно другим, от нас не осталось бы следа. Мы — то, чему они служат в первую очередь.

— Мы? — переспросила Вера.

Иннокентий кивнул.

— Дети Анники — лучшее, что породил в этот город. Поэтому не сомневайся в себе, что бы ты ни натворила в прошлом, в твоей душе живет столь яркий свет, который позволяет тебе творить чудеса. По крайней мере, его вижу я.

— И я... вижу твой свет... тоже, — призналась Вера, глядя Иннокентию в глаза.

— По традиции вечер открывает вальс, — произнес он, протягивая даме руку. — Нам нужно выйти вперед.

Глава стражей заговорил, приветствуя гостей и поздравляя с очередным прожитым годом, полным добрых и справедливых дел, но Вера не стала вслушиваться. Это все были общие слова, которые она много раз слышала на других собраниях.

— А какой в этом смысл? — спросила она у Иннокентия. — В вальсе? Разве бессмертные встречаются друг с другом? Мы ведь не можем рожать детей и иметь семьи, верно?

— Смысл в любви. Это лучшее из человеческих чувств, Вера. Для бессмертного влюбиться, значит обрести целостность, которой у него не было в жизни. Если тылюбишь, значит, половина твоего пути уже точно пройдена. Парам все завидуют, так что не слушай их шепот!

Анника объявила вечер открытым, и спутник утянул Веру к центру зала. Бессмертные, в самом деле, зашептались. "Тот самый психиатр" — долетало до девушки. "А кто эта дама?". "Не может быть!".

Вера встала напротив Иннокентия и гордо расправила плечи. Если бы он с самого начала предупредил, что бал немного не то, чем кажется. Это какое-то показательное выступление. И все-таки, наверное, нельзя было по-другому. Все бы так или иначе заметили, что между ними что-то произошло. Это был просто официальный способ сообщить об этом. У бессмертных по понятным причинам не существовало института брака, но был вот этот бал, где общество ежегодно делилось последними новостями. Пригласить кого-то на танец в самом начале означало назвать его своим официальным спутником. Вера взглянула на Аннику, рассматривавшую выстроившиеся пары. Ну да, прямо перед лицом покровительницы хранителей.

Музыка началась и пары закружились. Вера на миг выхватила из группы танцующих Марину, ту самую стражницу, что чуть не напала на хранителей, когда они спасали Виктора. Та танцевала с рыжим кавалером, кажется, Вера видела и его в тот день. Странно было признавать, что среди стражей тоже случается настоящая любовь. Марина заметила ее и вдруг улыбнулась. Тогда Вера посмотрела на Иннокентия.

— Никогда не надеялся, что смогу хотя бы еще раз выйти в свет с настолько красивой девушкой, — притянув ее ближе, сказал психиатр.

Похоже, он был по-настоящему, искренне влюблен. Вера отпрянула и почувствовала, что зарделась. Это было самое странное предложение, которое ей когда-либо делали в жизни. Но она была счастлива, она хотела быть здесь.

Музыка закончилась, но Вере казалось, что этого было недостаточно. Иннокентий аккуратно увел ее в сторону и усадил на стул.

— Чего-нибудь хочешь? — поинтересовался он.

В этот миг психиатру махнул высокий тощий мужчина. Жест был недвусмысленным: подойди. Иннокентий возвел глаза к потолку. Вера вопросительно покосилась на кавалера.

— Это Ученикин. Глава местного общества психиатров. Наверное, хотят поздравить с обретением официального оружия. С тех пор как они образовались в тысяча девятьсот пятом году, они ежегодно проявляют к такой аномалии как я нездоровый интерес. Если я не подойду, они сами сюда явятся и начнут утомлять нас обоих скучными терминами. Давай договоримся, Вер, ты подходишь ровно через десять минут с любым предлогом, да хоть что занавески горят.

Хранительница кивнула.

— Ну, я пошел, — улыбнулся ей Иннокентий.

Вера взяла его за руку, теперь у нее было чувство, что она может сделать это без того, чтобы причинить им обоим неприятности и какое-то время подержала пальцы.

— Иди, — наконец сказала Вера.

Хранительница разглядывала кавалера, любуясь им, и тут в ее поле зрения попала Надя. Недалеко от психиатров, обступивших Иннокентия, она стояла с рыжим бородатым оперативником из группы Отверстчика. Вера даже поначалу испугалась за коллегу. Это был огромный тип: мощный, широкоплечий. По сравнению с хрупкой Надей он выглядел просто медведем. Но жесты и мимика оперативника были полны такой нежности и такта, что Вера расслабилась. Нет, Надя в безопасности. Вера присмотрелась. Неужели коллега что-то стражу ответила? И тут у Веры перехватило дыхание. Это была так необходимая ей сегодня истина: чудо любви. Рыжий оперативник пригласил Надю на танец, и она ответила "Да". Произнесла первое за восемьдесят лет слово.

Поэтому Вера не заметила того, как подле нее оказалась Люба.

— Довольна собой, да? — начала та.

Вера поднялась со стула. У нее сейчас было не то настроение, чтобы слушать в свой адрес упреки. Не здесь и не сейчас, когда все шло так правильно. Хотя, если бы Вера была чистой и непорочной, она бы никогда их и не получила. Это было ясно и подмывало хранительницу защищаться, что было сил. Но с другой стороны Вера понимала, что обязана столкнуться с прошлым. Только если Люба не станет без повода поливать ее грязью, только правда. Оставалось надеяться, что собеседница не перейдет эту грань.

— Я знаю, что ты хотела бы сказать мне: у самой рыльце в пушку. Да, Вера, я пришла напомнить тебе именно это. Мы не меняемся, — сдавленно произнесла Люба, взглянув на психиатра. — И он... тоже. Он падок на таких, как ты. Красивые безделушки... — в ее тоне было столько ненависти, что Вера невольно содрогнулась. — Его жена спала с хозяином опиумного притона, промышлявшего к тому же разными грязными делами. Не могла слезть с розг, которыми он ее охаживал, прежде чем заняться любовью. Хороша семейка! Ты знала?

Вера не могла понять, как ей реагировать. Вся эта обстановка была слишком неподходящей для таких тем.

— Догадывалась, — призналась Вера.

— А теперь читай про себя, чтобы сравнить, — выдохнула Люба, доставая листок из маленькой сумочки. — Кто-то же должен помочь тебе с амнезией. Или ты только претворяешься, что потеряла память?

Люба сунула ей в руки бумагу. Это был вырванный из личного дела листок.

— Люба ты же... не украла это? — Вера держала бумагу липкими от холодного пота руками.

— Какая разница? — отозвалась соперница. — В любом случае, мне отвечать. Я не уйду, пока ты не прочитаешь. Да, уже поздно, но мне нужно чтобы вы оба узнали правду.

Вера взглядела в строчки и, наконец, заполнила те пробелы, что не давали ей покоя вот уже четыре месяца с... наступления амнезии. Вера нанялась в клуб танцовщицей, но до проституции не опустилась, не собиралась быть одной из тех девочек с периферии, которых погубила Москва. Она просто поджидала свой шанс, между делом разводя

щедрых мужчин на деньги. Потом ей неожиданно подвернулся эскорт, и вот там она уже зацепилась за нужную компанию, где нашла подходящего кавалера. Вера поменяла не так уж и много любовников, всего троих, пока вышла на своего мужа. Он занимал высокий пост в одном министерстве и с вожделием смотрел на нее, этого было достаточно, чтобы у Веры глаза зажглись. Она чувствовала, что была на самом своем пике, еще год-два и начнет вянуть девичья красота, она устанет от алкоголя и любви в пьяном угаре, язык начнет заплетаться от притворства и лжи. Нужно было хвататься за самый лучший шанс, пока Верой все были очарованы. Понимала ли она тогда, что добровольно шагала в клетку, которая вот-вот должна была захлопнуться?

Какое-то время они крутили бурный роман, и вот он бросил ради любовницы жену с ребенком, не без скандала, но деньги помогли все замять. Вера довольно быстро стала его второй женой. И тут началось самое мерзкое. Был у мужа друг из следственного комитета, которого он попросил накопать про Веру всю правду однажды, когда они еще в медовый месяц впервые крепко поссорились. Сама-то молодая жена супругу лапшу на уши вешала про свое безупречное прошлое. Даже про любовников умолчала. Ну и тот, конечно, узнал про стриптиз-бар и клубы и пришел с этой информацией к Вере.

Она уже тогда понимала, что супруг за такую информацию ее прибьет. Вера окрутила его тем, что прикинулась невинной овечкой. Но семейная жизнь не складывалась. Супруг все больше психовал и тосковал по брошенной жене, когда стал проявляться истинный характер Веры. Ему нужна была покладистая хозяйюшка, которая закрывала бы глаза на его интрижки на стороне. Вере не нравилось быть молчаливой тихой гаванью. Это раздражало ее мужа до крайности. Пару раз он Веру в запале так приложил, что пришлось обратиться к врачам. За правду о ее прошлом он и уничтожить ее мог, стерву-разлучницу.

Друг мужа предложил постель в обмен на молчание. И Вера согласилась. Иначе бы умерла.

Вера отступила на шаг. Дальше читать у нее не было сил. Воспоминания стояли перед глазами как живые. Это было... больше, чем отвратительно. Она всунула листок Любви обратно в руки и выбежала из зала. То, что за ней увязался Иннокентий, Вера уже поздно поняла. Психиатр схватил ее за руку, когда хранительница выскочила наружу из корпуса.

Они оба встали на вершине лестницы.

— Хотя бы возьми шубу, если собираешься уходить, — посоветовал Иннокентий.

Вера кивнула. В глазах стояли слезы, но она не решалась плакать при нем.

— Я принесу, — уверенно сказал психиатр. — Подожди минуту.

Вскоре он, в самом деле, вернулся с шубой и накинул ее Вере на плечи. За это время хранительница успела собраться с мыслями. Она не ушла потому, что ей нужен был Иннокентий. Теперь Вера знала, что ей делать.

— Люба все-таки тебя отыскала? — вздохнул психиатр.

И Вера вдруг поняла, что он знает. Люба, должно быть, вечером была с ним только потому, что ему первому сказала. Тогда они с Виктором решили держать ее под присмотром.

— Это сейчас неважно, — прошептала Вера. — Я тебя не заслуживаю. Я еще до нее собиралась тебе сказать. Она просто... убедила меня в том, что это надо сделать сегодня. Не сопротивляйся, ладно?

Психиатр кивнул.

— Интересно, что ты собираешься делать? — произнес он с некоторой опаской.

— В тот раз... когда мы ночевали вместе, я поняла, как снять с тебя очки.

Иннокентий потрясенно взглянул на нее. Вера улыбнулась. Ведь истинная любовь выражается в способности отпустить любимого, если ему так лучше. Только настоящей,

искренней жертвой можно оплатить чудо.

— Доверься мне, — прошептала Вера и взялась пальцами за дужки.

Иннокентий в первый миг положил руки поверх ее предплечий, глубоко вдохнул, зажмурился, но в следующее мгновение отпустил Веру, так что она смогла сделать задуманное.

— Ты на самом деле не сошел с ума, просто отказался видеть этот мир, потому что это было слишком больно. Невыразимо больно, когда твою душу уничтожает самый близкий человек. Легче было назвать себя сумасшедшим. Но теперь ты готов смотреть в глаза правде, — продолжила хранительница. — Я забрала остатки боли, сделала то, что не сумела прощая Вера. Ты, наконец, свободен.

Иннокентий по-прежнему стоял с закрытыми глазами, когда Вера аккуратно вложила в его ладони очки.

— Я рядом.

Он неуверенно приоткрыл веки и удивленно огляделся по сторонам, как слепец, обретший зрение. Вера подозревала, что в его волшебных очках вещи казались несколько иными, чем если смотреть на них обычным зрением.

— Мир так прекрасен, — выдохнула Вера. — Правда? Особенно в рождественскую ночь.

После этого Иннокентий посмотрел на нее. Глаза у него были карие... очень красивые. Вера теперь их никогда не забудет. Она с нежностью провела по его щеке и произнесла:

— Спасибо тебе за вечер. Огромное. И за эти четыре месяца. Со мной еще никогда не случалось ничего лучше тебя. Григорий, наверное, я тут, чтобы дать тебе уйти. Будь счастлив!

Следом Вера развернулась и побежала вниз по ступенькам. Только бы не дать ему себя остановить.

— Иннокентий! Твои очки! — раздался позади испуганный голос Любы.

— Ну ты и гадина, — сказала вдруг Надя, обращаясь к кардиологу.

Вера обернулась на мгновение. Ее хранители высыпали на вершину лестницы, видимо, увидев, как Иннокентий и Вера убежали. Или же всех переполошила Люба? В любом случае, сейчас они сгрудились там, окружив психиатра. Это был Верин шанс, и она им воспользовалась.

Хранительница выбежала за ограду, понимая, что коллеги не решатся свободно разгуливать по Москве. Ей нужно было побыть в одиночестве. В конце концов, стражи праздновали в больнице Рождество. Вера рисковала разве что нарваться на выродка или аномалию.

Хранительница бродила по заснеженным пустынным дворам, и в голове у нее было пусто, но при этом хорошо. Вера чувствовала себя правильно. Она позволила своему любимому обрести лучшую судьбу, сейчас она была счастлива его счастьем и понимала, что искупила этим жестом какую-то часть своих грехов. Вера даже слепила пару снежков и запустила их в безжизненные по виду окна. Ей хотелось безумия. Странные подростки что-то кричали вслед ей, красивой женщине, одетой в шубу и бальное платье. Она смеялась. После всего, что произошло, казалось, Вере уже невозможно было причинить боль. Она уже прочувствовала все самое жуткое и осталась на плаву. Вера кружилась, ловя руками одинокие снежинки. Она жива, несмотря ни на что! Это было самое главное чудо этой ночи.

Ровно в двенадцать Вера была в больнице. Она не собиралась исчезать. Это было второе чудо. Даже оставив позади свою первую настоящую любовь, Вера хотела жить дальше и знать, что еще готовит ей провидение.

Упав в постель, она чувствовала себя странно опустошенной, а точнее, даже очищенной. То, что случилось, стало будто бы ее прощением. Вера подумала об Иннокентии,

засыпая. Как хорошо, что он в ее жизни был. Его появление словно бы стало началом новой истории. Пути, который бы Вера никогда не увидела, если бы не научилась сочувствовать и, в итоге, жертвовать собой.

— Спасибо, — прошептала она и, радостная как ребенок, ожидающий чуда, погрузилась в сон.

Глава 14. Во имя любви

Наутро хлопнула соседская дверь. Вера приподнялась, и села на постели. Теперь там, наверное, живет Виктор. Так и было. Когда Вера поспешила в коридор, то застала там хирурга.

— Ты в порядке? — спросил он, исподлобья взглянув на девушку.

— Относительно, — призналась Вера. — Но все будет хорошо. Я рада, что мы с ним закончили на конфетно-букетном периоде. Так было правильно. Если бы все зашло немного дальше, мне было бы слишком сложно отпустить.

Хирург хмыкнул и посмотрел в окно. Вера проследила его взгляд.

По дороге, связывавшей терапевтический корпус и флигель, шагал Иннокентий. Виктор выразительно посмотрел на Веру и озвучил:

— Не думаю, что это все. Верунь, ты его зацепила. После такого не уходят, по крайней мере, не он.

Вера почувствовала, как сердце прибавило темп.

— Когда он вернется?

Хирург пожал плечом.

— Часов в пять. Как всегда. Он пошел на работу. Решил дать тебе передохнуть после всего, что ты сделала и узнала. Следующий шаг за тобой.

Вера взяла в отделении отгул и весь день не находила себе места. Она пыталась решить, как быть дальше. Иннокентий остался из-за нее. Но она-то сама готова была это продолжить, уже понимая, как больно будет отпустить? И вот когда Вера услышала его шаги в коридоре, тут же поняла, что просто не сможет дать ему уйти снова. Она выскочила за дверь и встала в коридоре. Иннокентий выглядел немного сбитым с толку этим ее внезапным появлением.

— Вера?

— Ты... это... заходи... на чай, — выдавила она первое, что пришло в голову.

Интересно, сколько раз люди прикрывали этой глупой фразой приглашение в постель? Они слились в страстном поцелуе, еще даже не оказавшись в комнате. Вера с трудом нащупала ручку, и они ввалились внутрь. А потом стали неловко стаскивать одежду и почти полностью остались в ней. Вера так давно сгорала от страсти, что первый момент близости показался ей удивительно коротким. Этого было слишком мало, чтобы утолить ее жажду. Как капля дождя в раскаленной пустыне.

Вера сидела на столе, прижимаясь к нему всем телом. В висках шумело, она медленно переживала то, что произошло. Похоже, они оба ничего толком не поняли. Это было просто движение души, соединенное с движением тела. Вера все еще ощущала себя наэлектризованной. Она запустила руки в волосы Иннокентия и с наслаждением перебирала его черные пряди, прислушиваясь к биению сердца.

— Только не оставляй меня прямо сейчас, — прошептала Вера.

Он вдруг усмехнулся и, заглянув в глаза, сказал:

— Давай хотя бы разденемся.

Вера взглянула на себя: она еще в блузке, и принялась расстегивать пуговицы.

— Знаешь, что делать... с современным женским бельем? — спросила Вера, посмотрев на бюстгальтер, но Иннокентий снова прильнул к ее губам, и тогда хранительница отпустила себя.

Какая разница, что он так и не разобрался с застежкой? То, что происходило сейчас,

было ее лучшим опытом. Еще ни один мужчина в ее жизни так сильно ее не заводил, быть может, потому что еще никому она не отдавалась полностью. Всегда была какая-то условность. Вера как будто знала, зачем ей была нужна близость и чуть ли себя не уговаривала на нее, особенно в последнее время. А тут все было так естественно. Поэтому наслаждение, которое она получила, накрыло как волна и на миг опустошило голову. Не хотелось ни о чем думать, Вере просто было так хорошо, как никогда раньше.

На миг она сфокусировалась на встревоженном взгляде Иннокентия. Что его могло насторожить? И тут поняла: он ведь до последнего не верил, что у него получится доставить ей удовольствие. Это все из-за жены. Надо же было так сильно задеть этого человека, что спустя столько лет старые раны все еще отдавались болью. Такой болью.

Вера прижала его к себе так крепко, как могла и прошептала:

— Я счастлива с тобой так, как никогда и ни с кем не была. Я никогда не буду тебе врать. Обещаю.

Потом они валялись на диване, изучая друг друга, целовались и занимались любовью. Вера не думала, что бывает вот так, до утра. Уснула она часа в четыре, но открыла глаза уже вскоре. По будильнику. Вера быстро отключила сигнал и легла обратно, глядя на Иннокентия. Он не проснулся и это была большая удача, что она могла теперь просто молча разглядывать его прежде, чем новое утро, возможно, их разлучит.

В луч уличного фонаря попали его руки, изуродованные шрамами, и Вера снова вспомнила про женщину, что практически сама их ему нанесла. Как можно было быть настолько жестокой к этому существу? Вере хотелось стереть шрамы, исцелить их своей любовью. Она нежно коснулась его рук, и тут Иннокентий открыл глаза.

— Я никогда бы не осмелилась сделать такое, — призналась ему Вера. — Это все равно, что убить хранителя... вечное проклятие.

Он улыбнулся и поцеловал ее пальцы.

— Когда ты уйдешь? — решила спросить Вера.

— Дождусь тебя, — Иннокентий перевернулся на спину. — Я больше не хочу делать это один.

Вера набрала воздуха в грудь и легла сверху, коснувшись его губ.

— Спасибо.

— Не за что. В этом, наверное, и был смысл, — он нежно перебирал ее волосы. — Чтобы мы нашли друг друга.

Вера чувствовала себя той юной и непорочной, какой оказалась на кухне у тренера. Она была тогда такая настоящая, искренняя, юная женщина. Потом ее обозвали грязными словами, и Вера себя потеряла, позволила глупым и завистливым людям стереть себя в порошок. Теперь она обретала себя заново в руках человека с такой же трагичной судьбой.

В коридоре прозвучали шаги. Иннокентий отвел взгляд от Вериного лица и потянулся за очками.

— Зачем они тебе? — тихо спросила хранительница.

Он улыбнулся.

— Вер, у меня миопия, как у матери. Минус три. Все это время я был подслеповатый.

После этого Иннокентий надел очки. Это были другие, похоже, настоящие, для коррекции зрения. В них цвет глаз у него оставался карим.

— Так ты еще прекраснее, — удовлетворенно сказал он.

В коридоре послышался встревоженный голос Любови и раздраженный Виктора.

— Тебе, что недостаточно того, что случилось на балу? — говорил хирург. — Не лезь ты к нему ради всего святого! Неужели тебе не понятно, что психиатр...

— Он вообще здесь?! — настаивала Любовь.

— Да какая тебе разница, где он?!

Вера натянула простыню на них обоих. Иннокентий поцеловал ее в нос и со вздохом сказал:

— Она не отстанет. Если я достаточно разбираюсь в людях, она скоро будет тут.

Снаружи слышались звуки возни. Похоже, Виктор и Люба сцепились. Вера вылезла из кровати и принялась искать свои вещи. Хранители оделись наполовину, когда к ним все-таки завалилась Любовь. Вера со вздохом взглянула на Иннокентия. Ну, по крайней мере, он застегнул штаны. Сама она стояла в джинсах и натянутой на голое тело майке.

— Люба, это кошмар! — прогремел Виктор. — Какое тебе дело до чужой личной жизни?!

Любовь после этих слов выбежала.

— Ей нужна была эта демонстрация, — с этими словами Иннокентий сел на диван.

— Извините, ребят, — произнес Виктор. — Что в этот раз, что в тот... Вчера она заперла меня в подсобке, даже стыдно, что попался на такую уловку. А сегодня... она кусается как маленькая пиявка! Что на работе подумают?

Хирург показал правую руку со следами зубов.

— Что ты любишь извращения, — улыбнулся психиатр.

— У нее крыша поехала, да? — спросил Виктор.

— Похоже, — кивнул Иннокентий.

— И ты ей не займешься?

Психиатр взглянул на Веру.

— Нет. Но у меня есть куча коллег. Целое психиатрическое общество, — на этих словах он поднял брови.

— Ладно, не буду вас смущать, — на этом хирург покинул комнату.

— Пошли в душ, — поднявшись, позвал хранительницу Иннокентий.

Вера прильнула к нему, не желая выпускать из объятий. Сейчас ей не хотелось разлучаться даже на день. Иннокентий, видимо, это понимал. Если бы он не отвел хранительницу в ванну, так бы они там и стояли. В душе они опять занялись любовью, и вышли оттуда разгоряченные и счастливые.

Они оба ввалились в жилище психиатра, все еще целуясь, потому что не могли отлипнуть друг от друга и застали там допивающего кофе Виктора. Хирург тактично кашлянул, позволяя себя заметить и тогда только влюбленные, наконец, расцепили руки.

— Я не собирался прерывать ваши нежности, — заговорил Виктор. — Но счел, не лишним будет передать, что у начальства особые распоряжения для тебя, Иннокентий.

С этими словами он протянул Иннокентию голубой конверт.

— Что это? — похолодев, спросила Вера.

— От Анники, — тихо сказал хирург, по напряженному выражению его лица хранительница поняла, друг тоже не знал, что в нем.

Иннокентий сел в кресло и принялся распечатывать послание. Вскоре он уже читал то,

что было написано на вложенном в конверт листе. Вера жадно следила за ним. Наконец, Иннокентий прищурился — смеется? Он отложил бумагу в сторону:

— Ты не представляешь, что она мне предложила, — произнес он, вот теперь Вера слышала в голосе любимого веселые нотки. — Возглавить психиатров!

Иннокентий фыркнул, иронично взглянув на послание.

— Это большая честь! — всплеснул руками хирург. — К тому же, все знают, что ты на голову лучше всех них!

Иннокентий снова прищурился.

— Мне коллеги не нужны. Потому, что это большие трудности. Я привык работать в одиночку и если бы равнялся на авторитеты, думал о репутации, ничего бы не достиг. Это вы, хирурги, любите друг перед другом расправлять хвосты. Приблизиться к руководству обществом московских хирургов заветная мечта Виктора.

Тот сложил руки на груди и насупился.

— Но не моя, — фыркнул Иннокентий. — И все же. Вот теперь-то я не смогу отказаться.

Он посмотрел на Веру и, вздохнув, заговорил другим тоном:

— После всего, что случилось вчера, я просил милости у Анники. Разрешения остаться, — его подбородок дрогнул. Вера видела, что решение Иннокентию непросто далось. — Она сказала, что рада моему выбору. Потом прибавила, что раз так, то я должен стараться для других вдвойне. Она пообещала, что объяснит мне, что делать.

Психиатр взглянул на листок.

— Там так и написано: "Пора принять то, от чего ты так долго увиливал".

— Они предлагали тебе и раньше? — подался вперед хирург.

Иннокентий кивнул.

— С тех пор как ушел их основатель. Они думают, что я сделаю из них всех психотерапевтов, как я сам. Удобно же читать в чужих душах, правда? Я не горю желанием объяснять им, каково это бороться с собственным безумием. Я изобрел свой метод путем долгой и напряженной работы над собой, своими страхами и болью, — психиатр снова посмотрел на послание и тяжело вздохнул. — Но мне придется их возглавить.

После этого хирург поставил на стол свою чашку и вышел из квартиры, видимо, отправился на работу. Вера и Иннокентий остались вдвоем.

— Я не хочу куда-то идти, — призналась хранительница. — У меня чувство, что если мы расстанемся хотя бы на мгновение, я тебя уже потом никогда не найду. Я не хочу заканчивать это сегодня. Я, наверное, только раз в жизни чувствовала себя настолько живой.

Иннокентий улыбнулся и поцеловал Веру в висок.

— Все будет хорошо, — проговорил он. — Я здесь, чтобы о тебе позаботиться.

Вера вскинула брови. Ты? Ей никогда не нужна забота, потому что ее никто Вере не предлагал. Зачем? Она ведь и так была сильная, почти нестигаемая. И все-таки хранительнице требовались нежность, любовь, так же, как и другим живым существам не смотря на эти качества — теперь она это понимала.

— Вер, мне надо привести себя в порядок, — напомнил психиатр. — Вчера я устроил в отделении переполох. Мне нужно быть там сегодня, чтобы утрясти формальности. Если хочешь, пошли со мной в спальню. Дашь совет на счет одежды. Ты ведь по-прежнему считаешь мой стиль чудачковатым?

Иннокентий вздохнул.

— Пора начать соответствовать этому времени... настолько, насколько это возможно. Двадцатый век позади.

Вера молча проследовала за ним в спальню и с ногами села в кресло. Она жадно разглядывала возлюбленного, вспоминая его прикосновения, руки, тело. Вера чувствовала, что одной ночи с ним было досадно мало. Иннокентий оказался очень нежным, это легко было предполагать, но она никак не ожидала от него такой искусности. Похоже, они с Лилей были оба склонны к изобретательности, или он так старался угодить своей жене, что стал хорошим любовником, впрочем, не для нее.

Вера оторвалась от своих мыслей, когда Иннокентий надел поверх клетчатой рубашки навывпуск вязанный свитер.

— Тебе идет, — озвучила хранительница свой необычный вывод.

Все-таки как одежда преобразует людей! В этом он совершенно изменился и больше не выглядел старомодным чудаком. Он будто бы даже стал выше и распрямился. Новая одежда выгодно подчеркивала его фигуру. "Да он настоящий красавчик, черт побери!" — подумала Вера. Иннокентий тем временем уложил непослушные волосы пенкой и тут только она поняла:

— Ты что, постригся?

Психиатр обернулся через плечо.

— Угу.

Вера поднялась со своего места, неспособная поверить в ту перемену, что увидела. Это было удивительно. Иннокентий у нее на глазах превратился в современного красивого парня. Он был именно такой, как Вера всегда хотела бы. Стоило встречаться с теми денежными мешками, убеждая себя в том, что внешность не главное, чтобы сейчас, черт... Да он был идеальный! Вера почти задохнулась от радости, понимая, что если бы не ее чувствительные подначки, она бы никогда в жизни не увидела того человека, что скрывался под маской отстраненного и холодного психиатра. Вера бросилась к нему и, прильнув к губам, попробовала стянуть свитер.

— Не сейчас, нет, — прошептал Иннокентий на ухо, поймав ее руки. — Я должен идти. Вер, я порядком разозлил Берегового. Если меня там сегодня не будет, он на ком-нибудь отыграется. Так подставить коллег я не могу. Это только между нами. Давно было пора избавить клинику от этого болвана.

Вера отпрянула и села на постель. Иннокентий опустился на пол, и положил скрещенные руки на ее колени.

— Похоже, тебе понравилось, — улыбнулся он.

Вера взъерошила его челку.

— Ты идеален.

— Спасибо. От тебя это слышать очень приятно, — он сделал движение, чтобы уйти, но Вера не смогла убрать руку с его головы.

Иннокентий поднялся рывком и повалил ее на постель.

— Вер, я буду рядом, — пообещал он, перебирая ее волосы. — Не думай, будто бы одна взяла ответственность за меня. То, что ты пережила, тоже было ужасно, не лги себе. Тебе так же нужны любовь и забота, чтобы обрести целостность.

Вера отвернулась, понимая, что не готова говорить об этом и почувствовала, как Иннокентий нежно провел ладонью по ее щеке. Вера проглотила ком, чувствуя, как по лицу покатилась слеза. Она всегда была достаточно сильной, чтобы не показывать того, как ей больно... Он смотрел с такой заботой и участием, что Вера позволила себе расслабиться и разрыдалась. Иннокентий нежно поцеловал ее в лоб.

— Твоя амнезия нечто сродни моему безумию — способ забыться. Я сразу понял, кто ты.

Люба с ее глупой ревностью не сказала мне ничего нового.

Вера с трудом смогла остановиться. Ее все еще трясло от рыданий. Этот друг ее мужа... он уничтожил то, что в ней осталось от человека. Вера могла бы жить дальше, только оставив в прошлом это. Очистив голову. Но воспоминания отдавались внутри тяжелым чувством, как огромный груз, тянущий на дно. Они были той самой жизнью, от которой Вера к своей радости убежала. Жизнью, полной роскоши, где у нее не осталось ничего, даже права самостоятельно выбирать, куда пойти вечером.

— Я все эти месяцы думал о том же, что тебе бросила Люба в лицо, — продолжил Иннокентий. — Меняемся ли мы со временем? Я увидел тебя еще тогда, в операционной, и у меня словно земля из-под ног ушла. Помнишь этот момент?

Вера кивнула, понимая, что наконец-то перестала плакать. Это было начало новой жизни. Лучшее из воспоминаний.

— Увидел твою историю и понял, что меня к тебе тянет. В первый миг я подумал, что я идиот и делаю ту же ошибку, что и раньше. Я, в самом деле, падок на женщин определенного типа. Шикарных, таких, которые бросают вызов одним своим существованием. Я всегда знал, что моей спутницей станет настоящая прекрасная дама. Только вот стоило ли мне связываться с ней после всего? Я с удивлением понял, Вера, что такие, как ты, встречаются раз в сотню лет. Но опыт нам на то и дается, чтобы не повторять ошибок. В отличие от Лили ты настоящая. Я в этом убедился и счастлив, что выбрал тебя. Я не позволю больше никому причинить тебе боль.

Иннокентий аккуратно стер с ее лица слезы и, поцеловав в губы, пообещал:

— Все будет хорошо. Я вернусь, как только закончу с делами. Ты теперь мое главное сокровище.

И только тогда Вера его выпустила. Она села на постели и посмотрела Иннокентию в спину.

— Если хочешь, я перепишу на тебя увольнительную, чтобы у тебя был официальный повод еще один день не появляться на работе? — спросил он.

Вера покачала головой. Когда это она давала слабину?

— Вер, переезжай ко мне, — на прощание предложил Иннокентий. — Виктор пускай тогда займет твою комнату. Наконец-то, у него будет собственное жилище. Я, конечно, люблю его как друга, но он довольно беспокойный сосед.

Вера улыбнулась и пообещала:

— Хорошо.

Хранительница отправилась в свою комнату и привела себя в порядок настолько, насколько это было возможно. На шее багровел след от губ Иннокентия. В порыве страсти они не думали о том, что то, что они оставят друг другу, утром будет выглядеть провокационно. Вера вообще после этой ночи чувствовала себя качественно иной. И дело было даже не в его прикосновениях, последствия которых как ей казалось, она все еще ощущала. Вера чувствовала себя освобожденной, как будто она, наконец, узнала, как жить правильно.

Она выдавила в ладонь тональный крем и густо нанесла на шею, понимая, что он, конечно же, не способен целиком скрыть синяк. Это было ей известно из горького опыта. Когда-то Вере приходилось замазывать побои. Следы страсти скрывать куда приятней, хоть и не менее волнительно.

Михалыч не мог пропустить ее опоздания и вчерашнего отсутствия. Оседлав стул, он уселся напротив Веры и, сощурившись как сытой кот, заговорил, хитро поглядывая на синяк.

— Я надеялся, что с тобой все в порядке, — сказал реаниматолог. — Я немного

волновался, когда ты сказала вчера, что не сможешь прийти. Голос у тебя был такой... встревоженный. Это ведь было любовное приключение? Всю ночь обнимались с Курцером? Выглядишь сонной.

Вера разозлилась. Этот неуместный интерес к ее личным делам, который, казалось бы, испытывала вся больница, уже начал ее не на шутку донимать.

— Нет, — соврала она, делая вид, что уходит в чтение истории болезни.

Но на Михалыча эта демонстрация безразличия не сработала. Он все так же сидел и улыбался.

— Вот, послушайте, какое вам дело? — начала Вера, почти не надеясь на результат.

Реаниматолог поменял позу и, закинув ногу на ногу, мечтательно уставился в потолок.

— Дело в том, что Курцер самый загадочный персонаж этого стационара, — признался он.

Вера посмотрела по сторонам. Другие доктора не на месте. Выглядело все так, словно Михалыч рассчитывал поведать Вере местную байку вдали от чужих глаз.

— Ему ведь официально двадцать восемь, но никто из докторов не помнит, когда психиатр нанялся сюда. Я поклясться тебе готов, что еще старожилы больницы рассказывали мне о его чудачествах. Он словно вне времени. Несет какую-то свою особую службу. Столкнуться на дежурстве с Курцером хорошая примета, слышала? Вот поклясться тебе могу, пару раз у меня все шло наперекосяк, тогда открывалась дверь отделения и после того, как у нас показывался психиатр все приходило в норму. Но...

Тут Михалыч неожиданно со всей силы хлопнул себя по бедру.

— Теперь-то мне ясно, что все это просто совпадения и байки страдающих от недосыпа врачей. Все ведь считали его не совсем человеком... хранителем каким-то что ли. Но, похоже, он обычный мужик. Странноватый, конечно. И раз он сделал тебе предложение, то, похоже, преодолел социофиобию внушительных масштабов. Когда поженитесь?

Вера фыркнула.

— Об этом и речи не идет!

— Значит, все-таки встречаетесь, — с этими словами Михалыч указал на нее пальцем, и Вера поняла, что проиграла ему.

Весь этот рассказ был затеян только с одной целью — вывести ее на чистую воду. Хранительница внимательно посмотрела на старого реаниматолога. Или... Порой с ним трудно было понять, говорит он искренне или прикидывается. В глазах Михалыча вспыхивали лукавые искорки.

— На такие серьезные изменения Курцера могла подвигнуть только любовь. Я сразу понял. Он тебе не сказал, что случилось в неврологии?

Вера отрицательно покачала головой, предчувствуя недоброе.

— Решил не втягивать тебя. Он ментов на своего заведующего вызвал.

— Ментов?

— Угу, — кивнул Михалыч. — Береговой давно какой-то дрянью промышлял, а психиатр, оказывается, время от времени грозил ему пальцем. У них были довольно напряженные отношения и это рождало много домыслов... порой довольно пикантных. Но вчера вот все стало понятно. Курцер держал на него какой-то компромат.

Иннокентий после праздников вернулся в отделение, он дежурил ночь с тридцать первого на первое, четвертого и пятого в ночь. Но в это время пациентов было немного, и сама атмосфера была расслабленной. Седьмого был очередной его день. Врачи отделения договаривались между собой на счет внеурочных выходов в праздники, Иннокентий по старой традиции взял себе больше дней, чем другие. В конце концов, у

него у единственного за исключением Берегового не было семьи и даже хобби за пределами больницы.

Седьмого что-то в отделении делал и сам заведующий. Он, похоже, не ожидал застать на месте своего самого своенравного доктора. Михалычу известно было, что в неврологии случилась крупная ссора. Береговой и Курцер какое-то время разговаривали в ординаторской на повышенных тонах, и было такое чувство, что психиатр распекал за что-то своего заведующего. В конце концов, тот пригрозил подчиненному расправой и уехал приводить ее исполнение. Иннокентий вместе с санитаркой и техником вскрыли его кабинет, вскоре в отделении уже была полиция. Михалыч слышал краем уха что-то про фотографии одурманенных психотропными веществами девочек-подростков из больницы, которой Береговой раньше заведовал, и судя по тому количеству полицейских, которое вчера наводняло корпус, это было недалеко от истины.

Вера перевела дыхание, вспоминая те слова, которые слышала от Иннокентия о своем заведующем. Береговой, похоже, маньяк. И психиатр долго думал, что держит его разрушительные порывы под контролем, а вчера, видимо, увидел, как ошибся. А ведь Вера после этого еще и устроила ему романтический вечер. Теперь хранительнице было ясно, отчего у Иннокентия был такой встревоженный вид, когда они вчера столкнулись с ним в коридоре. Ночью он забылся в ее руках, но сегодня... Куда он ушел? Давать показания?

— Похоже, ты не на шутку встревожена, — отметил Михалыч.

Вера рывком обернулась к нему. Она не знала, чего ждать теперь. Иннокентий сотню лет держался подальше от всего, что происходило в больнице, и вот теперь решил показать характер. Этот безобидный человек, которого удушила собственная жена за чрезмерное добродушие, схватился с маньяком. Такое точно не кончится хорошо.

— Да будет все нормально с твоим психиатром, — махнул рукой Михалыч, но лицо его было беспокойно, он будто бы сам уже сожалел о том, что напугал Веру.

В этот миг словно в ответ на его слова распахнулась дверь ординаторской. На пороге бледная как призрак замерла невролог Карина Васильевна, Вера пару раз видела ее на дежурствах, хранительница поднялась, понимая, что женщина из отделения, где работал Иннокентий.

— Там... — выдохнула невролог, ужас плескался в глазах врача, и было видно, что слова давались ей с трудом.

Медленно поднялся со своего места Михалыч, его лицо вмиг стало суровым. Вера уже не раз подмечала, что именно с этим выражением реаниматолог бросался навстречу смерти. Развил на горбатую чутье за двадцать пять лет практики, не иначе.

— У нас... — продолжала доктор. — В отделении стрельба.

И задохнулась. Вера отметила, что правая пола халата невролога окрасилась бурым. По телу хранительницы пробежал электрический ток. Нет! Только не он! Только не сейчас! Пусть кто угодно другой, пожалуйста!

— Клинок, Вера! — распорядился реаниматолог.

И хранительница уже не думала, она отпустила голову, доверившись адреналину и приказам Михалыча. Реаниматологи бросились в другой корпус прямо по январскому морозу. Вера успела схватить куртку, Михалыч — нет. Так он и бежал с чемоданчиком полным лекарств впереди нее, в одной хирургичке, догоняя невролога. Вера несла в руках клинок, интубационную трубку и дыхательный мешок — все, что нужно реаниматологу, чтобы начать эффективную вентиляцию умершего пациента. В висках стучали удары сердца. Почему он не сказал? Понадеялся на себя? Он хоть понимает, какую боль причинит, если так исчезнет? Он ведь обещал заботиться! Болван!

На входе Вера вдруг наскочила на Отверстчика, и лишь когда глава сыска придержал хранительницу за плечи, а все вокруг поплыло, сделавшись призрачно-серым, девушка к своему ужасу осознала, кто перед ней. Почему он тут? Отверстчик наклонил голову, здороваясь.

— Здравствуйте, Вера Павловна, — произнес главный детектив. — Вы совершенно правы тут из-за Иннокентия.

Он улыбнулся, разглядывая пребывавшую в растерянности Веру.

— Вы просто еще плохо знаете психиатра, — вздохнул Отверстчик. — С ним всегда так. Сплошной переполох.

— Где он?! — выдохнула Вера.

— Наверху, — страж возвел глаза к потолку и, сжавшись, добавил. — Он в порядке. Немного пострадал правый глаз, но для вашего патологоанатома такая травма — пустяки. Подсобничий скоро будет тут. А вот простреленные головы никто лечить пока не научился, ни Михаил Петрович, ни вы...

Петр Андреевич взглянул на застывшего рядом с Верой Михалыча.

— Что произошло? — выдохнула Вера, чувствуя, как напряжение постепенно утекает из рук.

— Идемте, выясним детали, — сказал страж, пропуская вперед даму. — Не беспокойтесь, пострадавшей помощь не нужна. Травмы не совместимые с жизнью.

Вера обернулась на Михалыча и невролога, все еще пребывавших в странном трансе, и зашла в корпус.

— Он... — заговорила было Вера, но страж, поднимавшийся следом за ней по лестнице, перебил.

— Иннокентий обо всем докладывал, — сказал Петр Андреевич. — Управление в курсе, и я здесь, чтобы утрясти формальности. Ваш психиатр в порядке, честное слово, Вера Павловна, возьмите себя в руки!

Хранительница рывком обернулась к стражу. Он понятия не имел о том, что Иннокентий значил для нее. Не пошел бы он со своими советами! Петр Андреевич прочел это выражение в ее глазах и усмехнулся.

— Вы видимо не в курсе, — сказал страж, поднимаясь по лестнице.

Бессмертных окружали люди: кто-то бежал вниз по лестнице, кто-то кого-то звал, словом, творилась суматоха, но сейчас, благодаря не до конца понятной Вере силе стража все кругом замерло. Хранительница и ее спутник поднимались в тишине.

— Стражам позволено... наказывать живых, в отличие от хранителей. Конечно же, только в особых случаях. Когда душа натворила уже такого, что если ее не остановить еще при жизни, после смерти это будет крайне гадкий выродок. Вчера Иннокентий доложил в Управление о таком вот случае. Признаюсь, я вообще не ожидал того, что он когда-нибудь станет использовать свои силы в этом ключе. Вы бы видели его на учениях, так много желчи в свой адрес я давно не выслушивал. Его можно понять.

Страж вздохнул.

— Лет двадцать в начале прошлого века с ним были крайне не любезны, используя словно цепное животное в поединках. Мы надеялись, что он покажет свою истинную сущность и потеряет защиту высших сил. Мы могли покончить с очевидной угрозой, прижившейся прямо в центре Москвы, в одном из лучших стационаров. Вздохнуть спокойно. Но Иннокентий мне кое-что другое доказал. Что он человек. Вам теперь ясно, почему он так нас не любит?

Страж заглянул Вере в глаза, и та кивнула.

— Я никак не ожидал доклада от него и отложил его в сторону. Думал, это какая-то изобретательная шутка. Но с утра выяснилось, что я ошибался. Мы бросили его одного, юного неопытного стража. Поэтому пролилась кровь. Такое случается у новичков.

С этими словами Петр Андреевич отворил дверь процедурного кабинета.

— Его никто ни в чем не обвиняет, — произнес страж, взглянув на хранительницу. — Я дал разрешение на то, что он сделал. Поздновато, конечно.

Психиатр сидел на кушетке и прижимал к правому глазу обернутый в марлю пакет со льдом. В углу замерла медсестра, вынимавшая бинт из упаковки. Заморозка времени на хранителя тоже не действовала. Иннокентий поднял голову.

— Вера?

Хранительница едва преодолела первый порыв броситься к нему. Такая демонстрация привязанности была бы сейчас лишней.

— Почему ты не сказал ни слова? — сорвалось с ее губ.

Иннокентий молча убрал лед, и Вера к своему ужасу разглядела рану у внутреннего края правого глаза. Верхнее веко отекло и полностью закрыло белок. Похоже, кто-то пытался всадить Иннокентию в лицо острие.

Психиатр дернулся, осознав, что напугал Веру и отвернулся.

— Прости.

Хранительница выронила принадлежности для реанимации и подошла к возлюбленному, схватив его за руку.

— Как? — на новом свитере Иннокентия были капли крови.

— Он не смог отказаться от денег, как и в прошлый раз, — выплюнул психиатр. — Фотографии из психиатрической клиники появились по той же причине. Он покрывал тех, кто поставил на поток это дело. В итоге ему удалось выйти сухим из воды. Когда я узнал об этом, то собрал на него компромат, я это умею. Пожалел его потому, что у него было тяжелое детство.

Психиатр фыркнул.

— Какое-то время я считал, что Береговой послушно ходил в узде. И ошибался. Он остался точно таким же гнилым человеком. Это не я, это он со мной играл!

Психиатр задохнулся от злости. Вера могла его понять. Он, человек, умевший видеть чужие душевные порывы, так ошибся. Все из-за того, что видеть не хотел, не мог допустить мыслей о такой жестокости. Судил по себе.

— Вер, у него еще несколько жертв, — признался Иннокентий, и вид у него был такой, словно хранителя от этой истины мутило.

— Они ведь живы? — шепотом уточнила девушка.

— Я этим займусь, — сказал психиатр выглядел он так, словно собирался в чем-то признаться. — Я был идиотом. Мнил себя всемогущим из-за этих очков.

Вера обернулась к стражу. Петр Андреевич привалился к дверному косяку и всем своим видом показывал, что готов слушать дальше. Иннокентий поморщился, приложив лед к глазу, и снова обернулся к Вере.

— Это мне... повод задуматься. Я полагал, что никогда теперь не ошибусь. Ты мне показала, что жизнь куда более многогранна, чем я долгое время себя убеждал. Ты вновь открыла мне ее светлую сторону, которую я игнорировал, а Береговой... продемонстрировал тьму. Боль и жестокость никуда не исчезают, если просто закрыть на них глаза. Я хранитель, Вера, нечто куда более могущественное и мудрое, чем обычный человек. Я не должен был допустить того, что происходило...

В этот миг заговорил Отверстчик.

— Ты обладаешь двойной природой. Работа хранителя оставаться наблюдателем, наша — защищать. Именно поэтому ты сейчас чувствуешь раскаяние. Хорошо, что ты наконец-то

начинаешь понимать, каково это. Я думал, в тебе никогда не проснется сила.

Взгляд Иннокентия блеснул, и Вера поняла, о чем говорил Петр Андреевич. Наверное, впервые за долгое время он мог не оставить у собеседников сомнений в том, что способен постоять за себя.

Тут дверь распахнулась, и в кабинет вбежал Михаил Петрович.

— Ты в порядке! — выдохнул он первым делом, посмотрев на Иннокентия, и тут оглянулся на главу стражей. — Что, решил забрать первенство у Веры по сумасбродству?

С этими словами патологоанатом коснулся висков Иннокентия, и психиатр отпустил лед, который прижимал к глазу. Увечье затянулось само по себе.

— В последнее время тут скандал на скандале, — проворчал профессор, словно бы извиняясь перед Отверстчиком. — У меня ощущение, будто я руковожу яслями. Надеюсь, в Управлении не станут предъявлять претензии к нему?

Петр Андреевич покачал головой.

— Он сделал то, что был должен. Не ругайте его. Юным стражам тяжело даются первые схватки. Бремя морального выбора нелегкое.

Лицо патологоанатома вытянулось, но он быстро совладал с удивлением, хмыкнул, и с облегчением посмотрел на Иннокентия.

Психиатр шумно вздохнул.

— Теперь о том, что произошло, — проговорил Петр Андреевич. — Для протокола.

Он вытащил из кармана блокнот и приготовился вести запись. Иннокентий набрал воздуха в грудь и заговорил.

— Вчера... я же уведомил вас по всем правилам.

Отверстчик вздохнул.

— Это мой промах. От такого как ты, Иннокентий, я ожидал насмешек, никак не отчета после того, о чем мы всю прошлую неделю проговорили.

Глаза психиатра блеснули.

— Полагаю, в Управлении еще хорошо помнят мой острый язык.

Отверстчик кивнул.

— Ты имеешь право злиться, после того как в Управлении поступали с тобой.

Психиатр посмотрел на свои пальцы.

— Через что мне только не пришлось пройти, чтобы доказать, что я человек!

Может, еще поэтому психиатр не горел желанием идти на контакт с какой-либо живой душой. Бессметные были убеждены в том, что он чудовище и доказывали это ему, время от времени заставляя вытаскивать наружу скрытую сущность. Сейчас Вера еще больше гордилась спутником оттого, что он преодолел такое без ее помощи. От хранильницы потребовался лишь последний толчок. Смогла бы она так же? Он, странно было это признавать, был сильнее ее. Вера, наконец, обрела человека, который был равен ей по духу и... даже крепче.

— К делу! — поморщился психиатр. — Я не получил от вас ни слова и еще раз убедился в том, что у стражей крайне неэффективная организация. Я был неспособен приложить его сам без разрешения, иначе пострадал бы...

Иннокентий мельком взглянул на Веру.

— Я подбросил ему то, что у меня на него был и вызвал полицию. Надеялся, хотя бы

живые разберутся, а вечером... — он вздохнул. — У меня появились дела, и я не смог предупредить того, что произошло утром.

Психиатр вздохнул, видимо, еще раз мысленно переживая вчерашний вечер. Вера тоже набрала воздуха в грудь. Вот это было бы зрелище, если бы тогда во флигель к ним ворвался наряд полиции в поисках свидетеля! Как хорошо, что никто из сотрудников больницы понятия не имел о том, где живут хранители. Они продолжали считать флигель необитаемым имуществом кафедры. Какой? Они даже не задумывались. У Иннокентия железное самообладание — поразила мельком Вера. Вчера он был нежным и внимательным с ней, принадлежал ей полностью, зная, при этом, какую заварил кашу.

— Берегового отпустили, — продолжил Иннокентий. — У него влиятельные друзья. Боюсь подумать, в чем они все вместе замешаны. Сегодня он бросился в отделение мстить мне. Я предполагал что-то подобное. Санитарка его задержала. Он приказал ей меня позвать, наверное, думал похитить, — психиатр усмехнулся, — Она посмеялась, когда он вынул оружие. Он был не в себе. Береговой выстрелил ей в голову, а потом ранил выбежавшего на шум пациента. Тут подоспел я.

Вера похолодела. Да неужели это она его задержала своими поцелуями? А Иннокентий продолжал говорить ей теплые слова, только чтобы Вера не чувствовала себя брошенной.

— Больше никогда не скрывай от меня правду, — одними губами проговорила Вера.

Иннокентий кивнул и, набрав воздуха в грудь, продолжил:

— Я поймал его взгляд, но когда я вырвал оружие, разорвался зрительный контакт, — психиатр прикрыл веки. — Тогда он выхватил у меня из кармана шариковую ручку и воткнул в глаз. Он понял, что самое опасное во мне... глаза. Он меня боялся.

Вера перевела дыхание. Береговой ведь мог убить Иннокентия!

— И как ты...

Психиатр поднял голову и прямо взглянул на Веру.

— Я дал ему по морде. Я был не в себе от злости. Сто лет я сражался только на словах из-за чего многие перестали считать меня мужчиной, — Иннокентий усмехнулся. — Это прозвучит неожиданно. В молодости я занимался боксом.

— Ты? — подняла брови хранительница.

— Мне хотелось, как минимум быть способным защитить даму. С восемнадцати и до двадцати шести я тренировался, пока не обанкротился.

— Серьезно?

— Да.

Нет, Вера абсолютно точно была неверного мнения о психиатре. Он не кролик, проглоченный удавом. Он сильный. Очень. Просто фатально заблуждавшийся человек. И Лилю он, должно быть, очаровал еще и поэтому. Тогда он был таким же, как сейчас и этой вертихвостке, должно быть, отчаянно завидовали и влюбленная в акушера гимназистка, и помогавшие доктору медсестры и, наверное, даже его пациентки, с которыми он был так же внимателен как теперь с Верой. И когда дела у Григория пошли наперекосяк, все эти люди, очарованные им, встали на его сторону. Но этого оказалось недостаточно, чтобы привести в чувства влюбленного идиота.

Вера должна была бы собой гордиться оттого, что вытянула его настоящую личность наружу, но вместо этого она просто пыталась осознать, как же сильно ей повезло. И почему же нужно было встретить идеального мужчину только после смерти? Он, видимо, вспомнив свое прошлое в деталях после того памятного совместного с Верой дежурства, вернулся к занятиям спортом, так же, как и к игре на рояле. Кто его знает, чем Иннокентий последний месяц занимался, но при их первой встрече он выглядел тоньше и слабей.

— Я кое-что помню о том, как стоять против неравного противника, — продолжил психиатр. — Но разбитой морды мне было недостаточно после всего и тут...

— Подоспело разрешение применить силу, — помог Петр Андреевич.

— Я бы все равно это сделал, — прошипел Иннокентий, не заботясь, видимо, уже о слушателях.

Вера сглотнула. Интересно, что?

— Выяснилось, что у него любопытно работает дар хранителя, — пояснил девушке страж. — По большей части я здесь за тем, чтобы это задокументировать это и помочь новичку с формальностями.

Иннокентий ответил взглядом, по которому читалось, что ему мерзко.

— Береговой погрузился в шизофренический бред и уже никогда из него не выйдет, — объяснил хранитель.

— Его друзья бы его снова вытащили, — вставил Отверстчик. — Но провидение распорядилось так, что его участь отныне стать пациентом психиатрической клиники.

Вера кивнула. Может быть, безумие действительно хуже смерти.

— Хотя я уже и не чудовище, со мной по-прежнему опасно связываться, — закончил Иннокентий.

В этот миг Петр Андреевич положил психиатру руку на плечо.

— Любой человек, носящий оружие, способен разрушать. Главная задача стража понимать, против кого должна быть направлена его сила. После всего, что я услышал, не сомневаюсь, что ты стал одним из нас. Если хочешь, можешь присоединиться к отряду.

В глазах Иннокентия ясно читался ответ: "Нет".

— В любом случае, я буду ждать, — произнес Петр Андреевич и вышел.

— Он позаботится о том, чтобы никто из живых не заметил моего вмешательства, — объяснил психиатр коллегам. — Отверстчик мой начальник. Надо отдать Управлению должное, они отрядили мне лучшего из стражей. В последнюю неделю мы с ним договорились, что я по-прежнему не обязан сражаться, потому что в другой ипостаси я все еще полезнее. Извини, Вер, что так тебя напугал.

— Гриш, ты жив остался. Для меня это главное, — прошептала хранительница и тут же поймала на себе потрясенный взгляд патологоанатома.

— Григорий Вольфович Курцер — мое настоящее имя, — спрыгивая с кушетки, объяснил профессору психиатр. — Я его всегда помнил и знал, в отличие от других хранителей. Просто мне долгое время не хотелось называться Григорием.

Следом он взглянул на Веру.

— Но я не против, если ты будешь звать меня так, раз это имя тебе приглянулось.

Потом время снова пошло, и начался переполох. Михалыч возился в подсобке с тяжелым больным, выставив Веру. Прибыла бригада полицейских, врачи отделения давали показания. К другому пострадавшему пациенту неврологии вызвали хирурга. Им оказался Виктор. Вскоре Успенский уже распорядился переводить больного с пулевым ранением.

— Вот и подлечил невралгию, — брюзжал этот немолодой мужчина. — У вас тут черт знает что творится, ироды вы эдакие!

Виктор задумчиво посмотрел ему вслед и произнес, обращаясь к Вере.

— Огнестрел. Обязательно нужно будет показать Лере.

— Как ты можешь сейчас о таком? — удивилась хранительница.

И хирург пожал плечами.

— Если бы я знал, какие в этом отделении творятся ужасы, — отстраненно произнес он. — Прямо под носом у Иннокентия.

Кажется, произошедшее так же повергло его в шок. Михалыч распорядился, чтобы Вера позаботилась о наркозе мужчине с огнестрельным ранением, а сам остался со следователями. Хранительница была рада убраться из неврологии как можно скорей. С ней восвояси отправился Виктор.

Первую половину пути до хирургического корпуса прошли молча, но на середине коллегу вдруг понесло. У Веры было отчетливое чувство, что он старается отгородиться от мучивших его мыслей: как Иннокентий все это время не замечал пригревшееся у него практически на груди чудовище? Это был весомый удар по репутации друга, но все-таки недостаточный, чтобы перестать его уважать.

— Как у вас это выходит с психиатром? — поинтересовался хирург, закуривая.

— Что? — буркнула Вера, пялясь на обледенелый асфальт.

— Постель. Я видел вас сегодня утром, вы были как два студента на квартире у родителей, которые только что ушли. Если бы я не кашлянул, вы, наверное, съели друг друга.

Вера остановилась и топнула ногой. Как же ей надоел этот нездоровый интерес!

— Не злись, — на плечо хранительнице легла тяжелая рука. — Это правда, очень необычное явление... в нашем состоянии хотеть чего-то или кого-то. Поэтому и спрашиваю. Я сначала голову ломал над тем, как вы собираетесь крутить непорочный роман и интересно ли это, но когда увидел вас в кино...

Хирург усмехнулся.

— Этот взгляд полный вожделения. Сразу понял, что если помешаю, то себе не прощу...

Вера подумала, что она в двух шагах от того, чтобы съездить другу по роже. Остановило ее только то, что в голосе хирурга отчетливо звенели нотки зависти.

— Я-то сам довольно горячий в жизни был, — продолжал откровенничать Виктор. — Иначе бы не спутался с Ниной. Она меня за живое зацепила, за мою страсть. Я долго вообще не мог терпеть одиночества. Но вот когда умер, с удивлением обнаружил, что мне это больше не нужно. Вообще.

Вера хмыкнула.

— Не думал, что это расплата?

Хирург со всей силы пнул подвернувшуюся ему под ногу льдинку и горько усмехнулся.

— У меня об этом остались такие же воспоминания как о сладостях. Я их ужасно любил, а теперь ем и того же самого не чувствую. Я скучаю... по наслаждению.

Вера вздохнула. Ей-то самой не на что было жаловаться. Она в жизни не испытывала ничего подобного тому, что пережила с Иннокентием.

— Я думаю, нам это больше не нужно как развлечение, но получается само по себе, когда хранители влюблены. Для человека естественно любить не только душой, но и... телом.

Хирург кивнул.

— Я, правда, рад за вас. Не обращай внимания на мой тон.

— Ты поэтому меня отшил? — решила Вера.

Это был подходящий миг. Момент искренности. Хирург обернулся и удивленно взглянул на нее.

— А?

— Я была твоей студенткой и очень хотела учиться у тебя хирургии. Бегала практически по пятам. Однажды я решила построить тебе глазки, и ты меня осадил. Жестко. Никто из мужчин со мной еще тогда так не обращался.

Виктор несколько мгновений смотрел ей в лицо, сдвинув брови. Потом вдруг его поднял веки. Узнал.

— Так ты ведь тогда была рыжая... бестия. Звали тебя Алиной.

Вера почувствовала, как земля выскользнула из-под ног и все вокруг потемнело. Мир испарился.

Глава 15. Настоящие чувства

Она пришла в себя уже в кабинете патологоанатома. Михаил Петрович размахивал перед ее носом флаконом с нашатырем.

— Виктор идиот, — запричитал он, когда увидел, что Вера на нем сосредоточилась. — Все хирурги идиоты, ты слышала эту стационарную байку, милочка?

Кажется, профессор в последнее время пережил столько неприятностей, что доставили ему подопечные, что уже не мог эффективно сдерживать свой гнев.

— "Где гной, там вскрой", — продолжал патологоанатом. — Что, в общем-то, означает, то они склонны не думать, а действовать. И это приносит свои плоды.

После этого профессор распрямился и тяжело вдохнул. Хранительница разглядела пристыженного и встревоженного Виктора, сидевшего неподалеку за столом.

— Столько лет я был безупречным советчиком для главы больницы, — признался Михаил Петрович. — Что начал думать, будто из меня выйдет идеальный руководитель. Спасибо, Вера, вам за возможность проверить себя. Я был тщеславен и глуп, когда думал, будто я лучшая кандидатура, чем вы. Вы мне живо напомнили, какое это тяжкое бремя отвечать за других людей.

Хранительница приподнялась и села, растирая виски, и вопросительно взглянула на патологоанатома.

— Нет, я не ухожу, Верочка, — улыбнулся он. — Не могу же я как последний трус спихнуть на вас то, с чем не справился. Я выпросил у высших сил эту должность своими причитаниями, и теперь она стала мне испытанием. Сегодня я позаботился о вас. Если бы вы ушли раньше времени, Иннокентий мне этого не простил бы. Для него итак сейчас настали нелегкие времена.

— А что произошло? — слабым голосом спросила Вера.

Патологоанатом обернулся к хирургу.

— Виктор вспомнил ваше имя и догадался произнести его вслух. Бывают случаи, когда хранители узнают часть имени по важным для них причинам, но имена ни в коем случае нельзя объявлять, потому что это ритуал. Так уходят хранители, все кроме Иннокентия, очевидно. Вам на смену приходит новый доктор и говорит, как вас звали. Возвратив себе настоящее имя, вы можете идти дальше.

— Алина, — прошептала Вера, пробуя это имя на языке.

Хирург и патологоанатом насторожились, но ничего не произошло.

— Нам всем повезло, что он не вспомнил его целиком, — выдохнул профессор. — Вы были в глубоком обмороке, когда Виктор принес вас сюда. Думаю, вы едва не перешли за грань, но что-то вас удержало.

Любовь — Вере это было очевидно. Она скинула ноги на пол.

— А Иннокентий? Что с ним?

Михаил Петрович нахмурился.

— Пусть лучше скажет сам. Он от этой новости не в восторге. Но он в порядке, Вера, не переживайте за него. Вещь скорее организационная.

— Не говорите ему о том, что случилось, — попросила Вера, вставая с дивана.

III

Потом они с хирургом отправились давать наркоз и, соответственно, оперировать огнестрел. На операции с Успенским стояла Лера. Хранительница отметила, что за праздники у дочери хирурга появились щеки, и тени под глазами окончательно исчезли,

кажется, Лера наконец-то вдоволь отъелась и отоспалась. Очутившись в семье отца, она будто похорошела и обрела так нужную ей раньше опору. Теперь она даже не замечала все еще раздраженного фыркавшего Бориса. Было видно, что у Леры появилась четкая цель, которую она на операции преследовала, и чужая зависть в этом деле была незначительной помехой. Ее больше невозможно было, как раньше, ударить в самое сердце, теперь, когда у нее появились защитники.

Вера отработала до вечера и вернулась к себе. Они же с утра договорились, что жить она будет у психиатра. Хранительница почувствовала трепет. Она не ощущала подобного волнения даже когда выходила замуж за мужчину, которого с трудом добивалась долгих одиннадцать месяцев. Тут надо было всего лишь перенести коробки, а в животе порхали бабочки.

Вера наспех собрала вещи, и уже начала было волноваться, как в дверях появился Иннокентий. С переездом управились быстро. Хранители почти друг с другом не говорили. Вера боялась узнавать подробности утреннего происшествия, в их ставшем теперь уже общим доме было уютно и спокойно, не хотелось пускать туда реальную жизнь.

Потом Вера и Иннокентий упали в постель и занялись друг другом. Хранительнице казалось, что она никак не может насытиться его прикосновениями. Ей все еще было мало, даже когда стало ясно, что возвратился хирург и начал музицировать в одиночестве. Друзья так привыкли проводить вечера втроем, что теперь все это, пожалуй, выглядело как предательство. Вера надеялась, что хирургу это будет понятно, в конце концов, он же сказал, что рад за коллег.

— Виктор нам завидует, ты знал? — сказала между поцелуями Вера.

— Еще бы, — Иннокентий заглянул ей в глаза. — Ты бы знала, как много способов люди изобретают для того, чтобы отогнать мысли о недоступной им близости. Например, эти ужасные гитарные соло.

Уснули хранители поздно, даже хирург уже перестал играть. Вера чувствовала себя совершенно обессиленной, но при этом такой счастливой, какой не была никогда. Иннокентий закутал ее в одеяло, он помнил еще с их первой ночи, проведенной в одной постели, что возлюбленная мерзнет. Вера ощущала себя защищенной в его руках и понимала, что может наконец-то быть слабой. Впервые в жизни имеет право расслабиться и стать настоящей хрупкой нимфой, которая долго дремала у нее внутри и в которую он, должно быть, влюбился.

Утро, конечно же, наступило раньше, чем Вере хотелось бы. В односпальной постели было очень тесно, но хранительнице нравилась такая близость, даже не смотря на неудобства, которые она вызвала. Иннокентий поднялся раньше и уже приводил себя в порядок. Вера почувствовала неприятный укол, сев на кровати. Раньше ее просто невозможно было застать врасплох. Она вставала по часам и все держала под контролем. Эта любовь что-то в ней сломала, нечто почти столь же древнее как сама Вера. Наверное, последний барьер, который она поставила между собой и другими. Теперь, когда не было необходимости оставаться сильной, Вера была полностью настоящей.

Иннокентий нагнулся к ней и чмокнул в нос.

— Я думал разбудить тебя через, — он взглянул на часы. — Пять минут.

— Сколько сейчас? — потягиваясь, спросила Вера.

— Шесть пятьдесят пять, — ответил Иннокентий, застегивая рукава рубашки.

Значит, она не проспала.

— А почему ты так рано? Консультация?

Психиатр нахмурился.

— Я исполняющий обязанности заведующего отделением неврологии. Теперь. Мне надо подготовиться к пятиминутке. Вчера, — он улыбнулся. — Не получилось.

— Ого! — Вера хлопнула в ладоши. — Им давно надо было поставить тебя. Ты отличный специалист!

Лицо Иннокентия не выражало энтузиазма.

— Я не в восторге.

— Почему?

Психиатр вздохнул и присел на край кровати.

— Вер, — он посмотрел хранительнице в глаза. — Я никогда не любил неврологию и психиатрию. Занимался этим машинально, надо же было что-то делать, чтобы не завывать от тоски. Сто лет опыта не шутки. Но мое призвание акушерство. Я это понял еще когда студентом помогал принимать роды. Вот только там я дышал полной грудью, делал то, в чем видел высший смысл. Когда Лиля отняла у меня это, я потерял себя. И знаешь, Вер, я ведь сто шесть лет об этом не задумывался до сегодняшнего дня и до этого поста заведующего. Оставил свое призвание в прошлом, а сегодня мне вдруг стало обидно.

Вера нежно обняла руками спину любимого и поцеловала его в щеку.

— Как бы то ни было, им нужен зав.

Иннокентий фыркнул.

— Они поставили меня потому, что каждый боится проблем. Им нужен был кто-то... непрошибаемый. Береговой мне ведь столько трудностей устроил и ничем меня так и не достал, — психиатр усмехнулся. — Кто он такой по сравнению со стражами? Да и те меня только немного покусали. В больнице даже не раздумывали, когда встал вопрос о том, кому расхлебывать заваренную кашу.

Вера заглянула любимому в глаза.

— У тебя была прекрасная профессия, одна из лучших в медицине, — произнесла она. — Я горжусь тобой. Но вчера ты сказал, что ты хранитель и твоя миссия сложнее, чем у обычного врача. Уверена, именно этого Анника от тебя и хочет.

Иннокентий вздохнул и улыбнулся ей.

— Спасибо за поддержку.

— Я пойду на пятиминутку к терапевтам, — неожиданно решила Вера.

— Зачем?

— Посмотреть на тебя.

— Там не на что смотреть.

Вера улыбнулась.

— Они удивятся, увидев реаниматолога, — попробовал отговорить ее Иннокентий.

— Я замаскируюсь, — пожала плечами Вера.

Через полчаса влюбленные вдвоем вышли из флигеля. Некоторое время Вера и Иннокентий разбирались в кабинете у прошлого заведующего, разыскивая необходимые отчеты по работе отделения. После вчерашнего обыска в комнате все было перевернуто вверх дном.

Вера приобняла одной рукой избранника.

— Я уверена, что ты сейчас именно тот заведующий, который здесь нужен. Ты сможешь, наконец, организовать все правильно. Ты хороший человек, а в жизни они встречаются так редко! Анника ведь приказала тебе взяться за то, чего ты избегал раньше.

Иннокентий вздохнул и с теплотой заглянул Вере в глаза, у хранительницы внутри

потеплело от этого взгляда. Она была так рада, что стала встречаться с этим мужчиной. Наверное, как никогда раньше в жизни. Он давал ей что-то, чему она еще сама не знала названия. Но это было необходимо ей. Именно за этим Вере стоило продолжить существовать после смерти. Поэтому ее так безумно сильно влекло к Иннокентию.

Назойливое чувство не ослабело от того, что они, наконец, оказались в постели. Даже наоборот. После вчерашней ночи Веру это уже начало смущать. Она ведь, правда, никогда раньше не была такой. Это она обычно заставляла мужчин сохнуть по себе, быстро утомляясь страстью. А тут, что-то непонятное творилось с ее головой и... даже в большей мере с телом. Чтобы не наброситься на него с поцелуями, Вера подтолкнула избранника к двери, прошептав:

— Твой выход.

Иннокентий подчинился и двинулся к двери. Хранительница перевела дыхание и пошла следом. Медсестры выглядывали из палат, с надеждой и благоговением глядя на знакомого доктора. В глазах попадавшегося на дороге медперсонала читалось облегчение. Значит, после вчерашней катастрофы их давший течь корабль все еще на плаву. Отделение не закроют. Не нужно будет увольняться, пытаться скрыть позорную историю. Они все вместе выстоят, переживут этот кошмар. Как хорошо, что нашелся человек, готовый принять на себя ответственность!

На терапевтической пятиминутке было шумно. К большому залу стекались не выспавшиеся доктора. Некоторые из них бросали встревоженные взгляды на Иннокентия. Но тот продолжал шагать вперед, глядя в пространство, в своей выработанной за столетие отрешенной манере. Наконец, Вера заметила у дверей зала стайку студентов. Иннокентий преподавал неврологию и свою группу непременно собирал на пятиминутке. Обычные доктора не обязаны были там появляться, это была повинность дежурантов и заведующих. Там начальство обсуждало жизнь стационара — все, что произошло за сутки. Однако Иннокентий непременно бывал там, должно быть, из-за Берегового. Теперь же он стал заведующим, и его уже обязывала к этому должность — необходимо было отчитаться за отделение.

Терапевтическая пятиминутка, правда, была ничего особенного. Они с Иннокентием сели рядом, дожидаясь пока настанет черед заведующему неврологией выступать. Вера то и дело ловила на себе заинтересованные взгляды. "Кто эта блондинка рядом с психиатром?" "Курцер же, вроде, по мужикам" — это словно волны расходилось в зале. Вера расправила плечи. Пускай смотрят на нее, раз нечего больше обсудить.

Вера взглянула на Иннокентия и поняла, что ему тоже пришлось по вкусу эта провокация. Если он и готов был встречаться с женщиной, то только с такой, которая вызывала бы зависть. Поэтому он не впечатлился предложением Любы. Он взял с собой Веру на терапевтическое сборище, чтобы... похвастаться.

Вера не успела додумать эту мысль, психиатр поднялся и прошагал к трибуне. Там он озвучил еженедельный отчет с тем же привычным выражением отстраненности на лице. И никто не задал ему ни одного лишнего вопроса. Всем нужно было переварить вчерашнее происшествие. Неврологию сунули Иннокентию, потому что он был именно тем, кто не станет вслух говорить, что никто не хотел слышать. Он был тактичным.

На выходе Иннокентий увлек Веру в подземный переход — во многих больницах корпуса связаны подземельем. Это очень удобно для перевозки больных и перемещения медицинского персонала в непогоду. Вере всегда казалось, что душа больницы живет именно в этих невидимых обывателю подземных лабиринтах.

Психиатр прижался всем телом и с вызовом посмотрел в глаза. Вера ответила целомудренным поцелуем.

— У тебя прямо сейчас пара. Студенты ждут, — прошептала она и Иннокентий отпрянул. — Они видели, куда мы пошли. Давай не распускать слишком много слухов за раз.

Психиатр прислушался к просьбе и, одернув одежду, пошел преподавать. Вера еще какое-то время простояла в коридоре, прислонившись спиной к стене и прислушиваясь к замедляющемуся биению сердца. Она все еще ощущала тепло его тела. Вера оттолкнула

его потому, что ее пугали собственные желания. Два прошедших дня она вела себя как распущенная девица. Необузданное влечение легко прощается мужчине, но женщин, демонстрирующих развязное поведение, называют не лучшими словами. Вере было бы больней всего снова на это услышать о себе.

День прошел для Веры как в тумане. Она ощущала себя уставшей после всего. Страсть, так изменившая ее, тоже не давалась просто. В пять Вера была в своей новой спальне. Она упала в постель и думала, что просто передохнет, но проснулась уже от прикосновения Иннокентия. Два прошлых дня хранительница мало спала, и этот дневной отдых показался ей необходимой передышкой.

Увидев перед собой любимого, Вера потянулась к нему. Иннокентий ответил нежным поцелуем, но остановил ее руки, готовые забраться ему под одежду.

— Думаешь, мы каждый вечер теперь только и будем делать, что заниматься любовью? — он отстранился.

Вера села на постели и глубже запахла в домашнюю кофту. Что это, месть за утреннее происшествие?

— Это слишком приземленно, — продолжал улыбаться Иннокентий.

"К черту духовность!" — отворачиваясь, подумала Вера. И тут ей снова стало за себя стыдно.

— Одевайся, — сказал ей психиатр. — Я приглашаю тебя на свидание. Извини, что не предупредил заранее, но я уже взял билеты. Ты готова идти?

Вера взглянула на кавалера потрясенно. Обычно, когда у нее начинались постельные отношения с парнями, романтические свидания как таковые заканчивались. Они превращались в совместные тусовки в клубах, пьяный угар, Вера, наверное, не умела быть той нежной нимфой, ради которой хотелось бы все время творить волшебство. Она была ценным призом, который требовалось завоевать, бросить к своим ногам, доказать себе, что ты купил достаточно роскошную женщину. Больше ничего... просто достойный гордости предмет мебели.

Вера встала, проговаривая себе: "Только в этот раз ничего не испорти".

Перебирая свои вещи в шкафу, она обернулась к Иннокентию с вопросом:

— А куда мы идем?

— В театр, — он искренне улыбался.

Вера вдохнула. Хорошо. Это будет еще одна его встреча с прошлым. Психиатр ведь говорил, что любит это, но из-за Лили, Вера не сомневалась, он уже столетие там не бывал.

— Что мне надеть? — растерялась хранительница.

Вот Вера-то как раз не бывала в театре почти. Она всего раз ходила со своим парнем однокурсником на модную постановку, едва перебравшись в Москву. Провинциалке хотелось влиться в ритм жизни столицы. Но они оба откровенно заскучали, и по окончании представления Вере было совестно, что она заставила кавалера потратить свою стипендию на то, что никому из них не принесло удовольствия. Больше с Пашей она в театре не была, да и вообще никогда туда больше не заходила. И тут... Вера украдкой бросила взгляд на Иннокентия. Она нарвалась на ценителя искусства. Вот же... Хранительница вдруг давно знакомыми чувствами поняла, что вскоре он догадается о том, что она недостаточно такая как ему надо. Старые привычки требовали включить притворство. Вера вздохнула и просто понадеялась на то, что судьба окажется на ее стороне.

— Но у меня же нет увольнительной, — проговорила хранительница.

Иннокентий улыбнулся и вышел, спустя пару мгновений он снова показался в спальне и положил на кровать открытую жестяную коробку из-под печенья. Она была доверху

забита алыми бумажками. Вера выдохнула. Бесплезно сопротивляться.

— За долгую жизнь я набрал столько, что мне хватит теперь на то, чтобы прогулять в больнице год. Я поделюсь с тобой, для меня, как видишь, это небольшая потеря, — пояснил психиатр. — Вер, я правда не хотел бывать на улице до этого момента. Пока не встретил тебя.

Он вышел, и хранительница принялась собираться. Слова Иннокентия придали ей уверенности. Она готова была пойти в театр, чтобы сделать приятно ему. Поэтому Вера привела себя в надлежащий вид. Черные обтягивающие леггинсы с блестками, свитер крупной вязки золотистого цвета поверх черной водолазки. Вера сделала вечерний макияж, уложила волосы крупными локонами и даже нарисовала ногти немного уже подсохшим с сентября лаком. Хранительница посмотрелась в зеркало. Она не была похожа ни на себя новую, ни на себя старую. Что-то странное.

— Кто ты, женщина? — обратилась хранительница к своему отражению и вышла в гостиную.

Иннокентий удовлетворенно окинул ее взглядом. Вера нравилась ему внешне... физически. Теперь, когда хранительница нарочито не подчеркивала свою сексуальность, его видимо, цепляла ее природная, естественная красота. Только вот Вера чувствовала себя в этом виде уязвимой и хрупкой. Раньше внешность была ее оружием, а теперь просто ее частью.

Иннокентий накинул на плечи Вере шубу, которую дарил вместе с платьем на рождественский бал, и они вышли. Шли пешком, в молчании. Хранительница ощущала себя немного смущенной, но при этом понимала, что не нужно было что-то говорить. Между ними с Иннокентием установилось безмолвное понимание еще недавно... в постели. Она чувствовала, что кавалер ей любит. Вера шла немного впереди, и радовалась тому, что ее окружало: мягко падавшему снегу, гармонии, в которой казалось замер мир вокруг, любви, которая так внезапно на нее обрушилась.

Они проходили мимо детской площадки. Там было возведено нечто вроде гимнастического бревна. Очень старая конструкция. Вера замерла на мгновение, гадая, зачем это могло здесь понадобиться. Собак тренировать, может быть? А потом, повинуясь мгновенному порыву, забралась на бревно и на мгновение ощутила азарт, который испытывала на соревнованиях. Несмотря ни на что, Вера любила гимнастику. У нее были хорошие тренеры. Именно эти люди научили ее стойкости, рассказали, как стискивать зубы и заставлять свое тело выходить за пределы человеческих возможностей. Это было... красиво. Просто Вера это неправильно поняла. Нельзя было ставить спортивный принцип "Добейся" во главе всей своей жизни.

Вера аккуратно прошлась по бревну, разметая его, а затем единым движением скинула ботинки и швырнула Иннокентию тяжелую шубу. Ей нужно было остаться в носках. Вера подняла вверх руки, вспоминая свой номер. Психиатр не мешал. Он привалился невдалеке плечом к качелям и замер. Наверное, за долгое время своей практики он и не на такое насмотрелся.

Шаг, другой, сальто. Хранительница с удивлением поняла, что ее тело помнило движения. Оно стало слабей, пропала четкость и легкость, немного пострадала растяжка, но Вера все еще была собой — сильная, стройная, ловкая. Она любила себя такой. Те люди, с которыми она пять последних лет общалась, окончательно уничтожили в ней именно это: уверенность в себе, практически отняли право на жизнь. Вера могла бы сама себя отстоять. Она ошибочно решила, что чужие деньги станут для нее гарантией неприкосновенности, вышло наоборот. Просто тогда, на третьем курсе рядом с ней не оказалось нужного человека, который бы вовремя подставил плечо. Иногда даже самые сильные люди становятся удивительно уязвимыми. Даже они порой ломаются. Для толпы это самое лакомое зрелище.

Вера остановилась и смахнула непрошенную слезу. У бревна уже стоял Иннокентий, он подал избраннице руку и помог добраться до ботинок.

— Это было прекрасно, — негромко сказал психиатр, пока Вера обувалась. — Я каждый раз с таким удивлением отмечаю, насколько упорно ты предпочитаешь игнорировать свою красоту.

Вера посмотрела ему в глаза и произнесла:

— Думаю, мы уже опоздали. Может, не пойдём?

Иннокентий наклонился к ней и аккуратно вытер уголок глаза. Заметил все-таки.

— Вера, я никогда в тебе не разочаруюсь, — сказал он. — Пока ты будешь оставаться такой же искренней. То, что я в тебе полюбил — твоя по-настоящему живая душа. Мне интересно твое настоящее мнение, а не то, что я хотел бы услышать. У меня уже была женщина, которая играла роль идеальной жены, и куда нас обоих завели эти иллюзии? В наркопритон.

Психиатр аккуратно одел на Веру шубу. Хранительница сидела в смятении, понимая, что он, наверное, подобрался к тому моменту, когда был готов простить Лилю. Среди людей чудовищ, наверное, не бывает. Те, кто убивают, страдают от собственных монстров не меньше, чем их жертвы. Это не оправдывало Лилиной жестокости, но уравнивало окружающий мир. В его участии были виноваты двое. Он, потому что был доверчивым простаком и его жена, потому что была запутавшийся в собственных страстях психопаткой. Ей было удобно и хорошо с таким идеальным мужем, и все-таки в глубине ее души чернела пропасть — тяга к саморазрушению.

Иннокентий протянул Вере руку и помог подняться.

— Нечего бояться театра, — прошептал он ей на ухо. — Для начала это не совсем то, что ты думаешь. А во-вторых, помни: я люблю тебя.

Вера обернулась к нему, но психиатр не дал себя поцеловать. Зашагал вперед. Вот теперь это была расплата за утреннее.

На часах было уже восемь тридцать вечера, когда они добрались до Театра на Таганке. Вера помнила, что спектакли обычно начинаются значительно раньше. Ну что ж, либо они безнадежно опоздали, либо пришли уже на второй акт.

Иннокентий пропустил даму в безлюдное фойе.

— Сегодня на этой сцене ничего не дают, — пояснил он, помогая Вере снять шубу.

Хранительница удивленно посмотрела по сторонам и тут только увидела, как к ним приблизилась старушка-гардеробщица и молча забрала одежду.

— Тогда зачем мы здесь? — как можно тише произнесла девушка, опасаясь потревожить тишину театра.

Иннокентий хитро взглянул на гардеробщицу.

— Достать билеты сюда считается большой удачей, — объяснил он, облокотившись на стойку. — Я, по правде, задействовал некоторые связи...

Гардеробщица махнула хранителям. Жест вышел недвусмысленный. Она приглашала идти за собой.

— В театре редко выдаются вечера, когда все тихо и ничто не помешает очнуться памяти, — негромко рассказывал Иннокентий.

— Памяти? — обернулась к нему Вера.

— Да, — кивнул спутник. — Ты же наверняка слышала, о великолепных постановках, которые уже не увидишь никогда потому, что актеров в живых нет? Здесь играл Высоцкий.

Вера кивнула. Она действительно слышала об этом.

— Но я был слишком занят своими проблемами и пациентами, чтобы пойти и взглянуть на него вживую. А сегодня вот я выпросил билет на представление для нас обоих.

Вера посмотрела на гардеробщицу, и спутник заговорил еще тише.

— Существуют разные хранители. Миру искусства тоже требуются свои покровители. Только их гораздо меньше, чем нас, врачей.

— Она...

— Ну, что-то вроде души театра. Потрясающе, да? Старушка-гардеробщица, которая помнит все, что когда-либо происходило на московских сценах и сегодня она оживит для нас один из лучших вечеров. Хранители крепко привязаны к своей работе и редко просят друг друга об услугах. Это только стражи, не связанные в перемещениях и, к тому же, имеющие достаточно свободного времени, любят всем надоедать. Билеты придуманы, чтобы они не скучали. Я надавил на кого нужно. Должна же быть хоть какая-то польза от того, что они теперь считают меня одним из них.

Женщина в этот миг хлопнула в ладоши, и Вере показалось, как с потолка посыпалась пыль. Иннокентий огляделся по сторонам, так словно попал в сказку. Пыль оседала на пол, меняя очертания зала. Повсюду стали появляться неотчетливые тени, но потом, становясь все плотней, они стали напоминать посетителей театра. Это были люди из семидесятых. Вера взглянула на свой билет, который протянул ей Иннокентий. В названии постановки значилось "Гамлет". Даже Вера слышала, что это был очень популярный спектакль. Пыль просыпалась и на них и вскоре хранительница осознала, что была сама одета по давно ушедшей моде в короткое синее платье, на голове у нее было надежно закрепленное лаком каре. Иннокентий рассмеялся, глядя на себя. Он был в цветастой рубашке и клешенных джинсах — по тем временам, наверное, самый писк.

— Боже! — выдохнула Вера, глядя на него. — Это еще более странно, чем твои другие наряды.

— Наслаждайтесь, — сказала им гардеробщица и пошла на свое место.

Театр тем временем окончательно ожил.

— Поэтому я не сказал тебе, как одеваться, — произнес Иннокентий, хватая даму под руку. — И, как видишь, не соврал. Это не совсем тот театр, который ты, наверное, ожидала.

Прозвенел первый звонок, и Вера еще раз оглядела публику.

— Агриппина оживила для нас прошлое, — объяснил психиатр. — Эти несколько часов мы будем все времени и вернемся в Москву ровно тот же час, что и зашли в здание. Удобно придумано, да? Чтобы можно было полностью отвлечься и не думать о том, что город разносит какая-нибудь аномалия, пока ты смотришь постановку. Так что давай наслаждаться. В буфет?

Вера кивнула.

Вечер прошел великолепно. Несмотря на то, что билеты были на задних рядах, Веру так увлекла постановка, что со спектакля она вышла в своих мыслях. Психиатр ей не мешал. Он тепло поблагодарил Агриппину и, накинув шубу даме на плечи, вывел ее на мороз.

Вера и Иннокентий медленно шагали вдоль Садового Кольца, и, кажется, психиатр искренне наслаждался тем, что происходило. Он знал, что ей понравится. Он и сам получил удовольствие от вечера, но наблюдать за очарованной Верой ему было еще приятнее, чем переживать собственные ощущения от постановки.

— Спасибо за свидание, — наконец, произнесла хранительница, крепко сжав его пальцы и, к своему сожалению, не ощущая человеческого тепла сквозь ткань перчаток. — Это было... великолепно.

Да, это действительно ни с чем нельзя было сравнить. Никто из прошлых кавалеров точно не смог бы пригласить Веру на спектакль из семидесятых. Мужчины обычно осыпали ее деньгами, но в этом не хватало чего-то... личного.

— Мы еще не закончили, — улыбнулся спутник, оценив, видимо, что Вера способна его воспринимать. — Увольнительная действует до двенадцати, а я, как страж, так вообще волен теперь ходить по Москве куда вздумается. Неподалеку есть хороший винный бар.

Хранительница с удивлением уставилась на Иннокентия. Он рассмеялся.

— Боже мой, Вера, я знаю, что такое гугл и как посмотреть рейтинги ресторанов. Я туда уже заходил. Там, правда, хорошо.

Вскоре они уже пересекли Москву-реку, и заняли столик в ресторане недалеко от метро Парк Культуры. В заведении было шумно, чувствовалось, что оно было популярным у продвинутой молодежи. Психиатр оглядывался по сторонам с очень теплым чувством. Вера поняла, что он действительно здесь бывал. Интересно, когда? Заходил после консультаций? Или...

Заглянув ему в глаза, Вера вдруг осознала, что недавно. Совсем не так давно, Иннокентий стал путешествовать по Москве просто так, это юная хранительница его подвигла своими рассказами о новом веке. Он просто решил проверить, сможет ли такое долго живущее существо как он найти себя в этом времени? За последние два месяца Иннокентий проделал такую работу, что Вере и не снилось. Он предложил ей встречаться, потому что обнаружил свое место, и оно ему понравилось. В том числе этот бар.

Вера еще раз огляделась по сторонам, ожидая заказа. Тут, похоже, собиралась богема. Напротив, через реку, филиал Третьяковки. Иннокентий же любит рисовать. Ему тут было уютно. Вере пришло в голову, что и до своей смерти, доктор, равнодушный к прекрасному, дружил с людьми искусства. Так и теперь, наверное, он пару раз делал карандашные наброски, сидя у окна и лениво потягивая вино из бокала, а ему строили глазки духовно богатые девы. Психиатр, сменив стиль, превратился в современного, модного и очень симпатичного парня.

Принесли вино. Вера отпила. Не самое дорогое из того, что она пробовала, но приятное. В общем-то, какая разница, какой у него ценник — хранительница давно это поняла. Главное, чтобы не было противно пить. Ее раздражали некоторые особенно дорогие марки. В последнее время, Вера так вообще перешла на водку, стараясь забыться, а теперь вспоминала, что любила терпкий вкус вина, сопряженную с культурой его питья магию.

Психиатр коснулся своим бокалом ее бокала. Послышался звон стекла.

— За этот вечер, — улыбнулся он.

— За этот вечер, — повторила Вера.

Она сбросила правый ботинок, как можно незаметней для психиатра и провела своим мыском по его голени. Духовно богатые девы все еще бросали заинтригованные взгляды на Иннокентия. Может, раньше они и болтали с ним по душам, но сегодня не решались приблизиться. Еще бы, этот загадочный художник впервые завалился сюда с девушкой. Это подогревало в Вере дух соперничества. Она сейчас им всем покажет, что их надежды охмурить этого красавчика тщетны.

Иннокентий легко включился в игру. Сначала они словно невзначай встречались на столе пальцами рук, бросали друг на друга томные взгляды, а потом их обоих это распалило так, что пришлось уйти из-за стола, оставив недопитое вино.

Вера и Иннокентий оказались в туалете.

— Знаешь, со мной еще никогда такого не было, — прошептала хранительница, пока спутник стаскивал с нее одежду.

— С тобой? — он прервался на миг.

— Да. Вот такого еще никогда.

Вере всегда казалось, что для интимных дел существует спальня. А чтобы вот так вот отдаваться друг другу в непредназначенных для этого местах... это было неудобно, непрактично и даже негигиенично. Но с этим мужчиной все было как-то совсем иначе. Они заперлись в кабинке, и Веру не волновала окружающая обстановка. Главное, что он был рядом, такой нужный.

Они, кажется, даже начинали уже немного привыкать друг к другу. Но от этого все почему-то вышло куда более страстно. Как будто они уже не боялись причинить друг другу боли и полностью отдались чувствам. В какой-то момент, когда Вера уже полностью потеряла контроль над собой, и он аккуратно прикрыл ей рот своей рукой.

— Ты же не хочешь, чтобы нас застучали? — прозвучало над ухом.

Чиркнуло и погасло воспоминание. Что-то в животе оборвалось и прокатилось по телу давно сдерживаемой болью. Вера почувствовала, что ноги ее не держат. Иннокентий отпрянул, встревоженно глядя в глаза. А Вера ощущала себя словно пьяная. Ей было хорошо с ним, даже очень хорошо. Ее так тянуло к нему, потому что это был единственный мужчина за пять минувших до ее смерти лет, который был с ней аккуратен. Она никак не могла поверить в то, что любовь и забота, которую он ей давал вдруг не иссякнут и Вера снова не останется один на один с чувством вины за то, что сотворила с собой. Поэтому ей было так его мало. Вера неосознанно стремилась погреться впрок.

Она притянула к себе Иннокентия и страстно поцеловав, развернулась. Он еще и, поди, прочтет что-нибудь в ее глазах. Вера не хотела и близко подпускать любимого к своим воспоминаниям. Нечего ему испытывать вину за то, что неосторожной фразой он оживил в ее памяти один из худших моментов. Нечего ему было задумываться над ошибками Веры.

Она сумела сосредоточиться на происходящем и даже испытать удовольствие. Когда они оба замерли, ее накрыло нежностью. Вера слышала над ухом его частое дыхание, протянув назад руку, поймала мокрую от пота прядь.

— Все хорошо? — раздалось позади.

Вера кивнула, хотя ноги ее по-прежнему не держали. После внезапного откровения она чувствовала себя слабой и странно опустошенной. Но это были хорошие чувства. Вера ощущала, что та дыра в груди, которая ей долго не давала покоя, наконец-то исчезла. Ее заполнило заботой и любовью, но на это ушли все ее силы. И да, сегодня Вера по-прежнему могла быть слабой. Иннокентий привел в порядок свою одежду и теперь помогал одеться ей, так словно хранительница была ребенком. В заключение он провел большим пальцем по ее губе.

— Помада размазалась.

Тут в дверь постучали. Иннокентий и Вера переглянулись, понимая, что всем, должно быть, было их слышно. Там собралась очередь.

— Как же стыдно, — пробормотала Вера, чувствуя, что заливается краской.

Иннокентий выдохнул и, взглянув на спутницу, объявил:

— Мы не можем прятаться тут вечно. Надо просто уйти как можно быстрее. Я отдаю деньги, а ты хватаешь одежду. Поняла?

Так они и вышли. Иннокентий какое-то время прикрывал Веру от взглядов публики своей спиной, потом она сама, выскочив в зал, забрала вещи и выбежала на улицу. В общем, по глубине общественного осуждения это, оказалось, конечно же, не хуже, чем провалить контрольную в старших классах. Вера посмотрела в серое небо, из которого лениво валились снежинки, прижимая к себе пальто Иннокентия и подумала, что счастлива. Что-то продолжало болевой точкой нить в животе, но она не стала на этом заикливаться.

Наконец на улицу вышел ее кавалер, и Вера сунула ему одежду. Хранители какое-то время молча смотрели друг на друга, а потом рассмеялись.

— Это... — наконец нашла в себе силы заговорить Вера. — Это было очень неприлично с моей стороны. Знаешь, я ведь росла в чопорной семье. Мама бы меня на чем счет стыдила, если бы узнала о таком.

И много о чем другом — это осталось недоговоренным.

Иннокентий вдруг распахнул руки и запрокинул голову.

— Со мной никогда такого не было! — произнес он, взглянув на Веру и она поняла, что любимый чувствует что-то похожее на то, что ощущала и она сама, едва выйдя на улицу. Он счастлив. Как же это было хорошо!

Потом Иннокентий обнял Веру и крепко прижал к себе.

— Спасибо, — сказал он, чмокнув ее в нос. — Я ведь до сегодняшнего дня был не уверен, что смогу снова быть счастлив с женщиной. Спасибо за то, что ты есть!

Потом он аккуратно ее выпустил.

— Пойдем домой. Уже десять. Ты последнее, чем я стал бы рисковать.

И они пошли обратно, надеясь прогуляться по Садовому кольцу и ночной Москве. Пересекли мост, но Вере в районе метро Октябрьская стало нехорошо. Ныл живот, и хотелось согнуться. Она притормозила и, наконец, позволила Иннокентию заметить свое состояние.

— Что с тобой? — обеспокоенно произнес врач.

Вера покачала головой. Трудней всего самой себе ставить диагнозы.

— Не знаю. Сильно ноет в правой подвздошной области. У бессмертных бывает аппендицит?

Психиатр поднял брови, взял Веру на руки и уложил на ближайшую лавочку. Это выглядело странно. Сам Иннокентий сел рядом, запустил холодную руку под шубу и стал щупать живот. Вера не удивилась и не испугалась. Она доверилась.

— Понятно, — наконец произнес психиатр, заказывая такси. — Поехали в больницу.

Тут уж настал черед Веры удивляться.

— В нашу?

Иннокентий покачал головой.

— У меня есть приятели в Голицинской, — он внимательно посмотрел на Веру и произнес. — Тут ближе.

И хранительница почему-то не поверила его последним словам.

Вскоре врачи уже были в приемном отделении той самой Голицинской больницы. Вера с удивлением рассматривала чужой стационар. Интересно, что в этот час делают ее хранители? А у такой древней больницы точно не могло не быть бессмертных душ, приглядывавших за тем, чтобы в стационаре все шло своим чередом. Не должны ли чужие хранители как-то отчитаться местным?

Вера думала об этом, чтобы не сосредотачиваться на боли, коловшей в боку. Она была не похожа ни на что испытанное ею раньше и поэтому пугала. Вера пережила побои, и даже сломанные кости предплечья не причиняли ей такого беспокойства.

Иннокентий оставил ее на лавочке под дверью врача, а сам углубился в приемное. Наконец, психиатр оказался в конце коридора вместе с мощным немолодым мужчиной в медицинской форме. «Гинеколог» — прочитала Вера на его бейдже, когда доктора приблизились. Хранительница удивленно воззрилась на новое действующее лицо.

— Это и есть? — спросил гинеколог, складывая руки на груди.

Иннокентий кивнул, взглянув на нее.

— Моя спутница, — произнес психиатр. — Вера, Юрий Юрьевич тебя посмотрит.

«Нет» — одними губами произнесла девушка, сгибаясь еще сильнее.

— Заходи давай скорей, — произнес гинеколог, глядя на Веру. — Вы меня сейчас поймали прямо перед операцией. Дело левое, я и так вижу.

Иннокентий помог ей подняться, и тут уж Вере ничего другого не оставалось, как пройти в темный кабинет. Гинеколог шлепнул по выключателю и захлопнул дверь. Психиатр остался снаружи. На том спасибо. Вера обвела взглядом смотровой кабинет. Она, как и большинство женщин, не любила гинекологические осмотры. Сейчас ведь начнутся вопросы про половую жизнь, все это было слишком личным. Вера вздохнула, пытаясь подсчитать, сколько раз с ней эта жизнь приключилась за прошедшие несколько дней. Она ведь, по правде, еще после последнего раза в себя толком не пришла. Вера была готова съязвить. Она взялась за брюки и тут гинеколог, запустивший ультразвуковой аппарат обернулся к ней.

— На кушетку, — распорядился он. — И одежду не снимай. Знаю, я кто ты такая, поэтому нечего смущать меня и себя.

Вера легла. Доктор выдавил на ее живот холодный гель и поставил в левую подвздошную область датчик.

— Так вы тоже... — заговорила Вера.

Врач на миг оторвался от монитора, и устало взглянул на нее.

— Хранитель? Ага. Ну... вижу. Курцер не ошибся с диагнозом.

Вера приподнялась и глянула в монитор. Но ее познаний в лучевой диагностике хватило только на то, чтобы понять, что врач вывел изображение яичника.

— Что это?

— Апоплексия, — кивнул ей гинеколог. — Сейчас смирно лежи. Пощиплет немного.

Вера задержала дыхание, когда огромная лапища доктора провалилась ей в живот и что-то там сжала. Действительно, немного щипало. Гинеколог тут же достал окровавленные пальцы, и Вера удивленно уставилась на свою кожу. Немного красных разводов, но раны нету.

— Всего лишь обычное исцеление, — заявил гинеколог, вытирая руку салфетками. — Все. Я работать дальше пошел.

На этом он поднялся и протянул Вере охапку бумаги, чтобы она стерла с живота кровь. Девушка приводила себя в порядок, слушая, о чем говорили хранители за дверью. Ей был ясен диагноз «Апоплексия яичника», это означало разрыв. Вера чувствовала боль оттого, что кровь стекала в брюшную полость и раздражала кишечник. Такое случается у женщин в середине цикла, но с тех пор как Вера поселилась в больнице, она была уверена, что цикла у нее не было. Бывает еще и травматическое повреждение... Подтверждение своим мыслям Вера услышала в словах гинеколога.

— Пусть пропьет препараты железа на всякий случай. Гемоглобин точно ниже ста десяти. Я такие вещи чувствую, когда лезу в живот, гемодинамика и все такое, как у настоящего хирурга... И... дай ей отдохнуть. Измотал ты девчонку, Курцер. Могу представить, как нелегко быть твоей дамой сердца.

Вера вышла. Ей надоело это слушать. Гинеколог взглянул на нее.

— Ну, коллеги, не болеть вам, — пожелал он. — Разрешите откланяться.

После этого он ушел. Иннокентий молча протянул Вере шубу и произнес уже когда они вышли на улицу:

— Прости.

— За что?

— Надо мне было быть аккуратнее, — хранитель взглянул на ее живот.

Вера рассмеялась. Если бы он знал, как колотил ее муж, и что с ней делал друг мужа,

ему даже в голову не пришло бы извиняться за такие мелочи.

— Гриш, пообещай только одну вещь, — произнесла Вера, пока они шли к вызванному такси. — Что не будешь чувствовать себя виноватым.

Психиатр открыл перед Верой дверь и помог сесть в машину.

— Ты не хотел сделать мне больно. Остальное не имеет значения.

В такси Вера уронила ему на плечо голову, понимая, почему они оказались в первой градской, а не у себя. Нечего, конечно же, было посвящать профессора в подробности их личной жизни. Иннокентий поставил правильный диагноз, поэтому и повез Веру к соседям. Наверное, он действительно был хорошим акушером-гинекологом.

Хранительница и не заметила, как уснула. Иннокентий разбудил ее, когда двинулся чтобы выбраться из машины. Вера едва помнила, как добралась до флигеля. Без пяти двенадцать хранители захлопнули за собой входную дверь квартиры. Вера рухнула в постель. Все это ее измотало. Открывшаяся правда о последних месяцах жизни, операция, но в то же время, любовь и театр. Любые сильные эмоции утомляют.

Иннокентий помог ей раздеться и уложил спать.

Вера проснулась в двенадцать утра и вскоре обнаружила, что психиатр выключил будильник. На столе в столовой лежало послание, в котором Иннокентий сообщал, что Вере необходимо передохнуть. После вчерашнего он волновался за нее и переписал на нее увольнительную. На столе стоял букет, кофе и шоколадные конфеты. Психиатр писал, что нашел Вере дело. Он предлагал заказать двуспальную кровать. Рядом лежали пластиковая банковская карта и его старый кнопочный телефон, к номеру которого она, видимо, была привязана. Сбоку на зарядке ноутбук. Иннокентий обо всем позаботился.

Несколько часов Вера послушно занималась выбором мебели, а потом ее одолел финансовый вопрос. Какой суммой она располагала? Вера присмотрела вариант на средний бюджет и на совсем маленький, но, конечно же, ей хотелось взять более дорогую вещь. Та кровать была качественная и удобная. Пришлось набрать Иннокентию.

"Сколько я могу потратить?" — странно, что он с самого начала не обозначил сумму.

"Сколько сочтешь нужным" — пришел ответ: "Этот счет для бытовых расходов".

Вера выдохнула. Так есть и другие? Или он просто красуется?

"Сколько на нем?" — набрала хранительница.

"Тебе хватит".

Тогда Вера указала сумму самой дорогой кровати.

"Хватит" — пришло следом.

Вера вздохнула и оплатила покупку. Иннокентий однозначно дал понять, что дорогая кровать его устраивает. Впрочем, он жил в роскоши. Странно было бы, если б он согласился на что-нибудь дешевое.

Пришел отчет о списании средств и тут Вера уставилась на баланс. Следом она схватилась за телефон. Кое-что требовало пояснений.

"Откуда у тебя столько денег?"

Иннокентий довольно долго не читал сообщение. Наконец, пришел ответ:

"Долгая история, Вера. Во мне никогда не замолкала еврейская кровь. Я умел выгодно продавать свои услуги даже в худшие времена. Научился этому у дяди, хорошо работать — у отца. Когда я начинал в больнице, даже медицина вызывала у меня отвращение, и я утешал себя тем, что получаю достойное вознаграждение за свой труд. Так я скопил больше, чем мне требовалось".

Вера довольно долго пялилась в экран, а потом набрала:

"Ты еврей?!" — что-то было не похоже.

"Технически да" — тут же пришел ответ: "Моя мать еврейка. Отец из семьи обрусевших немцев. История моего появления достойна приключенческого романа".

"С удовольствием послушаю" — набрала Вера как можно скорей, опасаясь, как бы Иннокентий снова не пропал из сети.

"Мой отец был московским офтальмологом, а у матери было плохое зрение. Они встретились у него на приеме и в тот же день решили пожениться. Наверное, поэтому я вырос таким романтично настроенным идиотом. Опасаясь гнева родителей, мать сбежала с отцом в Казань, где они зажили у его сестры. Они осмелились вернуться, только когда мне было семь. Он умер здесь от тифа, оставив нас вдвоем. Мать отдала меня в консерваторию и без любимого сгорела за пару лет, после того как умер отец, у нее началась чахотка. Тогда меня забрал к себе дядя, мамин брат. У него, как это сейчас говорят, было свое небольшое дело, и не было детей. К семнадцати годам я сделался его поверенным в делах и должен был принять наследство. Но я заявил, что пойду учиться на врача, как отец. Его имя в дядиной семье было запретным, он винил отца в смерти сестры. Но меня любил. Я был для него ее продолжением. Но только я осмелился заявить о своих планах, остался не понят и был назван неблагодарным юнцом. В содержании мне было отказано, и я худо-бедно кормился частными уроками, пока учился в академии. Это меня закалило. Но потом, когда я сделался сносным акушером, то сумел заработать на свою клинику благодаря воспитанию родственника. Я этого не забыл. Дядя обанкротился, когда я взял в жены Лилию, и я его содержал до своих неприятностей. Моя печальная участь его совсем подкосила".

Вера смотрела на экран, чувствуя, как часто бьется ее сердце. Так вот что он за человек. Действительно, сильный. То, что с ним произошло, было недосмотром высших сил. Не удивительно, что они это теперь исправляли.

"Я так горжусь тобой", — набрала Вера.

"Спасибо", — пришло в ответ.

Вера едва дождалась появления Иннокентия и когда открылась дверь, бросилась ему в объятия.

— Вер, — психиатр пытался сдерживать ее порывы. — Мне, правда, очень приятно. Но ты не думаешь, что тебе нужно побережиться?

— Ты больше не хочешь меня? — оскорбилась Вера.

Иннокентий улыбнулся и, подняв ее на руки, отнес в спальню.

— Хочу, — сказал он, снимая с Веры платье. — Я боюсь, что ты не понимаешь того, что тебя изматывает страсть. То, что вчера случилось, означает, что ты на пределе. Вер, тебя никто толком в жизни не любил, все только хотели... поэтому ты так заводишься.

— А ты? — выдохнула хранительница.

Иннокентий улыбнулся.

— Меня любили родители, дядя. Я был... их общим сокровищем, поэтому вырос убежденный, что всегда буду хорошим человеком. Любовь это то, что дает нам почву под ногами, позволяет стоять прямо под ударами судьбы. У тебя, в отличие от меня никогда этого не было. Поэтому ты все время сомневаешься в себе.

Он был прав, но Вера не хотела это слушать. Она прильнула к нему губами и, оторвавшись от поцелуя, Иннокентий покачал головой.

— Представить себе не мог, что придется останавливать пылающую страстью женщину, — пробормотал он, помогая хранительнице стянуть белье. — Благо в отличие от какого-нибудь хирурга, я умею думать еще и головой.

Вера почувствовала, что это были пальцы. Иннокентий посмотрел ей в глаза и произнес:

— Я знаю, что делаю. Так... мы с Лилей решали проблему в те дни, когда она могла забеременеть.

Он действительно в этом понимал, как вскоре убедилась Вера.

— Отдыхай, — Иннокентий поцеловал избранницу в висок и поднялся, и тут ей стало ужасно за себя стыдно.

Он, наверное, теперь думает, что у нее крыша поехала, как у Любы. И тут Вера сделала именно то, что привыкла делать, когда окружающие начинали сомневаться в ее добрых намерениях — подтверждать невыгодную точку зрения в попытке доказать обратное. Большинство Вериных любовников просили от нее определенного типа ласк, смысла которых она никогда не понимала. В конце концов, ей всегда казалось, что так получает удовольствие только один человек, а близость — все-таки процесс взаимный. Однако Вера натренировалась в этом. Был спрос.

Именно это у нее и случилось с Иннокентием. И он вроде бы даже не протестовал. Кажется, он опешил от Вериней решимости. В конце он поднял избранницу с колен, и чмокнул в губы. Хранительница замерла, не зная, что дальше. Никто из прошлых ее любовников так бы точно не поступил.

— Я вот что тебе не успел сказать, Вера, — произнес Иннокентий.

Он не расстроился, не разозлился из-за ее сумасбродства.

— У меня через полчаса тут будет общество психиатров.

Вера даже приоткрыла рот от неожиданности и посмотрела на себя. А она в чем мать родила. Очень своевременно! Впрочем, если бы она не накинулась на Иннокентия, возможно, услышала бы об этом раньше.

— Давай в душ, — подбодрил он. — Я принесу одежду.

Вера перевела дыхание и поняла, что наконец-то может разговаривать с ним. Больше не было так стыдно. Кажется, Иннокентий воспринял все эти ее сумасбродные порывы... нормально. Ей с ним очень повезло. Кто другой, наверное, бы испугался.

— Может, я лучше пережду в своей комнате, то есть у Виктора?

— Нет смысла прятаться, — ответил психиатр. — После бала все воспринимают тебя как мою спутницу. Их скорее удивит, если выяснится, что мы живем отдельно.

Вера кивнула и, завернувшись в простыню, пошла в душ, надеясь, что не встретит по дороге Виктора. Это был бы неприятный момент. Вере, конечно, лестно было стать хозяйкой вечера, но вместе с этим ее не оставляли мысли о собственной распущенности. Да что же с ней не так?!

Вера уже вывернула ручки душа на полную, когда в комнате появился Иннокентий. Хранительница слышала, как он положил на стул одежду, следом отодвинулась занавеска, и психиатр присоединился к ней. Вера обернулась. У них же времени всего ничего, пока не нагрянут все эти бессмертные. Иннокентий схватил губку и помог Вере намылить спину. Она обхватила себя руками. Хранительнице по-прежнему было стыдно за себя. Его спокойное поведение помогало расслабиться, но не забыть.

— Ты не шлюха, — прошептал ей на ухо Иннокентий. — Так называлась моя жена, которая никак не могла выбрать между двумя мужчинами. Один давал ей уверенность и комфорт, другой — необходимые ощущения. Я бы никогда не выбрал шлюху после того, как научился читать по глазам. Ты отдаешься до конца, просто потому что впервые искренне полюбила. Это большой подарок для любого мужчины. Ты вернула мне уверенность в себе.

Вера обернулась. Иннокентий улыбнулся и оставил кусочек пены на кончике ее носа.

— Кто-то должен встретить психиатров, — сказал он избраннице. — Если пойдешь, то меня очень выручишь.

Вера кивнула.

— Я намерен тянуть с собственным появлением как можно дольше. Думаю, они тебе все объяснят. Я даже немного завидую им. После многолетней истории нашего обоюдного непонимания они встретят там тебя.

Глава 16. Оставить навсегда

Вера выбралась из ванной, недоумевая. Следом она высушила волосы, надела белье и подвела тушью ресницы. Вера посмотрела на платье, которое выбрал Иннокентий. Она купила его в начале сентября. Длинное голубое с принтом из маленьких белых цветов, женственное и целомудренное. Вера еще тогда разбирая покупки, удивилась себе. Как оно могло тут оказаться? Видимо, попало в кучу отобранной одежды просто за компанию, так бывало раньше, когда Вера входила в раж. Еще осенью хранительница такого не носила. Но сейчас платье было очень кстати.

Вера подколола волосы, так что получился пучок, и стала выглядеть как добрая и скромная хозяйюшка, хотя она никогда еще такой не была.

На обратном пути ей попался Виктор.

— Тебе идет, — сказал друг. — Очень необычно.

Хранительница остановилась. Хирург заслуживал хотя бы короткого разговора после того как Вера с Иннокентием стали пропадать вдвоем.

— Иди, я все понимаю, — неожиданно улыбнулся Виктор.

Вера покачала головой.

— Нет, — произнесла она. — У нас сегодня общество психиатров.

— Ого! — усмехнулся хирург. — Насколько я успел осознать, Иннокентий их ненавидит. Ты будешь там вроде громоотвода. Удачи, Вер!

Хранительница зашла в квартиру и прикрыла за собой дверь. Что ей надлежало делать? Вот хорошей хозяйюшкой она никогда не была. Или это только муж стыдил ее почему зря?

Вера успела метнуться на кухню и сделать чай. Хранительница бросила в заварку побольше мяты — она любила ее запах и вкус, вдруг девушке пришло в голову, что на собрании потребуются нечто успокоительное.

Как только напиток был готов, Вера пошла открывать, все еще толком не собравшись с мыслями. Недавно психиатр позиционировал свою квартиру как святая святых. Вера пожалела, что не может сделать так же. Ей, в самом деле, нужна была передышка, теперь это чувствовалось. Но хранительница уже так прочно связалась с Иннокентием, что не могла отступить. Ей нужно сейчас было распутать последний узел. И он разрешил хранительнице в этот момент быть рядом, это вызывало трепет.

За дверью оказались двое мужчин неопределенного возраста в очках, одного из них звали Ученикиным, Вера помнила еще по балу, когда Иннокентий указал ей на этого сухонького человека и сказал, что он глава общества психиатров. Хозяйка пропустила их внутрь, подивившись мельком, что во всех психиатрах сквозила какая-то настораживающая отстраненность. Хранители тепло ее поприветствовали и продемонстрировали зеленые бланки. На поверку это оказались бумаги, подписанные Управлением — разрешение на посещение. Вера как можно незаметней выдохнула.

Психиатры прошли в гостиную и стали осматриваться по сторонам так, словно попали в святая святых. Чувствовалось, что им дорого стоил этот визит. Вера встала позади, сложив руки на груди. Хранительница зорко следила за гостями, а те бросали заинтересованные взгляды на нее. Имущество психиатра, в общем-то, не принадлежало Вере, но она не собиралась позволить кому-нибудь из этих людей прикасаться без спроса к его вещам. Они Иннокентию не друзья.

Наконец, создавшееся напряжение начало смущать всех собравшихся.

Ученикин дружелюбно взглянул на Веру и заговорил:

— Простите нам такой... неприкрытый интерес. Ваш спутник уникальная личность. У него потрясающе интересное жилище.

Вера почувствовала, что изогнула бровь. Психиатр обставил себе нормальную очень

уютную квартиру. Наверное, именно это они и не ожидали увидеть. Думали, он живет в логове маньяка. Вера вспомнила, как сама впервые попала к Иннокентию домой и... прониклась. После этого она немного расслабилась и, уловив перемену, мужчина продолжил:

— Вы с нами недавно. Что вы знаете о докторе Курцере?

— Он уникальная личность, — сказала Вера, складывая руки на груди. — Это вы правильно сказали. Если вы ищете тут его гримуары, спешу вас разочаровать, вы их не найдете.

Второй психиатр улыбнулся.

— Вы, вероятно, не слышали о том, как он решил Таганскую проблему?

Вера покачала головой. Собеседник кивнул.

— Не удивлен, что он не рассказывал вам об инциденте.

— В этом есть что-то плохое? — вздернула голову Вера.

— Скорее наоборот, — вздохнул Ученикин. — Этим он поставил точку в нашем почти полувековом споре. Он совершил подвиг. Мало кто из бессмертных решается в одиночку взаимодействовать с аномалиями. Тогда он не просто защищал родной стационар, но и уничтожил заклятого врага, раз и навсегда доказав, что все это время был прав. Это мы ошибались. А теперь вы стали новым и наилучшим подтверждением его позиции.

— Я? — подалась вперед Вера.

— Да, — кивнул мужчина. — Вера Павловна, вы сняли с него очки вместе с клеймом чудовища.

Собеседник перевел дыхание.

— Послушайте, мы вам не враги. Мы пришли как смиренные ученики, но у всех нас есть основания полагать, что Иннокентий... не захочет иметь с нами дело. Так он поступал все сорок последних лет с момента инцидента. Мы понимаем, что его к этому собранию... — психиатр посмотрел в сторону. — Подтолкнули. И он попытается сделать его последним. Будьте на нашей стороне, умоляю вас! Этим вы окажете московским хранителям неоценимую услугу!

Вера осторожно отступила на шаг.

— Я должна знать, в чем дело, — пробормотала она.

— Конечно же, — согласился Ученикин.

Выражение лица при этом у него было кислым, похоже, он и сам понимал, что его просьба не из тех, что будет приятно и легко исполнять.

Вера пригласила психиатров в столовую, где они расселись на изящные белые стулья с обтянутыми кремовым бархатом сидениями. Приятно тянуло мятой из фарфоровых чашек, куда хранительница разлила чай, но никто так и не притронулся к напитку. В дверь снова постучали и спутник Ученикина пошел встретить коллегу. Его товарищ глубоко вдохнул, оставшись с Верой наедине, и начал рассказ.

— Вам известна история Иннокентия? — зашел гость издалека.

Вера кивнула.

— Вполне. Полагаете, я смогла бы снять с него очки, если бы ничего не знала?

— Справедливо, — кивнул собеседник. — Вы так же знаете про его отношения со стражами?

— В общих чертах.

— Тогда я расскажу, как все началось. В Управлении были не в восторге от того, что он появился и это еще мягко сказано, но когда стражам указывают высшие силы, они, поверьте мне, связаны по рукам и ногам. Первые несколько лет они просто молча наблюдали за тем, как ваша предшественница выхаживала своего... птенца. Тогда было не понятно, зачем ей это. Дар Иннокентия состоял в том, что он находил с сумасшедшими общий язык и потом многие из них приходили в себя. Бесспорно уникальный, но довольно бессмысленный учитывая то, что безумцы в вашу больницу забредают редко.

Ученикин вздохнул.

— Видите ли, Вера Павловна, большинство моих коллег никогда не пользовались особым уважением среди хранителей. Нас считали дешевыми гипнотизерами. Мы не из тех, кому дано исцелять наложением рук или творить настоящие чудеса. Мы скорее специалисты по иллюзиям, которые мы вкладываем в чужие головы. Долгое время мои коллеги существовали на низшей ступени этой лестницы, в основном помогая в расследованиях стражам, пока среди нас не появился достаточно инициативный человек. Константин Пытливый. Это важно.

Собеседник прервался и несколько мгновений обдумывал следующую фразу.

— За долгую безупречную службу он сблизился с руководством стражей и выбил нам разрешение на создание собственного общества. Хирурги сразу же обозвали нас шарлатанами. Многие из них владеют исцелением, ну а мы-то что могли дать? Пытливый был... очень амбициозным хранителем, мечтателем, ярким лидером... Он ответил достойной целью. Наш основатель собирался изучать аномалии. В конце концов, мы ведь умеем залезать в головы.

Психиатр кашлянул.

— Пытливый рискуя жизнью доказал, что это способ... с ними справиться, не проливая крови. Безусловно, его на это открытие вдохновил опыт Вознесенской Веры Павловны. Стражи были очень воодушевлены и предоставили обществу психиатров небывалые привилегии и ресурсы. Никогда раньше мы не пользовались таким почетом, и многие психиатры Москвы подумали, что обрели истинное предназначение. В том числе и я. Сейчас вы поймете, почему я так подробно об этом рассказываю. Мы допустили досадную ошибку.

Ученикин аккуратно положил в чай кусочек сахара и размешал его ложкой, видимо, собираясь с силами для того, чтобы озвучить неприятные факты. Наконец психиатр посмотрел Вере в глаза, и та содрогнулась, вспоминая слова про то, что, такие как он, умеют залезать в головы. Собеседник поправил очки.

— Не беспокойтесь, — произнес он. — Гипнотизеру грозит серьезная кара, если выяснится, что он использовал дар для собственной выгоды. Стражи за этим очень строго следят... после инцидента и, поверьте, большинство предпочитает не рисковать. Очки — предосторожность. Сквозь стекло невозможно разглядеть... глаза. Поэтому пока они на психиатре, будьте покойны, его намерения добрые.

Вера перевела дыхание и подбодрила:

— Продолжайте.

Собеседник кивнул.

— Так вот, — произнес он, складывая руки на столе. — После поражающей воображение демонстрации дела у Пытливого не заладились, и он стал искать причину. В конечном счете, в двадцатых годах прошлого века ему удалось получить в свое распоряжение Иннокентия, прирученную аномалию, не смотря на громкие протесты вашей предшественницы. Выгода казалась такой очевидной и стражи приказали Вере Павловне отступить. Он заманил доктора в общество, прикинувшись, будто хочет сделать одним из нас. И там он принудил Иннокентия участвовать в собственных экспериментах в качестве подопытного. Он хотел понять сущность аномалии.

Ученикин уставился на сложенные руки и продолжил, глядя в стол:

— Это... было очень неоднозначно. Я тоже там был и первое время думал, что это во имя общего блага. Мы... заставляли его изменять сущность. Единственная польза, которую мы этим принесли в том, что Иннокентий научился контролировать себя, а стражи догадались, как удерживать этот его призрачный мир. Однажды он порвал вязки и был в шаге от того, чтобы уничтожить Пытливый, но вдруг сумел перекинуться в человека, когда мы уже все подумали, что это конец. Иннокентия ждало долгое разбирательство в Управлении. После этого он стал работать на стражей, а Вера Павловна добилась того, чтобы Пытливый не приближался к ее подопечному. Но все было не так просто. Он косвенно продолжал отравлять жизнь вашему спутнику, пытаясь опорочить его и снова взять под свой контроль. Он воспринял бегство Иннокентия как удар по собственной репутации, создать которую ему дорогого стоило.

Психиатр вдруг заглянул Вере в глаза.

— Боюсь, именно Пытливый стал наиглавнейшей движущей силой для вашего спутника. Пытаясь обезопасить себя от преследования, Иннокентий изобрел свой метод. Я сейчас объясню вам, чем он отличается от нашего. Я не умею читать в душах, в отличие от этого, без преувеличения гениального психиатра.

Вера шумно выдохнула.

— Да, он видит мысли и воспоминания в отличие от всех нас, именно поэтому он стал таким... востребованным. Он, в самом деле, умеет помогать, а не вешать лапшу на уши, как делает каждый из нас. Он спас не одну сотню бессмертных от ужасной участи стать черным вихрем или аномалией, с тех пор как начал практиковать. Знаете, как все обрадовались, когда он на рождественском балу встал на колени перед Анникой и просил дать ему право остаться хотя бы еще на год?

Ученикин поднялся и оперся ладонями на край стола. Год? Веру заботило сейчас только это. Он же сказал, что останется настолько, насколько нужно... Заметив, что она не слушает, психиатр опустил обратно.

— Без Иннокентия дела у многих пойдут не так хорошо, как раньше, — выдохнул он. — Особенно в Управлении. Он... настоящее сокровище. Дайте нам возможность у него учиться! Уговорите его, ведь он ценит вас больше возможности уйти в лучшую жизнь! Вам и самой может такое пригодиться...

Вера не заметила, как приподнялась и ударила ладонями по крышке стола. Да за кого этот человек ее принимает?

— А что там с Пытливым? — проговорила Вера.

Собеседник отвел взгляд.

— Со временем глаза у бессмертных открылись, — вздохнул он. — И все сочли его одержимым. Он, безусловно, потерял то положение и престиж, который так долго зарабатывал для себя и... других и оказался в застенках Управления. Теперь существовал только один настоящий психиатр, ваш спутник. Остальные снова сделались шарлатанами, которых нельзя было даже ставить с Иннокентием в один ряд. Пытливый, в общем-то, создал идеального психиатра, только для него это стало трагедией. Ваш спутник победил своего врага еще до того как...

Вера заглянула в глаза собеседнику.

— Пытливый и был этим инцидентом на Таганке? — полушепотом произнесла она.

— Да. Он обратился крайне сильной аномалией. Иннокентий его уничтожил в семьдесят пятом году, доказав, что ему нет равных. И это когда стражи оказались бессильны. Слово лучше меча — вот, что он доказал. Он уговорил Пытливый уйти. С тех пор в Управлении были очень осторожны с ним. Так он окончательно перестал снимать очки. В восемьдесят шестом это право за ним закрепили.

Вера выдохнула и опустилась обратно. В столовую вошли психиатры, все время рассказа простоявшие в дверях. Их было семеро. Пятеро мужчин и две женщины. Очень тихо хранители заняли места у стола. Стульев хватило не всем и пришлось принести кресла из спальни и зала, табурет с кухни.

— Вы нам поможете? — спросил Ученикин.

Вера замолчала. Она не знала, что сказать. Эти люди причинили Иннокентию столько неприятностей, хранительница просто не имела права после такого выступить на их стороне. И все-таки они здесь с благими намерениями.

В это время одна из девушек уставилась в проход. На ее лице был написан испуг, смешанный с трепетом. Она даже слегка привстала со своего места. Вера повернула голову. В дверях застыл Иннокентий. Привалившись к косяку, он сложил на груди руки и рассматривал гостей.

— Ну, вот вы меня и получили... снова, — фыркнул хозяин, осознав, что все взгляды обратились к нему. — Долго же пришлось стараться!

С этими словами он прошагал в столовую.

— Смотрю, общество сильно поредело с тех пор, как я в последний раз был на собрании. Не очень приятно называться шарлатанами, так что многие и вовсе предпочли не числиться больше психиатрами. Как вас там теперь называют в Управлении? Особые специалисты? Я тоже не испытываю интереса к тому, чтобы торчать тут в такой поздний час. Зачитайте повестку и разойдемся. Большое спасибо, Вера, что угостила этих людей чаем.

Психиатры выглядели пристыженными. Иннокентий встал позади Вериного кресла и положил руку ей на плечо. Его тепло согривало.

— Из нас всех только вы имеете полное право называться психиатром, — заговорил Ученикин.

— Лесть не поможет. Повестка, — твердо повторил хозяин.

— Ее... у нас нет, — развел руками тот, кто разговаривал с Верой.

— Тогда предлагаю на сегодня расстаться, — ответил Иннокентий. — Тем более, отведенный нам час почти вышел. Увидимся через месяц в то же время, в том же месте. С повесткой.

Вера подняла голову и заглянула любимому в глаза. Взгляд Иннокентия блеснул холодно. Коллеги попили у него крови, это и так было ясно. Она не могла бы сейчас просить его о снисхождении, просто не имела права. Иннокентий сделал красноречивый жест, предлагая психиатрам покинуть комнату. Хранители неуверенно поднялись и один за другим вышли.

Хозяин проводил гостей напряженным взглядом и сам прошагал за ними в гостиную словно бы только для того, чтобы убедиться, что никто не вздумает задержаться в его жилище, спрятавшись, например, под кушеткой для психоанализа.

В гостиной Ученикин вдруг остановился и рывком обернулся к Иннокентию.

— Послушайте, доктор Курцер, — заговорил он. — Ведь я один только из них связан теперь с Пытливым, его опытами и... вашими неприятностями. Это молодые врачи. Да, они все числятся в Управлении особыми специалистами. Я позвал их сегодня сюда, что бы вы взглянули на нашу смену... на молодую кровь. Мы должны оставить кого-то после себя, вас обязывает к этому ваш талант, куда больше, чем меня. Хотите, я стану просить вас за них на коленях?

Психиатры задержались. Иннокентий в этот миг схватил Ученикина за плечо, словно хотел остановить этим жестом.

— Нет, — твердо произнес он. — Не надо. Неужели вы не понимаете, что если бы мне нужны были ваши унижения, я устроил бы вам исповедь? В каждой душе скрыто как доброе, так и злое начало, и я способен обнажить в вас то, чему вы и названия раньше не знали.

Иннокентий тронул очки, словно бы напоминая, что его угроза вполне реальна.

— Я никогда и ни с кем не поступал так без веской причины. Мне не доставляют удовольствия чужие страдания. Идите и радуйтесь тому, что имеете дело с честным человеком.

— Почему же тогда вы отказываетесь? Если вам не важна та обида? — старый психиатр все еще не спешил уходить.

Иннокентий единым движением упал в кресло. Хозяин закинул ногу на ногу и правой рукой поправил очки. Вере пришло в голову, что так он, наверное, выглядел во время сеансов. Молчаливое внимание, за вычетом, пожалуй, этой блестящей в глазах ехидцы.

— Если бы вам действительно нужен был бы метод, кто-нибудь из вас явился бы ко мне куда раньше. Возможно, сразу после исчезновения Пытливого, когда рассеялся дурман его манипуляций и спросил бы: "Доктор Курцер, возможно, вы подскажете, как у вас это получается?". Вы испугались сумасшедшего психиатра, возможно, вас остановили трудности, к которым все это могло бы привести. Но, полагаю, вам просто было удобно и так. Когда выяснилось, что доктор Курцер не вечен, вам стало страшно. На будущее, я ценю искренность, — с этими словами Иннокентий взглянул на Веру, и хранительница благодарно положила руку ему на плечо. — Если вы и дальше хотите считаться гостями в этом доме, не надо мне лгать. На вашей горе я читаю по лицам. Уходите и постарайтесь выглядеть достойно в следующий раз.

Вера вздохнула и, глядя на собирающихся пристыженных хранителей вдруг поняла, что следующего раза не будет. Иннокентий ударил по больному. Обрисовал разделявшую их с этими неумехами пропасть. Им никогда не дотянуться до гениального психиатра и даже не по способностям, а по душевной чистоте. Он, безусловно, поступил нечестно, манипулируя чувством вины во имя собственной выгоды. "Все мы не без греха", — с удивлением поняла Вера.

Спутник устроил этот спектакль, чтобы остаться в покое. Ему, вероятно, было противно помогать людям, мучившим его. Они, конечно, не заслужили снисхождения. Но именно поэтому Вера тут, должно быть, и была. Он, может, даже безотчетно позвал ее сегодня, чтобы возлюбленная его удержала от несправедливого решения. "Я не позволю тебе сбежать от ответственности", — подумала хранительница и, наклонившись к уху Иннокентия произнесла:

— А Люба?

Спутник поднял голову. На сей раз в его взгляде не было ни капли иронии, с Верой он был искренним и настоящим.

— Скажи мне, что с ней все будет нормально, — продолжила хранительница. — Ведь все они по их же словам шарлатаны и ты единственный, кто может помочь... Но я знаю, почему ты за нее не возьмешься. Напоминание о том, что мы теперь пара, делает только хуже. Ее любовь...

— Это не любовь, — отрезал Иннокентий, а потом с силой растер виски. — Ты права...

— Остановитесь! — приказал хозяин психиатрам, которые уже возились в прихожей, надевая зимнюю одежду.

Иннокентий поднялся и прошагал к ним.

— У меня есть для вас дело. Сделка, — услышала Вера. — Я научу вас методу, но мне необходимо, чтобы вы позаботились о моей коллеге и начали как можно скорее, пока еще не поздно. Я буду подсказывать.

Ученикин остановился в проходе и стянул шапку. В первый миг Вере показалось, что он хотел с благодарностью пожать Иннокентию руку, но остановился.

— Что с ней? — вместо этого спросил он.

— Тяжелая депрессия с суицидальными наклонностями.

Общество психиатров заволновалось. Видимо, их напугала новость о самоубийстве.

— Она уже... — проговорил собеседник Иннокентия. — Она уже пробовала себя убить? Тогда, если я правильно понимаю, она в шаге от того, чтобы обернуться аномалией.

Хозяин покачал головой.

— Фактически нет. Но я считаю, что передозировка опиатами является неосознанной попыткой.

— Черт, — сорвалось у Веры с губ.

Так этот Пытливый покончил с собой, проиграв своеобразное противостояние Иннокентию? Неудивительно, почему любимому теперь не требовалось удовлетворение. Такая печальная судьба врага его, должно быть, многому научила. Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок. Вот чем она сама едва не обернулась в свою первую ночь в больнице. Иннокентий ее вытащил. Чего же это ему стоило?

Дверь за психиатрами закрылась, а Веру все еще подташнивало. Коллеги Иннокентия обещали начать работу с завтрашнего дня. Неужели с Любой все было так плохо? Возлюбленный приблизился и, положив ей руки на плечи, заглянул в глаза. Вера отвела взгляд. Все-таки жутковато, что он читает по лицам.

— Переживаешь из-за того, что услышала?

Хранительница чувствовала, что он это спросит.

— Ты не думаешь, что это выглядит жестоко по отношению к ней? — призналась она. — Вера твердила ей, что вы друг другу предназначены и тут появляюсь я...

Психиатр усмехнулся.

— Люба верила в эти сказки, не включая голову. Она хотела, чтобы я ее спас. Любой ценой. Я был вроде ценного приза, который нужно было во что бы то ни стало присвоить.

Вера взглянула на него, поражаясь тому, сколь схожи в некоторых деталях были их истории.

— Ты даже отдаленно не представляешь, какая у нее пропасть в душе, — продолжил Иннокентий. — Она надеялась, что моя любовь станет искуплением, как твердила твоя предшественница. Но отрицая себя, невозможно полюбить кого-либо, по крайней мере, полюбить счастливо. Все что я видел в ее глазах — ненависть к себе и окружающим. С такой женщиной трудно существовать, не говоря уже о том, чтобы быть счастливым.

Иннокентий притянул к себе Веру.

— Это все еще не значит, что я не должен попытаться ей помочь. Я просто немного увлекся нашей головокружительной страстью, и позабыл обо всем. Мы прежде всего хранители. Спасибо, что напомнила.

С этими словами Иннокентий нежно поцеловал избранницу в губы. Вера с трудом заставила себя отстраниться. Она должна была спросить пока не забыла:

— Как много времени ты выпросил у Анники?

Иннокентий выглядел потрясенным.

— Что?

— Психиатры здесь были потому, что ты остался ненадолго. Зачем ты соврал, что дождешься меня?

Иннокентий рывком прижал Веру к груди. Она слышала, как часто билось его сердце.

— Доверься, прошу тебя, — прозвучало над ухом. — И не задавай вопросов. Я сказал, что я здесь, чтобы о тебе позаботиться. Я именно это и делаю. Вера, обещаю, все будет хорошо.

Она посмотрела любимому в глаза и кивнула. Хранительница хотела ему верить, да и

трудно было не верить такому как Иннокентий.

После всех потрясений, которые пережила больница с появлением Веры, в ней, наконец, начался штиль. Это было прекрасное время, только оно как-то странно отдавало разлукой для хранительницы. Вера пыталась закрыть на происходящее глаза, но нотки недосказанности вплетались в ее резко похорошевшую жизнь. Отныне хранительница помнила, что Иннокентий должен уйти и счастье не продлится вечно. От такого каждый день обретал невероятную ценность, и в то же время каждую ночь было так страшно засыпать. Они оба пытались притвориться, что не замечают этого. Но в том, что психиатр делал, сквозило страшное откровение: скоро он покинет хранителей.

Например, Иннокентий всерьез взялся за Надю. В тот памятный рождественский бал она заговорила потому, что встретила стража, который ей приглянулся. С тех пор они обменивались письмами. На поверку, все хранители оказались привязаны к обычаям того времени, из которого пришли. Алексей, так его звали, был из восьмидесятых и свободно пользовался современными средствами связи, но ради Нади взялся за ручку. На сеансах Иннокентия хранительницу, наконец, прорвало. Она обсуждала с психиатром свои чувства. Уж насколько психиатр не любил стражей, но через два месяца он неожиданно для всех влюбленных благословил, подтолкнув пациентку к кавалеру. Так в больнице впервые появился огромный рыжий оперативник и увел Надю на свидание.

Вера ценила каждую минуту, проведенную с возлюбленным. Все эти четыре месяца, до середины апреля, Иннокентий был идеальным, под конец он почти убедил Веру в том, что ей стоило расслабиться. У них впереди были еще осень и лето, а там, быть может, Анника позволит психиатру задержаться еще на год... Но глубоко внутри Вера знала, что это не так. С каждым приближавшим их к лету днем хранительница все глубже зарывала в своем сознании эту истину.

Иннокентий забросил свои карандашные рисунки и вместо этого увлекся фотографией. Он говорил, что так удобнее и быстрее сохранять красоту окружающего мира и Вера старательно игнорировала то, почему любимый боялся не успеть.

В сущности, когда ничего напоминавшее о разлуке не попадалось в поле зрения хранительницы, она была искренне и неподдельно счастлива. Вера прекрасно чувствовала себя с ним и в постели, и все спальни, они часто выбирались в город, выдумывая друг для друга новые свидания, и без жалости тратили на них увольнительные. Иннокентий не бросил занятия спортом, напротив, узнав, что Вера любит пробежки, он легко добился от стражей разрешения безнаказанно брать ее на маленький маршрут по прибольничному району. Теперь в Управлении, похоже, зарыли топор войны и благоволили своему хранителю и его спутнице. Как только наступила весна, хранители каждый вечер выбирались на пробежку вдоль набережной Москвы-реки. Иногда они даже брали с собой Виктора, и в такие моменты Вера думала только о том, как хорошо жить.

Однако в середине апреля хранительница вдруг отметила, что у Иннокентия есть тайны. Как-то раз он не позволил ей залезть в свой ноутбук, и когда Вера попыталась настоять, унес в спальню. Хранительница села за компьютер и выяснила, что места на жестком диске стало куда больше — оттуда исчезли какие-то данные. Это конечно могло быть и совпадением, но... Иннокентий был умным человеком. Он что-то скрывал.

Это была Верина больная мозоль. Ее муж стал изменять ей уже через пять месяцев брака. Вера, привыкшая быть неотразимой и лучшей, не могла потерпеть соперничества. Она днями и ночами ломала голову над тем, что сделала не так. Хотя, в сущности, ее мужчина просто был не из тех, кто считал нужным ограничивать себя в желаниях. Сейчас Вера это понимала, но поведение Иннокентия оживило в ней старые страхи. Зачем ему тайны? Хранительница понимала, что в этих отношениях впервые полностью доверилась другому человеку, сделавшись абсолютно незащищенной перед ним. Она была обязана попытаться себя защитить.

Разум твердил Вере, что Иннокентий не стал бы намеренно причинять боль. Но первая же попытка взять контроль над разворачивавшейся в груди пропастью тревоги разбилась о новые факты. Вера взяла банковскую карту спутника, чтобы оплатить сгоревшую микроволновку. У нее все еще было не так много сбережений, а Иннокентий

уже не раз настаивал на том, чтобы общее имущество приобреталось на его средства. Им нужно было где-то разогревать продукты. Поэтому Вера выбрала хорошую вещь и заказала доставку. Пришел отчет о списании, и... на карте оставалось около семи тысяч рублей. Куда он дел несколько миллионов?

Вера не стала ничего спрашивать. Это были деньги Иннокентия, она не имела права лезть в его финансы. Возможно, решил сделать вложение? Это было бы разумным объяснением, но Вера не могла удовлетвориться им. Теперь она стала пометать за спутником странности, как делала когда-то с мужем после того как случайно нашла забытое в его машине женское зеркальце.

И больше всего ее насторожили отношения Иннокентия с Ириной, одной из психиатров. После памятного разговора с обществом, спутник отобрал себе троих учеников из тех, кто желал у него поучиться, а таких хранителей оказалось много. Теперь общество собиралось в больнице раз в месяц и состояло уже из двадцати трех человек — это были все московские психиатры.

Ирина единственная из учеников была на первом собрании, она тогда сильнее всех впечатлилась, когда Иннокентий появился в комнате. Вера это четко вспомнила, когда стала тревожиться. Это была красивая и подтянутая блондинка, неизменно носившая пучок, это и строгие квадратные очки придавали ей сходства с учительницей из фильмов для взрослых.

Ирина была сильной, упорной и амбициозной, этим она, безусловно, напоминала саму Веру. За это Иннокентий ее выбрал в ученицы и за три месяца стал воспринимать как преемницу. В конце концов, из трех психиатров именно она осталась работать с Любой, и делала в терапии успехи. Остальные два юноши ей и в подметки не годились. Иннокентий как-то обмолвился в ответ на довольно нейтральный Верин вопрос, что Ирину в их сотрудничестве больше всего привлекает возможность называться продолжательницей дела доктора Курцера. Как и в официальной медицине, она перенимала традиции определенной школы. Ничего особенного. Но Вера не могла игнорировать того, что Иннокентий стал проводить со своей ученицей все больше времени.

Поначалу, когда ему пришлось выделить время на психиатров, спутник сдвинул свои часы работы в отделении. Он теперь приходил в неврологию к семи и покидал ее в четыре. До полшестого он занимался со своими учениками. По два дня на каждого. Всего шесть дней в неделю. В это время как раз возвращалась Вера, и влюбленные уделяли время друг другу. Хранительница не раз отмечала, что Ирина выходит с сеансов с заплаканными глазами, у Иннокентия же всегда было хорошее настроение. Это были какие-то психологические техники, которые мозгоправы тренировали вместе и Вера в это особенно не лезла.

Но в середине апреля она неожиданно задумалась над тем, что Ирина, должно быть, открывала Иннокентию душу. Это ведь могло их сблизить. Когда спутник выделил лучшей ученице дополнительный, третий ранее свободный день, Вера запаниковала. Теперь ей казалось будто Ирина смотрит на нее как-то по особенному, как на соперницу.

Столкнувшись в очередной раз в дверях с этой докторшей, Вера подумала, что была бы не прочь прижать ее к стенке и расспросить о чем они с Иннокентием проговорили целых полтора часа в очередной раз. Но, конечно же, не посмела. Спутник не давал ей поводов усомниться в собственной честности. Если Вера поведет себя как неуравновешенная ревнивица, то сильно его разочарует.

Хранительница зашла в квартиру и закрыла за собой дверь. Иннокентий возился на кухне, готовя себе кофе — после сеансов он всегда делал так, и что-то напевал. Настроение у него, судя по всему, было отличным в отличие от Веры.

Хранительница вошла к нему и залюбовалась спутником. Все-таки, он был именно таким, как Вера всегда хотела. За четыре месяца он благодаря ежедневным пробежкам подтянул физическую форму и теперь полностью соответствовал представлениям хранительницы о человеческой красоте. Рукава рубашки обтягивали сильные руки, он закатал их до локтей, уже не стесняясь собственных шрамов. В конце концов, теперь рубцы на коже были просто историей, вроде поучительной байки, частью прошлого, не больше.

Иннокентий поставил на стол две чашки и разлил по ним ароматный напиток. Он, конечно же, заметил Веру, хоть и слушал плеер через наушники. Собственно, играющей песне-то он и подпевал. Хранительница еще раз подивилась тому, как быстро любовь превратила Иннокентия из старомодного чудака в красивого современного парня. Поистине, лучшая мотивация.

Вера села за стол и положила руки на теплые керамические края посуды. Нет, она просто сходит с ума от мыслей о разлуке, которые вынуждена постоянно игнорировать — подумала она, глядя на Иннокентия. Какой-то садомазохизм, переплетение боли и наслаждения. Анника вообще понимала, что предложила им? Не лучше ли было заставить его уйти? Вера стиснула кружку. Она вообще нормальная раз о таком думает? Иннокентий лучшее, что случилось в ее жизни. Только почему он обречен был в скором будущем ее покинуть?

Психиатр сел напротив, и Вера дотянулась до его руки. Невозможно было насытиться его теплом впрок, точно так же как нельзя было надыхаться перед смертью. Это были самые трудные в ее жизни отношения.

Иннокентий вынул наушники из ушей и взглянул на спутницу.

— Как дела? — спросил он.

"Нет, он просто не мог изменять с Ириной", — подумала Вера, глядя в его чистые глаза. Дома Иннокентий не носил очков. И все же...

— А что вы... что вы делаете на сеансах? — произнесла Вера. Ей нужно было знать.

Иннокентий посмотрел в сторону.

— Почему тебе вдруг стало интересно?

Унизительно было признаваться в таком.

— Просто хочу знать, — уставившись в кружку, проговорила Вера.

Иннокентий вздохнул.

— Я позволил им влезть себе в голову, — он улыбнулся. — Да, я девяносто лет такого не делал, с тех пор как этот академик духовных наук, Пытливый, пытался изучать меня. Думал, никогда больше на такое не пойду.

Такие новости Веру совершенно не порадовали. До этого момента она думала, что была единственной, кому Иннокентий открыл душу. В действительности она просто была первой за долгое время...

— Ты... — Иннокентий крепко сжал ее пальцы — догадался. — Вер, это не имеет ничего общего с близостью. Просто способ обучения. На то, чтобы они пришли к этому самостоятельно даже под моим руководством понадобится годы, а... Любе нужна помощь сейчас. Я не располагаю такими ресурсами. Все, что я могу это передать им свой опыт, прямо вложить в головы. У парней получается плохо, а вот Ирина оказалась очень чувствительной. Она единственная, кто сможет сравниться со мной в будущем... Вер?

Иннокентий коснулся ее подбородка пальцем и немного приподнял голову.

— Ты что мне не веришь, а? Давай начистоту.

Вера вздохнула.

— Зачем тебе тайны? — озвучила она.

Иннокентий откинулся на спинку стула. Понял. Он шумно вздохнул.

— Я не собираюсь скрывать от тебя это вечно, — произнес он. — Просто еще немного терпения... мне не нужна другая женщина. Ты мне веришь?

Вера нерешительно кивнула. Она хотела верить. Очень.

Последняя неделя апреля вышла смазанной. Тень недоверия, словно черная кошка, проскользнула между влюбленными, и отныне все было как-то не так. Это заметил на пробежке даже хирург, и все время напряженно молчал, хотя обычно заткнуть его было трудно.

Наступило первое мая. В Москве окончательно сошел снег. Оголтело в синем небе пели птицы и пестрела трава. Было хорошо. Вера искренне радовалась обновлению природы, даже не смотря на недавние события. В этот день они оба с Иннокентием договорились взять увольнительные и выбраться на пикник в парк, чтобы разделить с горожанами советский праздник. Психиатр никогда не отмечал День Труда, и Вера собиралась приобщить его к шашлыкам на природе. Это немного не отвечало его утонченной натуре, но зато было именно тем теплым воспоминанием, которое связывало хранительницу с давно оставленным домом и ранним безмятежным детством.

Они привыкли быть искренними друг с другом, и Вера уже не боялась того, что какая-то ее часть может не угодить спутнику. Она возлагала на этот день большие надежды. Они с Иннокентием поговорят по душам и все исправится. Из-за этого Вере пришлось менять планы. Поначалу, влюбленные хотели взять с собой Леру, Арину и Виктора. Теперь же хирург с семейством отправился в другое место. Но это его не огорчило. Кажется, хранитель в освободившееся время собирался встретиться со своей огромной армянской семьей — старушка-мать, принявшая внучку и правнучку как родню, пригласила своего благодетеля на свадьбу какого-то родственника.

И вот в назначенный день Иннокентий исчез. Вера проснулась одна в холодной постели. Ветер раздувал занавески в спальне. Хранительница поднялась и не находила себе места до десяти часов утра. Телефон Иннокентия не отвечал. "Что если он ушел?" — билось в груди. Вера ощутила пустоту и тут открылась входная дверь.

— Прости, я не заметил, что ты звонила, — проговорил психиатр. — Был в своих мыслях.

Лицо у него было сосредоточенным и бледным.

— Что случилось? — среагировала Вера.

Тогда Иннокентий прошагал в спутнице, поймал ее руку, и хранительница ощутила пальцами маленькую железную вещь, которую он теперь зажимал в ее ладони. Кольцо.

— Что это? — пробормотала Вера.

Вместо ответа Иннокентий посмотрел ей в глаза и пол выскользнул из-под ног. Ах, зря она тогда с такой завистью говорила о том, что он позволяет Ирине залезать себе в голову! Дар Иннокентия в чем-то был безотчетно жутким. Это была нехорошая, выстраданная сила, сопряженная с болью, когда приходилось наизнанку выворачивать душу. Вера собралась с духом. В конце концов, именно она недавно намекнула, что ей требуется подтверждение честности.

Вера увидела старое московское кладбище. Белела стена монастыря. Иннокентий шагал вдоль ряда оград. Вилось по ветру его легкое весеннее пальто, извивался шарф. Вера читала на надгробьях полустертые фамилии.

У некоторых могильных плит сидели похожие на облачка полупрозрачные тени. Едва они замечали психиатра, то вскакивали и бросались навстречу, но, неспособные выйти за края ограды, просто тянули к нему руки. "Хранитель", — отдавалось как эхо со всех сторон, и Вера поняла, отчего они с Иннокентием никогда не бывали около кладбищ. Эти места, должно быть, были вотчиной стражей, тут собирались неупокоенные души, которых бессмертные должны были блюсти. Явление хранителя всех переполошило. Они наперебой просили себе милости, должно быть, видя в нем долгожданный шанс.

Но психиатр прошел мимо, бросив: "Я не к вам".

В дальнем углу была расположена старая, поросшая мхом могила. Надгробный камень почти наполовину врос в землю. Однако она не выглядела запущенной. За ней словно кто-то ухаживал. На плите еще можно было разобрать фамилию "Курцер" и дату 01.06.1909. Это была его могила. Чуть выше было выбито имя дяди Иннокентия,

погибшего в тысяча девятьсот двадцать втором году.

На маленькой каменной скамейке сидела сторбленная женщина, одетая в древнее траурное платье. Голову ее скрывал черный кружевной платок. Тонкие белые руки с длинными изящными пальцами она сложила на коленях и сидела недвижно словно статуя. Над могилой выросло большое дерево и теперь на тонких коричневых ветвях березы распускались первые почки. Ветер шевелил эти древесные плети, бросал в лицо даме, но та не двигалась.

Иннокентий встал позади нее и тогда только кладбищенские духи угомонились, увидев истинную цель хранителя. Теперь они смотрели с завистью на эту одинокую женщину.

— Черная вдова, — произнес психиатр и Лиля обернулась.

Лицо ее было таким же бледным и худым, как и руки. Первым безотчетным движением она отодвинулась, а потом встала, и словно не веря своим глазам, осторожно прижала почти прозрачные пальцы к щеке мужа. Иннокентий поморщился и поймал ее руку, аккуратно опустив.

— Больше никогда ко мне не прикасайся, — сказал он и Лиля потупилась.

— Зачем же ты здесь тогда, Гриша? — ее голос был не громче шепота ветра, но все же отчетливо различим. — Я столько ждала. Сколько я уже тут просидела?

Психиатр несколько мгновений молча рассматривал ее.

— Я мертв сто семь лет, — наконец ответил он, отрешенно глядя перед собой. — Если ты погибла в Революцию, то не больше девяносто девяти. Почти век.

В этот миг Лиля бросилась к нему, но остановилась, так и не осмелившись притронуться к мужу, видимо, вспомнив о его недавних словах.

— Ты... — заговорила она. — Ты всегда был таким хорошим. Я знала, что небеса о тебе позаботятся. Ты просто ангел, Гриша... Ты действительно заслуживаешь называться хранителем. Я сделала страшную вещь. Прости меня. Я выплакала тут все слезы, жалея о нашей с тобой участи. От меня осталась только тень...

Губы психиатра дрогнули, так словно он заставил себя слушать эти слова.

— Мне не нужны извинения, — голос Иннокентия был по-прежнему холоден.

Лиля удивленно посмотрела ему в глаза.

— Я пришел за другим. Дай мне свободу.

Лиля на миг нахмурилась, сведя брови, а потом проследила взгляд супруга. Он указывал ей на обручальное кольцо. Лиля безотчетно тронула правую руку.

— Тебе... нужно... оно? — по словам выдохнула тень.

Иннокентий кивнул.

— Ты нашел себе... другую? — сейчас Лиля напоминала удивленную девочку.

— Это неважно, — ответил супруг. — Я хочу, чтобы мы оба ничем больше не были связаны. Ты знаешь, Лиля, что только получив мое прощение сможешь отправиться дальше. Это... цена.

Лиля неуверенно взялась за кольцо и, взглянув на супруга, неожиданно выдохнула:

— Ты лучшее, что было со мной, Гриша.

— Новая жизнь не стоит этих амбиций, — отчеканил тот. — Ты получишь ее, только если признаешь, что больше мне не жена.

Лиля взглянула на скамейку, в глазах ее сквозило отчаяние, было видно, сколь сильно мертвой актрисе надоел ее бессменный пост. Единым движением она сняла кольцо с

пальца и протянула его Иннокентию на раскрытой ладони. Психиатр на какое-то время задержал собственную руку над кольцом, а затем решительно схватил украшение.

— Я должен сказать тебе последнее. В новой жизни, Лиля, тебя ждет невзаимная любовь. Эта не моя прихоть, это высшие силы пошлют тебе в расплату за то, что в этой жизни ты так обошлась с чужими чувствами.

Лилия передернула плечами.

— А теперь иди, — сказал ей Иннокентий, положив кольцо в карман. — Ты получила прощение и теперь свободна.

Лилия удалялась прочь по разделявшей могилы дорожке, и силуэт ее становился все прозрачней и белей пока полностью не растворился в воздухе. Иннокентий еще какое-то время стоял под березой, глядя на собственное надгробие, вскоре он тоже развернулся и ушел.

Вера очнулась от транса. Возлюбленный все еще держал ее за руки. Наконец, он опустил перед ней на одно колено и проговорил:

— Я должен был сделать это не так.

На его раскрытой ладони лежало старое потертое золотое кольцо. Лилино.

— Это... предложение? — выдохнула Вера.

— Не совсем. Еще на балу ты верно заметила, что хранители не могут иметь семьи. Это мой ответ. Я уже говорил тебе, что мне не нужна другая женщина. Все это время я принадлежал Лиле, потому что сотню лет назад пообещал быть ее мужем перед высшими силами. Теперь я свободен. Если захочешь связать свою судьбу с моей надолго, возможно навсегда, возьми это обручальное кольцо. Души, поклявшиеся друг другу однажды, обречены когда-нибудь снова встретиться.

Вера взяла кольцо и зажала его в кулаке.

— Но я ведь... была замужем до смерти, — с этими словами она посмотрела на Иннокентия.

— Ты не давала ему обещания. Вы не повенчаны.

Откуда он знал?

Тогда Вера надела кольцо на правую руку и, выдохнув, посмотрела на него. Было что-то жуткое в том, что она добровольно примерила украшение мертвой женщины, черной вдовы. Иннокентий благо в этот миг не смотрел на нее. Психиатр уже рылся в комод, в том ящике, который обычно запирает на ключ.

Вера обессиленно рухнула в кресло. После очередного путешествия в его воспоминания ее потряхивало от нервной дрожи. Хранительница неотрывно смотрела на теперь уже свое кольцо и вспоминала прошлый брак, если теперь его можно было так назвать. Это была катастрофа. Не проходило и дня, чтобы Вера не жалела о том дне, когда они с мужем подали заявление в ЗАГС. Хранительница, попавшая в семейные отношения, словно в ловушку, думала, что если только ей удастся выбраться, то она больше никогда не свяжет себя подобными узами. И вот... на ее пальце снова блесло золотое кольцо.

Иннокентий даже не дал ей задуматься, делая предложение. Но Вера солгала бы, если бы сказала, что не хотела сохранить их отношения как можно дольше, и ей было наплевать, как называть это. Если нужно было надеть на палец кольцо, она была готова.

Наконец она увидела, чем был занят Иннокентий. Психиатр отыскал в комод собственное обручальное кольцо. Несколько мгновений он растеряно смотрел на украшение, а потом надел на палец.

— Зачем ты так долго хранил его? — удивилась Вера.

— Обручальное кольцо, — улыбнулся Иннокентий. — Это не то, от чего так просто можно

избавиться после смерти. Я запер его в ящике и старался не вспоминать о том, что в следующей жизни буду обречен снова встретиться с Лилей, и хватит ли мне ума с ней расстаться вместо того, чтобы приняться за старое? Я даже не думал, что сумею забрать у нее кольцо. Она имела надо мной поразительную власть, даже мне самому до конца непонятную. Если б не твоя предшественница, я позволил бы ей уйти еще давно. И был бы навечно с ней связан. Она лелеяла надежды снова встретиться со мной, я счастлив, что, наконец, ей отказал.

Вера улыбнулась.

— Это пугало меня даже больше, чем твои заинтересованные взгляды. Но теперь я все исправил.

— А зачем тебе ее фото?

Психиатр поднял брови, но через несколько мгновений сообразил, о чем говорила ему Вера.

— Виктор проболтался и об этом? — следом Иннокентий достал из ящика старую фотокарточку и долго смотрел на нее, а потом протянул Вере.

Это была древняя коричневатая фотография с ажурными краями, немного выцветшая. На ней в кресле в белом свадебном платье сидела Лиля, позади нее стоял Григорий, ее муж.

— Хочешь, выброси ее, — предложил психиатр.

Вера еще какое-то время смотрела на фото и, наконец, осмелилась озвучить:

— Она ведь была тебе дорога?

— Конечно. Я любил жену. Но даже такие сильные чувства со временем перерождаются во что-то новое. Теперь это просто еще одни шрамы.

Тогда Вера поднялась и выкинула фотографию в раскрытое окно. Иннокентий напряженно проследил за ее действиями и выдохнул, поняв, что карточка, должно быть, упала в весенние лужи. Ее больше нет, как и боли воспоминаний. Всегда трудно рвать с прошлым. К этому нельзя полностью подготовиться.

Вера приблизилась к любимому и крепко сжала его в объятиях. А потом весь день они провели в постели, празднуя свой союз.

Глава 17. Как лучше

Наутро Вера к своему удивлению с трудом растолкала спутника. Обычно Иннокентий без проблем вставал по будильнику на час раньше ее, а тут он просто спал мертвецким сном. Когда Вера принялась тормозить его, он всячески отбрыкивался, закрывался подушкой и натягивал на голову одеяло, словно ребенок.

— Послушай, я впервые спал без кошмаров, — наконец признался Иннокентий, разлепив один глаз. — Я имею право понежиться в постели?

Вера отпрянула. Она и понятия не имела. Иннокентий действительно спал очень чутким сном и легко просыпался. Если бы хранительница знала, что ему снятся ужасы!

— Не бери в голову, — улыбнулся психиатр. — Это были последние следы безумия. Теперь я уверен, что со мной все в порядке. И этим я обязан тебе, Вера. Ты исцелила мою душу. Она, конечно, и так была уже ничего, когда мы встретились. Но мне не хватало вдохновения, чтобы отважиться жить дальше.

С этими словами Иннокентий выбрался из постели. Вера молча разглядывала свое обручальное кольцо, вспоминая слова предшественницы, которые видела в ее воспоминаниях. Тот, кто спасет его душу, получит что-то подобное сам. У нее было прескверное чувство, что здесь в этом романе должна была стоять точка. Вера не хотела это заканчивать вообще никогда.

Иннокентий закинул на плечо полотенце и направился в душ. Вера выскочила из постели и, прижавшись всем телом к его спине, зашептала:

— Не уходи. Никуда не уходи, пожалуйста.

Иннокентий аккуратно сжал ее ладони.

— Вера, я всего лишь в душ. Я скоро вернусь, ладно?

И хранительница выпустила. В конце концов, ему почти не было от нее покоя всю прошлую неделю.

Когда Вера уже приготовила для них обоих кофе, Иннокентий заглянул в кухню. Его волосы еще были мокрыми — он спешил.

— Ира зовет, — пояснил он. — Я пойду. У нее возникла какая-то идея на счет терапии. Они с Любой сдвинулись с мертвой точки. Это очень хорошо.

Иннокентий немного помедлил.

— Ты ведь больше не ревнуешь?

Вера взглянула на его кольцо и покачала головой.

— Иди.

Вера вскоре оделась и добралась до отделения. Михалыч естественно не оставил без внимания ее внеочередной отгул. Он долго с прищуром рассматривал подопечную в дверях отделения и, наконец, пропустил внутрь. Вера предусмотрительно прятала руки в карманы. Она так и не решилась перед входом снять кольцо.

Пришлось правой рукой открыть дверь ординаторской, и тут цепкий взгляд реаниматолога выхватил новое украшение. Вера ощутила, как крепкая ладонь легла ей на плечо.

— Я же сказал, что вы поженитесь, — удовлетворенно заявил заведующий. — Но я огорчен, Вера, что ты не позвала на свадьбу коллег.

Хранительница выдохнула. Интерес Михалыча к их отношениям с психиатром выходил за рамки здравого смысла. Он словно единственный из докторов отделения чувствовал,

что Вера представляла для больницы нечто более важное, чем обычный врач-стажер, как и Иннокентий. И, похоже, ему нравилось совать в высшие материи свой нос. С таким настроением ведь придет следующим.

— Послушайте, Михалыч, я уже не в первый раз говорю вам, что это не ваше дело, — попробовала предупредить Вера, но старый реаниматолог лишь отмахнулся.

— Для тебя я И-и-игорь Михалыч, Верка!

Вера фыркнула. По отчеству заведующего за глаза звала вся реанимация. Это был отличный мужик, бывший со всем стационаром на короткой ноге. Больница была его жизнью, и Вера не могла не любить этого доктора. Он заботился о стационаре так же, как и хранители. Поэтому она была обязана сказать ему. Хранительница отошла в сторону и отвела Михалыча.

— Слушайте, что я буду говорить, Игорь, — прошептала Вера, опасаясь, как бы ее слова не разобрали другие сотрудники. — Вы совершенно правы, за гранью человеческого понимания существует другая реальность. Вы, видимо, слишком долго смотрели в глаза смерти, так что сумели разглядеть ее. Примите мой добрый совет: возьмите недельный отпуск, езжайте на дачу, устройте шашлыки, рыбалку с детьми и женой. Освободите голову от того, что вы, видимо, сочли великой истиной. Сейчас вы балансируете на грани, и я желаю вам никогда не пересекать ее. Дальнейший интерес к таким как я или Иннокентий Кундих столкнет вас в пропасть. Надеюсь, что вас никогда не призовут в хранители!

Михалыч выглядел напуганным, когда Вера отпрянула. В этот миг у хранительницы моргнул телефон. Сообщение от Виктора.

"Выходи на улицу".

— Наркоз, — сказала Вера заведующему и пошла наружу.

По пути хранительница недоумевала, что могло хирургу потребоваться от нее снаружи корпуса. Но едва выйдя, она все поняла. На улице чернела туча. Она уже видела такое в воспоминаниях Веры Павловны. Аномалия. Хранительница безотчетно оглянулась. Позади был ее стационар. Дорогие ей коллеги, пациенты, за которых она несла ответственность. Бежать было бы неправильно. И тут Вера полностью поняла, почему предшественница решила на то, чтобы шагнуть навстречу Иннокентию. Она не искала способа решить свои проблемы, как многие подумали. Она готова была ценой жизни защитить свой дом, как настоящая хозяйка и мать.

Впереди стоял хирург, пытавшийся совладать с порывами ураганного ветра. Он обернулся. Время вокруг останавливалось, притормаживали люди, не чувствовавшие надвигающейся угрозы. Вере было страшно подумать, чем аномалия обычно оборачивается для мира живых. Катастрофой? Возможно, сейчас где-то в одном из зданий зреет утечка газа и как только чудовище наберет нужную силу гнева, все рванет, сравнив с землей корпус.

— Что случилось? — спросила Вера, коснувшись рукой плеча друга.

Виктор обернулся. В лице у него не было ни кровинки.

— Я никогда бы не стал таким кошмаром, — проговорил он. — Это Люба. Психиатр только это мне успел сказать... Он...

— Где Иннокентий?! — голос Веры сорвался на крик.

Хирург указал вперед в тучу.

— Он бросился сюда, чтобы предупредить... А потом пошел обратно, ведь он единственный...

— А стражи?

— Не успеют, — повел головой Виктор.

Тогда Вера побежала в черный туман. Хирург не успел поймать ее за руку.

— Ты что?! — неслось вслед.

— Я его не брошу! — крикнула Вера. — Уходи! Уводи Леру и остальных!

Хранительница чудом разглядела впереди спину Иннокентия. Значит, он шагнул в туман совсем недавно. Она подбежала и схватила его за руку. Иннокентий обернулся к ней, вздрогнул, но ничего не сказал. Тьма душила любые проблески света, ветер выл в ушах.

— Что происходит?! — крикнула Вера.

— Так выглядит ненависть! — отозвался психиатр. — Мне надо сосредоточиться! Я должен утянуть нас в ее иллюзии, иначе...

Вспышка, другая... Так, словно моргала неисправная лампа. Вера чувствовала, что по-прежнему держит за руку Иннокентия, и от этого ей было спокойно, будто бы ей вовсе не грозило сейчас полное уничтожение.

Наконец, картинка ожила словно фильм. Появились запахи и звуки. Оказывается, когда психиатр разворачивал перед собой чужие души, все выглядело несколько иначе, чем когда он позволял Вере просматривать собственные воспоминания. Все вокруг было реальным. Хранительница взглянула на себя — она была в белом халате, рядом в таком же виде Иннокентий с атласом Синельникова в руках. Они студенты. Вера огляделась. Она знала это место.

— Мой институт, — произнесла она. — Я тут училась, только... позже...

Все выглядело немного иным, одежда студентов соответствовала девяностым годам прошлого века.

— Что мы тут делаем? — спросила Вера.

— Ждем, — выдохнул спутник. — Это последнее человеческое, что от нее осталось. Может быть, это даст нам ответ, что сделало ее такой. Как ты спасла Виктора?

В глазах психиатра блестела сталь.

— Просто поговорила, — вздохнула Вера.

— Я так и думал, — кивнул Иннокентий. — Он сам сбалансировался, я ведь твердил стражникам, что поможет простой разговор, но эти остолопы не поверили! Абарян никогда не сделался бы чем-то подобным. Не в его духе разрушать. Знаешь, как Вера привела меня в чувства?

Хранительница обернулась к спутнику.

— Она размотала мою историю до самого начала. Все, что я мог еще припомнить. Показала мне дядю, отца и мать, всех людей, которые меня когда-либо любили, и попросила представить, как им больно было бы видеть то, чем я стал. Именно это я сейчас и делаю. Беда аномалий в том, что им не за что зацепиться. В их жизни не осталось добра. Но в сердце каждого живого существа дремлет стремление к свету. Если удастся до него докопаться, можно убедить человека исчезнуть, не разрушая. Спасти аномалию крайне трудно. На счастье я был всеобщим любимчиком до того как Лиля начала колоть мне морфий — прочитав мое дело, Вера рассчитывала именно на то, что моя личность распалась не до конца. У Абаряна была цель спасти дочь, да и мы с ним провели не один сеанс, работая с чувством вины. У Любы нет ничего. Она отталкивала терапевта.

— Почему это с ней случилось сейчас? — произнесла Вера.

Иннокентий выдохнул.

— Увидела мое кольцо.

— Что? — вырвалось у Веры.

Но Иннокентий поднял руку в предупреждающем жесте.

— Похоже вот.

На лестнице сидела полноватая веснушчатая девушка, Люба, и молча смотрела на свои старые разбитые ботинки. Вдалеке терлась стайка симпатичных студенток, они бросали на одинокую девушку взгляды, о чем-то перешептывались и смеялись.

— Швабра! — долетело оттуда.

Вера вздрогнула. Ведь именно так она сама Любу в мыслях-то и звала. На плечо неказистой студентке положил руку высокий брюнет.

— Ну чего, пойдем оттянемся? — предложил он.

Люба поднялась. Двое засеменяли в темный коридор.

— Давай на твои, — по дороге говорил парень. — Я сегодня опять без денег.

Люба кивнула. Иннокентий и Вера пошли следом. В грязном заплеванном пролете, куда почти никто не ходил, сидели несколько студентов. Наркоманы — поняла Вера. Она слышала от старожиллов института о таком. В девяностые, в разгар наркомании, дурь была в свободном доступе почти повсюду, в том числе и в институте. Тогда на одной из лестниц между парами собиралось общество укурков. Сама она эти времена не застала. В ВУЗе если и ширялись чем-то, то довольно незаметно, не так как тогда. Вера никогда не видела там обдолбанных воочию.

Люба и ее спутник пришли на место, и хранительница невольно скривилась, глядя на царившее тут разложение. Почему этих молодых людей так тянуло к пассивному способу самоубийства? Вера не обманывалась: наркомания существовала всегда, будет жива и впредь. Всегда найдется кто-то, кому нравится себя разрушать. Но здесь это было ярче, куда более отчаянно и страшно. Молодая кровь, будущие доктора... они как будто заразились странным безумием.словно страна, распавшаяся у них на глазах, их ранила, украла смысл жизни, неспособные найти себя в новых течениях они горели как мотыльки, бросившиеся на призрачный свет не знавшей ограничений капиталистической жизни.

Иннокентий поморщился, глядя на разбросанные по полу инсулиновые шприцы и отвернулся. Вера могла его понять. Она крепко сжала руку возлюбленного.

— Если не хочешь, не смотри, — прошептала хранительница.

— Как это можно делать с собой добровольно? — сквозь зубы произнес психиатр.

— От безысходности.

Губы Иннокентия дрогнули. Он заставил себя вернуться к сцене.

Люба раскурила косяк и прислонилась спиной к стене.

— Откуда у тебя столько денег? — спросил ее товарищ, принимая из руки студентки самокрутку.

— Беру у бабки.

— Как? — усмехнулся тот.

— Просто ворую.

Вскоре студентов уже накрыло и Люба начала откровенничать.

— Эта чертова сука ненавидит меня. Ни разу я не слышала от нее доброго слова, пока росла. Она колотила меня так, что я думала мне придется расстаться с жизнью. Однажды ее хватил инсульт прямо во время драки. Теперь, когда эта тварь прикована к постели, я считаю, что ее пенсия моя зарплата... за то, что я ее еще не удушила.

Собеседник посмотрел на Любу мутным взглядом, и она приняла это движение за

интерес.

— Она была большая партийная шишка. Выставила мамашу из дома, обозвав ее дурой, когда мне было три года. Сказала, что сама воспитает достойного отпрыска. Ха!

Приятель Любы тоже прыснул и произнес:

— А получилась чокнутая психопатка! — заржал он. — Вик, признайся, ведь это ты грохнула бабусю?

Губы Любы разъехались в презрительной ухмылке.

— Да ладно, я ничего нового не сказал. Тебя до усрачки боится вся группа. Твой дядя, он...

— Не говори про моего дядю.

Приятель снова заржал.

— Главный нарколог. Приколно, что его племянница наркоманка.

Люба рывком поднялась и схватила приятеля за шиворот.

— Слышишь ты, животное, я не хочу больше никогда слышать из твоих уст о моем дяде. Это единственный нормальный человек из всех, кого я знаю. Ты недостойн произносить имя этого человека ни в каком контексте.

— Вот за это тебя никто и не любит... — выдохнул парень.

Люба вышла из пролета и пару раз молча ударила кулаком в стену с такой силой, что на костяшках выступила кровь.

— Если б не этот мужик, кто тебя вообще стал бы держать в институте! — несло с лестницы. — Но такую, как ты, не вытянуть даже на психотропных потому, что ты ненавидишь весь мир. Все, на что ты способна с таким настроением, это старчиться, Вика!

Следующим воспоминанием была работа. Люба числилась участковым терапевтом при районной поликлинике. Об этом говорил ее внешний вид: белый, накинутый под пальто халат, разбитый фонендоскоп на шее, затертая сумка и блокнот с адресами вызывающих. Девушка была уже какая-то тощая и изможденная. Под глазами залегли тени, было видно, что она выгорела. Доктор звонила в дверь. На миг из-под длинного рукава выглянуло предплечье, синие ленты вен были исколоты черными точками — следами инъекций. Люба на миг отпустила звонок и одернула рукав. Но тут открыли. В дверях стояла измученная женщина. Глаза у нее были красными, заплаканными.

— А, проходите, Виктория Игоревна, — произнесла она. — Сегодня еще хуже. Мечется от боли, не может уснуть и мы тоже не спали.

Люба молча прошла в квартиру. Сняла обувь, помыла руки и прошагала к больному. На постели лежал высохший, желтоватый мужчина, почти что скелет. Люба откинула одеяло. На животе плохо подживляющийся шрам от лапаротомии, выведена колостома. С первого взгляда Вере стало понятно, что Любовь смотрела ракового больного. Встретившая ее женщина схватила на руки маленького ребенка, по виду трех лет и вдруг заплакала.

— Ну сколько он еще будет мучиться? — произнесла она. — Врачи говорят никаких шансов. Быстрее бы уже, а. Я просто не могу слушать эти крики. У меня сердце рвется на части и не у одной меня.

Люба вернула одеяло на место, поморщившись от вида разложения, которое являл собой больной. Она обвела комнату взглядом. Две детские кровати. Как же им тесно тут с умирающим от рака.

— Что у вас там из обезболивающего? — строго спросила врач. — Золдиар? Несите сюда.

Женщина поставила на пол ребенка и метнулась за ампулами на кухню. Люба набрала

несколько шприцев и ввела больному в вену один за другим, так, что ни один мускул не дрогнул на ее лице. Летальная доза. Потом она встала и молча опустила оставшуюся коробку в свою сумку.

— Теперь все, — обратилась к хозяйке Люба. — Поспит спокойно. И вы ложитесь спать.

Выходила из квартиры доктор в молчании. Почти гробовом.

Люба недалеко ушла от дома больного. Всего лишь поднялась на несколько этажей и, обнаружив незапертый ход на крышу, вышла наружу и села там на покрытый рубероидом выступ. Доктор вынула из сумки ампулы, шприцы и, набрав дозу, безупречно вколола лекарство себе в вену. Какое-то время Люба молча смотрела на оставшиеся ампулы и, видимо, решала, стоит ли ввести и себе летальное количество опиатов, так, чтобы ее мозг забыл, как дышать? Сделать то же самое, что она только что сотворила с беззащитным человеком. Но потом передумала. Вместо этого Люба достала и кармана сигареты. Наркотик, видимо, уже начинал действовать. Люба немного откинулась и обратилась к городу, над которым алело закатное небо, возможно представляя себе какого-то собеседника:

— Она ведь такая неоднозначная, эта проблема эвтаназии. Тварь я дрожащая или что? Имеет ли доктор право... тот, чьи руки призваны спасать жизни этими же самыми руками ее отнять? Мы так часто делаем это непреднамеренно. Врачебные ошибки, — Люба усмехнулась. — Я специально ушла как можно дальше от них, выбрав поликлиническую терапию. Я всегда боялась неосторожно принести вред... любому. Никто на всем свете не заслуживает страданий. Ни одна живая душа. Я вижу его не в первый раз, этого больного и каждое посещение хочу рыдать. Я не могу так... Разве это не истинное милосердие избавить его от страданий? Прекрати смеяться надо мной! Почему ты так жесток?!

Люба вскочила и указала на кого-то так, словно и в самом деле спорила с невидимым собеседником. У нее были галлюцинации.

— Почему ты, Господи, допускаешь, чтобы в мире было так много зла?! Неужели ты не видишь того, как твои дети страдают?! Почему люди вынуждены делать твою работу за тебя?! Проявлять милосердие...

В следующем воспоминании Любе позвонила та самая женщина, мужу которой доктор помогла отправиться на тот свет и просто назвала адрес.

— Ампулы вам отдадут, — прибавила женщина.

Люба собралась и поехала, отложив дневные дела.

Потом это сменилось ярко освещенным кабинетом врача. На стенах висели дипломы и грамоты. Большой стеллаж забит книгами по наркологии. Сухонький пожилой мужчина в белом халате сидел в кресле. Люба стояла напротив его стола.

— Покажи руки! — настаивал нарколог.

— Ты не захочешь видеть это, дядя, — безразличным тоном произнесла Любовь.

Мужчина вскочил и, засучив ее рукав, молча выдохнул. Затем он запустил пальцы себе в волосы.

— Почему ты ничего не сказала?! Мне хотя бы.

Люба отвела глаза.

— Извини.

— Вика, ты наркоманка!

— Да.

— Еще одна передозировка...

— Да.

Люба отвечала как заведенная кукла, глядя в сторону.

— Ты себя убьешь!

— Знаю.

— Ложись в клинику!

Тут только Люба посмотрела на родственника.

— У меня дела.

Дядя заглянул ей в глаза.

— С кем ты ширяешься?

— Одна.

Тот покачал головой.

— Вика, ты не работаешь уже полгода. У тебя нет денег на дозу. Боюсь, что ты долбишься с друзьями из одного шприца, они делятся с тобой за хату. Я слышал от милиции... Когда ты проверялась на ВИЧ в последний раз?

— Никогда.

Тогда доктор подскочил к племяннице и, схватив ее за нижнюю челюсть, принудил открыть рот. Он отшатнулся.

— У тебя кандидоз слизистых, ты высохла как мумия, я вижу на шее огромные лимфоузлы. Ты знаешь, что это значит?

— Что у меня СПИД? — с вызовом ухмыльнулась Люба.

— Ложись в клинику!

— Не собираюсь, — оскалилась Люба. — Жизнь отвратительная штука, она мне никогда не нравилась. И теперь, когда от нее остались последние... деньки я просто проведу их в свое удовольствие, дядя. Я не собираюсь цепляться за такой... тлен. Я итак все время была отверженной. На мне негде ставить клейма. Я не потяну еще и иммунодефицит.

Люба умирала от пневмоцистной пневмонии, как и многие люди, разделившие ее диагноз. Ее доставили в больницу в предагональном состоянии прямо из притона, которым стала ее унаследованная от бабушки трехкомнатная квартира в одном из престижнейших домов центра Москвы. Она лежала в той самой реанимации, в которой теперь работала Вера.

Около постели больной тогда сидела Вознесенская Вера Павловна, прошлая глава больницы. Она нежно погладила рыжую наркоманку, и когда ее прикосновение вырвало больную из забытья, произнесла:

— Ты хорошая девочка. Добрая. Тебя никто никогда не понимал. Ты так старалась для других, когда тебя только отталкивали.

Люба не могла ответить. За не дышал аппарат ИВЛ. Изо рта торчала трубка.

— Я вижу, что ты сожалеешь. Что если я дам тебе шанс все исправить?

Люба сделала едва заметное движение головой. Это можно было принять за знак согласия. Тогда Вера выключила дыхательный аппарат и деактивировала сигнал тревоги на мониторе.

— Придется потерпеть, — сказала она умирающей. — Переходить из одного состояния в другое неприятно. Теперь ты почувствуешь тот ужас, который испытывали твои пациенты, когда ты вводила лекарство. Это расплата. Но я не соврала. Увидимся в загробной жизни. Мне нужен новый доктор, а ты дала обещание прийти в стационар.

Потом хранители увидели подсобку, в которой принимал Иннокентий.

— Я точно должна быть здесь? — буркнула Люба, кутаясь в больничный халат. — Вот прямо с реанимационной койки к психиатру? Думаешь, у меня крыша плохо прибита?

Иннокентий поднял глаза от собственных записей. Блеснули очки.

— Это не моя идея. Веры Павловны. Она наша начальница... Люба, и я бы посоветовал тебе прислушиваться к тому, что она говорит. У нее большой опыт. Как и у меня. Я знаю, что юные хранители...

— Ну и название! — Люба посмотрела в сторону.

— Находятся на грани, — закончил Иннокентий. — Мы оба о тебе позаботимся. Я со своей стороны, а она...

— Она сказала, что ты крайне интересная личность, мозгоправ. Посоветовала как следует присмотреться.

Иннокентий пару мгновений молча смотрел Любе в глаза.

— Может, расскажешь чего в тебе такого особенного? — заявила новая хранительница. — Ну, чтобы завязать знакомство, дружбу... Вы же оба с Верой в этом заинтересованы.

— Это не по правилам, — сказал Иннокентий. — Я твой терапевт. Это значит, что мы будем беседовать о тебе, твоих страхах и чувствах. Я помогу тебе разобраться в них...

— И все? — фыркнула Люба.

— Другие техники более рискованные, — кивнул Иннокентий. — Твое состояние пока не требует того, чтобы я влезал тебе в голову.

Люба фыркнула.

— А ты можешь?

— Вполне.

Тогда она встала.

— Короче, я завершаю сеанс, — определилась Люба.

Иннокентий тоже поднялся.

— Сначала давай поговорим об этом.

Люба пожала плечами.

— Меня интересуют яркие впечатления, — проговорила новая хранительница. — А жевать сопли про то, как меня в детстве не любили, я не намерена. Давай лучше так: ты объяснишь, как становишься сумасшедшим, и я останусь.

Иннокентий оскалился и тронул дужку очков.

— Виктор...

— Нет, — пожала плечами Любовь. — Вера.

Тут уж лицо психиатра отразило неподдельное удивление.

— Она сказала, что если сниму с тебя очки, узнаю много интересного.

Следующим движением Люба сдвинула волшебные очки с его носа.

— Дура... — пронеслось в воздухе, прежде чем оба хранителя застыли, напряженно глядя друг другу в глаза.

Наконец Иннокентий с видимым трудом поднял руку и вернул очки на место. Психиатр уставился в пол. На Любе не было лица.

— Извини, я не знала, — проговорила она. — Я даже не думала, что...

— Жизнь не сложилась не у одной тебя? — процедил психиатр. — Ты понятия не имеешь о том, что чуть было не натворила. Еще немного, я потерял бы контроль, и больница погрузилась бы в шизофренический бред. Не будем продолжать сеансы. Я дам другое средство, как ты и хотела. Лекарства.

— Григорий, я...

Психиатр схватился за ручку.

— Вера говорила, что если я узнаю, кто ты такой, то сумею спасти и тебя, и себя. Извини. Я поторопилась.

— С чего ты взяла, что мне нужно спасение? — отчеканил он. — Держись подальше.

Вера выдохнула. Он сказал Любе то же самое, что и ей однажды.

— Ты очень... красивый, — оставшись в одиночестве, произнесла Люба.

Наконец все погасло, как и в тот раз, когда Вера пыталась спасти Виктора. Люба и Иннокентий стояли друг напротив друга.

— Я столько раз пыталась сказать тебе, что сожалею, — проговорила Люба. — Я не хотела лезть тебе в голову. Просто защищалась. Ты ведь видел это, верно? Гриша, меня всегда отталкивали. В этот раз было еще больше, чем всегда. Я никогда раньше не влюблялась. Жила, окруженная ненавистью, и только тут смогла расслабиться. Я увидела человека, искалеченного не меньше чем я и при этом такого красивого. Я решила, что стоит попытаться. Она так не вовремя появилась, эта Вера. Вертихвостка, как твоя жена.

Вера ощутила, что крепко сжимает кулаки. Сначала она бросилась в кошмар помогать Любе, но вот теперь уже была готова съездить по роже этой рыжей швабре. Эта девица осмелилась пускать слюни на Иннокентия! Психиатр это понимал. Вера поймала его короткий взгляд: "Не приближайся. Мы оба еще должны попытаться выжить в этом бреде".

— Мне казалось, что Вера ненастоящая, — продолжала Любовь. — Такая как она просто не может... она не спасет, а уничтожит тебя. Я потеряла всякую надежду на то, что в этой жизни хоть что-то бывает правильно. Какое-то время в больнице мне казалось, что действительно существуют высшие силы, которые заботятся о нас. Но увидев обручальное кольцо, я окончательно разочаровалась. Как они могли дать тебе в спутницы копию твоей похотливой женушки?! А ты, идиот, снова повелся на смазливую мордашку! Она же собственными руками вырвет и сожрет твое сердце!

Тьма начинала сгущаться. Вера почти уже физически ощущала ненависть, кружившуюся вокруг нее словно грозовые разряды. Иннокентий схватил Любу за руки и посмотрел ей в глаза.

— Не отводи глаз, — произнес он.

— Мне ведь всегда не хватало лишь немного тепла, — прошептала Люба. — Просто доброго слова, нежного взгляда. Я ведь не претендовала на то, чтобы оказаться с тобой в постели. Она все это присвоила. Почему... ты оттолкнул меня?

— Я покажу тебе, что случилось, Люба. Смотри мне в глаза. Смотри моими глазами...

Все стихло. Иннокентий и Люба недвижно стояли друг напротив друга, не в силах оторвать взгляда. Наконец хранительница стала оседать. Иннокентий подхватил ее под руки и аккуратно положил себе на колени. Призрачный мир рвало в клочья. Сильный свежий ветер разгонял туман ненависти. Вера бросилась к возлюбленному.

— Что ты сделал?

— Показал наш роман, — произнес Иннокентий, не отрывая взгляда от Любы. — Это техника, которую я разработал для Ирины. Вложил ей в голову свои воспоминания. Они дадут ей силы дальше жить...

Психиатр наконец-то посмотрел на Веру. Глаза его казались безжизненными.

— Это значит, что ты больше ничего не помнишь о нас? — испугалась хранительница.

Иннокентий покачал головой и несколько мгновений молчал.

— Нет. Воспоминания не стираются. Но в этот раз, у меня странное чувство. Как-будто... Не знаю, как это назвать... Будто я исчезаю.

Вера упала рядом с ним на колени и обняла за плечи.

— Говори со мной! — взмолилась она, видя, что взгляд Иннокентия становится расфокусированным. — Что случилось, Гриша? Она ранила тебя? Что с ней теперь?

Психиатр покачал головой.

— Я не знаю... Она в обмороке. Люба не хотела причинить мне зла. Вера, это что-то другое.

Девушка рывком подняла голову, заметив, что к ним приближаются несколько фигур. Хранители. Впереди всех шагал Иваныч.

— Помогите ему! — воскликнула Вера, взглянув на Михаила Петровича.

Патологоанатом ответил взглядом, полным сожаления. Он плотно сжал губы и покачал головой.

— Отойди, женщина, — приказал привратник.

— Вы... — начала осознать Вера.

И тут Виктор крепко схватил ее за руки.

— Не мешай ему, — над ухом произнес хирург. — Так лучше.

— Нет! — воскликнула Вера.

Они пришли за Иннокентием. По правую руку от Иваныча стоял щуплый темноволосый паренек. Новый психиатр. Старому хранителю пришло время уйти.

Привратник встал перед Иннокентием и протянул ему документы.

— Поднимись, дитя, — приказал представитель высшей справедливости.

И психиатр послушно встал на ноги.

— Не думал, что вскоре отпущу тебя, — вздохнул Иваныч. — Признаться, мне даже немного грустно. Столько лет я наблюдал за твоими чудачествами и, похоже, привык. Иди, Григорий Вольфович Курцер... Для тебя это радостная минута. Ты заслужил себе лучшую участь из возможных — ты восстанешь из мертвых. Редким самоубийцам бывает позволено стереть свою ошибку и вернуться мир живых. Ты получил обратно возможность дожить оставленную жизнь. Будь в ней осторожней, чем раньше.

Григорий посмотрел в глаза Вере, но тут Иваныч заслонил от него избранницу своей спиной.

— Не надо, — твердо произнес он. — Не трогай ее, иначе не сможешь позабыть и жить счастливо. Так ты обеспечишь себе постоянную тоску по несбыточному. Ее участь не решена. Если останетесь верными себе, ваше время однажды придет.

— И ты оставь! — это предназначалось Вере. — Ты же желаешь ему светлой участи?

Это, безусловно, было так, но хранительница теперь не представляла себе жизни без

него. Позволить ему забыть... Обнимать другую женщину, пока она будет трудиться в больнице. Они одновременно рванулись навстречу друг другу. Иваныч предусмотрительно толкнул в грудь психиатра, но хранители на короткий миг все-таки встретились в воздухе кончиками пальцев. Вера почувствовала, как по телу пробежала электрическая вспышка, как и в тот миг, когда Иннокентий ее впервые поцеловал.

Психиатр сделал несколько шагов назад, постепенно растворяясь в воздухе. На землю упали его очки и бейдж. Вера почувствовала, что ноги ее не держат, и осела в траву. Рядом опустился Виктор. В последний миг хирург ее выпустил, позволив коснуться возлюбленного. Вера смотрела перед собой, чувствуя, как тело сотрясает от нервной дрожи. Это было похоже на смерть. Когда она свалилась на пол, еще не понимая, что получила смертельное ранение. Тогда еще ничего не болело. Был только этот немой ступор.

— Идиоты, — выдохнул Иваныч в воздух. — Малые дети просто...

После этого он поднял с земли очки и бейдж, отряхнул их и передал все это время простоявшему в стороне юноше.

— Держи, — обратился к новому хранителю привратник. — Теперь это ты Иннокентий Вольфович Курцер. Это твое. Надеюсь, ты доставишь нам меньше неприятностей, чем прошлый психиатр.

Юный хранитель принял вещи из рук санитаря морга и огляделся.

— Кто вы все такие? — наконец выдал он.

Тут к хранителям подбежала растрепанная Ирина.

— Где доктор Курцер? — выдохнула психиатр. — Я надеюсь, с ним ничего не...

Ирина замолчала, взглянув на Веру. Губы хранительницы дрогнули. Она все поняла. Иваныч шутливо поправил свою кепку, словно отдавая честь.

— Вот доктор Курцер, — указал он на нового хранителя. — Теперешний.

— Вы очень вовремя, Ирина Станиславовна, — заговорил Михаил Петрович. — У нас для вас как раз найдется работа. И думаю, вы будете выполнять ее ответственно, если хотите забрать вещи Григория... кхм... прошлого Иннокентия. У нас есть ваша пациентка, которую нужно привести в чувства и новый психиатр.

Профессор с сомнением посмотрел на Веру и, так и ничего не прибавив, молча взял на руки Любу.

— Я отнесу ее к себе, — пояснил Михаил Петрович. — Ирина Станиславовна, прошу вас присоединиться. Ваш наставник ведь научил вас стабилизировать состояние хранителей, находящихся на грани? Нам обоим, похоже, придется сегодня попотеть.

Ирина растерянно кивнула.

— И ты тоже идешь... Иннокентий, — приказал профессор, взглянув на нового психиатра. — Будет тебе введение в служебные обязанности.

Вскоре хранители разошлись. С Верой остался только Виктор. Хирург помог девушке подняться и повел ее во флигель. Там хранитель усадил ее в своей комнате. Вера просто не могла сейчас зайти в их совместное с психиатром жилище, где все было пропитано его еще недавним присутствием. Лежали его вещи ровно на тех местах, где он оставил их. Это было бы невыносимо.

После этого хирург опустился около Веры на колени.

— Переживешь немного без меня? Я должен уладить пару вопросов. Вернусь тут же.

Вера кивнула. Она сильная. Она всегда умела терпеть боль. Любовь Иннокентия сделала ее просто неслышимой. Она выдержит.

Виктор показался в комнате уже вскоре. Он принес с собой несколько бутылок коньяка.

— Анестезия? — горько улыбнулась Вера.

— Лучше так, — вздохнул Виктор разливая алкоголь по стаканам. — Чем как Люба или этот... мозгоправ.

Пили в тишине до вечера. Наконец, когда за окнами потемнело, Вера почувствовала, что поплыла. Ее качал на своих волнах дурман.

— Я тоже буду по нему скучать, — признался хирург, глядя на белую как фонарь луну, светившую в комнату. — Не так, как ты, конечно, Верка. Но сильно. Эта больница уже не будет прежней без него. Я ведь, и правда, думал, что первым уйду. Представлял, что дружески ударю его по плечу и озвучу какую-нибудь вечную истину. А оно вон как вышло... В жизни никогда не бывает так, как планируешь. Интересно, отчего?

Вера перевела взгляд на коллегу, прислушиваясь к звуку живого человеческого голоса. Он казался ей чужеродным в вечерней тишине и пустоте. Сейчас в глубине у Веры было точно так же тихо и пусто.

— Но ты не беспокойся. У него будет все хорошо, — хирург треснул ладонью по столу. — Я сходил, проверил.

Тут уж Вера подалась вперед.

— А что? — поднял брови Виктор, алкоголь уже вполне ударил ему в голову. — Там... в нейрореанимации чудачок, который вниз с моста сиганул. Везет нам, Верка, на психиатров самоубийц. Это наш новый Иннокентий. Они со старым местами поменялись, представляешь себе такое?

— Нейрореанимация? — Вера поднялась.

— А ты не слышала, что в больнице не только ваша с Михалычем контора для полугруппов есть?

Вера покачала головой.

— Ну, там мало коек. Она под отделением неврологии расположена. Тебе, правда, никто не говорил? Интересно почему?

Вера сорвалась с места и выбежала в ночь.

— Стой! — донеслось вслед. — Не смей!

Вера еще никогда так быстро не бегала, однако Виктор все-таки нагнал ее и схватил прямо перед дверями неврологического корпуса. На сей раз хирург был настроен решительно, поэтому сколько бы девушка не дергалась, не сумела разжать его хватки. Она пихала друга локтями в грудь, но тут мужественно сносил удары, просто временами стискивая Веру сильнее. Наконец хранительница выдохлась. Тогда Виктор оттащил ее к ярко освещенным окнам первого этажа.

— Вот, — произнес он. — Лучше так смотри. Вера, пойми, это как с Лерой и Ариной. Нам нельзя становиться частью их жизней. Только в крайних случаях. Если ты войдешь туда, узнаешь его имя, то никогда не оставишь. Отпусти. Не становись его проклятием. Высшие силы еще сведут вас... когда придет время.

Вера заливалась слезами, думая, а не будет ли это так, что он, дряхлым стариком придет к ней в реанимацию умирать? И вдруг узнает в вечно юной хранительнице свою оставленную за границей жизни любовь, которую безуспешно искал в других женщинах так много лет? Ее сердце разрывалось от этой картины.

— Лучше плачь, — шептал на ухо хирург. — Чем сидеть молча, как сегодня весь день... Вер, у него все будет хорошо. Ведь это главное, верно? Я навел справки. Этот парашютист... у него была несчастная любовь, из-за нее-то он и сиганул в реку. Утоп. Похоже, сердце остановилось от удара о воду. Чудом выловили и завели. Но... поздно. Кома. Вот к нам привезли, куда ближе ехать было. Родным сказали: нет шансов. А они какие-то люди со связями. Переполошили всех. Хотели его в другую больницу забирать, но тут отказали — нетранспортабельный. А он возьми да в себя приди следующим утром.

Сейчас в ясном сознании. Чудо, не иначе. Только никого не узнает и ничего о себе не помнит.

Вера видела, как санитарки вкатили в отделение каталку и переключивали теперь на нее молодого человека, попутно отстегивая его от датчиков. Он напоминал Иннокентия как брат. Примерно той же комплекции, тоже брюнет, даже черты лица похожи.

— Сейчас по настоянию родственников переводят в какую-то блатную неврологию, — продолжил хирург. — Выхаживать будут. Амнезию лечить.

Вера прижала руки к лицу: это он! И вдруг обрадовалась. С ним все будет хорошо.

Каталку вывезли из дверей корпуса, и хранительница бросилась туда. Хирург ее не удержал. Санитары уже распахнули двери машины скорой помощи. Вера посмотрела на больного. Он спал. И тут же поймала на себе взгляд женщины средних лет, кутавшейся в шерстяной платок. За плечи ее обнимал немолодой мужчина. Родители. Эти люди посмотрели на нее настороженно.

— Я врач, — произнесла Вера. — Его наблюдала... прошлые сутки.

Родители расслабились, видимо, прочитав на бейдже хранительницы должность, и немного отпрянули от каталки, позволяя доктору взглянуть на их сокровище. Вера с болью провела рукой по черным как смоль непослушным волосам. Такие же, как и в прошлой жизни...

— Ведь это настоящее чудо, — заговорила хранительница просто чтобы ее поведение не выглядело слишком странным. — Что сын к вам вернулся.

Мужчина кивнул, а женщина смахнула слезу.

— Врачи говорят, самое страшное теперь перелом бедра, — вдруг улыбнулась она. — Обезболили фентанилом и дали снотворное, чтобы он не мучился в пути. Но он ведь никого не узнал.

Мужчина крепче сжал плечо своей жены.

— Наш Коленька всегда был таким хорошим. Для родителей настоящая радость, все его любили: родные, друзья и тут эта вертихвостка ему попалась, — женщина громко всхлипнула. — Спасибо, что позаботились о нем, доктор. Мы уж теперь постараемся, чтобы он пришел в себя.

— Маша, пойдем, — произнес ее муж.

— Спасибо, — сухо сказал он Вере.

Хранительница бросила на свою единственную любовь последний взгляд. Если бы она только могла оставить ему послание! Сказать, как много он для нее значил, что бы та женщина, попавшаяся Николаю в прошлой жизни, никогда своими холодными пальцами больше не притронулась к ее мужчине. И тут Вера поняла. Выходя сегодня с утра на улицу, она накинула куртку для пробежек, потому что было прохладно. Одежда все еще была на Вере. В кармане лежал плеер. Там были их любимые песни, которые хранители слушали вместе. В конце концов, оказалось, что у них схожие вкусы в современной музыке.

Убедившись, что родители отошли к своей машине, а персонал скорой занят проверкой оборудования, Вера наклонилась к возлюбленному, вставила ему наушник в правое ухо, зажала в ладони плеер и нажала на кнопку "Пуск".

Потом машина отъехала. Вера добежала за ней до ворот и остановилась. В груди было пусто, в сознании играла музыка. Хранительница все еще не собиралась исчезать, она знала, что так будет. Внутренне она к этому готовилась. Вера держалась рукой за облупившуюся ограду и нервно соскребала с нее остатки краски.

— Не жалеешь? — за левым плечом встал хирург.

— Ни капли, — ответила Вера.

Она подарила любимому человеку жизнь. Это было самым прекрасным, что Вера когда-либо делала. Это стоило всех затрат.

— Я люблю тебя, — прошептала холодному воздуху хранительница. — Помни.

Глава 18. Последний пазл

Без Иннокентия дни стали однообразными. Вера, как и раньше, забывалась работой, утроив усилия. Но от этого жизнь не становилась веселей. Хранительница твердила себе, что это пройдет. Душевная травма похожа на заболевание. Организму нужно дать время восстановиться. Первую неделю Вера жила в комнате у Виктора, а потом, наконец, нашла в себе силы на то, чтобы переселиться обратно. С помощью друга она собрала вещи психиатра в большие коробки и, запаковав их, заперла в кладовке на нижнем этаже. Это касалось в основном его бытовых принадлежностей и одежды. Оставались еще рисунки психиатра, его бумаги, фотографии. Вера не решилась с этим расправиться и заперла в ящике комода до тех пор, пока не сможет без боли смотреть на них.

Ей было одиноко в огромной квартире. Каждый скрип половицы напоминал о том, что Григорий мог бы быть здесь, в каждом движении занавесок Вера готова была увидеть его стройный силуэт. Но хранительница держалась. Она упорно училась, просиживая вечера за книгами, так что у нее не оставалось времени на глупые мысли. Григория больше не существовало в загробном мире, он был по ту сторону черты — среди живых.

В конце мая собрались психиатры. Они должны были встретиться в начале месяца, но решив продемонстрировать уважение к потере Веры, не стали торопиться. Хранительница была вынуждена принять их в своей квартире. Психиатры, словно воронье, охотились за наследством ее талантливой спутницы. В этой ситуации Веру радовало одно: это, видимо, была последняя сходка общества гипнотизеров. Григорий Курцер был их недосягаемой путеводной звездой. Когда он вынужден был принять на себя руководство, у общества появилась вторая жизнь, но с его уходом все снова потеряло смысл. Теперь, похоже, навсегда.

Позволить психиатрам ходить по собственной квартире Веру вдохновило именно злорадство. "Он теперь в лучшем мире, а вы все по-прежнему блуждаете в трех соснах!" — хотелось выкрикнуть ей. Они обшарили почти всю квартиру и так и не нашли священных записей Учителя. Вера вышвырнула гостей, как только это стало ясно. Едва ли Григорий вел тайные записи. Больше никаких психиатров в ее жизни!

Вера пошла закрыть дверь и, вернувшись в гостиную, неожиданно обнаружила в кресле Ирину. Хранительница так увлеклась разгоном гостей, что не обратила внимания на обычно сосредоточенную и спокойную докторшу. Чего ей надо? Вышвырнуть Понятых Вере не давала благодарности. Ирина по-прежнему занималась Любой, которая понемногу, кажется, даже начинала приходить в себя после инцидента, она же обучала Иннокентия, так что новый психиатр никому не доставлял проблем. Эта хранительница заслуживала хотя бы вежливого тона.

— Вроде бы ваши на сегодня закончили, — произнесла Вера, удивленно глядя Ирине в глаза.

Ученица Григория кивнула.

— Но не я. Простите за демонстрацию непокорности. Дело в том, что дневники доктора Курцера в действительности существуют. Я видела, как он писал их. В воспоминаниях. Позвольте мне забрать эти вещи, пожалуйста. Я думаю, что уже достаточно продемонстрировала дружелюбие вашей больнице и свои способности, работая с Любовью.

Вера подняла брови. Этого она услышать не ожидала. Но ей нравился уверенный тон Ирины. Неприязнь, которую хранительница раньше испытывала к этой женщине из-за ревности, немного подернулась дымкой уважения. Они стоили друг друга. И сейчас, когда рядом не было Григория, Вера готова была признать, что Ирина хороша. Она и сама в подобной ситуации действовала бы так же. Пошла бы в лоб.

— Я не перестану работать с пациенткой, — продолжила Ирина, заметив интерес. — Но дневники Иннокентия помогут мне быть более эффективной. У нас было очень мало времени, и он успел научить меня только общим принципам. Сейчас у нас с Любой такой момент, когда очень пригодились бы детали.

— Что в этих дневниках? — спросила Вера.

— Ничего личного, насколько я понимаю, — пожала плечом Ирина. — Это тетрадь с медицинскими записями. Дозировки, показания, описания клинических случаев. Вроде учебника. Он составлял это для себя.

— И почему она спрятана?

— Она не должна была попасть не к тем людям, — вздохнула собеседница. — Вы как врач должны понимать, что в неумелых руках любое лекарственное средство способно нанести вред. Кроме воды и сахарной пудры разве что.

Ирина улыбнулась краешками губ.

— Значит, ваши руки подходящие, — съязвила Вера.

— Вы знаете, что он мне доверял, — не моргнув сказала психологиня. Она была готова к неприятному разговору. — Думаю, мнение Григория Курцера лучшая порука, разве не так?

— Именно поэтому он свои записи спрятал, — Вера сложила руки на груди.

Отказать Ирине ей было не принципиально. Труд Григория Курцера, гениального психиатра, в самом деле, должен был попасть только в достойные руки. Она хотела услышать подходящую причину.

— Он не думал, что в ближайшее время ему придется уйти, — ответила Ирина. — Мы полагали, что у нас есть время до декабря, так же, как, вероятно, и вы, Вера.

Хозяйка кивнула. Недостаточно весомый аргумент.

— Я лесба, — вдруг выдохнула Ирина, прямо глядя Вере в глаза.

Стекла очков сверкнули у нее почти так же, как и у Григория. Этот пробирающий до глубины души взгляд... Да она была достойна своего учителя! Еще давно она разглядела в глазах Веры ревность, не дававшую ей принять ученицу спутника. Раньше Ирине это не мешало, но вот сегодня...

— Поверьте, меня в Григории Курцере привлекали его уникальные знания, душевные качества, но никак не то, что было у него в штанах. Я равнодушна к противоположному полу.

Вера перевела дыхание. Это было искренне, смело и... пожалуй, тянуло на то, чтобы называться ученицей великого психиатра.

— И вы тоже не в моем вкусе, — усмехнулась Ирина.

— Я всегда знала, что у вас, психиатров, не все в порядке с головой.

Ирина прищурилась.

— Если вы отдадите дневники, то окажете услугу всем московским хранителям. Вы позволите делу вашего спутника жить дальше... в моих руках.

— Уговорили, — улыбнулась Вера. — Как думаете, у него был тайник?

Ирина пожала плечом. И хозяйка испугалась было, что она скажет, мол, ты с ним жила, тебе лучше знать. Но Вера не знала. Она вообще старалась не думать о том, что у спутника были от нее тайны. Хотя обоим было прекрасно известно, что это так.

— У меня есть идея, — заговорила психологиня, прошагав к комоду. — Я пару раз видела, как он поправлял мебель, когда я приходила слишком рано. Помогите!

Вера встала рядом с Ириной и хранительницы вместе сдвинули тяжелую мебель в сторону. Дрогнула, но устояла на его крышке тяжелая фарфоровая ваза. Вера уставилась на стену. Да, там четко выделялся квадратик обоев с провалами по сторонам. Тайник. Хозяйка сглотнула. "Надеюсь, ты, в самом деле, никогда не предавал меня".

Ирина опустила на колени и распахнула дверцу. Вскоре гостя извлекла наружу две

тетради в потертом кожаном переплете и пухлый конверт.

— Это они, — торжествующим тоном заявила психиатр, демонстрируя Вере записи. — Хотите, посмотрите. Я вам не соврала.

Вера машинально просмотрела тетради, исписанные мелким аккуратным почерком Григория. Это, в самом деле, больше напоминало медицинский справочник, чем личный дневник.

— Можете забрать, — разрешила Вера. — А... — она покосилась на конверт.

Ирина подняла его с пола и заглянула внутрь.

— Думаю, это к моему делу отношения не имеет, — сказала она. — И по праву принадлежит теперь вам. Он подписан.

Ирина передала конверт Вере и вышла. Своевременно. Потому, что на нем значилось "Алисе". Кто такая Алиса?

Вера проглотила ком и уселась в кресло. В конверте были жесткий диск, несколько фотографий и пачка бумаги. Первым делом Вера просмотрела фотографии. Это были ее портреты. Часть хранильница помнила, как он снимал, часть была сделана во сне. Очень красиво, но как-то странно. Вдруг Вера вспомнила про его кошмары, и ей пришло в голову, что Иннокентий просыпался посреди ночи и, вспоминая увиденные ужасы, еще какое-то время не мог заснуть. Возможно, так он снимал напряжение?

Потом Вера просмотрела бумаги. Это были черновики одного и того же письма, адресованного девушке по имени Алиса. Григорий садился писать его не раз, в разное время и никак не мог закончить. Строки были перечеркнуты. Он, словно, как поэт искал рифму. Вера почувствовала, как ее сердце стало чаще биться. Кто эта Алиса? Почему он уделил так много времени ей?

"Алиса", — начиналось самое полное письмо.

"Если ты нашла это, значит, мне пришлось тебя покинуть. Ты должна знать, что..." — дальше несколько слов было зачеркнуто: "Мне даже сейчас больно думать о разлуке, когда я сижу рядом и вижу, как ты спишь. Не верится, что мне однажды придется отпустить тебя. Я хотел бы вечно держать тебя в своих объятиях..." — снова несколько перечеркнутых строчек: "Вчера ты спросила, что у меня за секрет, и я не решился тебе его озвучить. Милая, я испугался потерять тебя. Объяснение тому, что я сейчас пишу, ты найдешь в конверте. Я узнал это зимой, после бала, когда практически на твоих глазах схватился с Береговым. Этот безумец дал мне ключ к твоей судьбе. Для тебя не все потеряно. Это был самый трудный в моей жизни выбор, подобный твоему: отпустить или оставить для себя. Вскоре ты поймешь, что я предпочел счастье любимого человека". Далее лист был сплошь исчеркан, и невозможно было разобрать, что Григорий планировал сказать дальше кроме слов: "...Мало времени... Я все сделал для того, чтобы в новой жизни ты была счастлива..."

Вера перевернула лист. На обратной стороне чернело несколько строчек:

"Я помню, как сказал тебе, что самое мое счастливое воспоминание о том, как я впервые сопровождал Лиле. Я не хочу, чтобы ты теперь думала так. Ты изменила мою жизнь. Я навсегда оставлю в памяти твои глаза в новогоднюю ночь, когда я подарил тебе невянущую розу. Ради одного этого мгновения стоило прожить в больнице целый век".

Дальше был сделан набросок ручкой. Вера узнала себя с розой в волосах. Нежная, прекрасная дева, трепетавшая в ожидании первого поцелуя. Это признание предназначалось ей. Но тут хранильница снова взглянула на конверт. Она не ошиблась, на нем по-прежнему почерком Григория было выведено "Алисе". Почему? В прошлой жизни ее звали Алиной. Одна буква другая. Григорий был просто не таким человеком, чтобы ошибиться в подобных деталях. Он сделал это с каким-то непонятным Вере умыслом.

И тут взгляд хранильницы упал на жесткий диск. Она подключила его к компьютеру и, что характерно, папка под названием "Алиса" была защищена паролем.

— Черт! — воскликнула Вера, ударив по столу ладонями. — Черт, черт, черт!

Почему он так и не открыл ей свои тайны? В последнее мгновение мог бы выкрикнуть пароль вместо того, чтобы тянуться к ней руками. Вера выдохнула, понимая, в последний миг Григорию куда важнее была уверенность в том, что он не забудет возлюбленную, чем какие-то посторонние дела, которые он от нее прятал.

Закончилась весна и больницу приняло в свои душные объятия лето. Стояла самая середина июня — прекрасное время, когда Вера почувствовала, что ее оцепенение начинает понемногу спадать. Теперь она ощущала ярость, которой требовался выход. Вера обуюла жажда деятельности. Хранительница устроила себе спортплощадку за хозблоком, в том месте, куда мало кто ходил. В строгом смысле, так это место назвать было нельзя. Там было просто много асфальта и выкрашенная в тошнотворный оттенок розового стена. Вера воспринимала стену как противника. Ей нравилось колошматить по старой краске различными спортивными снарядами. У нее были баскетбольный мяч, принадлежности для тенниса и бадминтона. Хранительница неизменно приходила туда в спортивном костюме и отдавала пару часов чистому адреналину. После этого она хорошо засыпала. Виктор не раз просился посмотреть на тренировки, но Вера так его и не позвала. Такие вещи нужно делать в одиночестве.

Вера больше не пыталась открыть жесткий диск. В первый день она думала разыскать специалиста по железу, но потом как-то подостыла. Ей было больно ворошить память о Григории. В компьютерной папке она боялась найти такие же обрывки, что и в его послании. Частички головоломки, которые так больно задевали ее за все живые места. Когда-нибудь потом.

И вот в середине июня, в день когда Вера в очередной раз давала выход своей злости, ее навестил неожиданный гость. Иннокентий Кундих. Его новая версия. Психиатр походил на предшественника как брат, и поэтому Вере было больно его видеть. Весь свой первый месяц в больнице он прошатался практически без дела, и хранительница могла его понять. Она и сама в сентябре была такая.

Доктор Кундих, понятное дело, отделение больше не возглавлял. Он вновь опустился до должности штатного психиатра и дежурного невролога, когда буря утихла. Ему на смену поставили довольно властную и инициативную даму. Новый Иннокентий не возражал. В неврологии он практически ничего не понимал, и с трудом отличал парез от паралича, не говоря уже о психиатрических изысках. Как слышала от хирурга Вера — от кого же еще, этот парень до своего неудачного полета с моста работал дежурным педиатром в одной из московских больниц, что на взгляд хранительницы было очень мило, но все равно не могло расположить ее к новому Иннокентию.

В отличие от хирурга, Вера уже не раз замечала как они курят вдвоем у корпуса. Виктор скучал по другу и пытался заполнить пустоту, взяв этого безобидного чудака под крыло. Иннокентий был вовсе не таким загадочным, как предшественник, в нем не было особой магии. Не было недосказанности, колкой, вовремя вставленной иронии, внутреннего богатства. Только простота. Впрочем, быть может, только Вере это казалось отталкивающим. В любом случае, это был не тот психиатр, которого знала больница. Пропало очарование, и от этого было грустно.

Сейчас он зачем-то пришел посмотреть на нее. Вера остановилась и выпрямилась. Она вроде бы четко дала новому психиатру понять, что она ему не враг, но и помогать не будет. Требовалось соблюдать нейтралитет, потому что Вере было больно вспоминать спутника, глядя на то недоразумение, которому присвоили имя Иннокентия Курцера.

Парень вынул из кармана сигарету, закурил, а потом вопросительно протянул пачку Вере. Хранительница приблизилась и покачала головой. Вера не курила. Какое-то время постояли в молчании. Наконец, Вера вздохнула. Она уже могла представить себе, как много проблем может быть у нового хранителя в голове, несмотря на то что по его лицу этого не видно.

— Как у тебя дела? — наконец решила Вера.

— Лучше, чем у Любы, — ответил тот.

Глаза у него были карие. Чистые. Как у Григория.

— Как тебе в больнице?

Парень запустил руки в карманы брюк, оставив сигарету во рту.

— Стремно, — наконец сказал он. — Даже очень. Стать мертвым хранителем, когда тебе едва исполнилось двадцать восемь, это... довольно жутко.

Вера хмыкнула.

— Привыкнешь. Как я, — и взялась за баскетбольный мяч. — Хочешь присоединиться?

Хранительница посмотрела на корзину. Виктор недавно установил ее тут для нее. Наверное, настало время сделать свои индивидуальные занятия спортом снова коллективными.

Иннокентий выбросил сигарету и размял руки.

— Проветрить голову это как раз то, что мне сейчас нужно, — улыбнулся он.

Так они молча и играли, по очереди забрасывая мяч в кольцо. Вера чувствовала, почему он пришел. Хотел спросить про Григория, но не решился. Пару раз она замечала в его глазах этот немой вопрос. Кто он такой? Его предшественник. Вера не сомневалась, что Курцера все еще пытались дергать на консультации, не желая смириться с тем, что гениальный психиатр ушел навсегда. Наверняка сведения о Григории приходили ему отголосками, чьими-то оборванными фразами, оставляя ощущение странной недосказанности. Часто он видел Веру, которая тосковала, как безутешная вдова. Возможно, его жгла память о собственной любви, приведшей к трагической кончине, и история Григория и Алины представлялась ему чем-то вроде обнадеживающей сказки. Наверное, все сразу. Но он не смог об этом. Вера тоже промолчала.

— Спасибо, — произнес психиатр, когда партия была сыграна. — Что уделила мне время. Я думал, ты меня сторонишься.

Вера вздохнула.

— Так и было. Тебе еще только предстоит узнать, как много груза хранители носят на своих плечах. Ты такой не один.

Он улыбнулся. Тепло. Очаровательно.

— Если хочешь, приходи завтра, — предложила Вера. — Может быть, я стану еще немного более приветливой.

"И смогу заговорить про Григория", — этого она не произнесла.

Он кивнул.

— По рукам! — и, махнув ладонью в воздухе, побрел в наступающие сумерки.

В полутьме шевельнулась фигура и тут только Вера поняла, что все это время за ними кто-то наблюдал. Свет фонаря уже четко вычерчивал импровизированную баскетбольную площадку, так что хранительница не видела гостя или гостью. Это был не хирург. От Виктора всегда уйма шума. Он тут же бросился бы навстречу ребятам, особенно если бы заметил, что они вместе играют. Это был бы бальзам ему на душу. Такое бы означало, что вскоре и он сможет присоединиться к спортивному клубу.

Это Люба — поняла Вера, когда худая фигура вошла в свет фонаря. Кардиолог уже немного поправилась, не одни кожа да кости, но выглядела по-прежнему изможденной.

— Только не смей соблазнять его, поняла? — надтреснутым голосом произнесла хранительница.

Вера хмыкнула, машинально продолжая бить мяч об асфальт. Зачем она здесь, интересно? Люба тяжело привалилась к стене и выдохнула, так, словно пробовала на вкус вечерний воздух.

— А то у меня только-только возникло с кем-то из вас подобие понимания, — Люба посмотрела вверх, в темное летнее небо, и Вера неожиданно подумала, что они, должно быть вместе сейчас переживают одно чувство: здесь этим вечером было хорошо.

Приятно было просто стоять вот так под звездами и слушать засыпающий город. Кроме несчастной любви, в жизни было еще что-то, прекрасное и неуловимое ее истинное волшебство.

— Ты дружишь с психиатром... Теперь? — Вера поймала мяч обеими руками.

Люба посмотрела на нее и криво улыбнулась. Даже мимика у кардиолога была какой-то гадкой, как у жабы. Ее было трудно любить. Вера поняла: едва ли такой человек как Люба, приученный вызывать к себе исключительно неприятные чувства, с кем-то дружит.

— Эта крашенная сучка устроила нам совместные сеансы. Типа группы. Там мы без конца трепемся о своих чувствах. И да... я такое делаю в первый раз. Сегодня он даже меня пожалел, а потом бросился играть в баскетбол... с тобой. Чем ты так цепляешь мужиков? Даже тех, которые с тобой ни разу толком не говорили?

Вера отвернулась. Ей не хотелось отвечать на вопросы, поэтому она заговорила:

— Люба, нельзя так о своем терапевте.

— Но это ведь не меняет сути, — подняла брови рыжая хранительница. — Она крашенная. И в придачу редкостная сука.

Вера выдохнула. В действительности, следующий Григорий Курцер это Люба. Наверное, для того, чтобы обрести целостность этой душе тоже понадобится не меньше ста лет. Но она, похоже, встала на путь исправления, раз пришла сюда. Поэтому Вера сделала над собой усилие и заговорила:

— Он приходил узнать про Григория и всепобеждающую любовь. Парень покончил с собой из-за какой-то дамы. Думаешь, он не слышал рассказы про нас? Полагаешь, он не хочет заглушить свою боль историей о том, что все в итоге выходит хорошо, даже у таких неудачников как хранители?

Люба громко рассмеялась и в конце утерла нос грязным рукавом. Иногда кардиолог напоминала Вере случайно забредшую в стационар бродягу.

— Сначала я думала, ты редкостная тварь, — сказала она. — Ты их тех, кто обычно отвечивал мне самые чувствительные тумачи. Одно дело получить нагоняй от труса, он просто решает свои проблемы за счет тебя. И совсем другое встретиться с воплощением человеческой силы. Но теперь я, похоже, начинаю понимать что-то. У тебя тоже есть чувства. Кто бы мог подумать? Ты точно так же как и я боишься, любишь, испытываешь боль...

Уголок Любиной губы дернулся, так, словно ей было мерзко это признавать.

— Ты живая, — кардиолог взглянула на Веру. — Григорий мне показал ваш... то, что между вами случилось. Я ошибалась. Может быть, ты шлюха и стерва, но для него ты превратилась в прекрасную даму.

Вера набрала воздуха в грудь. Разговаривать с Любой было все равно, что копать в помойной яме. Кардиолог ненавидела себя и равняла под это чувство других. Все у нее страдали какими-то заметными пороками, даже, наверное, Григорий. Люба прочла отвращение у собеседницы в глазах и вздохнула.

— Может, и я однажды смогу облагородиться. Теперь в больнице есть новый Иннокентий, мать его, Курцер. И этот, видимо, не последний. Так что я могу пытаться до второго пришествия. Твой, и правда, был слишком шикарным для такой, как я.

— Люба, это звучит ужасно! — не выдержала Вера.

— Я вообще такая, — хмыкнула кардиолог. — Ладно, не буду и дальше утомлять тебя излияниями. Скажу, зачем пришла. Это действительно важно, поверь, я не стала бы

тратить свою драгоценную прогулку на всякие мелочи. Крашенная сучка настаивает, чтобы я была в кровати ровно в одиннадцать. Иначе снова домашний режим.

Вера вскинула голову.

— Да, — прищурилась Люба. — Я ведаю душами, застрявшими между мирами. Я знала о тебе не потому, что украла дело. Я имела право взять его, потому что ты вроде как моя подопечная. Ты коматозница.

Мяч вывалился у Веры из рук и покатился по асфальту.

— Не жива и не мертва, — кивнула кардиолог. — Думаешь, почему в твоих документах значится "ординатор"? Врач-стажер, который приходит в больницу на время, поучиться уму-разуму у старших коллег. Я тебе не говорила, потому что это должно было оставаться тайной. Тебе дали срок, чтобы по окончании ты определилась, что будешь делать дальше, как любой начинающий врач. Он почти на исходе, времени до первого июля.

— Я могу... вернуться к жизни? — немеющими губами произнесла Вера.

Люба кивнула.

— Или остаться при больнице. Если тебе дали такой выбор, это значит, что то, что ты в жизни оставила не многим лучше мертвяцкой участи.

Вера вздохнула.

— Я знаю.

— Не знаешь еще вот чего: ты девять месяцев провалялась в коме, твои мышцы одряхтели, не говоря уже о развившемся неврологическом дефиците. Для того, чтобы встать на ноги тебе понадобится не год, а может и даже не два. Ты уверена, что нажив себе в жизни врагов, сможешь снова встать с кровати до того, как они тебя уничтожат?

Люба хмыкнула.

— Я понимаю, после такого головокружительного романа я тоже бы рвалась к своему принцу. Когда очнешься, скорее всего у тебя будет полная амнезия на эти девять месяцев, что ты тут прожила, как и у... Григория на его сто тридцать пять лет. У тебя в голове будет крутиться только одно имя: Гриша. Подумай, точно ли ты на это готова и если скажешь "да", я открою для тебя дверь меду мирами. Мне это ничего не стоит. Как бы то ни было, я у вас с Курцером в долгу.

Вера улыбнулась. Ей показалось, что она впервые видит настоящую природу Любы — доброго и отзывчивого человека, стремящегося помогать другим. И тут в голове у Веры сложились все нестыковки из прощального письма Григория.

— Он знал... — пробормотала анестезиолог, обращаясь скорее к себе, нежели к Любе.

Но та кивнула.

— Да. Он узнал, когда седьмого числа застал за чем-то провокационным Берегового. Выяснил, что его недавно попросили прикрыть смерть одной коматозницы. Вер, твое тело валяется в нейрореанимации. Поначалу ты была так плоха, что никто не думал, что ты выживешь, но потом состояние стабилизировалось, и твои враги вспомнили про тебя. Григорий, конечно же, за тебя вступился. Ему пришлось сохранять в секрете то, что он узнал, но он, видимо, собирался сделать то, что превысило бы полномочия и стражника, и хранителя. Полагаю, он хотел полностью тебя обезопасить. Анника не позволила ему рисковать собственной судьбой и сократила его срок, хотя они действительно на балу на год договорились.

Вера стояла, едва дыша, ей казалось, что ее тело пронзило электрическим током. Потом хранительница сорвалась с места. Ей нужно было знать, что на диске.

— Люба, ты мне pomoжешь? — на ходу сказала Вера.

— Ну теперь-то поздно отступать, — усмехнулась кардиолог, взглянув на часы. — Отмажешь меня от крашенной сучки? А то без десяти одиннадцать, а мне кажется, быстро мы не разберемся.

Вера обернулась через плечо:

— Начни называть людей их настоящими именами, и они к тебе потянутся.

Кардиолог фыркнула.

Дома Вера дрожащими руками подсоединила жесткий диск к компьютеру и указала Любе на всплывающее окно, требовавшее пароль.

— Там, видимо, вся информация о том, что он успел сделать для меня.

Люба нагнулась над клавиатурой и набрала комбинацию букв. Пароль оказался правильным.

— Как? — одними губами произнесла Вера.

Люба распрямилась и с довольным видом сложила руки на груди, победоносно взглянув на коллегу.

— Это было слово "анестезия". Я могла бы соврать, что лучше тебя его душу прочувствовала, но это не так. Невозможно знать все даже о самых близких людях. Я просто видела пароль, когда он показывал мне воспоминания. Ну все, я пошла. Не буду злить крашенную... Ирину.

Когда за Любой захлопнулась дверь, Вера принялась просматривать файлы. Так она просидела до света, постепенно складывая перед собой картину своих последних дней и историю пребывания в коме.

Однажды Вера, которую когда звали Алиной, раскусила, зачем ее мужу был нужен тот бизнес, который он на нее записал. Все вставало в один ряд: и эти женщины, которые на нем постоянно висли и отъезд из Москвы. Когда они познакомились, то жили в столице, но затем супругу предложили должность во Владимире. Она, конечно, была крупней, но и дураку было ясно, что прозябание в глубинке никогда не встало бы в один ряд с карьерными перспективами столицы. Но муж собрался и поехал, ничего толком не объяснив. Супруге пришлось отправиться за ним. Она поселилась в шикарном особняке. Тогда-то вокруг нее и стал виться этот скользкий друг, который потом Вере прохода не давал. Муж быстро состряпал для нее сеть массажных салонов, но заскучавшая девушка не особенно лезла в эти дела. До одного момента, пока ей не стало ясно, что там торгуют наркотиками.

В последнее время Вера, растеряла остатки самообладания от постоянных угроз друга мужа. Он во всем держал ее под контролем, теперь уже угрожая рассказать об их связи. Что будет дальше, Вера не сомневалась. Ее убьют, а труп закопают там, где его никогда не найдут. Этот тип мог в таком свете Веру выставить, чтобы самому выглядеть невинно соблазненной овечкой, а ее растлительницей. Так что жена чиновника не имела права выйти из дома, не отзвонившись своему мучителю. Это все приносило ему какое-то изощренное удовлетворение.

Не зная чем занять себя, Вера ежедневно перебирала с водкой и мечтала умереть от алкоголизма, напиваясь, она просматривала соцсети потому, что была совершенно одинока. И вот там-то она наткнулась на расследование одного общественного деятеля. Все сходилось. Ее массажные салоны погубили в городе уже не одну душу. И тут Вера неожиданно обрела смысл в своей пропавшей, казалось бы, жизни. Предприняв все возможные предосторожности, она вышла на автора расследования и предложила помощь. Пока они обдумывали способ нейтрализовать могущественного чиновника, Вера снова почувствовала себя живой. Ей уже казалось, что выход близко. Она делает доброе дело, поможет людям, освободится сама. Но не тут-то было. Парня накрыли, обвинили в какой-то чепухе, потому что заметили под кого он стал копать. Вера снова осталась одна держать в руках оборванные нити.

Тогда она решила сама опубликовать порочащие мужа документы. Его поступок возмутил ее до глубины души. Никто тогда не догадался, что следы ведут к Вере. Мужа вызвали в Москву на ковер. Но дело довольно быстро и безболезненно решилось для него взяткой. Вера не смогла свергнуть тирана. Она чувствовала себя жалкой и раздавленной и тут ей неожиданно повезло. На одной вечеринке она услышала про дочь очень влиятельного человека, которая погибла во владимирском клубе от некачественной наркоты. Вера знала, откуда эта дрянь взялась. У нее даже были доказательства. Вытащив то, что надо из телефона, она подошла к тому самому человеку. Нужно было в этот момент видеть глаза мужа. Он все понял, и Вера поняла: это конец. Но ей больше было не страшно. Она такого за эти два года брака пережила, что умереть ей было уже не страшно. Лишь бы только быстрее.

Он затащил ее в туалет в клубе и прямо своим ремнем удушил. А потом вынес через черный ход бездыханное тело и скинул в мусорный бак. Когда он пришел в себя и вызвал надежных людей, Веру уже оттуда забрали. Кто-то вызвал скорую, обнаружив в мусоре едва дышавшую девушку. Муж не успел справиться о здоровье супруги, ему той же ночью пришлось расплатиться за свои дела. Зато в больницу заехал его друг и, увидев, что Вера на грани смерти, решил ничего не делать, чтобы не поднимать лишнего шума. Просто скрылся. Но через четыре месяца, снова объявившись в Москве на довольно заметном посту, осведомился о состоянии своей тайны. Тогда вешался Григорий.

Психиатр пустил наемных убийц по ложному следу. А Вере поменял документы. Теперь ее звали Алисой Васильевной Курцер. Только отчество-то у нее и осталось от прошлого имени. Григорий позаботился о том, чтобы Вере было удобно возвратиться в оставленную жизнь. Он купил на ее имя квартиру и перевел деньги на счет, этого должно было хватить на несколько лет реабилитации. Но на этом психиатр не остановился. Он продолжил дело Веры и накопил на влиятельного чиновника необходимый компромат, который, отправленный куда нужно, должен был бы неминуемо его погубить. Вот этого-то последнего шага и не дала ему предпринять Анника.

И Вера это понимала. Хранитель не имеет права убивать, а страж не может приносить зло без веской причины. Ее давний враг старался завязать с темным прошлым. То, что возвращение Веры могло привести к ее убийству было еще недостаточным поводом для того, чтобы задействовать бессмертных. Анника не позволила Григорию разрушить собственную судьбу, ради которой он так долго старался, и Вера была за это ей благодарна. Отомстить своему врагу она должна была сама.

Следующим утром хранительница явилась к Михаилу Петровичу с Любой, и объявила свое решение. Патологоанатом опустил на стул, губы его дрогнули. Затем профессор поднялся, распахнул руки и ласково обнял Веру.

— Вы очень смелая девушка, — произнес он. — Благодаря своему характеру, вы многое у нас изменили. Спасибо, Вера, за то, что пришли к нам в нелегкие времена. Не буду лгать, мне жалко отпускать вас. Но та грусть, которую испытываешь, когда уходят хранители, светлая. Я не осмелился бы вас отговаривать. Когда?

— Завтра, — сказала Вера, чувствуя, как по ее щеке катится слеза.

Вечером того же дня они сидели на крыше с Виктором и пили пиво, молча глядя на догорающий закат и Вере казалось, что он был в ее жизни последним. В этой правильной жизни. Там, за чертой, никогда не бывает так хорошо.

— Я буду скучать, — наконец сказал Виктор.

Вера коснулась его бутылки своей. Не нужны были слова. Она это чувствовала.

— Ты вернула мне семью, — продолжил хирург. — Я никогда тебя не забуду.

— Ты вернул мне веру в призвание, — призналась хранительница. — Там... я стану хирургом в память о том, что здесь пережила.

Виктор единым движением притянул к себе анестезиолога.

— Моя девочка.

Он сделал глоток.

— Ты хоть изредка заходи.

Вера кивнула, хотя была не уверена, что сумеет хотя бы вспомнить больницу.

— Я, правда, так хочу верить в то, что вы с ним встретитесь там и все будет как в сказке: узнаете друг друга с первого взгляда, поженитесь, заведете детей и умрете дряхлыми стариками, держась за руки. Проживи эту жизнь лучше, чем я.

Вера пообещала. Виктор пристально посмотрел на нее.

— Скажи, ты не жалеешь, что оставляешь все это: возможность жить правильно, быть практически ангелом ради брэнного бытия?

Вера покачала головой. Она, быть может, иначе бы решила, не будь у нее Григория. Она хотела жить для него.

Объятия Виктора сделались крепче.

— Как бы я хотел сказать, что буду рядом и позабочусь о вас. Но мы, хранители, привязаны к больнице, принадлежим всем, а не кому-то в частности.

— Ты и так уже мне очень много дал, — прошептала Вера. — Ты стал моим первым другом за много лет. Если скажешь, где ваша могила, я обязательно принесу туда цветы.

Виктор долго смотрел перед собой, а потом произнес:

— Когда очнешься, Алина, я обязательно тебе напишу.

Наутро Вера зашла в реанимацию. Ей нужно было попрощаться с докторами, в конце концов, именно эти люди учили ее весь год, работали бок о бок, обедали, сплетничали, чаевничали и даже засыпали.

"Когда я очнусь, именно такой я и хочу быть" — сказала себе Вера, открывая двери отделения: "Я хочу стать настоящим врачом".

Вера использовала последнюю собственную увольнительную, чтобы сходить в магазин и пришла в ординаторскую с пакетами, полными продуктов.

— Что это за пир горой? — просил Михалыч, застывший в дверях.

Выглядел он бледнее обычного. В последнее время реаниматолог сторонился Веры. Но вот сегодня, он будто бы обрел прежний кураж. Вера обернулась.

— Это прощальная вечеринка. Я ухожу.

Заведующий выглядел обескураженным.

— Я думал, ты останешься у нас.

Вера покачала головой.

— У вас было замечательно, но пора и честь знать. Я закончила ординатуру.

Михалыч кивнул. До него только дошло. Вера без слов кинулась заведующему на шею и выдохнула в ухо.

— Я вас не забуду! Постараюсь не забыть... И помните, когда у вас выдастся сложное дежурство, вы не одни. У больницы есть хранители, они борются за каждого из нас.

Вера отпрянула и взглянула на часы.

— Мой поезд в Тобольск уже скоро.

— Едешь поднимать сельскую медицину? — крякнул Михалыч, садясь за стол.

— Кто-то же должен это сделать, — улыбнулась Вера.

— Ну, не пожалей только.

Застолье было коротким, потому что Вера предупредила, что спешит. Ей не хотелось долго прощаться. Михалыч проводил ее до дверей. Вера долго смотрела на его руку. Как-то странно он ее держал.

— Вы... к врачу сходите, — посоветовала хранительница, перед тем как закрыл дверь. — Как бы это не были первые признаки инсульта.

Реаниматолог только усмехнулся.

— Я горбатую еще долго не пущу на порог.

Дверь захлопнулась с железным лязгом, и Вера собралась с духом. Это было очень страшно, возвращаться в свое тело.

У дверей корпуса ее встретили другие хранители. Пришел даже Иваныч. Шли молча. Они так и завалились в нейрореанимацию всей толпой, как консилиум. Вера с неприятным чувством смотрела на свое похудевшее, бледное тело. Сейчас казалось, что в ней совсем не осталось той красоты, которая кружила головы мужчинам. Из горла торчала трахеостомическая трубка. За Веру дышал аппарат. Повсюду катетеры и датчики. Монитор пишет ЭКГ. Она тысячу раз видела это на других пациентах, но смотреть на себя было жутко.

— Если бы ты не вернулась в течение этой недели, — произнесла Люба. — То умерла бы от вентилятор-ассоциированной пневмонии. Она уже начинается. Живому телу нужно двигаться и самостоятельно дышать.

Вера кивнула.

— Но мы этого не допустим, — произнес Михаил Петрович. — Как только Люба сделает свое дело, я тебя подлечу. Я постараюсь оживить нервы и мышцы насколько это возможно, чтобы ты как можно быстрее встала на ноги.

— Спасибо.

Хирург крепко обнял Веру.

— Я просто за тобой пригляжу, пока ты будешь здесь, — пообещал он. — Так что если кто-то принесет к твоей постели цветы, знай, это был я.

Надя нежно тронула Верину руку, новый психиатр просто грустно улыбнулся ей, проговорив:

— Мы все будем рядом.

Вера села на свою кушетку, чувствуя, что готова заплакать и взглянув на людей, которые за эти девять месяцев сделали ей самыми близкими, сказала:

— Я готова. Мы чего-то ждем?

— Да, — вышел вперед Иваныч. — Твою смену.

Вера сложила руки на коленях и потупилась. Холодно. Сердце частит. Как перед операцией. Наконец хлопнула дверь отделения, послышались чьи-то тяжелые шаги. Мужские. В палату влетел Игорь Михайлович, заведующий хирургической реанимацией, в которой все девять месяцев проработала Вера. Он безумно оглядывался по сторонам.

— Похоже... — произнес реаниматолог. — Похоже, меня кондратий хватил. Все в глазах потемнело.

Вера закрыла лицо руками.

— Ну и дурак же вы! — вырвалось у нее. — Не суйте нос в недоступные людям тайны, я ведь вам говорила!

Михалыч сосредоточился на ее лице, словно одновременно узнавая и не узнавая свою ученицу. Вдруг он сел на пустую кушетку и упавшим голосом произнес:

— Значит, не откачали.

Вера подошла к нему и аккуратно взяла за руки.

— Послушайте, Игорь, — произнесла она. — Вы хотели знать, кто я такая. Теперь вы вместо меня станете хранителем. Это самая лучшая участь для врача, которую можно только желать после смерти. Оставляя свое место на вас, я уверена, что вы справитесь.

Прикосновение Любы было подобно электрическому разряду. Веру выгнуло дугой, и дневной свет исчез.

Глава 19. Дорога домой

Алиса не сразу пришла в себя. Сначала это были робкие проблески сознания. Попытки услышать голоса, собрать их в голове, ощутить смысл. Это давалось трудно. Потом она старалась шевелить пальцами, открывать веки и только когда ей удалось перевернуться, свалив с себя одеяло, врачи, наконец, поверили в то, что она вышла из комы. Где-то неделю Алису снимали с аппарата ИВЛ. Но какое же это все-таки было радостное чувство, когда она поняла, что может дышать сама!

Алиса пыталась разговаривать, но язык за время ее полусмерти стал совсем неповоротливым. У нее получались ужасные шипящие звуки, а вовсе не слова. Через две недели после первых робких движений, она полностью пришла в себя, но была словно новорожденный ребенок. Ни говорить, ни держать в руках ложку, ни, тем более, стоять Алиса не умела. Тело все позабыло. Оно стало слабым и дряхлым, пролежав девять месяцев в постели. Кости сделались хрупкими, мышцы совсем отвыкли от нагрузки.

Алису веселили только исследования. Пару раз ее возили на МРТ, чтобы посмотреть, что творилось с головным мозгом. Результаты удивили и крайне порадовали врачей. Сильно пострадавшая от гипоксии кора полностью восстановилась. Алиса была медицинским чудом, человеком, способным к невероятной регенерации. Этим она была обязана визиту не одного невролога. Про нее даже писали статьи. Врачи стучали по ее ногам и рукам молоточками, светили в зрачки и, наконец, это стало Алису раздражать. Лучше бы они уже дали ей одеться!

Сила гнева позволила Алисе, наконец, сесть, неуверенно держась за поручни реанимационной кушетки. И тогда всем стало ясно, что пациентка бесповоротно пошла на поправку. Через месяц после ее пробуждения Алисе закрыли трахеостому, на шее у нее остался уродливый шрам, но это все равно было лучше, чем торчавшая из горла трубка, которую нужно было зажимать пальцем, чтобы говорить. Правда возвращенка пока еще не могла достаточно скоординировать руки, язык и гортань, чтобы повернуть такой фокус.

После этого знаменательного события Алиса перевелась из отделения хирургии уже не в реанимацию, а в неврологию. Там ей назначили курс реабилитации. Она по-прежнему числилась Алисой Васильевной Курцер, но никто так и не сумел отыскать ее родственников или каких-либо сведений о девушке. Психиатр из отделения сразу же стал проявлять повышенный интерес к пациентке и тратил массу времени, усаживая ее на тренажеры, разрабатывая речь и моторику, словно бы она была ему сестра. У Алисы было все как у обычных граждан: паспорт, полис, даже ИНН и пенсионное свидетельство, но никакой истории. Она будто бы взялась из воздуха в том мусорном баке, из которого ее забрала скорая. Алиса плохо разговаривала, поэтому вытянуть из нее что-либо было невозможно.

Поначалу ее жизнь в отделении напоминала ад. На то, чтобы просто одеться у нее уходила масса сил. Но, мало-помалу, стараниями доктора однофамильца она встала на ноги и, о чудо, начала произносить слова. А еще на тумбочке рядом с ее кроватью раз в неделю появлялись свежие цветы. Никто не видел, кто их туда приносил, но старушки-инсультницы завидовали. Алиса же хорошела на глазах. Наконец, стало заметно, что она красивая молодая девушка.

К ноябрю она уже вполне возвратила себе уверенность движений и смогла выходить из корпуса на короткие прогулки. Все еще молчаливая Алиса часто крутилась рядом со старыми флигелями и хирургическим корпусом, словно пыталась там что-то отыскать. Тамошний реаниматолог все время приводил ее обратно и ругался на сестер, чтобы те следили за пациенткой. Мол, она в окна реанимации заглядывает.

Алису мучили предчувствия, похожие на видения. В больнице ей все казалось одновременно и чужим и знакомым. Она словно бы балансировала на грани бреда, что-то тянуло ее в старые корпуса. Какое-то похороненное в посмертии воспоминание. И вот двадцать пятого декабря она, наконец, поняла, что достаточно хорошо разговаривает, чтобы добиться от своего врача правды о прошлом. Она заставила вернуть ее вещи.

До этого момента социальный статус Алисы оставался неоднозначным, и если бы за нее с таким жаром не бился местный психиатр, Иннокентий Курцер, одна бы, вероятно, со

своими расстройствами речи и памяти уехала бы в психоневрологический интернат. Но доктор за осень поставил ее на ноги и в декабре уже все признавали, что Алиса дееспособна и вменяема. Она была как никогда близка к выписке.

Тогда она впервые взяла в руки свой телефон и разблокировала после того как батарейка зарядилась полностью. Но в памяти ничего не было. История звонков была чистой. Алиса нашла единственную фотографию, которую ей прислали с неизвестного номера по WhatsApp в тот самый день, в который как говорили врачи, она стала приходить в себя, двадцать четвертого июня. На снимке была она и двое мужчин. Судя по всему, они сидели в кинотеатре. В руках у Алисы была гигантская корзина попкорна с рекламой Звездных Войн. Справа от нее сидел по виду армянин, слева — молодой человек в старомодных очках. По виду все они были счастливы. Алиса долго смотрела на фотографию, силясь вспомнить. Это лицо... оно казалось ей таким нужным и знакомым. Наконец в сознании пронеслось имя. Гриша. Алиса прижала руку ко рту и разрыдалась.

Боль поднялась откуда-то из глубин ее существа. Это было настоящее глубокое чувство, угнездившееся в ядре ее личности, его невозможно было убить амнезией. Григорий это ее возлюбленный.

После этого Алиса начала потихоньку вспоминать, что до своих злоключений была студенткой медицинского института, что обещала себе стать хирургом. Потом она настояла на выписке и покинула стационар двадцать девятого декабря, прямо перед новым, две тысячи семнадцатым годом. Алиса до этого побаивалась окружающей жизни, но, обнаружив фотографию, вдруг загорелась идеей шагнуть в нее. Там было что-то очень важное. Что-то, что оправдывало весь тот ад реабилитации, через который она прошла.

Стоя у метро, Алиса раздумывала, куда ей теперь ехать. У нее в сумке были документы и пластиковая карта, на которой, как уже знала девушка, лежало четыре миллиона. На квартиру в Москве не хватит, но где-нибудь в Подмосковье... На дне Алиса неожиданно обнаружила ключи. Как от входной двери в какой-нибудь московской многоэтажке. Алиса просмотрела свой паспорт. Там был штамп о прописке, и наудачу поехала по адресу.

Это было в Черемушках. Ключи Алисы подошли к нужной двери. Там оказалась просторная трехкомнатная квартира с хорошим ремонтом. Только Алиса в ней никогда раньше не жила. Здесь не было ни одной ее вещи. Все было новое. Шкафы пустые. На столе в кухне стоял ни разу не запущенный ноутбук. Алиса скинула купленную перед выпиской куртку — зимних вещей у нее в стационаре не было, и огляделась по сторонам. У нее было ощущение, что кто-то зачем-то решил сделать ей подарок и довольно давно.

На кухне была открыта форточка. В нее нанесло пыли, так что на подоконнике остался темный след. В этом жилье никто долго не бывал.

На столе лежал запечатанный конверт. Сверху была короткая просьба отправить документы по адресу. Алиса пожала плечами и следующим утром вызвала курьерскую доставку. Потом она зашла в банк и ЖЭК, чтобы выяснить детали своего положения. Квартира действительно была записана на нее, а в банке на фамилию Курцер был еще один счет с баснословной суммой. Алиса попыталась выбросить из головы последнее и отправилась восвояси. Вечером она приготовила пирог и пила чай с малиной — у девушки было ощущение, что уже много месяцев она не испытывала настоящего аппетита и вот, наконец, могла в свое удовольствие наестся.

В новостях, крутившихся по ноутбуку, в это время показывали, как какого-то известного чиновника нашли мертвым в своей резиденции. Алиса пожала плечами. Это ее не касалось.

Новый Год Алиса встретила одна, поскольку все еще страдала от амнезии. Сходиться с людьми ей было трудно. Ей было немного грустно. Уплетая торт и слушая обращение Президента, она пообещала себе, что в новом году пойдет в ординатуру и доучится на врача. В свете ее финансового положения Алиса в деньгах не нуждалась. Но медицина... это было важно и связано с той жизнью, которой она не помнила. Это надо было сделать во что бы то ни стало.

Остаток зимы и весну Алиса штудировала медицинские книги и зависала на форумах

людей с ограниченными возможностями. Она в отличие от многих из них, была почти в полном порядке, но все еще чувствовала, будто возвратилась не до конца. Девять месяцев отсутствия не шутки. Ближе к лету Алиса стала выбираться на пробежки и познакомилась с компанией молодых людей, бегавшей в соседнем парке. Только после этого она, наконец, поняла, что ожила. Она была готова к чему-то важному.

Настал июль и пора поступления. Алиса подала документы в ординатуру, ей пришлось участвовать в конкурсе по новым правилам, и поэтому она набрала баллов меньше, чем рассчитывала. В итоге она не прошла на общую хирургию, и когда сердце уже рухнуло в пятки, она вдруг с огромным удивлением обнаружила себя зачисленной на детскую. Что ж, может, это была судьба?

Подошел сентябрь и молодого врача распределили в детскую больницу. Алиса собралась с духом и шагнула под своды старого выкрашенного в розовый цвет здания. Ей было двадцать семь, она закончила медицинский четыре года назад и с тех пор не практиковала, девять месяцев она пролежала в коме и пальцы ее до сих пор слушались не так хорошо как хотелось бы. Открывая двери отделения абдоминальной хирургии, Алиса выдохнула. Пора было бросить вызов жизни! Когда-то давно она убежала от своей мечты и вот сегодня она, набравшись смелости, пришла обратно.

Алиса выглядела еще очень молодо, а неловкость движений списали на ее неопытность. Первый день прошел хорошо. Так же пролетела и неделя. Алиса впервые со времени своего возвращения чувствовала, что по-настоящему жила. Она была именно там, где хотела и делала то, что ей нравилось. Там, позади, осталось что-то страшное, что едва не свело Алису с ума, то из-за чего она оказалась, словно сломанная кукла в мусорном баке. Но теперь все было правильно. Алиса наконец-то чувствовала себя сильной, настоящим человеком, стоя у операционного стола.

Однако одно-единственное чувство все еще не давало ей покоя: кто-то ей помог. Фото этих людей осталось у нее в телефоне. Вечерами Алиса подолгу смотрела на него, пытаясь вспомнить, но ничего не отдавалось внутри кроме одного имени. Григорий.

Это была очень странная история. Звездные войны, постер которых был запечатлен на стакане с попкорном, вышли в то самое время, когда Алиса лежала в нейрореанимации. Она не могла быть на этом фильме. Когда девушка доходила до этого противоречия, то откладывала аппарат в сторону и старалась привести в порядок мысли.

В субботу Алиса вышла на дежурство. Все шло своим чередом, пока в оперблоке она не столкнулась с одним доктором. Что-то в нем было удивительно знакомым. Алиса долго смотрела в спину другому хирургу, пока ее не окликнул куратор. И тут поняла: глаза. Ей нужно было увидеть его глаза.

— Кого это ты там высматриваешь? — спросил ее куратор, заглядывая в коридор из которого только что пришла Алиса.

— А кто оперировал в соседней операционной? — уклонилась от ответа она.

— Гинекологи, — пожал плечом ее хирург, натягивая перчатки. — У них какая-то экстренка. Этот их новый докторенок, фамилию не помню, но он единственный мужик в отделении. Любимчик коллектива.

Это прозвучало с завистью.

— Слышала его историю?

Алиса покачала головой. Она много уже сплетен услышала, но про доктора из гинекологии ей докладывали в первый раз.

— Он вроде головой больше года назад хорошо ударился. Был у нас до этого дежурным педиатром, ну а как в кому попал и, соответственно, из нее вышел, преобразился. Бросил невесту, съехал от родителей и пошел в двадцать восемь лет в интернатуру по гинекологии. Говорят, парень талантливым оказался, его сразу же сюда в отделение взяли. Но я думаю, им там в своем женском коллективе было скучно вот они и заняли ставку симпатичным мальчиком.

— Это был он? — спросила Алиса, посмотрев в сторону дверей.

— Что, тоже понравился? — усмехнулся куратор.

Алиса не знала. Но этот доктор ее чем-то привлек.

— Ладно. Говорят, он и правда, умница. Учится сейчас параллельно в аспирантуре по акушерству и, по словам, делает успехи.

Во второй раз она столкнулась с гинекологом уже в понедельник в столовой. Он действительно сидел в окружении девушек и, кажется, развлекал собравшееся вокруг него общество, получая от этого удовольствие. На качественный хирургический костюм мятного цвета был накинут белый халат. С такого расстояния Алиса не могла разглядеть его бейдж, чтобы взглянуть на имя. Кого-то он ей смутно напоминал. Те же черные как смоль непослушные волосы, очки, такая же ширина плеч. Эти черты казались чем-то очень важным, дорогим... интимным.

Глаза. Алисе нужно было увидеть глаза. Она медленно двигалась в очереди за едой, продолжая время от времени бросать взгляды на гинеколога. И вдруг они встретились. Алиса уже точно когда-то видела этот взгляд! Тут ее толкнули в спину.

— Девушка, ну не спите! — Алиса сделала шаг, потеряв зрительный контакт.

— Гриша, ложку не вырони! — засмеялись за тем столом, где сидел гинеколог.

"Его зовут Григорием", — думала Алиса, все время пока заказывала и оплачивала еду. Когда она пошла занимать свободный столик, гинеколога уже не было. Его, к огорчению Алисы, не оказалось ни в холле за столовой, ни на лестнице, ведущей вниз. Значит, не зацепила, хотя девушке показалось, что наоборот.

— Эй, Алис! — посреди дня распорядился куратор. — Своди-ка Яблочкину к гинекологам на консультацию. Я уже договорился с этим их...

Хирург пытался вспомнить фамилию и, наконец, выдохнул:

— Мужиком.

— Григорием, — подсказала Алиса.

— Ага. У него фамилия какая-то на К. К-к-комаровский?

— Это педиатр такой известный, — усмехнулась Алиса.

— А? — посмотрел на нее куратор. — Да какая разница? Разберешься. Seriously, это единственный в отделении мужик.

Алиса вышла, едва ли не смеясь. Дмитрию Викторовичу, наверное, тоже до ужаса хотелось такого же безраздельного внимания женского общества. А потом она задумалась о Григории. Интересно, он, и правда, популярен?

Идти до гинекологии было недалеко. Алиса оставила пациентку за дверью и зашла с историей в ординаторскую. Григорий поднялся со своего места, и они еще какое-то время безмолвно смотрели друг другу в глаза, пока кто-то из других гинекологов не кашлянул. Доктор вышел из транса и прошагал за дверь.

Григорий без слов повел пациентку в смотровую, Алиса молча шла за ним, глядя на то как развеивался от быстрой ходьбы его белый халат и в прорезях для рук мелькала мятная хирургичка. Даже запах его одеколona был знакомым, мучительно-необходимым.

Григорий посадил на кресло Яблочкину и приступил к осмотру. Алиса встала за ширмой. Она не питала к гинекологии страсти.

— Так... вы здесь недавно? — голос у доктора был приятный и тоже какой-то родной.

Алиса мельком взглянула на бейдж. Комарецкий. Ну что ж, куратор ошибся лишь капельку. Григорий Комарецкий, — в уме еще раз сложила Алиса. Ничего не отдавалось в памяти, и все же образ этого врача был таким удивительно знакомым. К нему тянуло как к старому другу или нет, куда больше... Алису напугали собственные мысли, и она заговорила, стараясь отогнать их.

— Я ординатор первого года. Детская хирургия. Только пришла.

Он улыбнулся краешком губы.

— А я думаю, отчего я вас раньше не замечал?

Алиса улыбнулась. Значит, он тоже обратил на нее внимание в столовой. А потом они разговорились. Слово за слово, не хотелось обрывать диалог. Алиса чувствовала, словно встретилась с родственной душой, от которой была оторвана целую вечность. И, кажется, он был увлечен не меньше. Яблочкина заскучала, потому что осмотр двигался в час по чайной ложке, и начала дрыгать ногами. Наконец девица выдала:

— Ладно, я беременна. Как же вы утомили меня, доктора! Это просто пытка какая-то разговорами.

— Чего? — синхронно повернулись к ней Алиса и Григорий.

В стационаре началась бегодня, так как шестнадцатилетняя девица, конечно же, никому не сказала о своем положении и согласилась на тот план лечения, который предложили ей врачи. Теперь протокол мог навредить плоду. Алиса и Григорий писали отписки каждый за свое отделение. Потом они еще несколько раз за день столкнулись в коридоре и решились обменяться телефонами. Около семи вечера Алисе пришло сообщение:

"Собираюсь домой, подождать тебя?"

"Скоро буду", — набрала девушка и, бросив недопитый кофе, побежала на улицу.

По дороге они все так же не могли наговориться. И только в Черемушках поняли, что им, оказывается, нужно было почти в одно и то же место. Григорий вез какие-то документы по аспирантуре в расположенный на Севастопольском проспекте акушерский стационар. Алиса послушно дождалась его в приемном покое, и потом они пошли дальше, к ней домой.

Заходя в квартиру, они уже целовались. И Алисе не казалось, что все развивается слишком поспешно, у нее было чувство, будто она знала спутника уже давно. Утром они проснулись в одной постели и вместе поехали на работу.

А еще через неделю Григорий перевез свое небольшое имущество в квартиру Алисы. Она все равно была слишком большой для одного человека. С его переездом к девушке вернулся уют, которого ей с момента пробуждения к жизни так не хватало. Утром, прихлебывая сваренный Алисой кофе, Григорий рассказывал ей свою историю.

Как очнулся после комы с почти полной амнезией и вспомнил только одно имя. Алиса. И больше ничего. А потом его постепенно начали возвращать к жизни родные и друзья, только у него было чувство, словно его пытались запереть в чужую шкуру, заставить жить не своей жизнью. Подсовывали невесту, которая ему изменила. Месяца два Григорий терпел, а потом собрал вещи и снял комнату у старушки, порвав со всем и всеми, кого знал. Даже сменил имя. По старому паспорту его звали Николаем.

Его прошлая жизнь была таким клубком противоречий и проблем, что только убежав из нее, Григорий почувствовал себя настоящим и счастливым. Пошел учиться на гинеколога, потому что ощущал к этому тягу. И вот, за год он почти отладил до идеального состояния свой быт. Только имя "Алиса" его не оставляло. Оно следовало за ним как потерянная мечта, воспоминание о чем-то удивительном. И вот когда он впервые увидел нового ординатора, то не поверил своим глазам. Это была та девушка, которая ему часто снилась. Поэтому сначала и оторопел. Но потом, когда первый шок прошел и Григорий убедился, что она реальна, то побоялся упустить шанс. Взял телефон, написал первое, что пришло в голову и... закрутилось.

Когда прошло несколько месяцев с начала их романа, Алиса решила наконец-то написать в Тобольск матери. И даже прислала ей совместное фото. Ответ пришел не сразу. Мать, оказывается, уже успела похоронить дочь и с присущей ей подозрительностью еще долго проверяла, не фальшивка ли электронное письмо. Но как только убедилась в обратном, прислала теплый ответ.

В апреле Алиса пригласила родительницу на их скромную с Григорием свадьбу. Там

были только близкие друзья, которыми они оба успели обзавестись после комы и пара родственников. Заканчивая второй год ординатуры, Алиса ходила беременной их первым ребенком, дочерью. Григорий по-прежнему работал над получением звания кандидата медицинских наук и, наконец, перешел работать на ставку в акушерский стационар, куда он стремился с самого начала. У него действительно были золотые руки и добрая душа. Это видели все, и Алиса понимала, что вскоре у ее мужа от пациенток не будет отбоя. Она могла бы сказать ему про банковский счет, который достался ей от благодетеля по фамилии Курцер, но не считала нужным. Алиса уже связалась с матерью и знала, что фамилия не ее. На самом деле ее до замужества звали Рябининой.

Был теплый апрельский вечер. Алиса и Григорий возвращались из кино, крепко сцепив руки. Все вокруг было пропитано гармонией. В животе шевельнулась малышка. Алиса остановилась и задумалась о том, что так не всегда было. Девять странных месяцев выпали из ее жизни. В это время что-то произошло, что подарило ей настоящее счастье и любовь. Если бы она хотела задуматься, то, наверное, вспомнила бы, что это было. Но она боялась ворошить прошлое.

Тем вечером Алиса стерла из памяти телефона фотографию с двумя странными парнями — армянином и брюнетом в очках и еще долго не могла заснуть. Отчего-то ей было очень грустно.

После смерти некоторые из врачей становятся хранителями — добрыми духами, охраняющими клинику и помогающими ее пациентам исправить свои судьбы ради того, чтобы заработать собственное чудо. Так хранители ищут возможность искупить ошибки, которые привели к их собственным трагическим смертям. В сентябре на смену прошлой главной хранительнице больницы приходит новый врач-ординатор, Вера. Она, в отличие от других, не помнит прошлого, ей предстоит разобраться со своими загадками и решить, что станет для нее главным в жизни и последовавшим за ней посмертии.

Места, где страдают и умирают люди, полны темной энергией. Поэтому высшие силы приводят туда хранителей — души, которые способны направлять эту энергию на добрые дела, таким образом, исправляя судьбы еще живых.

Все хранители умерли трагической смертью. Это не позволило им спокойно уйти в новую жизнь. Теперь бывшие врачи обитают в стенах больницы, где трудятся наравне с живыми и одновременно используют дар, чтобы в мире все шло своим чередом. На смену старому хранителю сразу же является новый, он получает и дар, и имя по наследству.

Из одной из старейших московских больниц уходит главная хранительница, Вера. Замена приходит только два месяца спустя. Это не врач, всего лишь стажер, ординатор. Между тем, давно ходят слухи о закрытии больницы.

Дольше всех после прошлой Веры там работает Иннокентий, врач-психиатр. Многие считают его безнадежным — Иннокентия сгубила любимая жена, посадив на морфий, доведя до сумасшествия и самоубийства. Он перестал верить людям и застрял в больнице на сто лет. Зато он талантливый хранитель — один из известнейших в Москве и единственный, кто умеет читать в душах.

Он уникален еще потому, что может уничтожать нечисть как страж. Стражи тоже бывшие люди, они нужны чтобы защищать хранителей и живых от темных проявлений потустороннего мира. Поговаривают, что когда Иннокентий сам появился в больнице, то был нечистью, которую привела в чувства прошлая Вера. Стоит ему снять очки, показывающие истину, он снова превращается в чудовище.

Новую Веру Иннокентий счел выродком, но вскоре понял, что впервые за много лет ошибся в другом человеке.

Вера ничего не помнит о прошлом, поначалу ей трудно принять свою миссию. Она боится, делает ошибки, больше всего она опасается Иннокентия, потому что при первой встрече психиатр ей угрожал, а коллеги чуть позже в общих чертах рассказали его историю.

Со временем она открывает для себя тайны соседа потому, что хочет знать как от него

защититься и узнает подробности его драмы. Поначалу она испытывает к Иннокентию сочувствие, потом интерес, увидев то, каким чутким и добрым человеком он был, и то, как безжалостно с ним поступили. Постепенно Вера начинает понимать, как пришла в больницу сама, она, в отличие от Иннокентия совершила много ошибок. Вера становится смелее, делает выводы и одновременно проникается к Иннокентию.

Сосед пытается ее избегать. Вера обладает довольно прямым характером, благодаря которому решает проблемы других бессмертных обитателей больницы, завоевывает их дружбу. Она заставляет Иннокентия показать свое настоящее лицо. Вера внешне похожа на его жену, поэтому и он сразу почувствовал к ней притяжение, хоть он и видел, что Вера другой человек, боялся принять то, что прошлое в прошлом, найти в себе силы снова жить и любить. Несмотря на свой страх он тоже влюбляется. Для Веры эти отношения оказываются спасительными, в жизни она увлекалась богатыми и властными мужчинами, в конце ее удушил ревнивый муж. Психиатр совершенно другой и у Веры есть шанс сделать все правильно: сойтись с мужчиной не ради положения и денег, а по любви.

Бессмертные так устроены, что как только они решают свои проблемы, то вынуждены уйти в новую жизнь. Вера делает нелегкий выбор, и благодаря своему дару забирает у Иннокентия остатки его боли, которая делала его чудовищем, так впервые за сто лет он может назвать себя нормальным человеком. Он против воли уходит, оставив Вере конверт с недописанным письмом.

Позже коллега объясняет Вере, что та числится ординатором, потому что лежит в коме. Иннокентий мог остаться, но сделал то, на что не имел права как хранитель. Он пытался защитить ее от старых врагов, выбрав ее счастье вместо своего. Но высшие силы этого не допустили. Ему, самоубийце, позволили дожить оставленную жизнь.

Вера может либо навсегда остаться в больнице, либо вернуться обратно и попробовать найти его, несмотря на то что они оба уже ничего не будут помнить о жизни в больнице. Она возвращается и находит.